Голоса

Книга первая

Издательские решения
По лицензии Ridero
2019

УДК 82-3
ББК 84-4
Г61

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Г61 **Голоса** : Книга первая. — [б. м.] : Издательские решения, 2019. — 316 с.
ISBN 978-5-0050-0095-8 (т. 1)
ISBN 978-5-0050-0096-5

Мы стали богаче материально, но, увы, намного беднее духовно. Это всё равно что забыть, как быть ребёнком… Где-то на донышке моего сердца теплится надежда, что всё ещё будет хорошо… Несмотря ни на что я рада, что у меня есть то, что никогда и никому у меня не отнять — мои воспоминания о золотом веке русских Пау-Вау и более того, я имею друзей — близких и не очень, но они все — часть моей истории, и я бесконечно благодарна Великой Тайне за этот щедрый дар… (Из письма Татьяны Карповой Рибанны)

УДК 82-3
ББК 84-4

16+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-0050-0095-8
ISBN 978-5-0050-0096-5

Вы знаете это характерное движение, когда человек даёт вам в руки дорогую для него фотографию и следит за вами с ожиданием...
(Владимир Набоков)

За много лет эта история обросла массой вымышленных подробностей. Я так привык к этим преувеличениям, что они стали частью моих воспоминаний. А потом кто-то обокрал меня, сказав, что я всё это выдумал. Есть такие люди...
(Федерико Феллини)

Всегда создаёшь себе преувеличенное представление о том, чего не знаешь...
(Альбер Камю)

Я не узнаю того человека, каким был сорок лет назад... Мне с огромным трудом удаётся вызвать в памяти этот образ. Фотографии здесь помогают мало. На них изображён лишь маскарад — пустивший корни маскарад...
(Ингмар Бергман)

Вот я уже не чувствую, как скользит, задевая меня, время...
(Жан-Поль Сартр)

От составителя

Андрей Нефёдов (Ветер)

Я давно хотел прочитать книгу о людях, которых в нашей стране называют словом «индеанисты». Мне не нравится это слово, но другого не нашлось. И за эту книгу должен был взяться не я, а кто-нибудь ещё, потому что я никогда не причислял себя к индеанистам. До определённого времени я вообще ничего не знал о них. Мне нравилось изучать историю колонизации американского континента, интересовали некоторые индейские племена и отдельные личности. Чем глубже я проникал в их историю и культуру, тем крепче становились мои «пристрастия». Одно огорчало: у меня не было единомышленников, а мне очень хотелось обмениваться впечатлениями и делиться знаниями. Знания нуждаются в том, чтобы их разделяли с кем-то. В школе на меня смотрели как на чудака, ведь у всех имелись общие увлечения, а я был один-одинёшенек. Впрочем, некоторые мои одноклассники пытались порадовать меня и пару раз своровали для меня библиотечные книги про индейцев. Так на моей книжной полке появилась сначала «Последняя граница» Ховарда Фаста, затем «Песнь о Гайавате» Лонгфеллоу. Обе с дарственными надписями от моих закадычных тринадцатилетних друзей и с отрезанными уголками страниц, на которых прежде красовались библиотечные печати.

Когда же я стал собирать материал для этой книги, то оказалось, что в детстве делал то же, что и многие другие, кого позже стали называть индеанистами.

Мы оказались чертовски похожи: жадно накапливали газетные и журнальные статьи об индейцах, вырезали картинки из журналов и книг. Всё это вклеивалось в альбомы и тетради. Девочки вклеивали в свои альбомы цветочки и бантики, а мы — всё, что имело отношение к «краснокожим».

Однажды я вырезал из энциклопедии страницу с фотографиями к статье «Индейцы». То была не библиотечная энциклопедия, а наша собственная, она до сих пор никуда не делась, и полки шкафа прогибаются под её тяжестью. Но ведь всякий раз, чтобы полюбоваться той фотографией, надо было лезть в шкаф, листать тяжеленный том, искать, а мне хотелось взять книгу, где собрано сразу всё желаемое. И я составлял свою «энциклопедию». Для этого приходилось бессовестно портить журналы и книги, коим не повезло только потому, что там присутствовали фотографии или рисунки с индейцами, и добытые «ценности» перекочёвывали в альбом, где всё собиралось в единое целое, в единый мир, который можно неторопливо листать и всматриваться в лица и фигуры, сливаясь с ними... В одном из присланных мне для этой книге писем я обнаружил ту самую страницу из Большой Советской Энциклопедии, и это означает, что не только я покусился на тяжёлый том с буквой «И», не только на мне ле-

На съёмках фильма "Юхаха", 1998

На съёмках программы "Пророчества, которые сбываются", 1992

жит грех этого подросткового преступления…

Сколько раз пытался я выхватить из прошлого тот самый момент, когда в меня проникла бацилла любви к индейцам. Это была именно любовь, а не увлечение перьями и томагавками. Копаясь в муравейнике моих чувств, я склоняюсь к тому, что зараза проникла в мою душу после просмотра фильма «Белые волки». Помню, как в пионерском лагере мальчишки обсуждали какие-то фильмы про индейцев, а я понятия не имел, о чём речь. Кто-то восторженно повторял имя Зоркого Сокола и название фильма. Вернувшись домой, я помчался искать афишу со списком кинотеатров Москвы (стояли такие огромные стенды на улицах — алфавитный перечень всех кинотеатров с указанием всех сеансов на ближайшую неделю) и там — о чудо! — обнаружилось, что в «Ангаре», ближайшем от нас кинотеатре, показывают «Белых волков». До кинотеатра ехать минут двадцать на трамвае, затем пешком петлять по каким-то проулкам. Я был домашним ребёнком, и для меня, десятилетнего мальчугана, такая поездка превращалась чуть ли не в поход на край света. И там, на краю света, я шагнул в мир, который поглотил меня. Бойня в форте Робинсон произвела на меня неизгладимое впечатление. А Зоркий Сокол — отважный, честный, сильный, красивый и справедливый, был настоящим героем. В первую очередь потому, что был справедлив. Хотелось ему подражать… Нет, это совсем не то! Не подражать, а быть как он…

Однако жило во мне, вероятно, что-то и до Зоркого Сокола (он же Гойко Митич), потому что я обнаружил старые кинокадры с моим участием, где я скачу по двору с «индейским» топориком в руке (палка, увенчанная на одном конце картонным лезвием) и перьями голубя, воткнутыми над лбом за ленточку, обвязанную вокруг моей головы. Откуда это? Что это? Ни одного фильма про индейцев ещё не отсмотрено, ни одной книги про них не прочитано, а игры в индейцев уже начались.

В 1969 году, когда я учился во втором классе, отец подарил мне пластмассовых индейцев и ковбоев и форт. Я был влюблён в них, хранил их много лет. Сначала этими пластмассовыми индейцами играли мои одноклассники, затем ими пользовались дети моих коллег, а теперь в них играет неведомый мне ребёнок, родителям которого я подарил этих индейцев совсем недавно… Может, эти пластмассовые фигурки и были той первой каплей, «отравившей» меня, а кино подоспело следом?

Как бы то ни было, но после «Белых волков» я стал бегать на все фильмы, если кто-то из школьных друзей сообщал, что там есть индейцы. Когда денег на билеты не было, мы бродили возле магазинов и выискивали мелкие монетки (за день-два набиралось на утренний сеанс). Мы беспрестанно играли в индейцев, носились по окрестным строительным площадкам, уверенные, что это не щебень и бетонные плиты, а красивейшие горы, увиденные нами в фильме «След Сокола», — Блэк Хилс (в фильме произносилось Блек Хилс — через «е»). В руках мы держали обычные палки, но для нас это были «винчестеры». Мы кричали куда-то в пространство: «Зоркий Сокол, иди скорее сюда, там проклятые бледнолицые!» И мне кажется, что Зоркий Сокол что-то отвечал нам,

укрепляя нас в нашей борьбе за справедливость. Мы ведь следовали за ним, верили ему… Или в него?

В пятом классе я прочитал первую книгу, ошеломившую меня. Она называлась «Харка — сын вождя», написала её Лизелотта Вельскопф-Генрих. Всё в ней восхищало меня, увлекало, наполняло нетерпением и подталкивало вновь окунуться в ту атмосферу. Я упоённо прочитал «Харку» три раза подряд и даже написал школьное сочинение про эту книгу и схлопотал жирную двойку, так как написал не по предложенной учительницей теме. Мир приключений, индейцев и романтики слился в единое целое, одно стало неотделимо от другого. Принципиально иной была книга «Мой народ Сиу», не имевшая никакого отношения к приключенческой литературе; в ней для меня открылось «закулисье» народа, о котором так бойко повествовала Вельскопф-Генрих, и с того дня в меня словно вселился какой-то дух. Индейцы стали важнейшей частью моей мальчишеской жизни. Казалось бы, любая литература «про индейцев» должна была нравиться мне, но Фенимор Купер, которым многие восторгались, не оставил во мне такого яркого следа, как «Харка». Разумеется, я прочитал все книги про Кожаного Чулка (могло ли быть иначе?), но не увлёкся ни Ункасом, ни Соколиным Глазом. А вот Сат-Ок оказался мне ближе, журналы с его «Таинственными следами» долго жили у меня дома, и я свято верил, что в жилах этого польского писателя течёт настоящая индейская кровь. Лет через десять я узнал, что Сат-Ок Суплатович не имеет никакого отношения к коренным американцам. Меня это удивило, но не огорчило. Сат-Ок — замечательный, как бы сейчас сказали, проект с прекрасным маркетинговым ходом, а правду он написал или выдумал всё от первого слова до последнего, не имело для меня ни малейшего значения.

Сат-Ок и Гойко Митич, Фенимор Купер и Пьер Брис — это столпы советского индеанизма. Несколько лет я кормился с руки литературы и кино именно такого сорта, почти ничего не зная о подлинной истории. И вот в седьмом классе я получил в подарок книгу на английском языке — «Маленький Большой Человек»; было трудновато, но я справился. После этого романа мой взгляд на индейцев изменился в корне, однако Сат-Ок и Гойко Митич остались во мне, как память о первой сильной влюблённости, которую невозможно вычеркнуть, какой бы наивной она ни казалась позже, потому что эта влюблённость отворила самую первую важную дверь.

В пятом классе у меня очень недолго (может быть, полгода) был старший друг Андрей Сухих. Именно он принёс мне книги «Харка — сын вождя» и «Мой народ Сиу». Он называл себя Ункасом. С ним мы выискивали в кустарнике перья коршунов, с ним метали томагавк и стреляли из луков. Мы жили в Дели, столице Индии, в городке при посольстве СССР. Когда началась пакистано-индийская война, многих сотрудников посольства и торгпредства эвакуировали. В первую очередь это коснулось женщин с маленькими детьми. У Андрея Сухих только-только родилась сестричка, поэтому их семья попала в первую волну эвакуации, и мы расстались на долгие годы. Поначалу мы активно сочиняли друг другу письма с историями об индейцах и приправляли их многочисленными рисунками, затем наш энтузиазм иссяк, общение прекратилось. Встрети-

Александр Азанов и Андрей Нефёдов, 2003

лись мы только в конце 1990-х. Я пригласил его на семинар «Гайавата», он с готовностью приехал и удивился, обнаружив там множество людей, глубоко погружённых в индейскую тему. «Ты помнишь, как привил мне страсть к индейцам?» — спросил я его. «Нет», — ответил он, и на лице его появилось недоумение. «Неужели не помнишь? А наши игры в индейцев? Помнишь, как ты мне палец рассёк томагавком?» — «Не помню», — сказал он. Я не мог поверить: он ничего не помнил, всё забыл! Как это возможно? Он, можно сказать, «подсадил» меня на одно из самых странных и неискоренимых моих увлечений и тем самым обрёк на долгое одиночество, но не помнил об этом ровным счётом ничего!

Повторюсь: я считал себя одиночкой, после Андрея Сухих до тридцати лет я не встретил никого, кто хотя бы частично разделял мою тягу к индейцам. Но летом 1992 года я внезапно обнаружил, что таких людей много. И не просто «таких», а гораздо более «повёрнутых на индейцах». На экране телевизора я увидел молодых ребят, одетых в настоящие индейские костюмы: кожаные рубахи, ноговицы с длинной бахромой, головные уборы из великолепных орлиных перьев! И всё это не где-то за океаном, а в Москве! Возможно, кто-то из них жил в соседнем доме, а я понятия не имел об этом…

Программа, о которой я упомянул, называлась «Майн Рид Шоу» и показывала так называемое индейское двоеборье: состязание в стрельбе из лука и гонки на спортивных каноэ. «Индейцы» присутствовали там в качестве красочной экзотики и в конце состязаний вручали победителю томагавк… Не знаю, как бы сложилась моя дальнейшая жизнь, если бы я не посмотрел ту телепередачу. Возможно, зарывшись в мою работу, так и не встретил бы индеанистов и многое осталось бы не осуществлённым. Индеанисты послужили импульсом для меня в реализации целого ряда идей.

Мои взгляды сильно отличались от воззрений индеанистов, что нередко приводило к жарким спорам. Со временем я перестал участвовать в спорах и просто делал то, в чём испытывал потребность, не оглядываясь на других.

С раннего детства я видел в индейцах символ борьбы за свободу и справедливость. Я собственными руками сотворил для себя этот символ. И позже, несмотря на улетучившуюся романтику и лирику в индейской теме и на приобретённые глубокие знания, я не изменил этому идеалу. Свобода и справедливость — превыше всего. Государство — злейший враг человека. Эти два убеждения слились в невидимый иероглиф моих чувств, который присутствует во всех моих работах. В этом иероглифе нашлось место и моему детству, наполненному жаждой любви и неприятием злобы. Детство наполнено открытиями, и все открытия фундаментальны. Когда детство уходит, наступает время накопления информации и материальных благ. Накопления не дают человеку ничего нового, они лишь обременяют.

Этой книги ещё не было, она только в мыслях бродила, а я уже сел за предисловие, чтобы как-то подтолкнуть её к рождению. Возьмись за дело, и дело пойдёт… «Расскажи о том, что думал и как изменялись твои мысли с годами, — твердил себе я. — Быть может, к тебе присоединятся другие — те, кото-

рые начинали так же, как начинал ты. Они расскажут об удивительном мире мечты, которую каждому удалось воплотить по-своему. Или расскажут о том, как эта мечта превратилась в прах».

Письма, письма, письма… Я слышал, что на раннем этапе становления Движения письма индеанистов являли собой настоящий культурный пласт. Говорят, это была эпоха писем. Но сегодня писем не дождаться. Я потратил немало сил, чтобы вызвать людей на разговор. В первую очередь меня интересовали «старики», то есть те, кто стоял у истоков Движения. Некоторые пытались уклониться от моих вопросов, ссылаясь на то, что ничего не помнят. Может, и впрямь не помнят, забыли… Память — очень ненадёжный спутник. Однажды можно оглянуться и с удивлением обнаружить, что многое забылось, превратилось в сон, который, кажется, только что здесь присутствовал, но воспроизвести его невозможно, он не нащупывается, от него осталось только ощущение — вот-вот вспомнится, вот-вот откроется, но не вспоминается, остаётся где-то рядом, однако в недосягаемости. Память нередко подсовывает нам не факты, а наши размышления об этих фактах, перекрашивая их в новый цвет.

Юра Котенко написал мне о работе над новой книгой: «Я сейчас пишу потихоньку и лениво о моём Беге по Америке. Так вот, моя кристально-чёткая память дала жуткий сбой: сначала я детально описал картину навеки запечатлённую в моём мозгу, ясную и недвусмысленную, — как нас напутствует вождь пенсильванских Делаваров — *в головном уборе типа ирокезского гастовеха*. Я даю точное описание этого убора и даже усиливаю его, поизучав эту тему в тырнете, что б уж исчерпывающе… И как финальную точку ищу и нахожу свою картинку-зарисовку этого события, сделанную там же чуть позже, по горячим следам — и, о ужас! — на картинке он нарисован *в чёрной ковбойской шляпе*!!! Всё остальное совпадает с памятью. Решил уточнить, найдя этот эпизод в своих дневниковых записях, которые делал там ежедневно перед сном, — описание всего прошедшего дня, каждого дня. Эти события описаны в абсолютном соответствии с памятью, кроме описания головного убора вождя. Там я написал, что он был *в „солнечном“ головном уборе из перьев с двумя длинными шлейфами…* Полный провал и фиаско… Так что пиши быстрей, пока помнишь что-то…»

В эти дни я читал мемуары Натальи Варлей, некогда известной на всю страну актрисы. В самом начале книги она написала: «В старости вдруг понимаешь, что всё прошло и никогда уже не вернётся. И некому „подхватить выпавшее знамя“. И ты, как рыба, выброшенная из родной стихии на песок, хватаешь воздух ртом — воздух воспоминаний своей так быстро пролетевшей жизни. А те, кто смотрит на тебя в это время, недоумевают или даже стыдятся, стараются не замечать твоих некрасивых слёз, не позволяют утянуть себя в эти волны, которые ещё бушуют внутри тебя… И в здешнем мире тебе отводится совсем небольшое место…»

Такие простые слова. Некому будет подхватить выпавшее знамя. Да и не узнает никто об этом знамени, если не рассказать о нём. Надеюсь, что в этой книге удастся поведать о том, что грело наши сердца не один десяток лет. Но я

не автор этой книги. Она наполнена голосами и судьбами людей, не похожих друг на друга, и всё-таки очень схожих в том, как они открывали индейцев в себе и искали их вокруг себя.

Взявшись за это дело, я понимал, что оно интересно мне, но не был уверен, что оно будет интересно другим людям. Далеко не все согласились принять участие в этой книге, многие упорно не отвечали на мои вопросы, словно не замечая моих писем. Таких людей оказалось большинство. Их молчание угнетало и раздражало. Я называю такую реакцию пассивной агрессивностью. В этой пассивности люди трусливо прячут свою внутреннюю пустоту. Несколько человек высказались против появления этой книги, высказались злобно, и причину их злобности я не понимаю до сих пор. Возможно, всё дело в том, что я спросил их о прошлом, о мире, из которого они давно ушли и от которого у них не осталось ничего, кроме расшитых бисером вещей; меня же интересовала их душа, их чувства, их мысли. В их прошлом осталось то, чего они теперь лишены, то, что они, возможно, предали, но не готовы признаться в этом.

Когда основной материал был уже собран, я вдруг получил письмо, автор которого просил меня удалить из книги его воспоминания, испугавшись того, что могут сказать о нём индеанисты. Меня сильно огорчила его просьба, потому что он написал правдивую историю о себе, полную мыслей и чувств… Другой мой корреспондент решил помочь мне в сборе материалов по истории Движения индеанистов и принялся самостоятельно задавать вопросы своим товарищам по далёкой индейской юности. Они насторожились: «Зачем тебе это? Что ты вынюхиваешь?» И он перестал расспрашивать…

По этой причине в книге будут пробелы, возможно, даже серьёзные пробелы. И всё же меня греет мысль, что я положу начало, а кто-нибудь однажды продолжит. Мы должны рассказать, потому что мы — уже история. Индеанистов, появившихся в советскую пору, никогда больше не будет, и новое поколение, вышедшее из чрева интернет-цивилизации, не сможет понять того, что происходило с нами.

Мне всегда хотелось почувствовать чужую душу. Почему мы все разные, живя в одном обществе? Почему мы не похожи друг на друга даже в наших совместных играх? Почему мы не можем понять друг друга? Почему мы занимаемся похожими делами, но хотим добиться разных результатов? Мы незаметно вливаемся в новые условия, привыкаем к ним. Мы понимаем то, что происходит с новым поколением, однако новое поколение не понимает нас, ведь мы продолжаем ценить то, что им кажется ерундой. Взять хотя бы книги…

Добыть нужную книгу в Советском Союзе было делом непростым. Книги были настоящим сокровищем. Книгами дорожили. Если кто-то брал у друзей книгу почитать и «заигрывал» её (иначе говоря — не отдавал), то это считалось худшим из преступлений. Книги издавались гигантскими тиражами и тут же без остатка растворялись в огромной стране. Каждый из нас хотел, конечно, иметь у себя дома, под рукой, свою собственную полюбившуюся книгу. Один из моих корреспондентов написал мне, когда речь зашла о том, как мы в эпоху СССР собирали книги: «У меня „болезнь“ по индейским книгам протекала

следующим образом. В шестом классе специально освоил фотографию, чтобы расширять свою библиотеку. Полностью переснял Шульца „Моя жизнь среди индейцев“, распечатал в виде фотографий и сделал примитивный переплёт. Получилась книга высотой как два кирпичика хлеба, поставленные друг на друга. В том же году ходил а городскую библиотеку и от руки, как средневековый монах Библию, переписал полностью Ди Брауна „Схорони моё сердце“ из журнала „США: экономика, политика, идеология“ (журнал на руки не давали)». Алекс Кучменёв добавил красок в эту картину: «В далёком 1977 году Женя Малахов (Четан) рассказал мне, что ребята то ли из Пензы, то ли из Саратова „переиздали“ вручную книгу Сат-Ока „Земля Солёных Скал“: переписали текст печатными буквами, перевели иллюстрации и воссоздали переплёт. Фактически её реконструировали (это при цене 44 копейки и тираже 75000 экз.!!!). А не было её нигде, просто НЕ БЫЛО. Мне она досталась году в 76-м, сильно потрёпанная. Из соседнего класса парень фанател от детективов (как я от индейцев), вот и махнулись книгами — я ему „Тайну музея восковых фигур“ (мура изрядная), а он мне Сат-Ока. Расстались оба два победителями)) Кстати, он теперь областной прокурор!» Денис Воробьёв рассказал мне, что в детстве он взял книгу Сат-Ока в библиотеке и, чтобы сохранить её у себя, начитал её на магнитофон. Вот как сильно ребёнку хотелось иметь ту книгу! Способны ли сегодняшние дети, вскормленные неохватными возможностями интернета, понять это?

Я тоже начитывал книгу на магнитофон, но преследовал иную цель. Меня глубоко тронула «Последняя граница» Говарда Фаста, и я хотел оживить её. Я читал в микрофон, а на задний план подкладывал музыку и всякие шумы — топот копыт, выстрелы, свист ветра. Из некоторых книг я выписывал наиболее понравившиеся фрагменты и делал к ним иллюстрации. Текст и картинки должны были находиться на одной странице и наползать друг на друга, тогда они становились для меня не просто самостоятельными рисунками, а составной частью книги, и через это я сам как бы делался частью произведения, сливаясь с текстом с помощью моих рисунков. Магия воображения…

Пытаясь разобраться в некоторых моментах прошлого, я стал задавать моим корреспондентам вопросы о Гойко Митиче и обнаружил, что люди, пришедшие в индеанистику в пост-советское время, не способны понять, кем был Гойко Митич для тех, чьё детство выпало на 1970—80 годы и кто увлёкся индейцами тогда. Мы ценили Гойко Митича не за талант и не за похожесть на индейца. Митич одарил нас уникальными чувствами. Сегодня кино не пробуждает таких чувств. Нам повезло: нам дали возможность ощутить чистоту романтики, и мы впитали её в себя. Фильмы с участием Гойко Митича дали мне идеалы и создали мир, куда я мог сбежать и где, вероятно, мог даже спрятаться. Этот мир разрастался по мере моего взросления, обретал новые черты и постепенно стал совсем не тем, каким был в детстве. Точно так же и я стал другим. Но параллельно с моим новым «Я» существует и прежний «Я», и у меня не возникает потребности расстаться с ним. Таких людей много, и мы безошибочно узнаём родственную душу, потому что

мы видим друг в друге наше детство — его лучшую сторону. Подлинное взросление не лишает человека способности смотреть на мир глазами ребёнка.

Индеанистика советских времён — это детский идеализм. Индеанистика двадцать первого века — это взрослый прагматизм. Родившиеся на двадцать лет позже меня уже не способны понять, о каких материях я говорю. Заинтересовавшись индейцами сегодня, они никогда не увидят в них то, что видели мы. Они разглядят в них что-то своё, но никогда не станут теми, кем были мы. В нашем увлечении мы были настоящими богачами, ибо сокровища, которыми мы обладали, хранились внутри нас, это сокровища души. С расстояния прожитых лет говорить об этом можно уверенно.

История советских индеанистов — это рассказ о людях, которые чувствовали себя одинокими и долго не знали, что есть ещё кто-то, разделяющий их взгляды. Они долго искали друг друга, строили своё сообщество, примеряли на себя разные образы жизни, сходились и расходились. Одни исчезли, другие остались, некоторые стали легендой, кто-то живёт одиноко, кто-то предпочитает общину. История индеанистов полна мифов, как всякая другая история, но у меня нет желания выискивать истину, делать какие-либо умозаключения, оспаривать чью-то точку зрения. Я лишь попытался собрать воспоминания разных людей о разных событиях — значительных и малозначительных.

Кто-то захотел поделиться своими воспоминаниями и мыслями для этой книги, кто-то отказался. Индеанисты обладают всеми известными человеческими слабостями, среди которых лень занимает не последнее место. Это просто срез общества. В этой книге собраны также публикации советской прессы об индеанистах, о Пау-Вау, об алтайской общине; эти публикации сыграли важную роль в жизни некоторых людей, поменяли их судьбу.

Я не «прилизывал» присланные мне тексты — у каждого автора своё лицо, своя степень открытости, свои неповторимые чувства к прошлому и своя вера в будущее. Я позволил себе сделать лишь несколько принципиальных редакторских правок: во-первых, исправил написание индейских племён, всюду поставив заглавную букву, поскольку для меня любое индейское племя является живым организмом, со своим характером и своими традициями, поэтому название племени — это имя собственное, во-вторых, привёл к единой форме слово «Пау-Вау», ибо кто-то пишет его слитно, кто-то — раздельно, кто-то — с маленькой буквы, кто-то — с большой. Надеюсь, авторы размещённых здесь текстов простят мне эту мою давнюю прихоть.

СООБЩАЕМ ПОДРОБНОСТИ

Все началось с убийств...

Выступления индейцев в городе Фармингтоне, штат Нью-Мексико, неподалеку от того места, где сходятся границы Аризоны, Юты и Колорадо, большая американская пресса обходит гробовым молчанием.

Все началось в конце апреля. Группа школьников совершенно случайно обнаружила в скалистом предместье два изуродованных трупа индейцев навахо. Спустя неделю неподалеку был найден третий. Одежда на убитых была сожжена дотла, тела забиты камнями. Нашли и убийц. Их тоже оказалось трое. Все они — белые подростки 16 лет.

Мэр Фармингтона поспешил выразить свое соболезнование вождям навахо. Он, в частности, заявил: «Жители нашего города на протяжении многих лет находились в особо тесных дружеских отношениях с народом навахо». В своем ответе мэру индейские вожди назвали случившееся «откровенным расизмом». Вскоре злодейские убийства стали своего рода катализатором, благодаря которому недовольство жителей резервации своим бесправным и бедственным положением переросло в массовые выступления. Они требуют проведения комиссией по гражданским правам специального слушания о дискриминации и эксплуатации индейцев района и включения в состав городского совета представителя от навахо.

Откровения мэра о «тесных и дружеских отношениях» могут быть вызваны чем угодно, но действительности они не отвечают. Сам Фармингтон состоит преимущественно из белого населения. Город упирается в границу самой крупной индейской резервации в Северной Америке площадью, равной штату Виргиния. Лет 15—20 назад этот район в бассейне рек Сан-Хуан, Анимас и Ла-Плата превратился из скотоводческого центра чуть ли не в «энергетическую столицу» США: здесь были открыты большие запасы газа, нефти, угля и других полезных ископаемых. Задымили фабрики, реки перекрыли плотины электростанций, начала давать уголь самая крупная в мире шахта. Большинство этих ресурсов находится на земле индейской резервации, но индейцам от этого не легче.

В прошлом году правительственная комиссия по гражданским правам опубликовала некоторые данные о жизни индейцев в резервации. Так, доход на душу населения здесь меньше официально принятого «уровня нищеты» в два раза.

Вожди индейцев планируют проведение новых массовых демонстраций на улицах Фармингтона. «Если моих парней сильно расшевелить,— говорит один из них, Уилбур Теоси,— многие в городе потеряют сон. Пока что мы ничего, кроме петиций и манифестаций, не намечаем — все зависит от хода судебных процессов над убийцами. Но наша организация — Движение американских индейцев — готова в случае необходимости перейти к более решительным действиям».

А. МАНАКОВ.
(Наш соб. корр.).
Нью-Йорк.

Вундед-Ни

Иона Андронов

Восстание американских индейцев[1]

Мерзкое ощущение приходится испытывать, когда на твоих глазах избивают человека, а ты ничем не можешь ему помочь. В такой ситуации я очутился на развилке двух дорог в американском штате Южная Дакота. Ради точности добавлю, что это случилось, как только я свернул с шоссе №18 на узкую дорогу, носящую экзотическое название «Тропа Большой Ноги»: некогда в здешних краях жил и властвовал один из вождей индейцев по имени Большая Нога. Ну, а теперь я тут увидел, как шестеро вооружённых карабинами мужчин, перегородив двумя автомобилями «Тропу Большой Ноги», избивали молодого смуглолицего индейца, заложив ему за спину руки. Эти шестеро были одеты в одинаковую зелёную униформу. И карабины у них тоже были одинаковые — армейские скорострельные М-16. А индеец был безоружен и не сопротивлялся, не кричал, не звал на помощь, когда его швырнули грудью на багажник машины и стали тыкать лицом прямо в металл, покрытый дорожной пылью и грязью. Истязатели, увидев меня, ничуть не смутились, но трое из них двинулись мне навстречу с карабинами наперевес, и один раздражённо гаркнул:

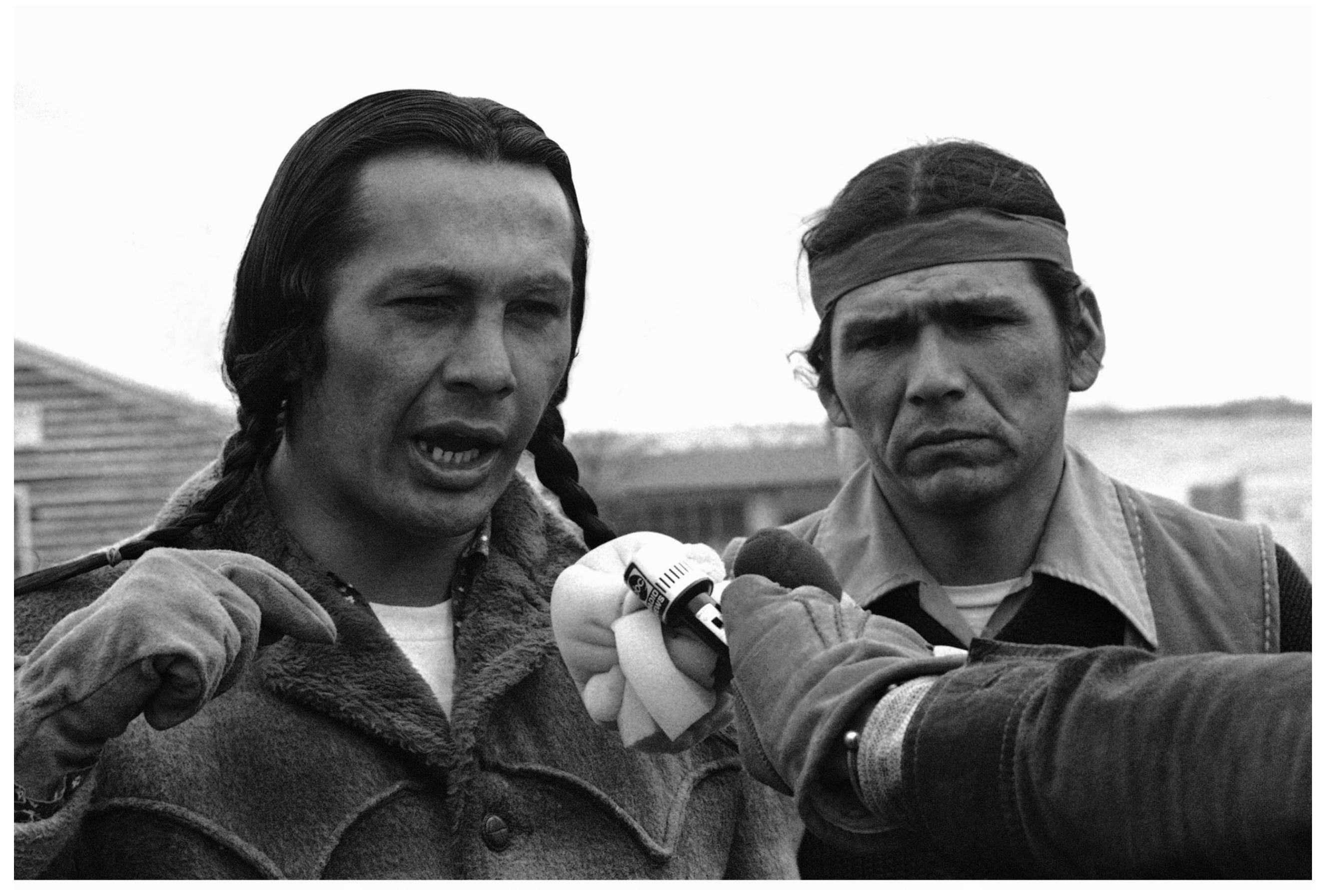
— Кто такой? Куда едешь?

Протянув ему свой паспорт и журналистское удостоверение, я сказал, что направляюсь в близлежащую индейскую деревню Вундед-Ни, уведомив загодя об этой поездке соответствующие власти. Упоминание о власти не произвело, впрочем, какого-либо впечатления: оказалось, что я остановлен агентами Федерального Бюро Расследований, то есть полицейскими детективами, да при том, как они выразились, «при исполнении служебных обязанностей». На мой вопрос, в чём виноват схваченный ими индеец, последовал краткий исчерпывающий ответ:

— Поезжай дальше!

Но дальше по той же дороге, проехав мили четыре, я наткнулся на новую засаду — ещё одна группа вооружённых людей толпилась возле трёх гусеничных бронетранспортёров с тяжёлыми пулеметами, повёрнутыми в сторону видневшейся вдали на холме белой церквушки. Над её стрельчатой колокольней высоко в небе кружил военный самолёт, а ниже церкви у подножья холма темнели кубики четырёх сельских домов: это и была деревня Вундед-Ни — цель моего путешествия. Сегодня об этой глухой деревеньке знает весь: вот уже несколько недель в Вундед-Ни отчаянно обороняется большой отряд американских индейцев, восставших с оружием в руках против многолетнего угнетения их бесправных сородичей по всем Соединённым Штатам. Что непосредственно толкнуло индейцев на восстание и зачем они собрались в Вундед-Ни — об этом я хочу

[1] Статья из журнала «Огонёк», 1973

Рассел Минс и Деннис Бэнкс, 1973

рассказать как недавний свидетель их самоотверженной, мужественной борьбы.

***

Детонатором этой вспышки явилось убийство в Южной Дакоте молодого индейца белым расистом. Суд над убийцей состоялся в феврале в расположенном поблизости от Пайн-Риджа городе Кастер, где местный судья квалифицировал преступление как «непреднамеренное убийство» и отпустил обвиняемого под залог, хотя тот, как было известно, с явным умыслом заколол свою жертву ударом финского ножа. Освобождение убийцы вызвало всеобщее негодование у индейцев, и они, собрав около полутораста соплеменников, пришли к зданию суда, громко требуя восстановления справедливости. Но тут их встретили около трёхсот полицейских, пустивших в ход слезоточивый газ и увесистые дубинки. 75 индейцев, включая мать убитого, были схвачены полицией.

27 февраля поздним вечером индейцы отважились на контрудар: нагрянули, вооружившись чем попало.

***

В Вундед-Ни я попал, миновав благополучно оба военных поста на «Тропе Большой Ноги», и встретил первых повстанцев перед самим въездом в деревню, где они перекрыли дорогу баррикадой из двух сожжённых грузовиков. Там, за баррикадой, худые, темнокожие парни с длинными иссиня-чёрными волосами, перехваченными через лоб алыми повязками, принялись с изумлением

разглядывать мой красный паспорт, передавая его из рук в руки, улыбаясь, хлопали меня по плечу и спрашивали: неужто впрямь я из Москвы, неужто повсюду уже известно об их восстании?

Меня провели с улицы в большой сарай, отведённый под штаб, и там познакомили с одним из вождей восставших — Деннисом Бэнксом, высоким плечистым индейцем, чей поясной ремень оттягивал с правого боку тяжёлый «кольт».

Деннис Бэнкс — индейский вожак новой, современной формации: он одет по-городскому, у него речь начитанного интеллигентного человека, он отлично разбирается в актуальных вопросах американской политической жизни. Бэнкс входит в руководство массовой организации «Движение американских индейцев», которая имеет свои филиалы во всех районах США.

Меня ведут за деревянную околицу, на холм, чью вершину венчает католическая церковь, которую прежде я видел только издали, с «Тропы Большой Ноги». Возле входа в церковь — серый надгробный камень на украшенной цветами могиле, поражающей своими крупными размерами. Один из моих спутников объясняет:

— Здесь похоронены триста наших зверски убитых предков — мужчины, женщины, дети, старики. Тут зарыт и вождь Большая Нога. Свыше 80 лет назад их расстреляли в этом месте солдаты американской армии. А теперь мы вернулись сюда, чтобы на этой священной для каждого индейца земле добиться подлинного равноправия с белыми или снова встать тут под пули расистов и с честью умереть...

И поэтому они теперь, собравшись в Вундед-Ни, заняли круговую оборону, вырыли траншеи рядом с могилами убитых предков и вооружились тайно раздобытыми винтовками, пистолетами и даже автоматами. За истекшее время с момента начала восстания полиция неоднократно обстреливала бунтовщиков и пыталась выкурить их из Вундед-Ни с помощью слезоточивого газа, но индейцы отражали все атаки и сами неоднократно отвечали метким сильным огнём. В лагере повстанцев я встретил молодых людей с изрядным военным опытом в период службы в американской армии. Один из них по имени Ричард Гарнер, сказал, что он бывший солдат морской пехоты, побывал во Вьетнаме и вернулся с твёрдым намерением впредь браться за оружие только во имя чистых, благородных целей. Таковы же убеждения другого ветерана войны во Вьетнаме — индейца Стенли Холдера, руководителя вооружённой охраны лагеря Вундед-Ни.

Власти могли бы, конечно, довольно быстро подавить повстанцев преобладающими силами полиции и армии. Вокруг Вундед-Ни было сосредоточено свыше трёхсот вооружённых до зубов полицейских из различных специальных ударных формирований и ФБР. Им придали 14 армейских бронетранспортёров с крупнокалиберными пулемётами и направили для воздушного наблюдения над восставшими военные самолёты и вертолёты. Все дороги в Вундед-Ни оказались блокированными полицией. В перестрелках несколько индейцев получили ранения. Но на большее власти не решились: их штурм Вундед-Ни привёл бы непременно к повторению здесь ужасной трагедии 1890 года и тем самым обесчестил бы США в глазах всего

мира. Неоднократно власти требовали от повстанцев, угрожая строгими мерами, сложить оружие и сдаться полиции, но индейцы отказались капитулировать и на своих собраниях в Вундед-Ни демонстративно сожгли доставленный им письменный ультиматум. Вожди индейцев настаивают: концу восстания должно предшествовать твёрдое обещание сената США и вашингтонской администрации всерьёз детально разобрать и удовлетворить все жалобы индейцев на их притеснение и дискриминацию. На третий день пребывания в Вундед-Ни я оказался очевидцем появления в лагере 39 новых повстанцев. Они шли сюда под покровом ночи, обходя полицейские заставы и патрули, прячась от них в кустарниках, кружа по охотничьим тропам.

Невзирая на риск и дальность расстояний, в Вундед-Ни прибыла молодёжь с Тихоокеанского и Атлантического побережий, из Нью-Йорка, Сан-Франциско и Чикаго, из Оклахомы, Монтаны и даже Канады. Причём индейцы составляли лишь половину из вновь прибывших. В числе остальных были белые парни и девушки — участники недавнего антивоенного движения и борцы за гражданские права.

Между тем в Вундед-Ни возникла новая проблема: приток отважных волонтёров обострил и без того критическое положение с продовольствием, вызванное полицейской блокадой. Запасы продуктов стремительно истощались, и вскоре наступила пора, когда пищу пришлось выдавать повстанцам только раз в день, а Деннис Бэнкс доверительно сказал мне, что продовольствия осталось лишь на сутки.

И тут случилось нечто похожее на чудо! Крохотный одномоторный самолёт марки «Сесона» неожиданно приземлился на шоссе, проходящем через Вундед-Ни, и из авиакабины выпрыгнул мужчина, объявивший о доставке восставшим мяса, муки и консервированных бобов. Добрый волшебник назвал себя — доктор Дуэйн Комлингс из штата Мичиган, выходец из Южной Дакоты и по происхождению наполовину индеец. А самолёт пилотировал белый американец — Пол Дэвис, тоже из Мичигана.

Покидая Вундед-Ни, я увёз с собой на память выданную мне Деннисом Бэнксом охранную грамоту для репортёрской работы в лагере повстанцев. На грамоте — большом листе бумаги — нарисован индейский вигвам, голова вождя в торжественном уборе из перьев, багровое солнце и рядом поставлены личные подписи руководителей провозглашённой в Вундед-Ни «Независимой страны Оглала-Сиу» — символического свободного государства американских индейцев.

Иона Андронов
(из интервью в программе «Открытая студия», 2016)[1]

Там были перестрелки. Таких каких-то широких фронтальных боёв не было. Индейцы заняли штат Южная Дакота: Рассел Минс — вождь, Деннис Бэнкс — второй вождь. Они захватили селение Вундед-Ни... Мне как репортёру было

[1] Обратите внимание, насколько отличается интонация рассказа Андронова в 2016 году от его публикации в советские годы.

просто интересно, и я считал, что об этом надо рассказать. И я туда отправился. Там пришлось менять самолёты, машины арендовать. Она была окружена военными американскими формированиями. У них есть такое формирование — называется «Маршалы». Это такая военизированная полицейская служба. И когда я приехал туда на автомобиле, который арендовал в соседнем городишке, они сказали: «Белый, куда ты лезешь! Тебя там прикончат». Ну, я им начал объяснять, что я советский журналист. И один из них сказал: «Так он же красный, пусть к красным и едет». И я поехал по дороге. Дорога около Вундед-Ни была перегорожена баррикадой. Видны были стволы винтовок, индейцы сидели у баррикады. И я ехал, одной рукой вывесив в окно белый платок, другой держал руль и медленно так проезжал. Когда я приехал, они тоже встретили меня враждебно, как белого. Обыскали машину. Нашли у меня под сиденьем бутылку водки московской. Они сказали: «Это мы конфискуем». Я думаю, что они выпили там всё это. Зима, холодно. И потом, точно, в общем-то, не разобрав, они сказали: «Ну ладно, пускай едет». Мол, журналист, я им показывал удостоверение. Я приехал в эту деревню, и меня сразу же индейцы, как белого, арестовали. Арестовали, посадили в какую-то комнату, там сидел стражник очень странный. К ним уже из Штатов стали все леваки съезжаться.

Потом пришли эти два вождя, я с ними познакомился. Они не знали, что со мной делать, вывели меня, а там стояли американские фургончики с «тарелками», журналисты разные: CBS, NBC… Индейцы не знали, что со мной делать. И вдруг один из американских журналистов-телевизионщиков сказал: «Иона, здравствуй!» Оказывается, мы с ним в Камбодже где-то встречались и во Вьетнаме. И он объяснил индейцам: «Что вы его арестовываете? Он же из Москвы, он красный». В общем, они отпустили меня. Здесь же устроили большую пресс-конференцию среди американцев и заявили: «Вот приехал представитель из Москвы, Москва уже признаёт нашу независимость». Бред сивой кобылы.

Андрей Нефёдов (Ветер)

В 1973 году мне было тринадцать лет, я жил с родителями за границей. В городке при советском посольстве не было телевизоров, поэтому новости поступали только через газеты и журналы. Газет я не читал, политическая информация меня не интересовала. Не помню, как я узнал о событиях в Вундед-Ни, но узнал с опозданием, быть может, через пару месяцев, а то и позже. Кто-то из друзей принёс мне газету, где была большая статья. Чуть позже кто-то другой принёс журнал «Костёр». В резервации Пайн Ридж всё уже закончилось, и я воспринял информацию о восстании в Вундед-Ни как и всё остальное об индейцах — то есть как историю. Года через три, уже в Москве, мне в руки попал журнал «Новое время», где была публикация о событиях 1973 года. Это восстание сделалось вдруг необычайно близким, словно вчера случившимся. Внезапно индейцы оказались в одном со мной времени и продолжали сопротивляться колонизаторам, далёкое прошлое как бы соединилось с днём сегодняшним — пример-

но такое чувство появилось во мне в те дни. Впрочем, это чувство быстро испарилось. Индейцы девятнадцатого столетия — вот что интересовало меня в первую очередь. Остальное являлось своеобразным необязательным для меня «довеском»... Весь трагизм и глубину событий 1973 года я осознал значительно позже.

Когда я принялся расспрашивать людей о том, что они, будучи детьми, испытывали в 1973 году, читая про осаду Вундед-Ни, стало очевидно, что все были под сильным впечатлением. В поисках информации о событиях в Вундед-Ни они жадно читали партийную, комсомольскую и пионерскую прессу. Большинство моих корреспондентов рассказывали о том, как неусыпно они следили за восстанием в резервации Пайн Ридж, резали газеты и журналы, собирали информацию в специальные тетради и альбомы. Многие считали, что индейцам, державшим оборону, надо оказать посильную помощь. Николай Лукаш написал мне: «Прочитал об этом в журнале „Костёр“, и срочно захотелось в окопы Вундед-Ни».

Владимир Скляров

В 1973 году очень подробно освещалось восстание в Вундед-Ни. Это была тема унижения и дискриминации коренного населения в США, противника СССР. Услышал я скорей всего в новостях по ЦТ, а т.к. меня интересовало всё связанное с индейцами, я начал скупать журналы и газеты со статьями о Вундед-Ни. Конспектировал сообщения из новостей по радио «Маяк». Но это уже больше относилось к судебному разбирательству в Сент-Поле.

В 1960-70-е мы выписывали много газет и журналов: газеты «Правда», «Известия», «Учительская газета», «Советская Россия», «Комсомольская правда», «Пионерская правда», журналы «Наука и жизнь», «Квант», «Знание-сила», «Техника молодёжи», «Пионер», «Юность», «Роман-газета». На толстые журналы было сложно подписаться. Когда началось восстание в Вундед-Ни, я начал покупать в киосках еженедельники «За рубежом», «Новое время». Журнал «Ровесник» исчезал из киосков мгновенно. Тогда мы были самой читающей страной мира, а сейчас большая часть населения вышвырнули свои книги на мусорку. Книги теперь держать дома стало не модно, это раньше они выходили миллионными тиражами и их было не достать. А мы с женой в 1987 году ездили в Москву специально за книгами... Я целый день тогда простоял в Доме книги с «книжными жучками», но всё что хотел найти приобрёл... Люди, прозванные «книжными жучками», стояли у Дома книги и продавали книги с рук, скупали ценные у тех кто, нёс книги в букинистику. На книги выдавали талоны в кассах, они знали, где и на какие книги. Так что я с ними подружился, и они помогли мне найти нужные книги. При появлении ментов прикидывались дурачками или случайными покупателями. Главным у них был парень лет тридцати, армянин. Мы ездили с ним на такси, причём платил он и вынес нам из какой-то пятиэтажки то, что мы не нашли у «жучков» в магазине.

15 минут.

Четвёртую неделю продолжается осада посёлка Вундед-Ни (штат Южная Дакота). Этот посёлок захватили представители индейского племени сиу. Полицейские и агенты ФБР, окружившие посёлок, не могут захватить его.

На пресс-конференции в Нью-Йорке три вождя этого племени сообщают о целях преследуемых индейцами представителям американской и зарубежной прессы. Один из вождей Минс заявил, что скоро осаждённым в посёлке Вундед-Ни индейцам придут более 500 человек индейцев из различных резерваций, на помощь.

Сообщение переданное по радио 25 марта 1973 года в 19 часов 10 минут.

Школьная тетрадь Владимира Склярова
с ежедневными конспектами информационных выпусков радиостанции "Маяк"
о событиях в Вундед-Ни

Валерий Булатов

1973 год, мне 10 лет. Я уже зачитывался книгами Шульца и Вельскопф-Генрих, обожал фильмы студии киностудии «ДЕФА» про индейцев. И вообще меня увлекало всё, что связано с индейцами — книги, картинки, фильмы. О современных индейцах я знал мало — что они живут в резервациях и что иногда собираются на совместные праздники, где танцуют в национальных одеждах. И вот в телевизионной передаче «Международная панорама» увидел сюжет о восстании индейцев в Вундед-Ни. Диктор рассказывал о том, что посёлок с восставшими окружён силовиками. На кадрах мелькали полицейские, военные машины. Внезапно в кадр попали несколько типи. Точно такие я видел в кино! Несколько индейцев в повязках и в современной одежде что-то рассказывали горячо журналистам.

Помню, что меня в то время поразило — некоторые индейцы были с усами. В кино я такого не видел. И в том сюжете я увидел кадр, который в последствии облетал все СМИ мира. Индеец в налобной повязке, одетый в куртку, держит в руках современную автоматическую винтовку с оптикой. Это снимок я потом встречал не раз в разных газетах.

Сюжет о восстании, помню, меня очень взволновал. Я считал, что все «индейские войны» уже давно закончены. Позже об этом в восстании была небольшая статья в «Пионерской правде» и журнале «Костёр», причём в «Костре» вместо фотографий были рисунки, потому что журналисту, побывавшему в лагере повстанцев, не разрешили фотографировать. И он сделал несколько быстрых профессиональных рисунков. Там были типи, индейцы с оружием. Все эти вырезки я бережно собирал и хранил. Потом в какой то из газет была статья о том, что лидеры восстания арестованы, им грозит тюремный срок. Помню фото человека с длинными волосами в тёмных очках. С друзьями не раз обсуждали эти события, гадая, чем это всё может кончиться.

Тимофей Уланов (Военный Головной Убор)

Как все, я собирал фотографии индейцев, вырезки, подшивки делал всякие. Про Вундед-Ни я услышал, когда жил в Иркутской области, в интернате на острове Ольхон. Неделю мы жили в интернате, на субботу и воскресенье нас отпускали домой, но это долгая дорога. Для школы выписывали газету «Правда», вот там я и увидел большую статью про восстание в Южной Дакоте. Я сражён был. На следующий день уже во многих газетах публиковались заметки про Вундед-Ни. Так я узнал имена активистов ДАИ (Движение Американских Индейцев) ... В 1978—1980 годах я служил в армии и где-то в середине этого срока посмотрел фильм «Родина, которую украли». Колоссальное впечатление! Столько чувств сразу всколыхнулось! И опять там тема Вундед-Ни.

Юрий Мартыненко (Дым)

Вундед-Ни 1973 года — это нормальное моё воспоминание, ибо связано с определённым случаем. Видимо, был я тогда в 4-м классе (закончил школу в 1979), когда нам и сообщили на каком-то уроке, про это самое восстание. Далее, прогуливаясь на переменке по первому этажу, заглянул я в «политическую витрину» под стеклом, представлявшую собой наклонный стол с крышкой, и глазам своим не поверил, увидев там среди прочих политических подборок, вырезку про Вундед-Ни, и — что немаловажно — там даже была карта места событий!!! Разумеется, всё это должно было стать моим, поэтому решение было принято сразу, и мне пришлось разрабатывать одну из первых моих «военных операций»: незаметно подкрасться, вскрыть застеклённую крышку под замком и изъять сами документы.

К сожалению, солидная гора моих альбомов с вырезками, добытыми нередко с определённым риском для жизни, была испорчена у отца в гараже, который регулярно заливался протекавшей с потолка водой.

Владимир Кошелев (Орлиное Перо)

Газеты и журналы много писали о восстании в Вундед-Ни. Мы все собирали те статьи, делали целые альбомы из фотографий и статей. Это было второе рождение. Наша игра в индейцев обрела реальную почву под ногами. Именно события 1973 года и послужили знакомству индеанистов друг с другом через переписку с редакциями, и вообще, появлению смысла и цели будущего движения.

Александр Буслаев (Овасес)

Есть у меня толстый самодельный альбом с вырезками из газет и журналов, и начинается он с событий в Пайн Ридж. Конечно же, это был взрыв эмоций — индейцы есть! Они сражаются, и мы никакие не сумасшедшие! За год до этого я ходил по Ленинграду в красном свитере с вышитым орнаментом из орлиных перьев, в надежде встретить единомышленников, но тщетно...

Альберт Осипов (Левая Рука)

В то время я активно собирал информацию об индейцах в СМИ. Поэтому о событиях в Вундед-Ни я узнал из журналов «Огонёк» и «Ровесник». Потом о них стали писать и другие: «Советская Россия», «Известия», «Труд», журнал «Новое Время». Я сильно переживал и восхищался смелостью индейцев. Перечитывал каждую заметку и обсуждал с «соплеменниками».

Алексей Кучменёв (Рысян)

В 1973 году мне только весной исполнилось 12 лет, и я ещё не так серьёзно следил за газетным материалом, больше

В кольце осады

АМЕРИКАНСКОМУ обывателю, знакомому с историей освоения Запада и истребления индейцев главным образом по кинобоевикам-вестернам, до недавнего времени название Вундед-Ни («Раненая коленка») мало что говорило.

Для американских индейцев Вундед-Ни—это синоним Сонгми. В декабре 1890 года белые каратели расстреляли у излучины реки Вундед-Ни около трехсот безоружных индейцев, в том числе стариков, женщин и детей. С тех пор индейцы из резервации Пайн-Ридж бережно ухаживают за братской могилой. На месте кровавой расправы теперь поселок Вундед-Ни.

27 февраля около двухсот молодых активистов организации «Движение индейцев за свои права» с оружием в руках захватили поселок Вундед-Ни и потребовали немедленного расследования в сенате всех нарушений правительством США договоров, заключенных им с вождями индейских племен, прекращения дискриминационной политики, проводимой федеральным бюро по делам индейцев, увеличения ассигнований на их нужды.

Комментируя требования индейцев, лидер демократического большинства в сенате Майк Мэнсфилд высказался за радикальную реорганизацию бюро по делам индейцев, которое до сих пор контролирует жизнь большинства резерваций вплоть до замены бюро независимым от правительства органом индейского самоуправления. По мнению Джорджа Макговерна, сенатора от штата Южная Дакота, где расположен поселок Вундед-Ни, требования индейцев справедливы.

По-иному реагировали власти. Усматривая в действиях индейцев «опасный прецедент», министерства юстиции и внутренних дел решили совместными усилиями ликвидировать очаг «смуты». И начался вестерн, но не на экране, а в жизни. Главные «роли» исполняли сотни агентов Федерального бюро расследований и полицейские, блокировавшие поселок.

Правительственные эмиссары потребовали от осажденных сложить оружие и... зарегистрироваться у агентов ФБР. В свою очередь они обещали, что индейцы будут арестованы не сразу, а лишь если на то будет специальное разрешение жюри присяжных. Смысл таков — индейцам предлагали признать себя шайкой зарвавшихся хулиганов и сдаться на милость правосудия. Не удивительно, что власти получили категорический отказ.

Тогда осажденным предъявили ультиматум. Им предлагалось покинуть поселок 8 марта к 21 часу по Гринвичу. Тем, кто откажется это сделать, угрожал немедленный арест. Индейцы решительно отвергли ультиматум и заявили, что готовы умереть за победу в борьбе в защиту своих прав.

Через полицейский кордон к осажденным прорвалось еще около тридцати единомышленников. Вспыхнула перестрелка. Несколько человек были ранены.

Когда стало ясно, что индейцы не уступят нажиму, властям пришлось пойти на попятный. Официальные представители Вашингтона заявили, что правительство готово рассмотреть требования индейцев. Блокада поселка была снята, а вооруженные полицейские отведены со своих позиций.

Но обещания не были выполнены, и, судя по последним сообщениям из Южной Дакоты, обстановка в Вундед-Ни еще более обострилась. После новой перестрелки с полицией лидеры индейцев объявили свой лагерь «независимым государством». Поселок вновь окружен полицией и агентами ФБР. На дорогах, ведущих в Вундед-Ни, установлены контрольные посты.

Власти решили взять поселок измором. Отключена подача воды и электроэнергии, прекращен подвоз продовольствия. На случай, если осажденные не сдадутся, приготовлены специальные «силы вторжения», оснащенные бронетранспортерами.

Бряцание оружием раздается и с Капитолийского холма. Сенатор от Южной Дакоты Джэймс Абурезк призвал правительство предпринять любые шаги и «применить любую технику», чтобы «изгнать захватчиков».

Тем временем в городе Су-Фолс, Южная Дакота, созванное для рассмотрения дела о «захвате» Вундед-Ни большое жюри выдвинуло обвинения против 31 индейского активиста.

«Движение индейцев за свои права» пользуется симпатиями самых широких кругов американской общественности. Во многих городах страны развернулась кампания солидарности с отважными индейскими борцами. Из города Биллингса, штат Монтана, вышел караван с продовольствием и медикаментами для осажденных. В караване — американцы всех рас: белые, негры, индейцы...

В. САПРОНОВ.

На снимке: индейский часовой на своем посту.

Фото из газеты «Унита» (Италия).

ИХ ЗНАМЯ—БОРЬБА

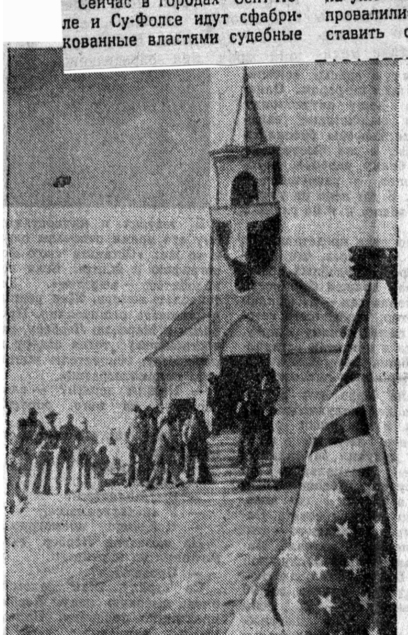
Когда 27 февраля прошлого года группа вооруженных индейцев заняла небольшую деревушку Вундед-Ни в резервации Пайн-Ридж, американская пресса реагировала мгновенно. На первых полосах крупнейших газет появились снимки участников события. В них было то, что в первую голову ценится в буржуазной прессе,— сенсация...

Сейчас в городах Сент-Поле и Су-Фолсе идут сфабрикованные властями судебные процессы над участниками выступления в Вундед-Ни. Буржуазная пресса замалчивает эти события. Может быть, потому, что такой поворот дела для Америки не сенсация?

Однако жестокое поражение пропагандистская машина уже потерпела. С треском провалились попытки представить события в Вундед-Ни выступлением горстки экстремистов во имя дешевой популярности.

Демонстрациями протеста против позорных судилищ в Сент-Поле и Су-Фолсе отметила прогрессивная общественность США годовщину событий в Вундед-Ни. Чтобы выразить свои симпатии «подсудимым», в Сент-Пол приехали 65 старейшин народа оглала-сиу, многие из которых никогда прежде не покидали резервации Пайн-Ридж. В этой группе были и немногие свидетели расстрела трехсот безоружных индейцев у излучины реки Вундед-Ни в декабре 1890 года.

В. САПРОНОВ.

Не склонившие головы

«Мы знаем, что такое страдания. Мы индейцы!» — эти слова из послания племенного совета резервации Пит-Ривер президенту Никсону жгут, как огонь. В них боль и гнев коренных жителей Америки.

Изображенная на снимке церквушка стоит на месте, где в рождество 1890 года 29 декабря произошла кровавая трагедия Вундед-Ни. Кавалерийский полк карателей окружил мирных индейцев племени сиу и безжалостно расстрелял около 300 мужчин, женщин и детей.

Месяц назад поселок Вундед-Ни заняла группа вооруженных индейцев из организации «Движение индейцев за свои права». Они требуют расследования всех случаев нарушения федеральным правительством договоров, заключенных с индейскими племенами, прекращения дискриминационной политики правительства, увеличения ассигнований на их нужды.

Власти пытаются запугать отважных борцов. Над церквушкой то и дело пролетают реактивные «Фантомы». Но защитники Вундед-Ни полны решимости продолжать борьбу до тех пор, пока их требования не будут выполнены. Власти перебрасывают в Вундед-Ни новые подразделения полиции.

Фото из журнала «Пари-матч» (Франция).

интересовался книгами и публикациями в журналах (именно тогда я начал конспектировать «Народы Америки», 1-й том — мама принесла мне из библиотеки. Законспектировал весь, а потом ещё и переснял на фотоаппарат, и распечатал). Могу сказать, что на меня телевизионные новости о событиях в Вундед-Ни произвели впечатление, но книги и фильмы оказывали на меня более сильное влияние.

Анатолий Сидоров (Дикий Кот)

В 1973 году я ходил в 3-й класс средней школы. О восстании что-то слышал, но без подробностей. Я так понимал, раз индейцы взялись за оружие, значит, их сильно достали. Само понимание сути происходившего до меня стало доходить спустя 5-8-10 лет после событий.

Валентин Бусько (Великий Рысёнок)

У меня всё началось лет с двенадцати. Это произошло в 1973 году, когда активисты Движения Американских Индейцев заняли Вундед-Ни, а у нас в стране все это показывали по телевизору. Хотя до этих событий уже были какие-то фильмы, в основном производства ГДР и других европейских компаний. Всем детям они нравились.

Евгений Курбатов (Красный Волк)

Рядом с могилами павших,
Рядом с могилой отцов
Встали индейцы 70-х годов.
Вспомни 1890-й,
Вспомни солдатский штык.
На карте капля крови — это
Вундед-Ни.
Рядом с могилами павших,
Рядом с могилой отцов
С оружием встали Сиу
Мстить за смерть павших борцов.

Юрий Котенко (Злой Глаз)

Однажды по телевизору показали, как индейцы в одной из резерваций захватили посёлок белых. Времена были непростые, информации ноль, но мы как могли следили за развитием восстания. По утрам первым делом шли к стендам с утренними газетами и лезвием аккуратно вырезали заметки с новостями из резервации. Гордились.

Мы грезили свободой, у нас был свой мир, в котором не было места муштре и обязаловке. Поэтому комсомольские дела нам были неинтересны (я даже в армии в комсомол не вступил). Но время шло, и годам к пятнадцати из всего нашего класса верными своему детскому увлечению остались человека три, не больше, после армии — я один из всей нашей компании. Впрочем, в армии я нашёл единомышленников, таких же, как я, одиночек…

Сергей Немков (Мато Нажин)[1]

Я русский, живу в стране, во многом не похожей на Америку. Но я насквозь пропах «индейским духом». Почему так, мне ещё трудно разобраться, но одно я знаю точно — другим я уже никогда не стану!

Когда мы начинали, мы просто играли в индейцев, не задумываясь над серьёзными вещами. Тогда мы не знали, что индейцы займут особое место в нашей жизни.

Читая в детстве Фенимора Купера и Майн Рида, мы узнавали об индейцах в романтическом свете, видели их экзотическими дикарями в перьях. Разукрасив себя примерно так же, бегали по кустам и оврагам с самодельными луками.

Но время шло. Мы создали своё племя, стали больше читать, увлеклись сбором материала, смотрели фильмы об индейцах. Серая Сова, Сат-Ок и многие другие книги воспитали в нас восхищение индейцами, мы узнали их с героической стороны. И вот мы выросли, многое изменилось в наших взглядах. Сами начинаем постигать сложность жизни. Служба в армии помогла узнать самих себя — на что мы способны. И тут только, когда на своей шкуре, испытав множество трудностей и лишений, усталость, холод и настоящий голод, нам раскрылся весь трагизм судьбы индейских племён. Стало близким и понятным их горе, которое мы прочувствовали теперь не только умом, но сердцем. Но будущее индейцев в их руках. Это на весь мир сказали молодые индейские парни, взявшиеся за оружие в Вундед-Ни в 1973 году.

На вопрос журналиста, что собираются делать индейцы в ответ на разграбление правительством их земель, Сидящий Бык воскликнул: «Индейцы! Кроме меня индейцев больше нет!» Старый вождь ошибался, одинокий в своём гневе. Много лет спустя нашлись настоящие индейцы, поднявшие томагавк войны за свободу своего народа. Такие люди существуют, и не только в Америке.

Мне говорят, что моё увлечение — это детство, игрушки для взрослого парня. А я спрашиваю себя: стал бы я, взяв винтовку, сидеть в холодных окопах под Вундед-Ни, отстреливаясь до последнего патрона, который оставляют для себя, чтобы не даться живым в руки полицейских? И отвечаю — стал бы! А это уже посерьёзней игрушек.

Таких, как я, много, но каждый сам по себе. А нужна такая организация, чтоб её членов связывала не пустая болтовня и переписка, а живое дело. Чтоб эта организация была многочисленной, но вступающие должны проходить испытания. В ней не должно быть слабых и случайных. Уважение друг друга, доверие и знание цены сказанного слова, выполнение обещаний — это должно быть законом для нас. А иначе чего мы стоим. Трудностей у нас много, но меня это заставляет ещё активнее браться за дело. А поле деятельности для такой организации не так уж мало, как может показаться со стороны. Деятельность индейских клубов ГДР, Чехословакии, Польши, Венгрии наглядно это показывают.

[1] Публикация в новосибирском самиздатовском журнале-альбоме «Dakota» 1977 года.

SPEED
LIMIT
60

Активисты Движения

Андрей Нефёдов

Распределяя материалы по главам, я понял, что необходимо всё-таки дать обзор ситуации 1970—1980 годов. Моё представление о том, как начиналось Движение, изменилось, когда я прочитал ранние публикации Орлиного Пера (Владимира Кошелева), дневник Красного Волка (Евгения Курбатова) и тетрадь Одинокого Ходока (имя этого человека не может вспомнить никто).

Я обнаружил, что эти тринадцати-пятнадцатилетние подростки не просто играли в индейцев, но занимались также и политикой, приправленной, конечно, в первую очередь спецификой индеанизма. Они объединялись в группы и союзы, ставили перед собой задачи, порой неосуществимые из-за идеализма, свойственного индеанистам тех лет. Поиски единомышленников выливались в горячие споры о правильности выбранного пути, отстаивание своих взглядов нередко приводило к расколу в созданных группах.

Одной из выдающихся фигур Движения индеанистов был Виктор Козлов (Кагаги Чёрный Ворон). В начале 1970-х он создал своё «племя» в Литве, но сегодня об этой группе ребят никто ничего не помнит, никаких свидетельств не сохранилось, поэтому говорить о них нет смысла. Сам Кагаги прославился тем, что уехал жить в Эвенкию, провёл там много лет, мечтал однажды перебраться через Берингов пролив в Америку и поселиться среди индейцев. Кагаги пользовался большим авторитетом среди первых индеанистов, его имя часто упоминается в дневниках и письмах.

В 1970 году в Новосибирске возникла группа Красные Стрелы, о чём написал Орлиное Перо в альбоме «Красные Стрелы»; его рассказ — единственное письменное свидетельство того, чем занимались эти ребята. Именно Орлиное Перо стал основателем общины Голубая Скала, именно он увлёк за собой тех немногих, о которых позже сложилась настоящая легенда. У Красных Стрел (понимай Орлиное Перо и Мато Нажин) была идея, и они пытались воплотить её всеми доступными способами.

В 1973 году образовалась группа Каучи, лидер которой — Красный Волк — предлагал своим единомышленникам настоящую идеологическую платформу. Каучи просуществовали более десяти лет, составили свою письменную историю. В дневнике Красного Волка, частично представленного в данной книге, есть запись от 7 апреля 1988 года о том, что он до конца оформил «Историю Каучи 1969—1981»: «Ещё в 1982 году за это дело брался Эварт Острый Томагавк, но ему удалось напечатать тексты только к 1985 году, правда, всего 4 экземпляра. Затем Большой Бобёр изъявил желание взяться за оформление самого альбома, но и тут случился затор, тексты и фотографии пролежали у Бобра полтора года. И только теперь наша история приобрела вид альбома и даже твёрдую обложку».

В 1975 году был создан СоД — Союз Джосакидов (Союз Пророков, позже ставший Союзом поддержки индейцев Америки — ПИА). Само название говорит о том, что организация создана подростками («Песнь о Гайавате» предлагает краткий словарь индейских слов, встречающихся в тексте; согласно этому словарю, «джосакиды» означает «пророки»), поэтому и задачи СоД сформулированы скорее в пафосно-агитационной

форме: «Поднять знамя протеста против расовой дискриминации», там же сказано, что СоД — боевая группа прогрессивной молодёжи. Но в тетради СоД, которую вёл Одинокий Ходок, нет ничего о конкретных делах, там только призывы, обращения «к братьям по Союзу», клятвы и стихи.

Я выделяю только эти три группы из множества народившихся в те годы «племён», потому что из всех индеанистов они имели определённые принципы, поначалу привлекавшие единомышленников. Но, как и все прочие индеанисты СССР, они шли тропой идеализма, многих отличала категоричность, бескомпромиссность. Они искали сподвижников и соратников, остальные стремились найти, как мне кажется, просто друзей, которых объединял бы общий интерес к индейцам.

Евгений Курбатов (Красный Волк)

(из дневника)

1969. Впервые смотрю фильм об индейцах «Чингачкук — Большой Змей». До этого мечтал попасть в Африку, чтобы помочь своим чёрным братьям. Фильм заставил задуматься и о судьбе индейцев. В доме №87 по улице Гагарина «родилось племя», воином которого я и стал.

1970. Игра в индейцев была в чужом дворе, моим друзьям это не нравилось. В августе я и мои друзья по двору организовали своё «племя Делаваров»: вождь — Большой Медведь, три девочки — Красная Пума, Дикая Роза, Жемчужина и воины — Дикий Буйвол, Синий Бизон, Прыткая Рысь, Джо. Повязка и колчаны сделали из старых папок для книг, бахрому брали от абажуров, перья — от чаек, делали луки. Лица разрисовывали цветными карандашами и мелками, учились метать томагавки, ходили в походы за город, воевали с «племенем» Зоркого Сокола.

1971. «Племя Делаваров» нашло место для своего лагеря на осушенном болоте. Строили шалаши из ивовых ветвей и травы, заключили мир с племенем Зоркого Сокола, стали проводить советы. В жертву приносили голубей и лягушек. Стали оформлять альбомы и писать конспекты, делать выписки об индейцах.

1973. Меня выбирают вождём. Большой Медведь уступает мне своё место. В планах создать своё собственное «маленькое государство», со своими законами, своим языком и письменностью, танцами, песнями, одеждой. Решили назвать себя «белыми индейцами» (джихо). Племя теперь называется — Каучи (на выдуманном языке «каучи» означает «огненные»). Восстание Сиу в Вундед-Ни, те зверства, что учиняют белые в Африке, США и других странах, заставило нас создать в школе, где многие из нас учились, организацию ЗПЦ (Защита Прав Цветных). В ЗПЦ входило 30 человек, считай, весь класс Большого Медведя и Каучи. Писали в редакции журналов и газет.

1974. Начинаем переписку с Громкой Совой из г. Раменское (Московская область). Через Сову познакомились с Кагаги — Чёрным Вороном из Литовской ССР. Кагаги многому научил нас… Племени Зоркого Сокола не стало, из бывших его воинов к нам перешёл Зелёный Бобёр и стал шаманом племени.

Написал в редакцию газеты «Пионерская правда» письмо по вопросу создания индейских кубов в СССР. Кагаги уехал вместе с Одиноким Ходоком в Эвенкию.

1975, 23 января. Мне 17 зим. Написал письмо в журнал «Пионер», в котором рассказал о «белых индейцах» СССР, послал фотографии Каучи и Кагаги, где он в праздничной одежде, с флагом из белых перьев индюка.

22 октября. Через редакцию журнала «Пионер» познакомился с вождём «белых Сиу» Одиноким Ходоком и Маленьким Бобром, шаманом «Тетон» (г. Киев). ели мясо собаки, но после рассказов Серой Совы стали по-другому смотреть на охоту.

16 ноября. Совет племени. Завели денежный фонд племени, членские взносы по 30 копеек в месяц. Деньги пойдут на нужды Каучи.

5 декабря. Узнал, что в Америке было племя Сауки, что в переводе с индейского означает «огненные люди». Каучи на выдуманном нами языке тоже «огненные». Вот такие дела.

1976, 4 февраля. Организован всесоюзный союз индеанистов СоД-ПИА. Я прошёл ритуал вступления в СоД, стал «джосакидом».

24 февраля. Аллигатор, один из организаторов СоД, предложил провести демонстрацию протеста перед зданием посольства США. Думаем принять в ней участие.

23 июля. Прочитал заметку о немецких «Дакотах», очень захотелось выкурить трубку мира с их вождём Большим Орлом. Есть идея создать индейский клуб при доме пионеров в Великих Луках.

29 июля. Написал в журнал «Ровесник» письмо с просьбой рассказать о деятельности индейских клубов ГДР.

1977, 28 августа. Вождь Сод-ПИА объявил конкурс на лучший альбом о Дакота.

6 сентября. Предложил Мато Нажину из Новосибирска провести обряд братства по-команчи (обменяться одеждой).

1978, 1 мая. Вместе с Одиноким Волком ездили в Великие Луки, познакомил его со своими Каучи.

21 мая. Был в гостях у Одинокого Волка, делали Волку головной убор из перьев лебедя. Одинокому Волку дали имя — Много Лиц. Ходили в этнографический музей.

18 октября. Два дня назад был в гостях у Много Лиц. От него узнал, что из-за пустой болтовни Орлиное Перо (г. Новосибирск) чуть было не осудили за антисоветизм.

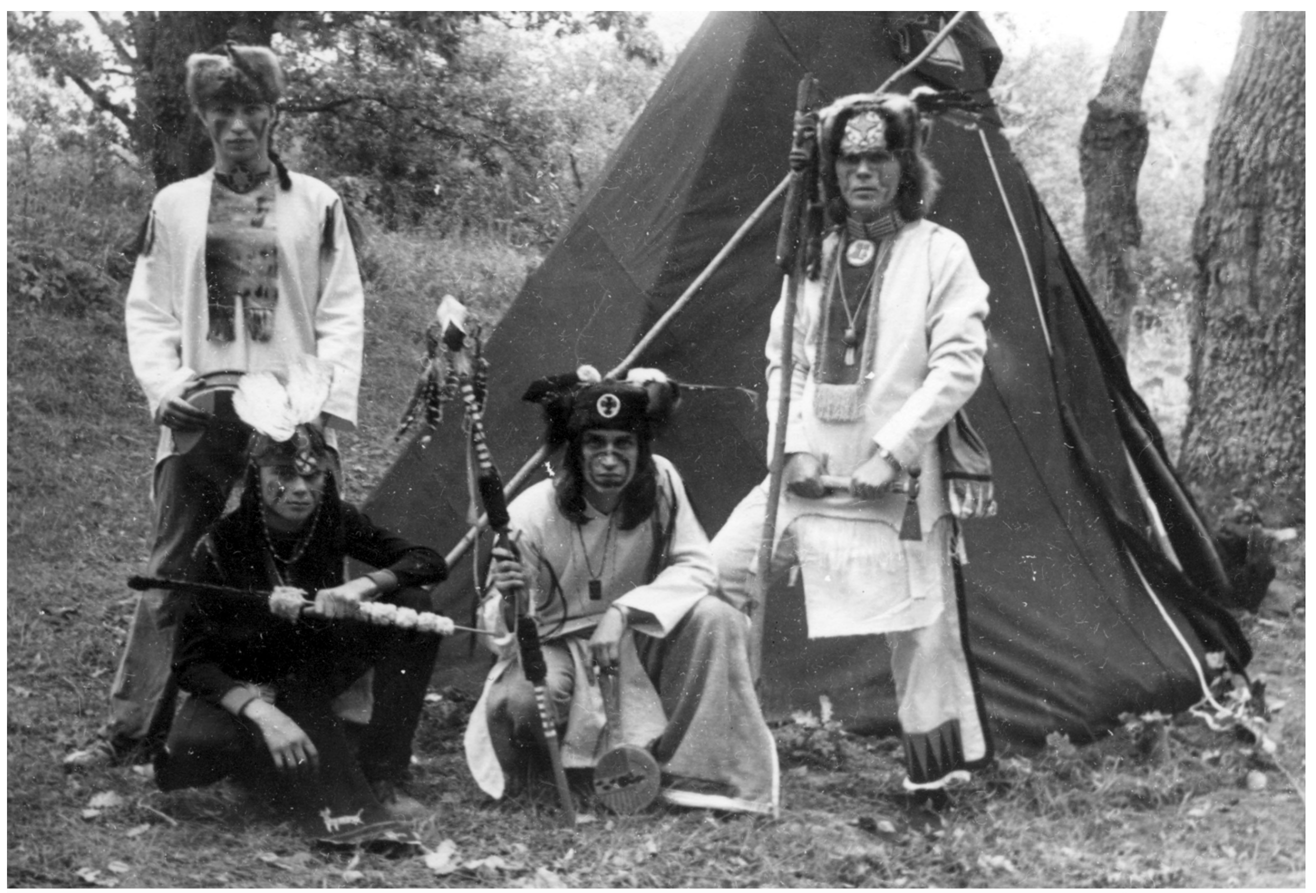
14 декабря. Новосибирцы предложили создать отдельный «индейский» посёлок. Получил письмо от Кагаги с планом создания индейских клубов в СССР.

1979. Много Лиц пишет своё мнение о работе Кагаги по организации индейских клубов в СССР. Он резко критикует его работу. Думаю, что «чегеварские замашки» Кагаги никто не примет, поэтому его план не имеет поддержки среди джи-хо СССР.

Владимир Кошелев (Орлиное Перо)

Красные Стрелы[1]

[1] Из альбома «Красные Стрелы» 1980 года.

Каучи: Тихий Бизон, Маленький Кот, Красный Волк, Большой Бобёр, 1981

С момента своего появления мы находились в постоянном поиске. В поиске своего пути, своей цели. Были находки, были и ошибки. Многие из вас найдут в нашем рассказе созвучие со своими мыслями и чувствами. Я попытаюсь в этом альбоме рассказать о нашем пути длиной в десять лет (1970—1980).

Красные Стрелы — группа людей, которые красят свои стрелы в красный свет, появилась весной 1970 года. Причиной тому послужили покорившие нас физические и душевные качества индейцев, героев книг и фильмов. Тогда нас было четверо, и самому старшему из нас было шестнадцать лет, младшему — двенадцать. Но мы все как один решили стать такими же, как индейцы, совершить множество подвигов и заработать себе настоящее индейское имя, сшить одежду, научиться стрелять из лука и метать томагавк. Это была единственная цель, но она заслонила всё, и мы уже ни о чём другом не думали и не говорили. С гордым видом ходили по улицам и с презрением, даже с чувством превосходства взирали на «бледнолицых», отрицая буквально всё, что не касалось индейцев и их образа жизни. Дошло даже до того, что мы перестали одно время употреблять хлеб. Довольно часто, чтобы доказать свою храбрость, совершали рискованные поступки, иначе какие же мы индейцы!

Летом 1971 года мы находим подходящее место для стоянки нашего племени и впервые делаем попытку испытать

Составлено Мустангом Идущим К Свету при полном согласии: Левой Руки, Красного Волка, Маленького Волка, Травы, Разжигающего Костер, Желтой Собаки. (ноябрь 1987г. г.Вел.Луки)

Основная/конечная/цель каучи:

Построение справедливого,гармоничного общества природы и человека, т.е. об-ва,где отсутствуют классовые,рассовые,национальные противоречия,где нет "царей природы" и "рабов человека".Основной принцип:"Все живое имеет равные права на жизнь по своим условиям".

Отсюда:

1. Воспитание в человеке любви ко всему живому.
2. Уважение к культурам разных народов Земли.
3. Борьба за полное уничтожение рассовой,национальной,религиозной дискриминации.
4. Охрана природы.
5. Борьба за запрещение использования и изготовления всех средств массового уничтожения всего живого.

Программа каучи:

Совместно с коммун-ой партией быть активными участниками построения коммун-го общества/как наиболее ближайшего общества от которого возможно подойти к полному выполнению нашей цели/.По мере возможности воспитывать в сознании людей правило: "Все живое-есть дети одной Матери-Земли."Возможно ли стать хозяином своей матери?..

Отсюда:

1. Сотрудничество с организ-ми и группами в работу и обязанности которых входит:борьба за мир, равноправие,борьба с национализмом, рассизмом,охрана природы,окружающей среды и ее изучение,изучение и прапоганда культур разных народов./включаются и различные религиозные группы и орган-ии/.
2. Использование элементов индейского мировозрения,отношения ко всему живому в воспитании личности.

Конкретные меры:

1. Проведение митингов солидарности,лекций о культуре и борьбе за равноправие разных народов.
2. Участие в мероприятиях по охране окруж-ей среды.
3. Проведение походов/спорт-ых мероп-ий/с целью познания правильного поведения и отношения к природе.
4. Проведение вечеров-"лозунгов" против национ-ой идеологии таких орган-ий как "ККК" и им подобным.
5. Активно участвовать в трудовой деятель-ти по месту работы, показывать личным примером "каучское"отношение к труду, природе,к культурным достижениям разных народов.

Отсюда:

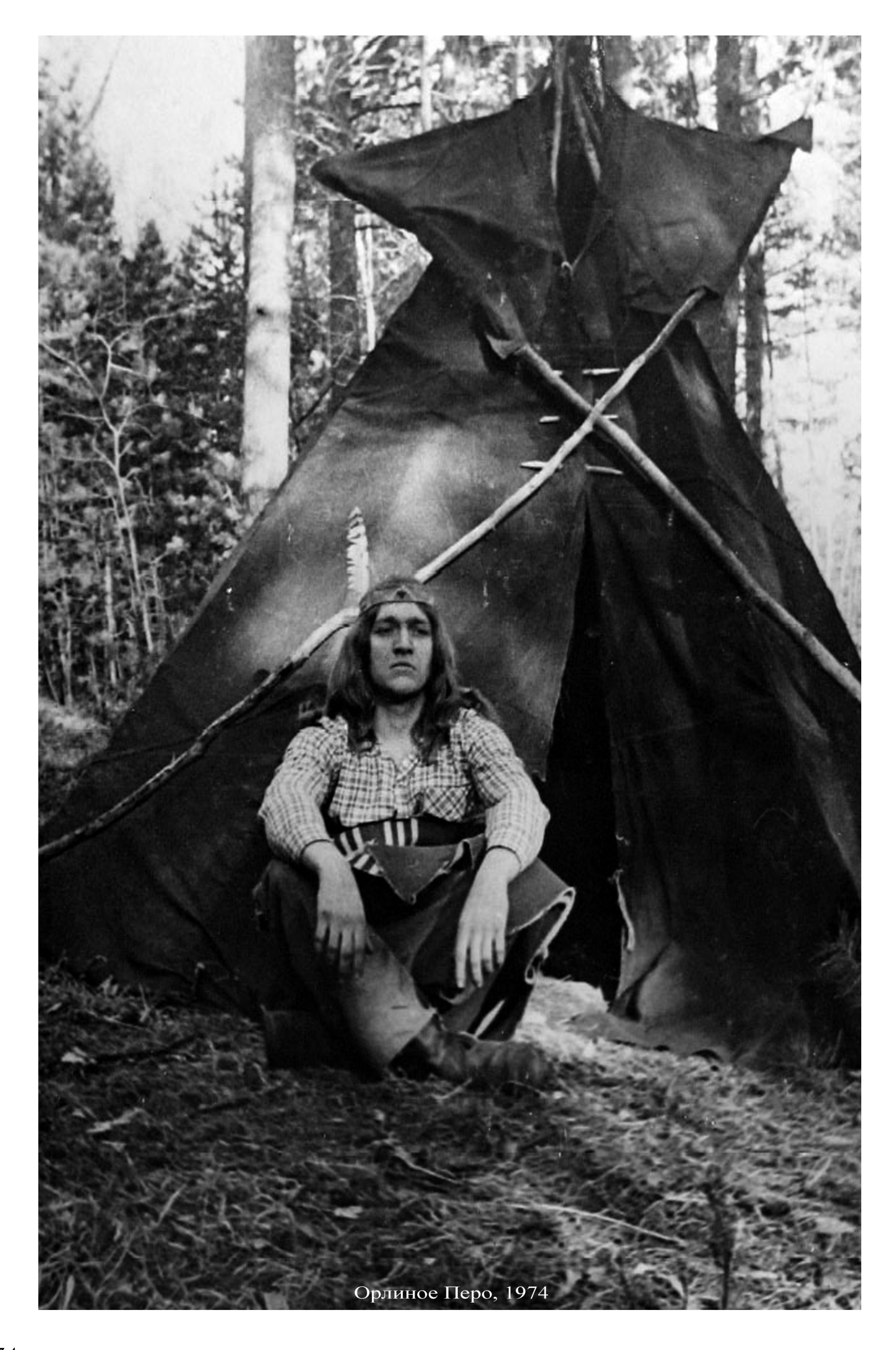
Воспитание в себе самосознание-"Я-кауч",жизненным принципом которого является: "Если не я-то кто?!!".Участие во всех делах которые в какой-то мере способствуют выполнению цели каучи.

КАУЧИ-люди,объединенные общей целью,не зависимо от цвета кожи и национальности,воспитывающие в себе "индейский"подход к окружающей их природе, использующие для личного воспитания и воздействия на других людей достижения доброго разума культур разных народов."

на себе индейский образ жизни. С тех пор природа сделала нас своими преданными сыновьями, и мы посвящаем ей всё своё свободное время. Приезжать каждый год на нашу первую индейскую стоянку стало племенной традицией. В тот период индейцы представлялись нам такими, какими их создал на экране Гойко Митич, наш кумир. Другими мы их не воспринимали, так как именно такие индейцы нам нравились. Да это и не удивительно, ведь все наши знания заключались в фильмах «ДЕФА» и детских увлекательных, настоянных на романтизме книгах, перечитанных множество раз. Каждая новая такая книга была для нас памятным событием, куском хлеба в голодный год, глотком воздуха для утопающего. Когда в 1972 году в наши руки попала книга Милослава Стингла «Индейцы без томагавков», мы испытали второе рождение. Помню, как все вместе, ещё до открытия, мы прибежали к магазину, первыми ворвались в зал и, схватив бесценный клад трясущимися руками, помчались домой, где листали и перелистывали её до самого вечера, рассматривая каждый рисунок и каждую фотографию. С них на нас глядели не киношные, а самые настоящие индейцы, великие индейские вожди, оказавшиеся к нашей великой радости ничем не хуже, а даже намного лучше киношных. Прочитав книгу, мы испытали глубокое уважение к индейскому народу и были потрясены правдой истории покорения Запада. Настоящие события оказались гораздо значительнее и драматичнее, чем их представляли в фильмах. Настоящие индейцы, с их ярким свободолюбием, сразу стали вытеснять полюбившихся ранее персонажей приключенческих романов и фильмов. Стоило нам взять в руки книгу «Индейцы без томагавков», как какое-то праздничное настроение охватывало нас, будто мы сами попадали в мир индейцев. Одни строки нас приводили в трепет, другие — в ужас и негодование, а от третьих нас подбрасывало со стула с неистовым нечленораздельным воплем, немного напоминающим индейский боевой клич.

Книга Стингла была очень своевременна и стала для нас отличным учебником, а также послужила началом второго этапа нашего развития. Возможно, опоздай она, или наоборот, появись чуть раньше, и не было бы у нас второго этапа, в котором уже наравне с романтикой индейской жизни нас интересовала история этого народа и его культура. Начались поиски материала, работа с ним.

В 1973 году, после восстания в Вундед-Ни, которое было подобно грому среди ясного неба, появилась масса статей и заметок о бедственном положении индейцев в США. Само восстание и новая волна материала ответили на вопрос, который мучил нас до этого времени. Неужели современные индейцы племени Дакота совсем ничем не похожи на Дакотов Сидящего Быка и Неистового Мустанга? Неужели современные индейцы совсем утратили те национальные черты характера, которые не дают нам жить как все люди? Нет! Они не смирились с засильем, бесправием, нищетой. Они продолжают бороться. Они вновь, как и прежде, взялись за оружие, на той самой земле, где похоронено сердце Неистового Мустанга. Оно в этот миг было с ними. С ними были и наши сердца. Восстание, на которое способны лишь индейцы, разом перечеркнуло все наши сомнения

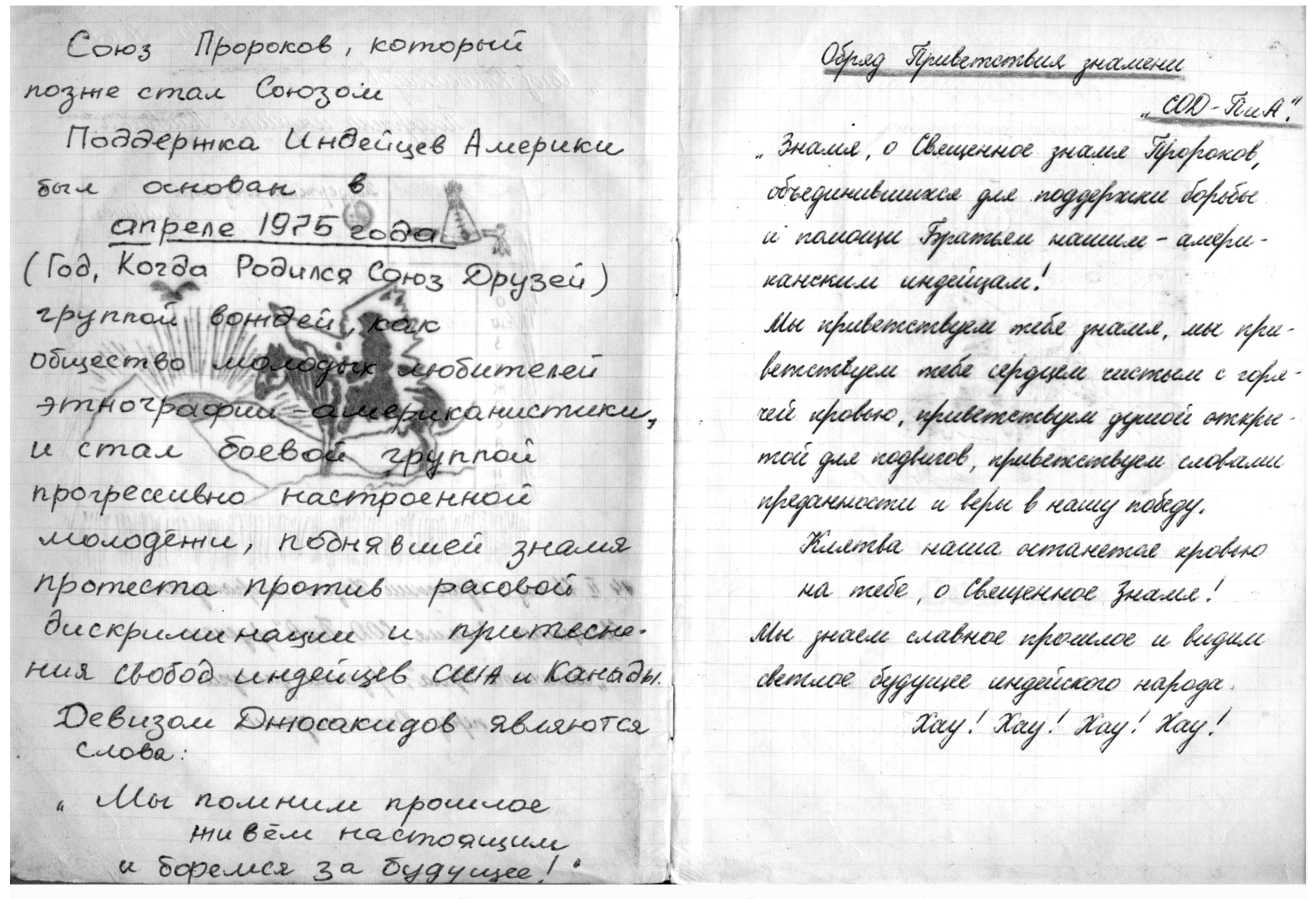

Орлиное Перо, 1974

и обеспечило широкую дорогу нашему увлечению. Теперь никто не мог нам заявить, что мы, мол, копаемся в прахе и пытаемся поднять мертвеца из забытой могилы. Индейцы сейчас прилагают все усилия для восстановления и сохранения собственной культуры. Они не вымерли и вымирать не собираются, поэтому и наша работа в этом направлении не лишена под собою почвы.

Итак, к концу 1974 и началу 1975 года мы уже представляли собой не игроков в индейцев, а кадровых, если так можно выразиться, «закалённых» индеанистов. Работу с материалом (теорию) мы не отделяли от практики лесной жизни. Одно дополняло другое. Природа всё больше и больше притягивала к себе, и мы всё чаще подумывали о таёжной жизни.

Весной 1975 года, через журнал «Костёр» узнаём адрес своего единомышленника, списываемся с ним и делаем друг другу визиты. Через него узнаём о других парнях, таких же как и мы. Нашей радости нет предела. Мы не одиноки! Переписка с новыми друзьями и переработка материала, хлынувшего теперь потоком, поглощает нас полностью. Но и эта увлекательная работа не вытеснила любви к природе. Летом этого же года мы делаем первую разведку Алтая, горы которого давно были у нас на примете. Год переписки принёс много нового и свежего, раздвинул границы нашей «подпольной» деятельности. Мы перестали быть «дикими» индейцами и понемногу, осторожно, стали выглядывать из своей норы.

В 1976 году, в год столетия победы индейцев на Литтл-Биг-Хорн, неожиданно узнаём об организациях «белых индейцев», цель которых — не много, не мало — помощь индейцам Америки! Трудно описать то многообразие чувств, обрушившихся на нас. Наконец-то мы нашли то, что так долго искали, чего нам так не хватало в нашей деятельности. В этом же году нас приняли в «Союз Джосокидов». Это событие было началом третьего этапа развития Красных Стрел. Теперь все наши мысли направлены на то, как помочь индейцам, как сделать СоД-ПИА мощной боевой и пользующейся популярностью организацией. Этот период характерен подъёмом деловой и творческой активности. Было разработано и предложено множество приёмов деятельности и вариантов структуры организации. Огромная переписка отнимала у нас почти всё свободное время. Манипуляции с материалом и писанина стали основным нашим занятием, которое, как наркомания, втягивала нас всё сильнее и сильнее в свой круговорот. Желание иметь много материала об индейцах, основным источником которого является переписка, связало нас по рукам и ногам. Мы стали похожи на тех коллекционеров, которые занимаются только тем, что увеличивают свою коллекцию. Такая перемена в деятельности насторожила нас. Материал нам нужен как воздух, но выходило так, что не он работал на нас, а мы работали на него. Однако это занятие приносило нам удовольствие, так как оно являлось частью деятельности организации, возложенной на плечи Красных Стрел, и мы гордились этим. Но всё же мы начали опасаться, как бы в этой кутерьме не растерять свой индейский дух, не сделаться бумажными душонками, рабами материала и не сгнить за письменным столом.

Союз Пророков, который
позже стал Союзом
Поддержка Индейцев Америки
был основан в
апреле 1975 года
(Год, Когда Родился Союз Друзей)
группой воинов, как
общество молодых любителей
этнографии-американистики,
и стал боевой группой
прогрессивно настроенной
молодёжи, поднявшей знамя
протеста против расовой
дискриминации и притесне-
ния свобод индейцев США и Канады.
Девизом Дносакидов являются
слова:
„Мы помним прошлое
живём настоящим
и боремся за будущее!“

Обряд Приветствия знамени
„СОД-ПиА“.
„Знамя, о Священное знамя Пророков,
объединившихся для поддержки борьбы
и помощи Братьям нашим - амери-
канским индейцам!
Мы приветствуем тебя знамя, мы при-
ветствуем тебя сердцем чистым с горя-
чей кровью, приветствуем душой откры-
той для подвигов, приветствуем словами
преданности и веры в нашу победу.
Клятва наша останется кровью
на тебе, о Священное Знамя!
Мы знаем славное прошлое и видим
светлое будущее индейского народа.
Хау! Хау! Хау! Хау!

Тетрадь СоД, которую вёл Одинокий Ходок

Летом 1977 года мы забрались в глубь Алтая и от всей души «поистязали» себя. Погода как нельзя лучше способствовала этому. Перед перевалом через хребет — невыносимый зной, за перевалом — нескончаемый дождь, но это не помешало нам чувствовать себя счастливыми. Наверное, то же испытывает дикое животное, которое вдруг выпустили на волю из тесной клетки. Целый месяц длилась эта прекрасная жизнь. Для полноты ощущений, для духовного очищения, а также в честь 101-й годовщины победы индейцев на Литтл-Биг-Хорн, поставив своё типи, высоко на скалах, мы начали священный пост. Семь дней ничего не ели, пили только воду, на восьмые сутки выпили чаю, на девятые к чаю испекли лепёшки, и лишь на десятый день мы поели нормально. После этого поста, который действительно стал для нас священным, мы приобрели себе тайных духов-покровителей и поняли много того, что не поняли бы никогда о духовном мире индейцев и их религии. Я советую всем индеанистам пройти священный пост, лишь тогда они поймут его огромное воздействие на душу человека, многое пересмотрят в своей жизни и сделают надлежащие умозаключения.

После поста мы вернулись домой, похожие на тени индейских предков, — такие же худые, в изорванной одежде, но с огромным зарядом энергии и чётко распланированной активности. Эта активность сыграла немаловажную

роль, как ни странно, не в укреплении, а в развале организации СоД-ПИА. Когда дошло до дела, то выяснилось, что организация не способна к активной деятельности, а значит, не способна выполнять свои задачи. Последовала цепь огорчений, разочарований, негодований и ссор. Всё это и послужило причиной развала.

СоД-ПИА развалился, и вместе с ним рухнули все наши алтайские планы. У нас пропал интерес к общественной деятельности, коллекционеров из нас тоже не получилось, а желание уйти в тайгу, стоявшее во время деятельности СоД на втором плане, теперь стало единственным и непреодолимым.

Размышляя над случившимся, мы пришли к выводу, что самыми эффективными организациями будут лишь те, где все члены связаны не перепиской, а непосредственным коллективным общением. Незаслуженно забытые индейские клубы ГДР — отличный тому пример. Но такие клубы у нас — это очень далёкое будущее, и нам оставалось одно — идти в тайгу, где накапливать и совершенствовать опыт лесной жизни и по мере возможности работать с материалом, который отступил на задний план. Природа теперь стала единственной нашей отдушиной, она не раз нас выручала в подобных моментах. Мы уже полностью были готовы сделать решающий шаг, чтобы окунуться в её чащу, сверкающую и всегда дающую нам силы. Но неожиданный приезд Кагаги вновь изменил все наши планы.

Встреча с Вечным Бродягой Кагаги прошла очень плодотворно, мы сразу нашли общий язык, и в совместных беседах пришли к следующему выводу: индейские клубы — единственный реальный способ помощи индейцам, и наша цель — ускорить их появление. Обо всём этом мы с Мато Нажином, конечно, думали и раньше, задолго до приезда Кагаги, но именно тогда у нас родился первый интересный и реальный план организации Клуба. Решено было вместе с семьями переехать на Алтай, например, к Телецкому озеру и устроиться на работу в заповедник. По нему проходит туристический маршрут, участники которого — люди из разных городов должны были стать нашими клиентами по части пропаганды индейской культуры и современной борьбы. Мы рассчитывали начать вчетвером, а потом увлечь других. Этот вариант удачно совмещал все наши цели и желания. Другой вариант — устроиться работать в деревню. Увлечь индейцами группу мальчишек, а может быть, и более взрослых парней. Добиться разрешения у местных властей построить индейский центр между двумя стоящими рядом туристическими базами (детской и взрослой) и вести в свободное время среди туристов широкую пропаганду. Дети — народ особенно восприимчивый, и в то же время они — будущее нашего движения. Третий, самый «розовый» вариант состоял в том, что пропаганда индейской культуры в виде театрализованных представлений, концертов и лекций, облечённых в интересную и увлекательную форму, и должна быть нашей основной работой. То есть мы должны работать в сфере туризма или обслуживания туристов. Такой индейский центр должен был бы находиться на базе туристов или выстроен в каком-нибудь прекрасном месте на маршруте, где туристы могли бы задержаться на день, отдохнуть и заод-

но познакомиться с индейцами и их проблемами. Для осуществления этого варианта необходимо убедить алтайское министерство по туризму в выгодности, привлекательности и экзотичности данного мероприятия, которое обеспечит широкую известность и популярность алтайского маршрута и увеличит наплыв туристов. Мы и сейчас считаем этот последний вариант лучшим. Индейский клуб как нельзя лучше вписывается в алтайскую природу...

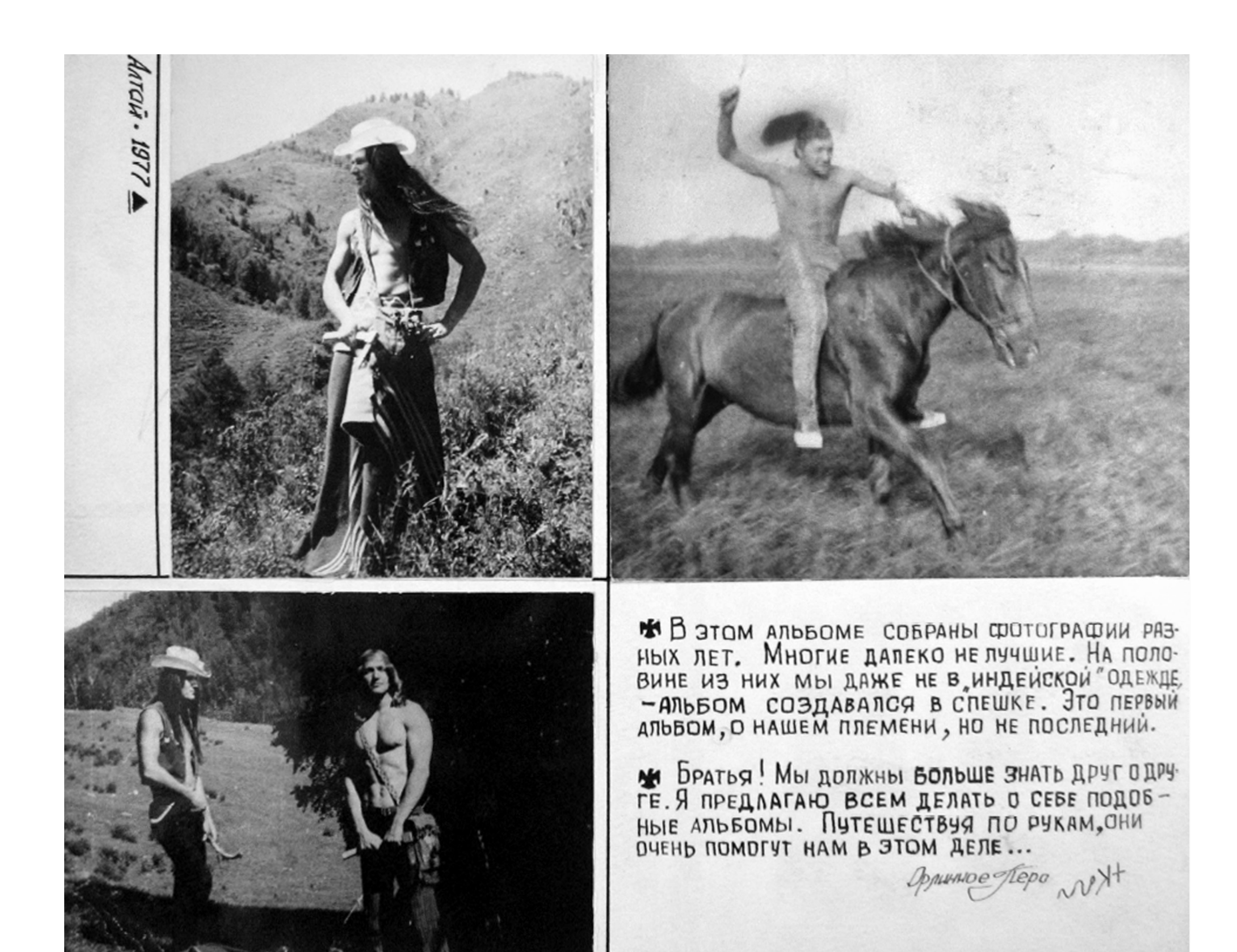
В июле 1979 года мы с Серой Совой, приехавшим к нам из харьковской области, втроём едем на Телецкое озеро, чтобы на месте прозондировать почву для жизни и будущей деятельности. Вариант с заповедником отпал сразу. В нём отсутствовали даже малейшие признаки советской власти, и работать нам пришлось бы на «кордонах», заброшенных к чёрту на рога. За полгода мы не увидели бы ни одного человека, не говоря уже о туристах, а заниматься пропагандой среди браконьеров и бандюг нам не хотелось. Но если б вы знали, как зачесались у нас руки на этот заповедник, ведь просто звереем, когда видим беззаконие. Но самое главное, что наша заветная мечта — жить и работать в тайге, среди гор, охранять нетронутую природу от хапуг и сволочей разной масти, находилась у нас в руках. Нам предложили буквально сейчас же долететь вертолётом до кордона Чедро — райской долины среди прекрасных гор, и мы могли остаться там на всю жизнь. И в первый, а может, и в последний раз ничто не мешало нам сделать это. И если бы наша мечта не расходилась теперь с целью, из-за которой мы приехали в заповедник, то ей суждено было бы сбыться. У меня защемило сердце, когда наш теплоход отчалил от берега. В этот момент мы навсегда распрощались со своим счастьем. Теперь все надежды оставались на деревню. Пусть это не заповедник, но ведь здесь та же природа. Достаточно того, что будем здесь жить. Главное — индейский клуб.

Эти мысли немного успокоили нас. Когда мы разведали обстановку в деревне, то выяснилось следующее: работа в леспромхозе, плюс работа по дому и хозяйству, минус советская власть и минус малейший интерес местного населения ко всему, что не пахнет спиртом делали обстановку равной нулю, а нашу жизнь в этих условиях — прозябанием. Оставался только третий вариант, но на его осуществление нужны годы, а если осуществлять в деревне, то и десятилетия.

Вывод: на Алтае есть все условия для продуктивного существования клуба, но отсутствуют условия, необходимые для его появления. Отсюда следует, что в начале нужно создать клуб, а затем, опираясь на него, ехать на Алтай.

Вернувшись домой, мы вплотную обратились к изучению деятельности индейских клубов. Больше всего нас интересовали подробности появления и основа их существования. Опираясь в основном на личный опыт и знания, на опыт немецкий клубов, мы развили свою теорию особенностей возникновения индейских клубов в СССР.

Первый съезд индеанистов Советского Союза — примечательное и очень своевременное явление. Он призван решить вопрос и проблемы индейских клубов, способов их организации и дать толчок этой работе.

Страница альбома 1977 года

Евгений Курбатов

Братья Джосакиды! Как птицы кружатся в небе, так в наших головах кружатся вести из-за океана. Все эти вести вдохновляют нас на борьбу за светлое будущее, за счастливую жизнь всех угнетённых.

Чикагский съезд американских индейцев многое принёс нам. Мы услышали голос американских индейцев. Один из них — голос Маленького Цветка, индеанки из племени Хопи. Маленький Цветок сказала: «Американские индейцы — забытый народ, но индейцы не намерены вечно оставаться забытыми. Они сделают всё, чтобы их голос был услышан».

И мы услышали ваш голос, красные братья!

Он просиял нам солнцем в ясный день, он прогремел громом в непогоду, он расцвёл цветами весенним днём. Голос ваш прилетел к нам из посёлка Вундед-Ни, из монастыря близ города Грэшем, из Бие-Муза, из ларегя в горах Аризоны.

Красный Волк со знаменем СоД-ПИА

Одинокий Ходок со знаменем СоД-ПИА

Мы услышали ваш голос, красные братья!

Джосакиды белых индейцев гордо поднимают свой голос в защиту индейцев и всех угнетённых! Гордо поднимем синее знамя с красным типи и сломанной трубкой Мира, поднимем знамя борьбы и громко крикнем — Ихо-эхи!

Валентин Бусько (Великий Рысёнок)

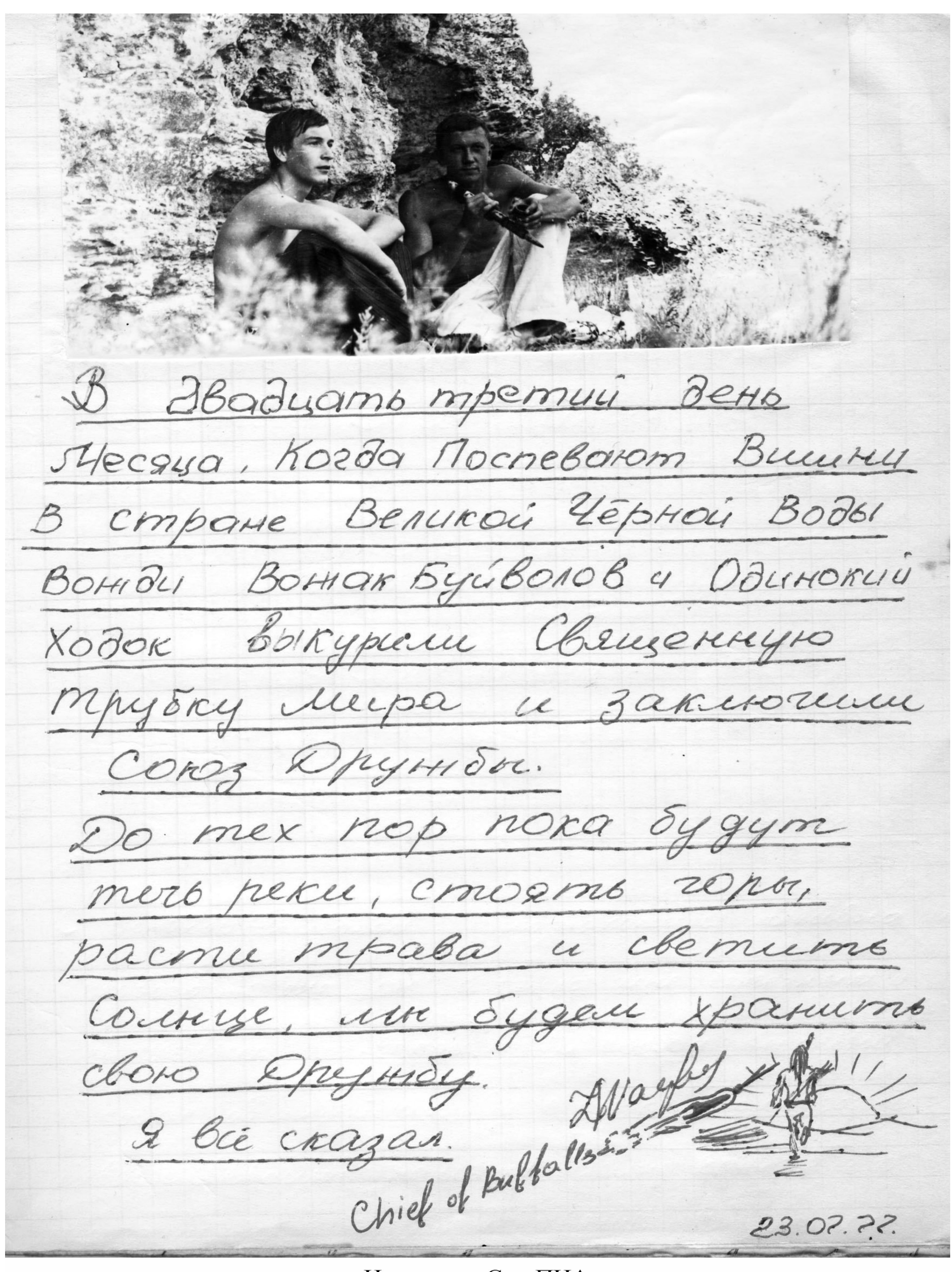
Братья! Великий Рысёнок обращается ко всем Джосакидам!

Условия нашей жизни не сравнить с жизнью в резервациях. Коренные жители Северной Америки живут в ужасных условиях. Но что же нас к ним влечёт? Романтика? Нет, вовсе нет. Наша цель — как можно больше узнать о них, об их жизни до цивилизации белых и в наши дни. Мы уже много знаем об их прошлой жизни из прочитанных нами книг. Их смелость, мужество, ловкость, сила, благородство, устои, обычаи и манера вести себя поражают нас. Но сердце кровью обливается, когда вспоминаешь, что осталось от всего этого. Мы жители социалистической державы, и поэтому мы не можем спокойно смотреть, как исчезает в тяжёлой неволе такой прекрасный народ. Наши сердца горят решимостью помочь им. Пока *в США и Канаде существует чуждый нам строй*, о коренном изменении жизни индейцев не может быть и речи. Но всё же на некоторые изменения мы можем надеяться и не сидеть сложа руки. По этой причине и был организован наш СоД-ПИА, который должен в дельнейшем стать движущей силой в борьбе за наши идеалы. Так давайте же подниматься на борьбу и любыми путями стремиться помочь индейцам!

Хау! Я сказал.

Виктор Козлов (Чёрный Ворон Кагаги)

Кагаги очень рад, что узнал так много настоящих Джосакидов и с удовольствием примыкает к ним, к их борьбе в поддержку индейцев Америки. Но также Кагаги печально, что все Джосакиды разбросаны по большой стране, как стрелы из колчана, что способствует упадку нашей СоД-ПИА. Когда-то Кагаги был один, и он знал, как это тяжело, как нужна моральная помощь и поддержка. Потому Чёрный Ворон призывает всех Джосакидов собраться в один кулак, в один пучок стрел, тогда их не так легко будет сломить, и поддержку индейцев они смогут осуществлять с куда большим авторитетом. Сам же Кагаги продолжает осуществлять своё дело, двигаясь на восток. Это в интересах как его личных, так и в интересах СоД-ПИА.

В двадцать третий день
Месяца, Когда Поспевают Вишни
в стране Великой Чёрной Воды
вожди Вожак Буйволов и Одинокий
Ходок выкурили Священную
трубку Мира и заключили
Союз Дружбы.
До тех пор пока будут
течь реки, стоять горы,
расти трава и светить
Солнце, мы будем хранить
свою Дружбу.
Я всё сказал.

Chief of Buffalls

23.07.77.

Из тетради Сод-ПИА

Единомышленники

Александр Буслаев (Овасес)

(вопросы и ответы в письмах)

Овасес: Я родился 13 мая 1952 года в семье военного: его «катюши» находились у Петропавловска-на-Камчатке, оттуда семья переехала сразу в Сертолово под Ленинградом. Вообще-то моя родня из тамбовской губернии. Мой прадед ещё был русским или, может, угро-финном (был большой и светлый), но потом пошло смешение, и я ростом — в мою монгольскую родню. Отец учился в Смольном (партшкола) и привозил интересные книги: «Одиссея капитана Блада», «Последний из Могикан» и т. д. Рядом с домом был лес, озёра, а значит рыбалка и охота... Позже, когда пришла пора влюбляться, мать пожалела меня и подсунула старенькую книжонку «Земля солёных скал» — она, конечно же, думала, что делает доброе дело, но моя крыша полетела в сторону Канады, и пошло и поехало...

Я самостоятельный индеанист (отметь это на будущее).

В 1972 году я познакомился с Николаем Андреевичем Внуковым. Тогда я учился в мореходке на каменном острове и жил в Ленинграде. Он про меня многое знал и подарил свою книгу с посланием к индейцам Америки. Он и направил ко мне «лесного брата» Ябебири много лет спустя.

Серёга Иванов (Ябебири) заразился индейцами от Хозяина (Виктор Морев) в ПТУ, где они учились на столяра. Они ходили в лес и сделали каноэ из бересты. Иванов состоял в туристической группе и с ними ходил в походы по Карелии, а ещё он сделал себе маленький типи и хранил его на антресоли в коммуналке, где его вонь ставила всех на уши. Как говорят в народе, он разосрался с группой Хозяина и пошёл искать новых друзей вначале к Внукову, а затем прямиком в мои когтистые лапы. В 1980-м он нашёл меня в Ленинграде, я был уже студентом Художественного училища им. Серова. Как раз 1-го апреля это и стряслось! Он был настоящий ходок — побывал у Красного Волка, перезнакомился с ленинградскими индеанистами. Мы провели встречу у меня в общежитии: я имел отдельную комнату. С этого всё и началось.

Андрей Ветер: Мне бы хотелось разобраться с клубами, которые существовали в Ленинграде. Был какой-то «Этнос», о котором Рысян и Вапити рассказывали в программе «У вас 5 минут». Была комната в ДК Кирова. Был какой-то ЛИК. Была штаб-квартира Павловых...

Овасес: На Совете под напором Орлиного Пера приняли решение создать первый Клуб в Ленинграде, а затем, опираясь на авторитет Ленинграда, оказать моральную поддержку индеанистам других городов. Я так понимаю, что в результате индеанистам стало легче доказывать, что они не психи. В моей деревне некоторые так и думали — псих, но я был очень активным комсомольцем, а в индейских костюмах появлялся только во время новогоднего карнавала и при этом танцевал индейские танцы

у всех на виду. А вот после побега из мореходки мне вежливо предлагали показаться к врачу, и только энкаведешники знали, что мы не психи, ибо они владели информацией обо всех индеанистах. Они даже пытались нас вяло попугивать, но это для проформы. Иванов отвечал в клубе за лесные дела, и надо сказать, все места проведения Пау нашёл он. Четан (Малахов) учился в универе: пресса, документы и т. д. — на нём, а я вёл переписку и сочинял прокламации. Перед первым Пау мною же была проведена почтовая эстафета — я посылал по кругу наш журнал «Эхо Вундед-Ни» (редактором был Четан). Ещё мы проводили встречи с людьми, выступали с концертами: пели песни индеанистов и даже танцевали (есть фото материал).

«Хау-кола» — это приветствие тех индеанистов и пароль для знакомства. Ленинградский индейский клуб (ЛИК) в последствии «Алькатрас» — был создан сразу после Совета по его решению. Начальная часть материала написана мною. Большое Сердце (Павлов) ушёл в армию перед Советом, в квартире его семьи выделили комнату для клуба: там собрали общую библиотеку, проводились встречи и т. д.

Семья Павловых не только приняла нас с нашим клубом, но и сами они принимали в нём участие, а ещё подкармливали нас, голодных студентов, и никто из состоятельных родственников не помогал им. Иногда приезжие индеанисты дневали и ночевали в квартире у Павловых и без особой благодарности. На квартире Павловых готовился первый Пау: закупалась посуда, продукты, инвентарь, а также кроились типи. Нам «порекомендовали» ходить на лекции в институт этнографии в количестве не менее девяти человек. Иногда на лекциях, кроме меня и Павловых, никого не было. Во время встречи в институте этнографии мы выловили Поющую Радугу (Игорь Леонтьев), он очень оживил деятельность Клуба в плане практической этнографии… Когда Вапити вернулся из армии, они создали другой клуб и назвали его «Этнос».

Ольга Пакунова (Поющая Лань)

Я попала в клуб перед первым Пау-Вау, весной 1982 года. Там было человек шесть: Четан — руководитель клуба, Бобёр, Овасес и две девушки. Всего пять человек, и я — шестая. Вапити и Волк в это время отсутствовали, потому что служили в армии. Клуб размещался на Владимирском проспекте, в квартире Павловых. На момент моего знакомства с ними я закончила девятый класс, переходила в десятый.

На первом Пау-Вау мне исполнилось шестнадцать лет. На том Пау Бобёр объявил, что наш клуб получает официальный статус. Нас приписали к Дому Народного Творчества на улице Рубинштейна. Мы ходили туда на собеседование, нам устраивали прослушивание, я что-то там пела, и меня даже звали участвовать в каком-то хоре. По этому адресу находился и ленинградский рок-клуб. Дамы, которые принимали нас в Доме Творчества, подарили нам билеты на концерт в этом рок-клубе. Кажется, мы пошли на тот концерт втроём: Овасес, Бобёр и я.

Когда наш Клуб официально организовался, нам выделили комнату в ДК им.

Кирова и назначили куратора — девушку, которая «опекала» нас, присматривала за нами. Когда мы выезжали в лес на наши индейские мероприятия, она присоединялась к нам. Наверное, в её обязанность входило написание каких-то отчётов: чем мы занимались, как мы себя вели и т. п.

Мы однажды выезжали осенью на 83-й километр, где летом мы проводили Пау-Вау. Там стояла большая чёрная палатка Овасеса — типи, где мы проходили очищение дымом. Внутри лежал череп бизона. Мы входили туда по одному, а кураторшу внутрь не пригласили, поэтому она не знала наверняка, что там происходит. Церемонию проводил Овасес. На тот момент информации о настоящих ритуалах у нас было очень мало, почти совсем не было, и Овасес выдумывал многое, чтобы наполнить нашу индейскую жизнь. Овасес выходил из типи, замысловато пританцовывая, и указывал на кого-то из нас. Когда очередь дошла до меня, я шагнула в типи. Что там происходило, я теперь точно не вспомню, но мы то ли палец прокалывали, то ли руку резали, чтобы кровь капала на бизоний череп. Вот после этой церемонии человек считался вступившим в «племя». От нашей кураторши мы ничего не скрывали, но внутрь она не попала, потому что в наши ряды вступать не намеревалась. Она не была одной из нас, но и чужой мы её не считали. Она наблюдала нашу жизнь, и я теперь понимаю, что наши действия выглядели странно. Странными они казались не только посторонним людям, но и некоторым родителям. Я помню, как родители Лены, моей подруги, ворвались однажды в квартиру Павловых, где мы проводили много времени, и устроили скандал, мол, что тут за компания, что за мужики и прочее, прочее. Многое, наверное, выглядело странным... Мои-то родители спокойно смотрели на моё увлечение индейцами, их не беспокоило даже присутствие непонятных личностей, которые ночевали у меня после Пау-Вау...

Любое неформальное молодёжное движение вызывало вопросы. Для того и создавались клубы, чтобы за нами можно было приглядывать: вот вам комната в Доме Культуры, сидите и читайте книги, обсуждайте. Но мы не только читали книги, мы проводили церемонии, которые выглядели странными. В результате однажды пришло письмо «сверху», в котором говорилось, что у нас очень непонятная организация и что клуб индеанистов лишается официального статуса...

Владимир Кошелев (Орлиное Перо)

Новосибирская группа Красные Стрелы возникла в 1969 году. С Мато Нажином мы были друзья детства. Остальными членами группы стали наши родные братья и одноклассники. Импульсом к появлению Красных Стрел послужил фильм «Белые Волки». Хотя справедливости ради надо сказать, что в индейцев мы стали играть гораздо раньше...

Идея Большого Совета была в то время жизненно необходима для создания единого Движения из разрозненных индеанистов. Была выработана программа Движения, и одним из основных пунктов было создание клубов. Для привлечения молодёжи и формирования обще-

ственного мнения вокруг индейской проблемы. А также для пропаганды индейской культуры. Таким образом, мы собирались помочь индейцам в их борьбе за свои права и свободу. А помощь индейцам была тогда основной целью Движения. Позже я изменил своё мнение по этому поводу и пришёл к выводу, что главная цель нашего Движения — создание собственной общности на основе индейской культуры и достижение духовной гармонии с окружающим миром. Но когда я высказал свои обоснования этой цели на общем совете (Пау-Вау 1984), меня не поддержали. За исключением тех немногих, кто поехал со мной на Алтай.

Алексей Кучменёв (Рысян) (вопросы и ответы в письмах)

Алексей Кучменёв: В 1979 году я служил в Германии, в десанте, поэтому не был ни на Большом Совете, ни на первом Пау-Вау. У меня сохранилась огромная пачка писем от Жени Малахова (Четан). Он не просто писал мне в армию, он переписывал от руки письма, которые ему приходили от ребят — от Чифа, от Красного Волка, от Мато Нажина, от всех. Помню, я был ещё в учебке и получил от Малахова фотографию Мато Нажина, и я просто охренел, увидев его, потому что Мато был почти Гойко Митич, такой выразительный. Но Женя просил меня вернуть фотографию, потому что она была в единственном экземпляре. Вот это доверие! Прислал фото, чтобы я посмотрел и порадовался, какие люди есть в наших рядах.

Но с теми письмами случилась беда. В Германии нам не разрешали почему-то хранить письма из Советского Союза. Какая-то шпиономания царила там. Поэтому я прятал их. А это же не просто письма, а каждое по восемь листов размером А-4, исписанные мелким почерком с двух сторон! Большущие! Он и газетные заметки переписывал для меня. Вот что такое переписка индеанистов тех лет. Большие тёплые портянки — так мы называли их.

И вдруг нам объявили, что намечается проверка, зачистка, велели всем срочно выбросить письма. И я спрятал эти письма под старую мясорубку. На кухне стояла огромная тяжёлая мясорубка, которой никто не пользовался. Я приподнял её и запихнул под неё всю пачку. И надо же было случиться, что на следующий день там стали делать ремонт, и мои письма обнаружились! Хорошо, что там руководивший ремонтными работами солдат из Чечни оказался добрым мужиком. Он принёс мне письма, правда, половина уже куда-то подевалась. Спрячь, говорит, куда-нибудь подальше. И я закопал их в вишнёвом саду. Завернул их плотно в пакет и зарыл в землю.

Андрей Ветер: Но ведь не только письма были?

Алексей Кучменёв: Захожу я как-то в книжный магазин «Литература народов ГДР» (там и немецкие, и венгерские книги продавались) и вижу там человека. Здоровый, с длинными волосами, на руке чокер. Подхожу к нему, заглядываю через плечо и вижу, что он читает «Индейцы без томагавков». Я ему говорю: «Хау, кола». Он поворачивается и отвечает: «Хау, кола». И всё, мы пошли вместе. Так мы Койота нашли и Синего Орла, и Жёлтую Собаку и других… Мы

"У вас 5 минут"
Вапити, Рысян, Большое Сердце

находились в общем пространстве. В кино пошли смотреть индейцев, обратили внимание на девочку. Сеанс закончился, мы ещё раз в зал (смотрели ведь по два-три сеанса подряд), видим, что девочка тоже повторно идёт на этот фильм. И третий раз она идёт на тот же фильм. Понимаем, что своя. Познакомились, оказалось, что это Звезда.

Сильный внутренний подъём был. Мы все перед армией, хотели ничего не упустить, стремились друг к другу, чувствовали друг друга. И письма, конечно. Я называю это эпистолярным периодом нашего индеанизма. Все друг другу писали. Другого способа общаться не существовало в природе, если говорить о тех, кто жил в разных городах.

Андрей Ветер: В 1985 году в Ленинграде была уже большая индейская тусовка?

Алексей Кучменёв: Да, это уже была «вторая волна» индеанизма. В 1985 году была такая телевизионная передача «У вас 5 минут», её вела, кажется, Эмма Панфилова. Каждому участнику или коллективу давалось ровно пять минут рассказать/показать/спеть и т. д. зрителям. Мы пришли втроём: Вапити, Большое Сердце и я. Притащили слайды, я гово-

рил (нам даже дали больше времени — единственным — аж девять минут!), сорвали шквал аплодисментов. А потом всех заинтересованных отправляли уже к нам, в клуб «Этнос». Телевидение нашло нас через Вапити, а на Вапити вышел Невзоров, когда снимал свои «600 секунд». Вот и потянулась цепочка: Этнос-Вапити-Невзоров-Панфилова...
После передачи откликнулось около 500 человек по Питеру, осталось же человек 25...

Андрей Ветер: То есть вы там были как индейцы?

Алексей Кучменёв: Да, но не в индейской одежде. Мы показали слайды с Пау и коротко рассказали историю нашего Движения.

Андрей Ветер: А скажи мне, насколько плотно вас «пасли» товарищи из органов? И под каким соусом.

Алексей Кучменёв: В те годы плотно «пасли» всех неформалов. Была история с рейдом милиции, когда всех повязали на квартире Сергея Павлова (тогда собирались на Владимирском, у них была большая квартира, а в ней так называемая «Фугасная комната», где был страшный бардак из всяких индейских вещей, и ещё в этой комнате всё время кто-то жил — и Перо, и Мато, и Койот, и Хотя, и Красный Волк). Это было году в 1981, я тогда ещё служил в армии. Одинокий Волк и Овасес, кажется, были там в тот день. Ну, ворвались милиционеры, руки завернули и — в участок. Потом отпустили. И ещё заставляли «стучать» — под страхом отчисления из Универа с шестого курса. Милиционерам нужна была информация — кто, где, что и когда. Из наших в Универе учились Звезда, Ворон, Роса и ещё кто-то. «Пасли» нас без сомнения, но сильно не прессовали... Мато Нажина «пасли» даже (на Алтае в 1987 году, я тогда с ним жил, помню хорошо). Приезжали в Кукую особисты и забирали Мато...

Ольга Пакунова (Поющая Лань)

(вопросы и ответы в письмах)

Андрей Ветер: Оля, ты была знакома с семьёй Павловых? У них на квартире, как я понимаю, был некий «штаб» или «клуб» в начале тех времён. Что-нибудь можешь рассказать о них?

Ольга Пакунова: Конечно, была знакома. В принципе, кроме того, что в одной комнате у них был вот этот наш Клуб ЛИК, мне нечего добавить. Я самой семьёй не интересовалась.

Андрей Ветер: Они так и остались среди индеанистов, или как-то у них всё «рассосалось»?

Ольга Пакунова: Да они и не были индеанистами, то есть, индейцы никого из детей не интересовали, кроме Сергея, кажется, но он был в армии, а потом год руководил клубом, когда мы уже в подвал какой-то переехали, но всё это было как-то непонятно тогда... Одна из дочерей, Вера, стала женой Орлиного Пера, но она тоже в принципе сама не индеанистка, жила с ним на Алтае, двое детей, потом уехала, они уже много лет не вместе. У Павловых мамаша, Анна Абакаровна, вела картотеку с адресами. Я до сих пор не очень понимаю, как у неё в квартире это устроилось и какую она играла роль, но помню, что там всё было не очень однозначно.

Андрей Ветер: Рысян написал мне, что там однажды произошла облава, всех забрали. А потом отпустили.

Ольга Пакунова: Милиция нагрянула к Павловым, всех, кто там находился, забрали в милицию. Я тогда провела всю ночь на улице Каляева, в изоляторе предварительного содержания, в одиночной камере. Мне было пятнадцать лет... Это самое весёлое, что произошло в Клубе и что связано с Павловыми. В итоге выяснилось, что старшие братья украли что-то, потом они сидели... Я тогда была только на индейцах повёрнута, так что не особо понимала, что там «у взрослых» происходит, и сами Павловы стали мне неинтересны, как только я врубилась, что они не знают ничего про индейцев.

Леонид Шардин

Когда я учился в школе, учительница по литературе просила нас вести отдельную тетрадь, куда мы записывали бы, какую книгу и когда мы прочитали, а также впечатления от прочитанного. Называлась тетрадь «Читательский дневник ученика». Я его сохранил, и там обнаружил запись от 10 марта 1984 года о первой прочитанной мной книге об индейцах. На момент «литературного знакомства» с индейцами мне было двенадцать лет.

Заканчивая читать одну книгу, искал в библиотеке следующую. Появилась отдельная тетрадь, куда записывал индейские имена, отдельные слова и т. д. и т. п. Вырезал из газет и журналов статьи. Пришивал к тренировочному костюму бахрому от настенного ковра с оленями. Из перьев голубей и ворон делал головные уборы и украшения. В общем, занимался всем тем, чем занимались все, кто интересовался индейцами в нашей стране в то время.

1987 год. Конец мая–начало июня. Вечером выходного дня по Пятому ленинградскому телеканалу показывали передачу «У вас 5 минут». Там выступали представители разных театральных студий, творческих мастерских и руководители «кружков» по интересам. На презентацию своей деятельности им выделяли пять минут. Если выступление или рассказ нравился зрителям в студии, то они поднимали табличку (картонную руку в виде знака «V» — два пальца) и выступающим добавляли ещё две минуты... Такими людьми, увлекательно и интересно рассказывавшими о себе, были Соббикаши, Рысян и Сердце. Они демонстрировали слайды с прошедших Пау-Вау, выезда на Карельский перешеек с типи и каноэ, костюмы и вещи. В конце своего выступления объявили телефон и адрес клуба «Этнос».

Я чуть со стула не упал! Мне казалось, что я один, кто «увлекается» индейцами, а тут — целый КЛУБ: люди, встречи, выезды...

Помню, что за несколько минут до передачи хотел пойти на улицу играть в футбол, но включил телевизор и...

Уже на следующий день я знал расписание работы клуба «Этнос»: вторник и четверг.

Ехать туда было волнительно! Пятнадцать минут пешком от станции метро «Звёздная», и я вхожу в дверь классического административного двухэтажного здания, какие есть во многих крупных городах в районах новостроек. На первом этаже — небольшой кинозал, на втором — маленькие помещения 3 на 6, где собираются различные «кружки». У две-

ри с табличкой «Клуб Этнос» стоит паренёк моего возраста. Вижу, что волнуется, как и я. Познакомились: Евгений (к сожалению, Женька пропал без вести в «лихие 90-е»). Немного постояли, обменялись фразами и вошли… в МИР советско-российского Индеанизма!!! Вот так изменилась моя жизнь.

Илья Бородин

Хмурый День и Правая Рука ищут союзников[1]

Знаете ли вы, что такое «типи», «Пау-Вау» или «калюмет»? Нет? А вот Юрий Котенко и Максим Огурцов, специалисты по индейскому племени Ассинибойнов, при случае объяснят, что типи — это лёгкое переносное жилище из веток (своеобразный шалаш), Пау-Вау — праздник, а калюмет — знаменитая священная трубка.

По профессии Юрий — художник, а Максим — столяр. Но всё своё свободное время они отдают делу, являющемуся основным в их жизни — индеанистике. Выросшее из детской увлечённости Фенимором Купером, Майн Ридом и известным немецким киносериалом, занятие это со временем стало чем-то гораздо более серьёзным, нежели просто хобби.

По пятнадцать-двадцать лет ребята занимаются изучением истории и этнографии североамериканских индейцев: делают переводы, пишут свои труды, практикуются в ремесле. Используя традиционные материалы: кожу, бисер, орлиные перья, человеческий волос и т.п., — изготавливают образцы индейской одежды и утвари. Работают зачастую в одиночку, при необходимости обращаясь за советом и помощью, делясь навыками, опытом. Ежегодно собираются на свой «всесоюзный сбор» — индейский праздник Пау-Вау. Съезжаются семьями, ставят вигвамы и типи, надевают костюмы и… отдыхают, общаются.

Чем же привлекает всех этих людей жизнь коренных североамериканцев? Что заставляет их, отрываясь от суеты и текучки, расшивать бисером мокасины, вытесывать томагавк или изучать фольклористику? Любовь к экзотике? А может быть, своеобразная культура, особенности национального характера и героическая история?

— С тех пор, как я серьёзно занялся индеанистикой, — объясняет Юрий, — заметил, что моё восприятие жизни несколько изменилось. Я стал спокойнее, рассудительнее, перестал суетиться. Ко многим проблемам теперь отношусь по-философски. Совершенно по-иному начал ощущать природу… Хотя это, кстати, свойственно для всех нас.

Действительно, именно тяга к единению с природой, желание почувствовать себя её полнокровной частичкой и повлияли, наверное, на организацию маленьких общин «русских индейцев» в глухих местах Алтая, на Псковщине, в Крыму. Бывшие горожане стали теперь скотниками и чабанами, егерями и сторожами. В алтайском селе Верх-Кукуя их собралось уже пятнадцать человек. Волосатики, как зовут их местные жители, пасут бычков, с ловкостью природных наездников управляя стадами,

[1] Статья из газеты «Московский комсомолец», 1988

принимают приезжающих со всего Союза гостей и строго блюдут свои неписаные законы, один из которых, кстати, «сухой»... «Чудаки, — скажете вы... — Не знают, чем заняться. Им бы работы побольше и потяжелее...». И будете не правы. Потому что эти чудаки в «свободное от работы время» собрали богатейший материал по этнографии североамериканских индейских племён, их древней и современной культуре, истории и фольклору.

Многие ли знают о перипетиях войн американских аборигенов с правительственными войсками США и Канады, об участии индейцев в первой и второй мировых войнах? Кто из нас, не задумываясь, сможет рассказать об отличиях в одежде лесных индейцев и племён из северных степей? А что нам известно о романтичной и так до конца не исследованной судьбе «русской Америки», о культурных и исторических связях коренных народов нашего Севера и Американского континента?

А неформальные любители индеанистики, ради шутливого антуража и элемента игры носящие индейские имена, ломают головы над тем, где и каким образом применить накопленный материал. Лишь дважды — при создании кинофильмов «В дебрях Севера» и «Следопыт» — их знания культуры и ремесла материализовались в конкретное полезное дело.

Вот где, казалось бы, появиться около них предприимчивым работникам культуры и науки, но, увы... Частные беседы с сотрудниками Института этнографии АН СССР убедили знатоков-любителей в том, что ни о каком филиале ни при каком институте или музее речи быть не может: фонды, помещение, штаты...

Всерьёз задумавшись над необходимостью создания досугового центра, посвящённого прошлому и настоящему североамериканских индейцев, в любой его форме (кооперативного музея, временных выставочных экспозиций, ремесленных мастерских), ребята готовы оказать нам немалую услугу. В самом деле, какой мальчишка откажется, примеряя головной убор из перьев, что-нибудь узнать о его возможном обладателе; какой музыкант пройдёт мимо коллекций традиционной и современной индейской рок-музыки...

Обратившись в Моссовет по вопросу создания кооперативного музея, московские индеанисты не отвергают других вариантов сотрудничества с заинтересованными организациями.

Тут, по-моему, есть над чем подумать и комсомольским работникам, озабоченным организацией молодёжного досуга, и кинематографистам, администраторам выставочных залов, музеев, парков, кооператорам, режиссёрам массовых мероприятий, да и просто увлекающимся людям.

Александр Тереник (Ястреб)

(вопросы и ответы в письмах)

Александр Тереник: Года в три соседские дети показали мне пластмассовых человечков, германских. Там были ковбои и составной форт, и лошади. Для меня это было удивительно. Интересны мне сразу стали индейцы, и я возился с ними всё время; хозяева игрушек занимались с ковбоями, рыцарями (и там ещё что-то было), а потом дети уехали опять, далеко и приехали на следующий

3 ИЮН 1988 Ком о ольская правда
г. Москва

Кто в детстве не играл в индейцев? Впечатления от приключенческих фильмов, о непобедимом Чингачгуке, от увлекательных книг Ф. Купера у многих мальчишек будоражили фантазию. Почти в каждом дворе были свой «вождь краснокожих» и его верные друзья.

Юрия Котенко эти детские увлечения захватили так, что и сейчас, уже во взрослом возрасте, он все свое свободное время изучает предметы быта, фольклор индейского племени ассинибойнов. По профессии Юрий — художник-оформитель. Поэтому в его квартире можно увидеть картины, эскизы, точные копии образцов одежды и убранства американских индейцев.

Много у него и специальной литературы, а чтобы свободно читать, освоил английский. И, конечно, постоянная работа в библиотеках, переписка с такими же энтузиастами.

Если вам доведется посмотреть фильм «Следопыт», снятый на киностудии имени М. Горького, то знайте: реквизит для его съемок выполнен руками Юрия и его друзей, влюбленных в свое дело.

В. НЕКРАСОВ.

На снимке: Юрий КОТЕНКО с сыном Славой.

Фото автора.

Максим Огурцов и Юрий Котенко, 1987

год, я точно помню — из Германии. У меня аж дыхание перехватывало от желания увидеть снова их игрушки. Вот где-то здесь я ощущаю, что уже возникла связь с именно с индейцами.

Где-то лет в пять я увидел по телеку немецкие фильмы, и я и сейчас помню сцену где Виннету скачет на лошади и лихо спрыгивает с неё. Позже выяснилось, что это был фильм «Прерия» 1969 года выпуска. И всё, я пропал…

Из-за определённых событий бывших в моей жизни с 1971 по 1973 (отношения к индейцам не имеет) я пропустил Вундед-Ни, узнал об этом случайно в 1975, газеты, какие тогда нам были доступны, штудировала для меня мама. И собирала… Я был уверен, что я один, а когда просёк, что это предмет для осмеяния, то зашухирился.

Андрей Ветер: Уточни, что за события 1971—73 гг. Ты жил за границей?

Александр Тереник: Большими периодами в Иране… Высмеивать стали не сразу, а как только стало переходить во что-то более серьёзное и на это обратили внимание учителя и родители. Дети резко переобулись.

Вырезки, фото, фильмы, какие возможно Книги. Я постепенно уверился что один. Это было грустно. Сильно.

В 1986 году, кажется, в начале года, проскочила прозрачная инфа, что где-то кто-то есть. Было столько облома, что я не очень поверил. А мама решила проверить и написала в ту газету, где была заметка. Не ответили.

В 1987 году, что ли, не помню осенью или в конце лета, появилась статья о Пау-Вау под Ленинградом. И моя упорная мама опять написала. Ответили, дали контакты, которые вывели меня на Юру Котенко. Я скептически отнёсся и был до боли удивлён, что Юра действительно занимается индейцами… Он же познакомил с остальными ребятами. В 1988 году я по семейным и рабочим обстоятельствам поехать на Пау не смог, но в 1989 году поехал вместе с первой женой.

Альберт Осипов (Левая Рука)

История «аризонских индейцев» (по воспоминаниям Левой Руки и Бродячего Койота).

Моё индейское имя — Левая Рука. Так меня называли в детстве и юности мои «соплеменники». Мы родом из Сарова, это заброшенный в мордовских лесах небольшой городок. В советское время он назывался Арзамас-16 (не путать с настоящим городом Арзамас). Я появился на свет в 1959 году, в Месяц-Первых-Заморозков. Хорошо помню детские годы.

Когда я научился читать, то моим любимым местом стала городская детская библиотека. В первую очередь меня привлекали путешествия. Но в один прекрасный день я «попал в плен к индейцам» (или они ко мне). Книги об индейцах заколдовали меня, так как что-то родное ощущалось в рассказах Сат-Ока, Серой Совы, Шульца, Сетон-Томпсона. Мои два брата (Сломанный Лук и Маленький Ворон) вскоре тоже «подсели» на них. Наша семья имела садово-огородный участок недалеко от города, в живописном месте. Рядом стоял огромный массив леса и текла река. Отец сделал нам луки, и мы играли в индейских охотников и рыбаков, бла-

го, окружающая Природа очень походила на канадскую. Позже мы познакомились с одним парнем, тоже любившим индейцев. Его сад-огород находился недалеко от нашего. Звали его Ункас! Он входил в «племя Шауни», о которых наша троица ещё не знала. Нам не терпелось на практике попробовать те индейские знания, полученные из прочитанных книг: «Маленькие дикари», «Рольф в лесах», «Рассказ о похищении и приключениях Джона Таннера» и другие.

Мы образовали свой индейский, охотничий Клан Беличьих Повязок. Нашим знаком были налобные повязки из беличьих шкурок. Мы по-настоящему охотились из луков и рогаток. Потом вооружились самодельными «шомполками». С добычей поступали по всем индейским правилам: мясо жарили на костре, шкурки выделывали, перья шли на оперение стрел и т.д., даже делали чучела. Ещё мы учились читать звериные следы, узнавать птиц по полёту и голосам, разбираться в лесных травах и т. д. Попутно не раз ночевали в лесу, совершали длинные пешие походы по нашим лесам, в том числе зимой. Забегая вперёд, скажу, что эти навыки *очень пригодились мне* во время службы в Армии, на Дальнем Востоке.

Тем временем, параллельно с нами, в «Аризоне» уже начали действовать другие «индейцы». Это были «племена» Команчей, Дакотов, Шауни, Семинолов и Могикан. Примерно с 1971 года «индейская лихорадка» охватила около тридцати ребят! В основном они занимались изготовлением индейской атрибутики и «воевали» друг с другом.

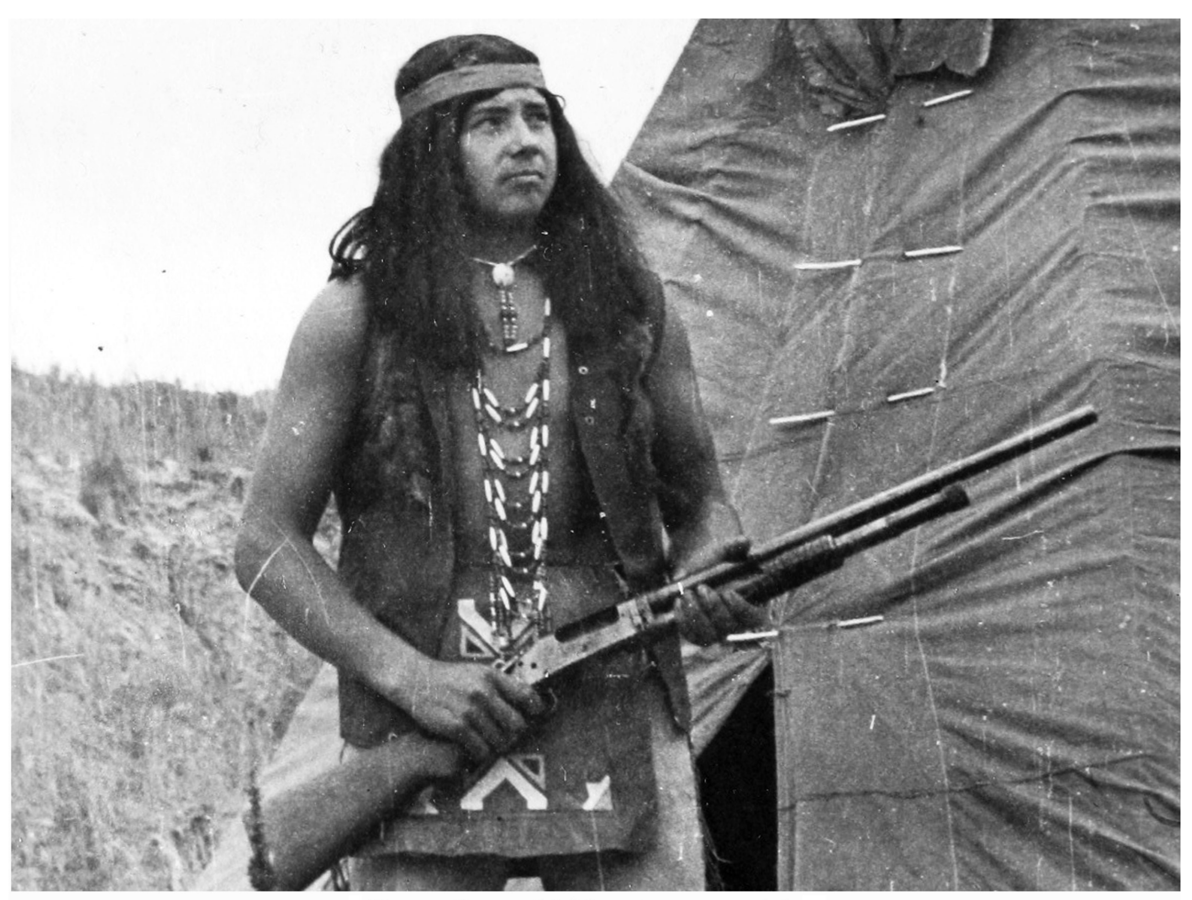
«После одной решающей битвы вожди „племён“ заключили нерушимый мир. Так был образован „Союз Племён“», — вспоминает Бродячий Койот.

В 1973 году была основана базовая стоянка Союза «Клан Бешеной Лошади»! Типи стояли круглый год. Руководил ими Бродячий Койот. Так как наша «Аризона» небольшая, мы узнали друг о друге и вскоре объединились, благодаря Ункасу.

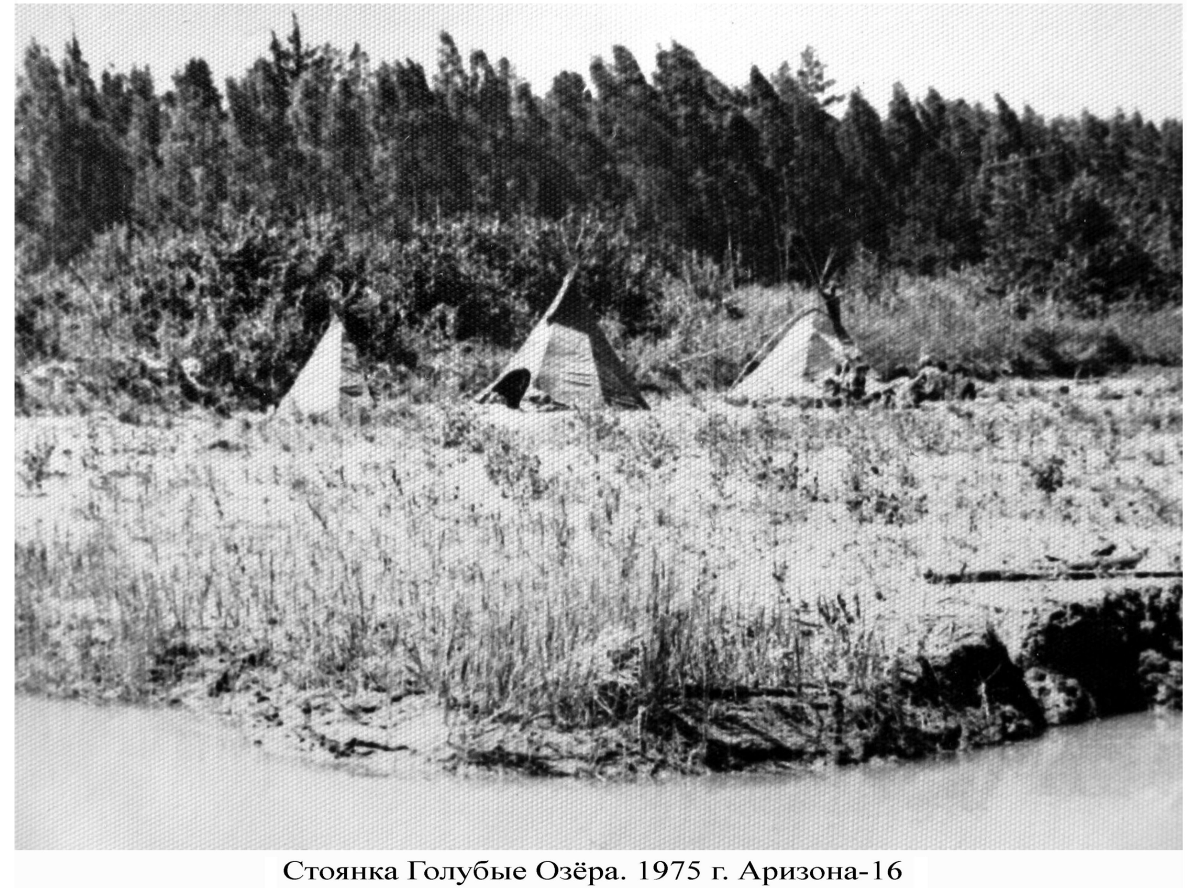
Политические события в США, связанные с борьбой индейцев за свои права (захват активистами ДАИ острова Алькатрас в 1969 году, осада Вундед-Ни в 1973 году и другие) и массовый показ в СССР фильмов про индейцев, особенно с Гойко Митичем и Пьером Брисом в главных ролях, ещё более укрепляли наш интерес к индейской теме, причём нас одинаково интересовало и прошлое, и настоящее северо-американских индейцев. «Первый фильм, который толкнул меня на индейскую дорогу, был „Верная Рука — друг индейцев“», — вспоминает Койот.

Нами просматривалась вся советская пресса, проверялись книжные полки, всё, что касалось индейцев, вырезалось, фотографировалось и пополняло наши архивы-альбомы.

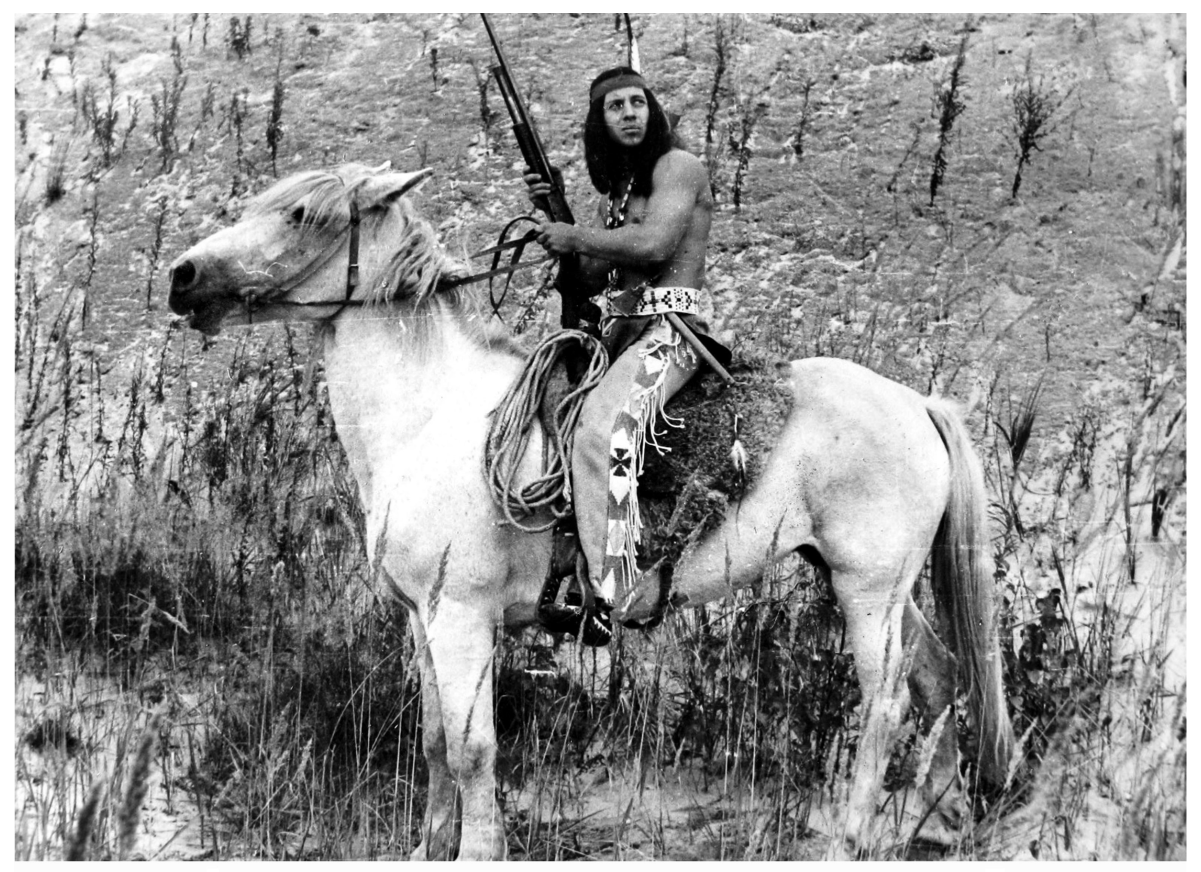
У нас была и своя «Индейская Территория» — это два лесных Голубых озера на краю леса и расположенный рядом карьер — Жёлтые Холмы, удивительно похожий на Ландшафты Юго-Запада США. Там мы часто собирались, особенно летом. Жили индейской жизнью: ночевали в маленьких типушках, тренировались в стрельбе из лука, метании ножей и томагавков, устраивали соревнования и т. д. Даже сняли своё любительское кино! Наша индейская жизнь «била ключом», а осенью и зимой мы охотились, подражая лесным индейцам.

Левая Рука. 1983 г. Арзамас-16

Стоянка Голубые Озёра. 1975 г. Аризона-16

Бродячий Койот. Жёлтые Холмы. 1983 г. Арзамас-16

Пау-Вау 1984
Алиса, Левая Рука, Койот, Синий Орёл

Золотое время «аризонских индейцев» (1971 год) завершилось для нас с окончанием школы в 1976—1978. мы вступили во взрослую жизнь, как говорили в то время. Наша группа стала потихоньку распадаться. На начало 1977 года насчитывалось пятнадцать «аризонских индейцев». Одни уехали учиться, другие ушли в Армию, третьи женились… В общем, кроме меня, Овасеса, Синего Орла и Танони, остальные «соплеменники» пошли по «белой тропе».

Годы шли, игра в индейцев плавно перетекала в хобби. Нам было как-то одиноко, чего-то не хватало — новых людей, близких нам по духу. Конечно, мы предполагали, что где-то в Советском Союзе могут жить такие же чокнутые в перьях. Во-первых, кинофильмы про индейцев крутили по всей стране аж с 1970 года. Во-вторых, у нас были статьи «Громкая Сова и его племя» (газета «Пионерская правда» за 1974 год), «Мои друзья индейцы», «Обманутый народ» (журнал «Пионер»), «Тропою гнева» (журнал «Костёр») и другие публикации, которые начинались *с писем ребят*. Тогда я принялся писать письма в советскую прессу с просьбой рассказать о северо-американских индейцах. Такой опыт у меня уже имелся: в 1974 году я обращался в газету «Пионерская правда» и журнал «Пионер», в 1975 — в газету «Известия», в 1979 — в «Труд» и «Комсомольскую правду». И вот, к моему удивлению и радости, стали приходить ответы, например, «Отступные для Сиу» (журнал «Вокруг света» за 1981 год), «Непокорённые» (газета «Советская Россия» за 1982.

В один прекрасный день я получил письмо из Ленинграда от некоего Александра. Я прочитал его… Резкий скачок артериального давления, бешеное сердцебиение — всё это мелкие шалости организма по сравнению с ураганом мыслей, захвативших моё сознание. МЫ НЕ ОДНИ, НАС МНОГО!!! Большой Бобр (автор письма) вышел на меня через редакцию газеты «Советская Россия», он рассказал мне о деятельности ЛИК (Ленинградский Индейский Клуб) и о других новостях. Можно сказать, что он открыл для нас Америку советских индеанистов» или что он воскресил нас из мёртвых. Мы стали активно готовиться к участию в первом всесоюзном празднике Пау-Вау.

Это Пау-Вау 1982 года я запомнил на всю жизнь. Больше всего меня шокировало не большое типи, не обилие индейской атрибутики (этого добра у нас самих было достаточно) и даже не количество единомышленников в одном лагере, а *присутствие девушек — «индеанок»*. Ведь у нас в Союзе Племён (в Арзамасе-16) не было ни одной девушки! На этом Пау-Вау были я и Синий Орёл. На Пау-Вау 1983 года — я, Синий Орёл и Танони. На Пау-Вау 1984 — я, Синий Орёл и Бродячий Койот. Так мы ступили *на Тропу Пау-Вау* и влились в *Движение индеанистов России*. Мы с Бродячим Койотом были лично знакомы с писателем Внуковым (с 1982 года) и доктором филологических наук Ващенко (с 1983 года).

К сожалению, по ряду уважительных причин мы не смогли участвовать в некоторых значимых событиях в Движении индеанистов России и Пау-Вау. В настоящее время только мы с Бродячим Койотом представляем резервацию «Аризона-16».

С годами моя индейская романтика уступила место познанию Смысла Жиз-

Левая Рука и Чёрный Томагавк, Жёлтые Холмы. 1983 г.

ни через индейские духовные ценности и мировоззрение, *через переоценку идеального образа индейца* (на котором я вырос). На самом деле индейцы оказались очень разными. Это подтверждают встречи с самими индейцами, приезжавшими в Россию и встречи индеанистов с ними в США. Нет идеального индейца. Есть *просто индеец*... А в последнее время познаю Смысл Жизни и через мир моих прапредков по крови. Вот так и живу. И ещё: моя цель не копировать индейца или моего прапредка. Моя цель — понять индейский мир, вспомнить свой род и *быть самим собой*.

***

Левая Рука: Что для тебя сейчас значат индейцы Северной Америки?

Бродячий Койот: Раньше мы играли в индейцев. Они были для нас идеалом, что ли. Я, например, хотел быть похожим на Зоркого Сокола. Сегодня я мастерю индейские вещи для себя, когда душа просит. Это меня успокаивает. Что касается самих индейцев, то они для меня уже разные. Это как времена года. Зима и лето противоположны друг другу, но всё равно они — часть Природы. Индейцы тоже бывают плохими и хорошими, кто-то верит в Великого Духа, а кто-то в Иисуса Христа. Но они все индейцы.

Левая Рука: А что ты думаешь про религию североамериканских индейцев?

Бродячий Койот: Тут ещё сложнее. Например, если я не понимаю смысла Обряда или что-то меня тревожит, то стараюсь в нём не участвовать, потому что это может быть опасно и для меня, и для других. Иной раз смотрю на Пау-Вау — кругом сплошь «шаманы»: один поёт всю ночь, другой в бубен стучит до утра, третий проводит обряды с кем попало и как попало… Я не играю в такие игры. В последнее время я ищу ответы на мои вопросы (по жизни) в православном христианстве. Одно другому не мешает *(январь 2019).*

***

Пояснительная записка

Иногда на вопрос «Откуда ты?» я отвечаю: «Из резервации Аризона-16». Объясняю (заодно и название моего рассказа): наш городок всегда был закрытой Зоной. Зона — это место, чем-то отгороженное от внешнего мира. В нашем случае это была контрольная полоса с рядами колючей проволоки и другими атрибутами. Саров и сегодня входит в список закрытых городов Росатома. Мы, горожане, говорим так: «Я живу в Зоне». — «Где был?» — «За Зоной. К родне ездил». Поэтому по аналогии с индейскими резервациями в США мы осознавали себя как живущие в резервации (Зоне). В начале я уже упоминал о том, что в советское время Саров назывался Арзамас-16. Итого получаем: Ар (Арзамас) и Зона = АРиЗона. Эта идея принадлежит Бродячему Койоту. Чтобы не путать с американским штатом Аризона, мы прибавили число 16. конечно, мы по крови не настоящие индейцы, поэтому мы взяли себя в кавычки — «аризонские индейцы», то есть из резервации АРиЗона-16 *(декабрь 2018 —январь 2019).*

Алёна Космынина (Вишня)

В старших классах я хотела заниматься историей народов, их культурой. Слово «этнография» я тогда не слышала. Мне нравилось читать исторические приключения, но в девятом-десятом классах почему-то особенно привлекли меня индейцы. Раньше я не интересовалась индейцами. Помню, что классе в шестом, когда мы ездили на море отдыхать, мама подсунула мне почитать «Зверобой» Фенимора Купера, но я не смогла одолеть его, всё показалось мне жутко скучным. А позже вдруг что-то изменилось, и я решила поступать на истфак…

Жара, очередь выстроилась, чтобы сдать документы, настроение непонятное, всюду чужие лица, знакомиться ни с кем не хочется, потому что непонятно, поступлю или нет. Сумбурное было настроение. Я бродила между абитуриентами и вдруг услышала голос девушки, она произнесла слова, которые показались мне необычными для данной ситуации. Раз произнесла «индейцы», два произнесла, потом какое-то «Пау-Вау», ещё что-то. Я поискала её глазами, подошла к ней. Разговор, как я поняла, шёл о неформалах. Девушка показывала какую-то фотографию. Я постояла рядышком, послушала, дёрнула её за рукав и сказала: «Наверное, из всей толпы здесь мне интересны только вы».

Это была Лена Шаповалова. Мы познакомились, и на три дня окружающий мир исчез для меня. Мы не переставали

Алёна Космынина (Чёрная Вишня)

разговаривать даже ночами. Её мама ругалась, что мы ей спать не давали. А нас ведь не только индейцы связали, а возник сразу целый клубок общих интересов… Это случилось в июле 1986 года, а в августе я поехала в Ленинград. Все вокруг только о музеях говорили, меня же совсем другой вопрос не давал покоя: как мне найти людей, о которых я слышала от Лены. В Исаакиевском соборе мы наткнулись на индейца, но он был с подругой и к разговору не расположен…

На следующий год Лена поехала в Ленинград на Пау-Вау, она была уже знакома с Альбертом Осиповым. Мы все активно переписывались. Я тоже приехала на Пау, правда, попала только на два последних дня. Лена уже вернулась домой… С 1988 года я уже ездила туда полноценно…

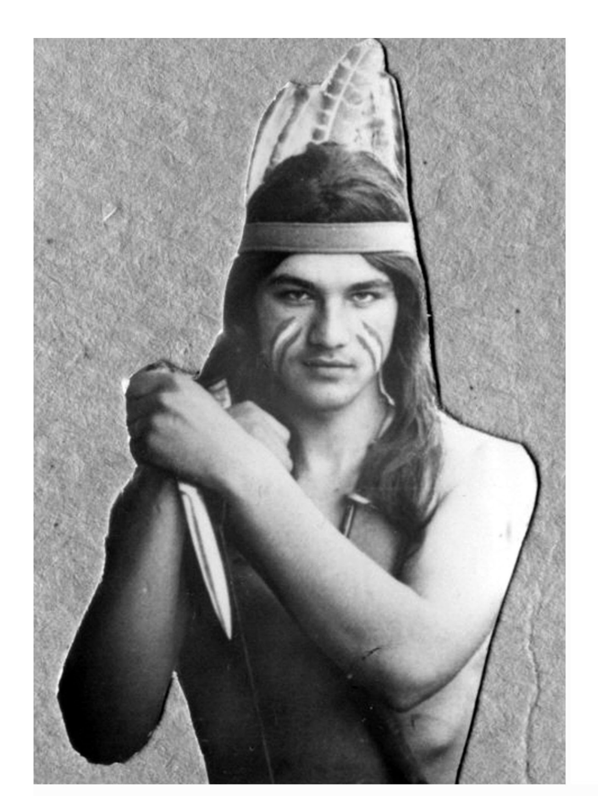
Валентин Бусько (Великий Рысёнок)

Всё началось с того, что в журнале «Пионер» была красочная статья об индейцах, эпиграфом которой служило письмо какой-то девочки, которая просила рассказать об индейцах. Я подумал, что она такая же, как я, и захотел с ней познакомиться. Написал письмо в редакцию, мой адрес дали ещё кому-то. Оказалось, что таких, заинтересованных индейцами людей много, человек пятнадцать. Началась переписка. Каждый день я приходил домой, открывал почтовый ящик, из которого выпадала куча писем. Эта переписка длилась долго, лет десять, наверное, хотя никто из нас ни разу не встречался лично. В письмах шёл обмен материалами, фотографиями, рисунками, различной информацией

Потом я первый раз встретился с людьми, которых интересовала индейская тема. Они тоже жили на Украине, недалеко от меня, и пригласили меня в гости. Эти люди мыслили так же, как я. Мы подружились. В процессе переписки выяснялось, что во многих городах страны были люди, кого интересовала эта тема, но все они, как правило, были одиноки там, где жили, не было никого, кто был бы с ними солидарен.

Сергей Прокопович (Угрюмый Медведь)

Году в 1966 году я с родителями посмотрел в летнем кинотеатре фильм «Сыновья Большой Медведицы». Отдельные кадры до сих пор стоят перед глазами. Затем был фильм «Смерть индейца Джо» (кажется, так назывался — про Тома Сойра), это уже 1969—70. В пятом классе (1974 год), одноклассник дал почитать книгу Внукова «Слушайте песню перьев». Эта книга до сих пор в моей библиотеке — выменял на что-то невообразимое. Вот тут-то и вспыхнула любовь к индейцам. Первые фильмы «ДЕФА» в кинотеатрах, а потом — журнал «Огонёк» со статьёй про восстание в Вундед-Ни и цветными фотографиями. Новый год 1974-75-й (или 1875-76-й, не помню точно) я отмечал на ёлке в костюме индейца (бахрома от скатерти на штанах и рубахе, убор из картона и вороньих перьев — *крутотень* неимоверная, зависть одноклассников). Первая книга — «Последний из Могикан», читал её запоем.

Сергей Прокопович в 1978 и 2018 годах

Слева направо стоят: Сергей Егорочкин, Сергей Борисенко,
Валерий Миловидов, Сергей Кулаков, Нина Серикова, Vile Johnny,
Елена Теплова, Артур Аитов, Андрей Кашевар
Сидят в первом ряду: Сергей Прокопович, Олег Жилинский, Борис Царенков

Много чего не помню, слишком часто менял школы (год, полтора и новая школа). Ходил в кинотеатр на фильмы с фотоаппаратом «Смена-8М», чтобы фотографировать индейцев. По воскресениям торчал у телевизора, ждал «Международную панораму» — а вдруг сюжет про индейцев, а я пропущу и не сделаю фото. Обязательный просмотр «Клуба кинопутешественников» — а вдруг покажут индейцев? Поход в библиотеку — читать всё, что там есть про индейцев. Не помню точно название журнала, где печатались главы из книги «Сыновья Большой Медведицы» — то ли «Пионер», то ли «Костёр». В читальный зал ходил, чтобы аккуратно вырезать картинки (шикарные иллюстрации были), а затем и весь текст скомуниздить и вклеить всё в свой альбом. Любая хрень (от вкладышей от жевательной резинки — круто, если жвачка американская, с настоящими фото индейцев — до серий Болека и Лёлека на Диком Западе. Всё с изображением индейцев и ковбоев отправлялось в мои альбомы. Я много лет хранил их, возил по гарнизонам с родителями и потом по своим местам службы и лишь в 2000-х подарил все альбомы Юре Чёрному Волку на день рождения. Помню, как проездом через Вильнюс (с родителями в отпуск), в центральном Универмаге я увидел набор подтяжек (на брюки, носки и рукава рубашки), это всё было прикреплено на картонку с изображением индейца с одной стороны и ковбоя с другой. Как ни упрашивал я родителей купить это мне, они не купили. Обида была жесточайшая. Потом наступил в моей жизни 1977-й год, увлечение тяжёлым роком и как следствие — *длинные волосы*, а *это* — *тоже индейцы*. Первое племя под моим началом. Походы в лес и строительство именно *вигвамов*, луки, стрелы и т. д. и т. п. Первая кличка — Чингачгук. Первого сентября меня не пускали в школу из-за слишком длинных волос. Но мне всё было, как говорится, по барабану. Я индеец и хрен вы меня пострижёте. С отцом воевал из-за длинных волос — он у меня военный, неоднократно пытался меня остричь, но я сбегал при приближении к парикмахерской, хотя ему большое спасибо за то, что он всегда поддерживал меня во всех моих увлечениях. Его подчинённые (солдаты) по моим эскизам делали мне индейские ножи, томагавки, наконечники для стрел. Первый *брэстплэйт* я себе сделал из колен сухого тростника, а трубку из бузины (сердцевину легко проткнуть и приделать чашку). Так и продолжалось до 1979-го года.

Потом было военное училище, служба на Байконуре, служба в Подмосковье, серьёзное увлечение реконструкцией 1812-го, прикладной частью (мне было интересно сделать, а не прочитать), Поездки на выставки, изучение мундиров по запасникам музеев, участие в фестивалях (тогда мы были за все кроме голодовки). Про индеанистов слышал. Говорили, что они где-то под Питером собираются и под Тверью, но никто из моего окружения никого из индеанистов не знал, пока в 2002-м мне не рассказали про отдельных людей — Мато Нажин и Саня Медвежий Дождь.

Все эти годы, начиная с 1975-го года, я следил за всем, что было связано с индейцами. Собирал материалы, книги, фильмы и т. д. Про индеанистов только слышал, но не встречал, а на Бородино я

познакомился с Юрой Чёрным Волком, который, как выяснилось побывал на Пау-Вау. Вот он-то и стал уговаривать меня поехать к индеанистам на Пау. Но мне не хотелось ехать «просто так», я же бородатый, а индеец с бородой — смешно, ковбойщина меня не прельщала, вот отсюда и возникла тема переселенцев на Франко-индейских войнах. Выйдя в мае 2007-го на пенсию, я подговорил одного друга на поездку. Так всё и закрутилось.

Виктория Бугаева

Письмо в Останкино

Здравствуйте. Я посмотрела вашу передачу сегодня, где вы показывали интервью с людьми, которые стремятся жить как индейцы. Мне хотелось бы поближе с этими людьми познакомиться. Я тоже увлекаюсь индейскими обычаями, но знаю очень мало. Вычитываю в книгах или смотрю фильмы. Мне хотелось бы переписываться с людьми, которые знают индейские обычаи и любят жизнь и свободу. Многим это может показаться странным и даже ненормальным. В своём городе я не встречала ещё людей, чьи интересы совпадали бы с моими. Мне очень одиноко, мои друзья не разделяют моих взглядов, а лишь терпят их, думают, что это несерьёзно. А для меня это — жизнь, и пусть кому-то будет казаться, что я ещё не вышла из детского возраста и верю во всякие бредни, но я всегда хотела жить по-индейским законам, жить как индейцы. Иногда мне кажется, что я родилась не в своё время. И для меня слово «индейцы» значит больше, чем просто увлекательные приключения. Мне бы очень хотелось, чтобы вы ответили на моё письмо. Мне тринадцать лет, и я бы хотела быть с теми, чьи взгляды полностью разделяю.

Любовь Павлова

В детстве читала книги Внукова, играли летом с детьми, строили шалаш, ставили шесты как типи и обтягивали их полиэтиленом, перья чаек собирали на берегу Ладоги. Прочитала «Схороните моё сердце в Вундед-Ни» и плакала.

Первая встреча с индеанистами произошла в школе. Оля Пакунова Поющая Лань спела несколько песен и это на меня произвело неизгладимое впечатление. Остались в памяти мокасины в клеточку — жёлтые с чёрным. Оля, возможно, приходила не одна, но других никого не помню. В памяти осталось, как она пела под гитару. «Я ясно слышу, как земля там не молчит, там сердце Лошади Неистовой стучит. Там слышно пение трёхсот из-под земли, похороните моё сердце в Вундед-Ни». Эти песни долго звучали в моей голове, они тронули сердце. Время прошло, всё изменилось, она не поёт их на Пау-Вау.

Потом, когда появились видео с танцами, встречались с девочками, разучивали их. Но это было гораздо позже.

На Пау-Вау в первый раз попала в 1985 году. Мне подарили платье фланелевое, вываренное в марганцовке и расшитое ракушками…

Песни под гитару до утра в исполнении Громкого Голоса. Громадное типи. Я попала в другой мир. Множество впечатлений: обряд Трубки, жизнь

Олег Жилинский (Танто) в 1979 и 1999 годах

Танто, Соббикаше, Танцующий Лис, Злой Глаз, 1991

в типи, разговоры и песни у общего костра…

Помню, как у меня на работе женщины обсуждали телевизионное интервью с Танцующим Лисом. Больше всего их удивило, что он голый (в набедреннике был), грязные дикари — вот такие у них впечатления были.

Олег Жилинский (Танто)

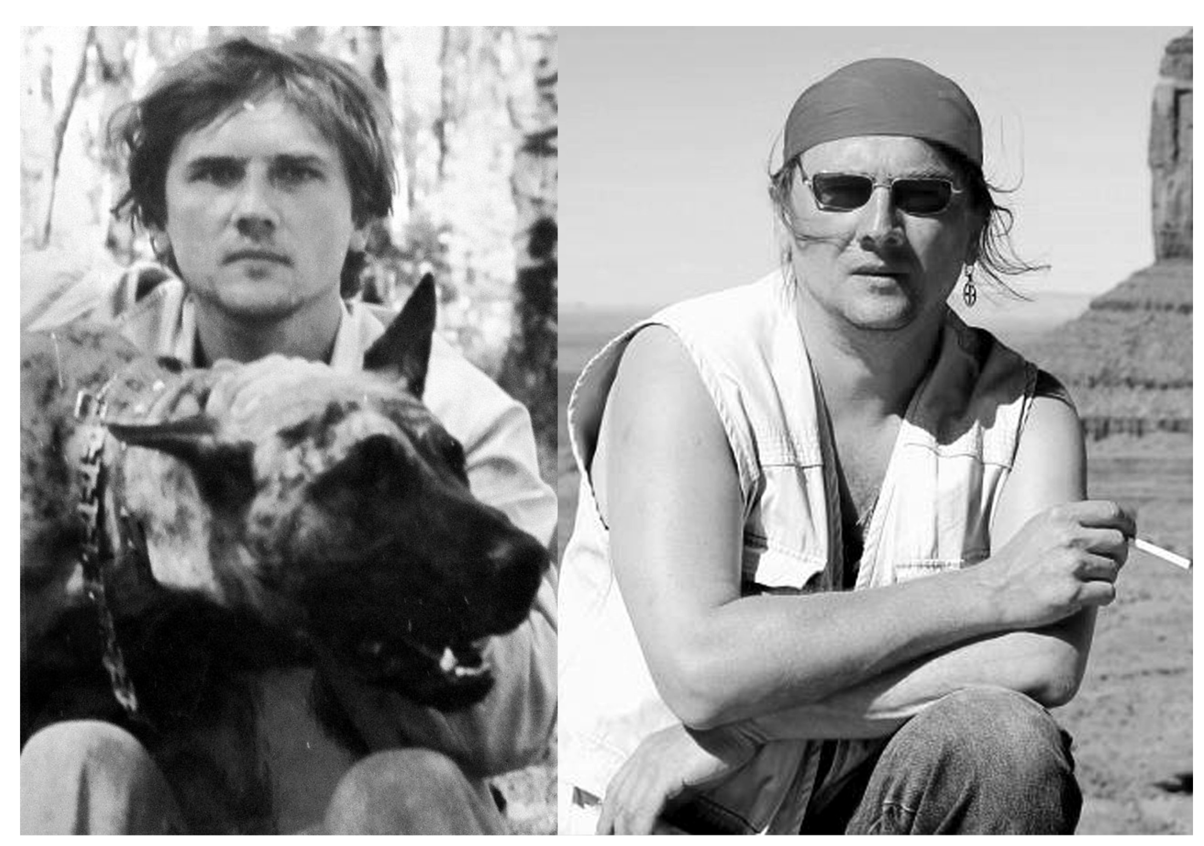
Моя индейская история началась в 1977 году (седьмой класс) в городе Заславль, что в двадцати километрах от Минска, где я родился. До этого я слабо представлял себе, кто такие индейцы. Несколько фильмов «ДЕФА» и книга Купера «Пионеры», которая не произвела на меня ни какого впечатления. Судьба вывела меня на группу ребят из моей же школы, старших меня на два-три года. Из достоверных источников мне стало известно о неком таинственном племени, скрывающимся в окрестных лесах. Не без труда удалось познакомиться с некоторыми из них. Я узнал, что это «племя» имеет свою базу — лагерь в лесу. Их на тот момент было шестеро, и называли они себя Вап-Шауни. Не трудно догадаться, что название было позаимствовано из книг Сат-Ока. А «вап» — на каком-то индейском языке якобы означало «белый». Таким образом выходило, что это были индейцы, но как бы белые, т.е. не совсем индейцы. На тот момент мне показалось, что это честно. Не Апачи же, в самом-то деле.

Первое, что мне дали почитать, это были книги Сат-Ока, затем всё, как говорится, по списку. В «племя» так просто было не попасть, и мне было поручено задание — за два-три месяца выучить определённый набор слов по словарю, составленному из разных книг, набор легенд. Я должен был уметь разжигать костёр, сделать (добыть) себе оружие — лук со стрелами, нож, томагавк и научиться владеть ими. Т.е. стрелять, метать нож 1—2 оборота, томагавк 1—3 оборота, ну, и сделать комплект одежды. В общем, джентльменский набор юного индейца. Помню всё до мелочей и сам удивляюсь, как я с этим справился (мои новые друзья, кстати, то же), но факт… Испытание я прошёл, в племя меня приняли, и через некоторое время я получил своё первое и последнее имя — Танто (Железный Глаз). Выбор был не случайный, а основанный на способностях. Тогда у меня неплохо получалось стрелять из лука и попадать в цель ножом и томагавком. А ещё мне чудесным образом удавалось находить утерянные вещи. Я не выбирал, мне его дали торжественно, на Совете, после чего был пир с печеньем и сгущёнкой. Мне нравилось это имя, как и одноимённый персонаж книг Сат-Ока (старший брат автора).

Василий Власов (Черепаха)

Сидят дед и отец, смотрят программу «Время», я там где-то по полу ползаю. 1973-й год, вся эта политика, спорт и т. д. меня ни капли не интересовали. И тут говорят: «Индейцы захватили посёлок Вундед-Ни», я голову поднимаю, а там фотография…

Ну, мне интересно стало. На волне тех событий по телику показали «Белые волки», для меня (на фоне всех прочих

Василий Власов в 1998 и 2005 годах

Василий Власов в образе генерала Кастера

советских передач) это очень ярко было. Тем же летом (а лето я почти всегда на даче проводил в Подмосковье) я приболел, из дома меня не выпускали, а читать я уже тогда любил. Пошёл искать интересное чтиво, откопал подшивку «Юности» за несколько лет, полистал и нарвался на «Землю Солёных Скал» Сат-Ока. Должен сказать, что как бы теперь о нём ни говорили, но спасибо ему, ибо это то самое чтиво, которое многих и толкнуло на эту тему, а правда это, или нет, это уже не имеет значения, спичка запалила шнур...

Буквально неделю или две спустя я выздоровел, Сат-Ока прочитал, пошёл в гости к соседям, в прятки играть стали. А дом у них хороший был, и на втором этаже находилась очень неплохая библиотека. Я спрятался под кровать, лежу, смотрю — напротив шкаф книжный, и на меня книженция одна смотрит, в мягком переплёте, а на обложке какие-то всадники и жилища остроконечные. Я про прятки забыл, из-под кровати вылез, книжку достал — ба, заголовок-то какой! «Моя жизнь среди индейцев»... А чуть позже появились «Маленькие дикари», мама принесла, у подруги специально для меня одолжила. Затем у друга взял «Мой Народ Сиу», но эта книга показалась мне скучноватой, зато была там одна глава — про Неистовую Лошадь, а я по жизни западаю не на исторические события, а на интересных мне личностей, неважно, какую роль они сыграли в мировой истории, ну вот тогда и запал на Крейзи Хорса. И до сих пор он мне нравится куда больше других героических индейских вождей.

Ну, потом у нас в классе все стали в индейцев играть, солдатики из ГДР появились, но ребята поиграли в индейцев класса до седьмого и бросили. Искать единомышленников, как другие искали, отправляя письма в журналы «Вокруг Света», «Пионер» и т.п., мне и в голову не приходило. На время всё, что связано с индейцами, как бы умерло.

Десятый класс, экзамены, институт, дети, не до индейцев было. Хотя и тогда я старался покупать всё, что почитать можно было на эту тему. Ди Брауна выменял на какой-то раритет из родительской библиотеки. Аверкиеву, помню, изучал. Настоящий интерес вернулся благодаря двум обстоятельствам — первый видеомагнитофон и книжка Юры Котенко «Индейцы Великих Равнин». А познакомился я с индеанистами только в 1998 году.

Первый видик я купил году в 1991-ом. Ну, естественно, сперва боевики, эротика и т. д. и т.п., но как-то так получилось, что потихоньку я стал брать в прокате вестерны, которые имелись в наличии: «Хороший, плохой, злой», «Маленький Большой Человек», «Человек по имени Лошадь» и другие. Сначала просто так смотрел, а потом зацепило. Ну, а потом — «Танцы с волками», «Последний из Могикан», и тут я вторично «запал» на эту тему.

С индеанистами познакомился случайно. Хотя любая случайность — это неосознанная закономерность. Когда я только познакомился с Лидди и ещё не был женат на ней, мы однажды поехали с ней к её другу (ну, понятно с какой целью). Но я ещё и кассеты с фильмами прихватил, поскольку у друга имелся видик. И мы с ней смотрели фильмы в передышках. Сейчас самому смешно: «Маленький Большой Человек», «Сын Утренней Звезды», «Танцы с волками» и ещё что-то про индейцев.

До сих пор не понимаю, почему она меня тогда сразу не бросила, идиота такого. А потом ей захотелось сделать мне хороший подарок на «днюху» — убор из перьев. Был у неё знакомый из зоопарка, Ромка, она к нему — где перья взять? Рома знал Лёху, парня в Зоомузее, который эти уборы делал; он до сих пор там работает. А Лёха был знаком с Сэнди. Цепочка выстроилась сама собой. Лёха от индеанистов ныкался, но как-то раз притащил с собой на станцию юннатов Сэнди и Аню, девчонку, которая изучила Лакотский язык, съездила в Пайн-Ридж и собиралась вести в МГУ факультатив по языку Лакотов. Я, естественно, туда припёрся, а там вся братия — Котенко, Гач, Глеб и т. д. А познакомиться мне с ними захотелось, потому что я купил за год до этого котенковскую книжку «Индейцы Великих Равнин», почитал, и попытался свисток из орлиной косточки смастерить, но не получилось…

Сергей Егорочкин (Чёрное Облако)

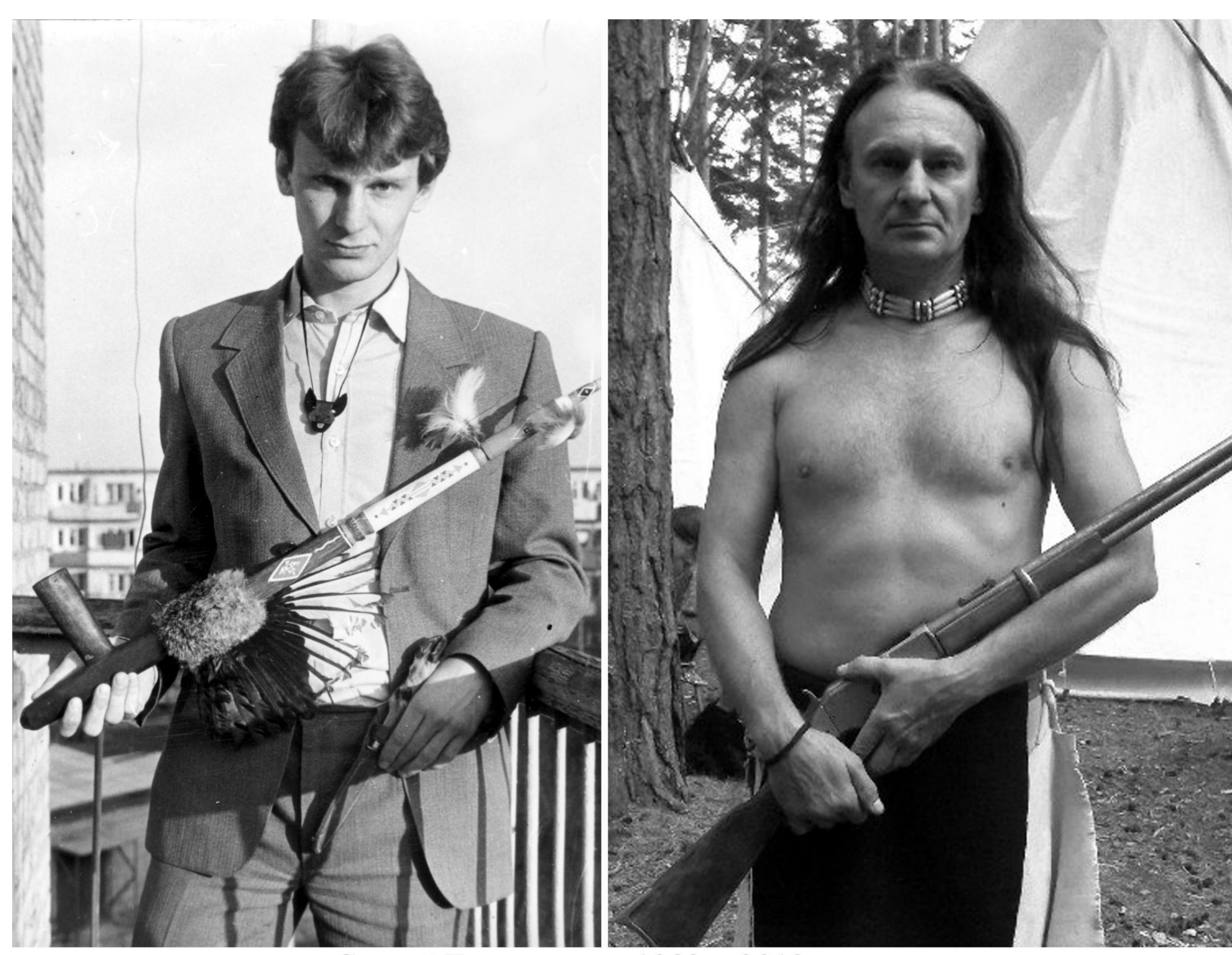
Вспоминаю историю с юности. Мы учились в 8—10 классах. Нас было сначала четверо, затем семь человек.

Летом 1973 года я встретил Андрея Грыдина. Мы жили рядом (это был небольшой посёлок из вагончиков, где временно обитали люди до получения квартир). Мы познакомились, и Андрей предложил пойти в лесок бороться; он победил. Быстро завязалась дружба. Затем Андрей предложил играть в индейцев после просмотра фильма «Сыновья Большой Медведицы». У него был друг Костик, который прочитал Сат-Ока и велел всем нам обязательно прочитать. После этого возникла мысль создать своё «племя Шауни». Если взвесить наши знания на тот момент, то что ещё мы могли придумать? Главные герои: я (Кумуан — Чёрное Облако), Гридин Андрей (Стумик — Бизон), Жилинский Олег (Танто — Железный Глаз), Потеряйко Костя (Кайошк — Чайка) и другие…

Помню, как мы в очередной раз сбежали из дому в наш лес на выходные с ночёвкой, прихватив с собой «вигвам», еду индейскую, одежду, луки, томагавки и прочее…

Всё шло как всегда — состязания, игры… И вдруг слышим, кто-то идёт по лесу и насвистывает Чебурашку («пусть бегут неуклюже»). Лес, поляна наша, допустить бледнолицего нельзя. Срочно наносим на себя боевую раскраску, одеваемся — головные уборы, копья, луки. Выходим на край поляны и встречаем бледнолицего. Вроде бы играем, но всё делаем всерьёз. А он, напевая, собирает грибы в лукошко, поднимает, ничего не подозревая, голову и видит, перед собой фигуры с копьями, в перьях, разукрашенные, с натянутыми луками. Он бросает лукошко, посох и как чёрт от ладана убегает от нас в кусты… Вкусные были грибочки, которые он оставил…

Много было невинных забав, но случалось и такое, за что сегодня стыдно. Например, как-то мы сделали луки и стрелы, хотели проверить на прочность не только оружие, но и самих себя. А как проверить, хорошие мы охотники или нет? Поймали кошку, привязали к столбу в поле и решили по очереди стрелять из луков в эту «живую мишень» (наконечниками в стрелах были гвозди). Как

Сергей Егорочкин в 1983 и 2013 годах

оказалось, не так-то просто было убить кошку. Во-первых, и смелость нужна, решимость убить, ведь это первая жертва для каждого из нас, во-вторых, несчастная кошка не стояла на месте, прыгала, металась, да и наши стрелы не пробивали шкуру. В конечном счёте мы убили ту кошку… Преодолели страх, проверили меткость (нам тогда было где-то по четырнадцать лет). Андрей, Костик, Танто и я… Сейчас за этот поступок стыдно, всё-таки не настоящая это охота и бессмысленная в своей жестокости, не на равных мы были со «зверем»: кошка на привязи, не могла ни убежать, ни напасть на нас. Неприятно вспоминать об этом, а тогда гордость так и пёрла, глупые мы были…

Олег Жилинский (Танто)

Ну, вот я и стал полноправным членом племени Вап-Шауни. У нас был свой лагерь в укромном местечке ближайшего леса, где круглый год стояли 1—2 типи. Там всегда имелся запас дров, спички, соль, сахар, чай, нож, топор. В общем, всё необходимое на первое время, чтобы переночевать в лесу. Чем мы периодически и занимались, прогу-

ливая уроки. Ну и лето, как правило, проходило там же. Там же у нас происходили всякие мероприятия: набеги на соседние деревни, разные военные игры и соревнования. Там же мы отмечали наши дни рождения. Так прошёл мой первый этап становления, как индейца. Приключений было много всяких, как и у всех, кто стоял на этой Тропе. В этом я был целиком с головой до того момента, пока мои старшие друзья не отправились в армию. Мне тогда было семнадцать лет…

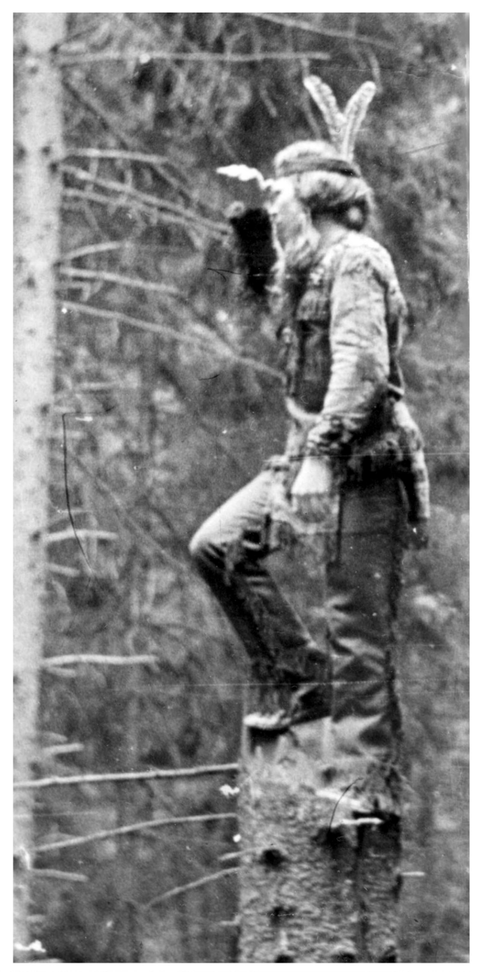
И вот стоило только заинтересоваться темой, сразу же оказалось, что весь информационный эфир пестрит информацией об индейцах. Газеты, журналы, политические программы («Международная панорама»). События в Вундед-Ни эхом отдавались в нашей прессе. И тут же появился фильм «Родина, которую украли». Фильм печальный, но, как ни странно, меня он обрадовал. Я понял, что не обманулся в индейцах. Они живы, дух не сломлен, они сражаются. В то время, мне больше ни чего и не надо было.

Любая статья в газете или журнале с упоминанием индейцев, становилась моим трофеем, где бы она не находилась. А журнал «Вокруг света» выписывался мной, в основном из-за публикаций на любимую тему. Да у меня до сих пор сохранились те вырезки…

В те далёкие времена, постоянно посещала мысль — неужели мы одни такие!? Но, как-то в голову не приходило поискать единомышленников. Но в году 1984-ом, когда я остался практически один в теме, я начал шевелиться. Все мои старые друзья, отслужив армию, обзаводились семьёй, устраивали личную жизнь, и как-то тема индейцев постепенно ушла. Но не от меня! Я тоже женился, но не успокоился. Правда, удалось как-то собрать почти всех и мы устроили проводы детства, сняв кое-как фильм на 8-мм. После чего оставили свою детскую индейскую одежду в нашем лесу. Наверное, для некоторых это было прощание с темой, но я это воспринимал, как прощание с очередным этапом в теме. Тогда уже было понятно, что тема индейцев гораздо обширнее и интереснее, но не хватало информации.

И тогда мне как-то попалась заметка из какого-то немецкого журнала о индеанистах ГДР с фото. О, это было прекрасно! Я наконец-то увидел настоящие, живые индейские вещи и реальных людей, которые их делали. Были они недоступны, и это огорчало. Был тогда, наверное, год 1986—87. Я долго думал над тем, как бы связаться с коллегами и в итоге ничего лучшего не придумал, как написать письмо в ГДР. Ну, как известное письмо «на деревню дедушке». Примерно так и сделал. Писал всё на русском. Ну, а адрес… Просто по-русски написал — ГДР, Клуб индеанистов. И всё! И что ты думаешь? Через пару месяцев я получил ответ! Всё было на немецком, но это было настоящее письмо от настоящих индеанистов. Мне ответила женщина по имени Вальдтраут Штензель (уж не помню, как по-немецки). Она рассказала, что письмо ей попало от организации FDJ, это у них там вроде нашего комсомола было. Она не являлась членом клуба, но была директором дома культуры, при котором состоял старейший (или самый старый) клуб индеанистов Old Manitu (или Manitou). Переписка завязалась, и я получал в письмах всякие инструкции. Получил выкройку

Вап-Шауни, 1978-1979

Вап-Шауни в полном составе, 1978

мокасин, рубахи, легин, типи, много фотографий с их слётов (в цвете). А потом получил от неё посылку. О, это был клад! В посылке лежали иглы для вышивания и плетения, бисер, несколько образцов вышивки, два парика с косами, много фотографий, в том числе из музея Родебойля (ГДР), пара интересных буклетов по истории и культуре индейцев равнин, губную гармошку и… две шоколадки. Зачем? Я потом тоже в ответ отправлял что-то, типа льняных белорусских изделий. А ещё, я получил от неё ценную информацию о том, что у нас, в СССР, где-то на Севере (это у них там Ленинград так назывался, как я позже понял), тоже есть индеанисты. Интрижка.

Потом события развивались стремительно, и такое ощущение, что всё происходило одновременно. Поэтому я даже не помню, что было раньше, что позже. Ну, в общем, была в то время модная такая тема «друзья по переписке». Писалось в газете объявление на интересующую тему, и люди как-то списывались. Таким образом, я познакомился с какими-то девчонками, которые вроде когда-то были на встрече индеанистов под Ленинградом, и они мне дали координаты Сергея Иванова — Соббикаше. Я с ним списался, он пригласил меня на Пау-Вау. Это был 1987—88 гг. Как-то параллельно я познакомился с человеком из Гомеля, Алесем Симаковым. Он на то время занимался созданием Белорусского Индейского Общества (какая-то странная организация, я до сих пор не пойму её смысла, но она существует до сих пор) и уже побывал разок на слёте индеанистов под Ленинградом. Через него я заочно познакомился со многими теми, кого потом узнал лично и подружился. Даже на фото многих увидел.

Вот с таким багажом я подходил к лету 1988 года — моего первого Пау. К лету у меня уже было готов комплект одежды ИЗ ЗАМШИ. Смастерил свои первые, полностью расшитые бисером мокасины и стал созваниваться со своими друзьями из индейского детства. Откликнулись двое. Самые крутые. Приближалось

лето 1988 года, время нового этапа моей индейской жизни.

Игорь Гуров (Мато Сапа)

Самое раннее впечатление, приведшее к индейцам, была книга С. Писарева «Повесть о Манко Смелом». Племена Лебедя и Болотных Лисиц, головные уборы из перьев, каменные дубинки, луки. Иллюстрации — как будто из книг про индейцев (сегодня их можно так расценить). Помню, как под впечатлением от прочитанного вышел на улицу и в ближайшей песочнице пытался найти булыжник для дубинки. Было мне, наверное, лет восемь-девять, не больше. Потом был фильм «След Сокола» в Доме Офицеров (я из семьи военного) в военном городке в Амурской Области. Я думал, что кино про пограничников и шпионов, но то, что я увидел, взорвало мой мир! Длинные развевающиеся волосы, прыжки Митича по камням — то, что я потом мечтал воспроизвести (конечно, в определённом возрасте)!

Друзей как таковых «заболевших», как я, не было, хотя, конечно, школьные приятели и те, которые жили по соседству, тут же принялись делать луки и стрелы и создали «племя». Были и условные звуковые сигналы, горячие споры о том, кто вождь, а кто шаман! Тогда же мой дядя познакомил меня с Купером, рисовал мне картинки индейского оружия. Сразу за Купером я прочитал несколько книг Д. Шульца, Г. Фаста, А. Зегер. Это то, что я помню.

В 1973 году (11 лет) я вовсю следил за новостями из Вундед-Ни и резал газеты и журналы. Хранил это всё до конца 1980-х, пока не отдал Малахову-Четану на время, но получилось, что «с концами»...

Со временем все мои друзья-индейцы отошли, и я остался один «помешанный на индейцах», как называла меня мама. Вот этот комплекс «помешанного на индейцах» очень долго тормозил меня психологически. Вот почему я до сих пор не могу заставить себя быть «клоуном» и наряжаться, чтобы развлечь кого-либо. Конечно, это всё детское и давным-давно пережитое, но даже когда в стране развернулась кампания в защиту Леонарда Пелтиера (я учился уже в Универе), то всё ещё ощущал эту неловкость, собирая подписи и участвуя в акциях.

Оказавшись на пленэре в Ленинграде в 1982 году, я случайно познакомился в Кунсткамере с заведующей отделом Северной Америки (не помню её имя), а она уже дала мне контакты Клуба на Владимирском проспекте (Анна Абакаровна) и показала рукописное приглашение на первое Пау-Вау. Только тогда я впервые узнал, что я не единственный такой «помешанный». Я не уехал со своим курсом обратно домой, а занял 10 рублей и купил обратный билет дня на 4—5 позже и решил направиться в Холмы, на Пау-Вау.

Сначала я приехал на Владимирский Проспект (на квартиру Павловых). Там впервые встретил Серёгу Павлова (Большое Сердце), Мато Нажина, Орлинное Перо, Красного Волка, Большого Бобра, Овасеса. За те пару дней перед выездом на поляну я фотографировал своим фотоаппаратом «Смена 8М» какие-то книжки, в частности «Golden Book» Бена Ханта со схемами изготовления вещей, степами танцев и т. п. Там же мне, есте-

Игорь Гуров (Мато Сапа), 1995

ственно, начертили схему, куда и как добираться. В общежитии на Васильевском Острове, где мы, студенты, жили, я выпросил у наших девчат с курса кухонный ножик, к которому сделал ножны из подобранной на улице кожаной обшивки футбольного мяча. Это и был практически весь мой багаж, с которым я отправился на поляну. Этюдник я оставил у Павловых. На мне был обычный городской плащ типа «Макинтош», достаточно широкополая шляпа, купленная ранее, и пакет с полотенцем и какой-то жратвой на первое время. Вот в таком виде я и добрался до места стоянки. Первым меня там встретил, кажется, Овасес, удивившийся моему уверенному виду, когда я практически подошёл к холму, за которым и находилась стоянка, но её ещё не было видно. Не знаю, откуда потом взялась легенда, что я заявился на Пау с «дипломатом».

Меня поселили в типи к Гордому Орлу. Там же жил Большой Орёл из Лесозаводска. Это в Приморском крае. У меня не было ни одеяла, ни спальника. Первую ночь я провёл на куче еловых веток, укрываясь плащом. А вот на следующую ночь Рысёнок предложил палатку, которую я использовал как постель, просто завернувшись в неё. Я там пробыл три-четыре дня, что, конечно, снесло голову напрочь. Вернувшись домой, я практически забросил учёбу, хотя это был третий, самый сложный курс, но зато я за год сделал три комплекта «костюмов»: первый был повседневный — рубаха, сшитая из кусков коричневого фабричного спилка, которого было много найдено на промышленной свалке, и леггины из форменной шерстяной офицерской ткани (У отца было полно всяких отрезов, что им выдавали); второй был парадный — из белого х/б полотна (плащёвки), с расшитыми мулине полосами и воротом и бахромой из кроличьих шкурок, леггины, головной убор из орлиных перьев, который у меня к тому времени был уже лет 8—10, и мокасины, уже расшитые «бисером» из резаной изоляции от проводов; третий был танцевальный (фэнси) с двумя бастлами, расшитыми бисером, налобной повязкой, браслетами на руки и роучем из конского волоса. Ну, и как приятный результат того года, мне было присвоено первое место за лучший костюм на Пау-Вау и приз — книга поэзии латинамериканских поэтов с автографами всех членов Совета Пау-Вау. Книга жива до сих пор...

Владимир Скляров

Совесть

Очевидно, что индеанизм в нашей стране появился не в 1960-70-е годы XX века, а намного раньше. У Александра Сергеевича Пушкина есть повесть о индейцах — «Джон Теннер», чеховские мальчики собирались бежать в Америку добывать золото и воевать вместе с индейцами против белых. В царское время в России издавался Майн Рид и Фенимор Купер. А в 1920-е годы издали четырёхтомник Джеймса Шульца.

Моё увлечение индейцами началось с книги Сат-Ока «Земля Солёных Скал». Отец ездил в Москву в командировку и там купил её. Мне он посоветовал почитать её уже в 10 лет, т.к. премьеру фильма «Сыновья Большой Медведицы» я не видел (она состоялась в зимние каникулы в 1967 году, я её пропустил).

Книга произвела на меня огромное впечатление. Я начал разыскивать книги о индейцах в пяти библиотеках города, в которых был записан, а также у одноклассников. В библиотеках практически ничего не было, но нашёл «Великий океан» Кратта. У одноклассника Игоря взял почитать книгу Джеймса Шульца «Ошибка Одинокого Бизона», у Саши Половинкина — всего Фенимора Купера, он хранился у его бабушки в сундуке, и Саша вытягивал по одной книге из сундука, когда не было бабушки, и давал мне читать. Витя Шемигонов дал мне книгу «Харка — сын вождя» Лизелотты Вельскопф-Генрих.

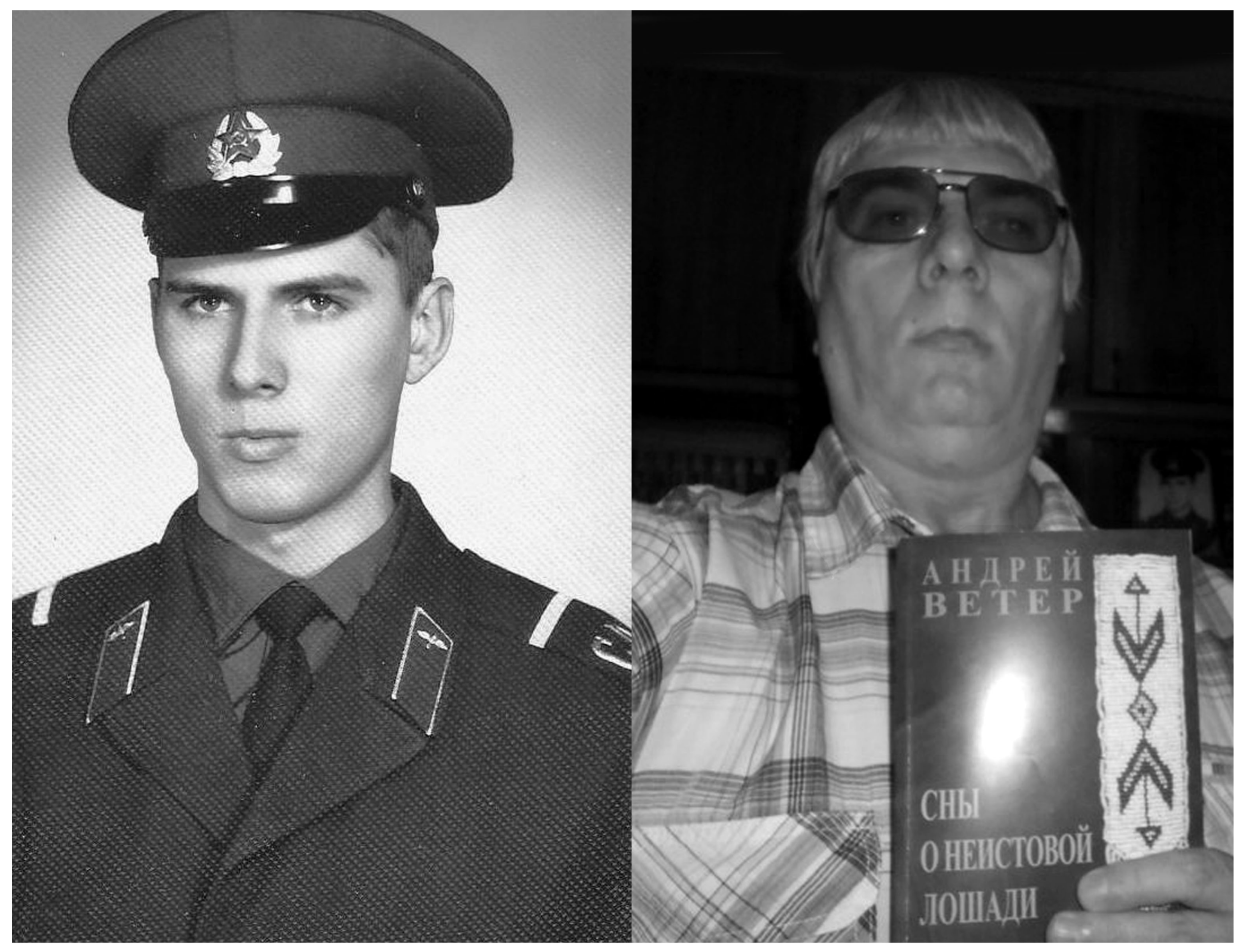
Мы жили в железнодорожном доме за тяговой подстанцией, дом был шестиквартирным и находился на отшибе. До Собачьего Хуторка (Кирпичного) было с полкилометра. Дом стоял на возвышенности. Метрах в ста от дома тянулась «низинка» до железной дороги, поросшая травой, кустарником и деревьями. За домом лежали огороды и потом до самой реки Белой, которая протекала километрах в двух, опять те же кусты и деревья. До строительства асфальтного завода мы жили, как на даче. Единственное что по ветке круглые сутки шли поезда на Туапсе и обратно, летом — через каждые 10—15 минут. Поначалу это доставляло неудобство, но потом мы привыкли и уже не обращали внимания на грохот поездов.

После просмотра фильм «Сыновья Большой Медведицы» Гойко Митич стал моим любимым актёром. Я во всём старался ему подражать. Сделал себе лук и стрелы, наконечники для стрел из консервных банок и привязывал перья к древку. На каникулах в тёплое время года я, изображая индейца, охотился в «низинке», стрелял в деревья. Однажды летом ко мне прибежал играть паренёк на три года младше меня, довольно-таки упитанный. Звали его Игорь. Мы были в шортах и вьетнамках — нашей повседневной одежде. Я начал показывать Игорю свой новый лук, пускать стрелы вверх, и они долетали до высоковольтных проводов, а затем втыкались в землю. Под одну стрелу подлез Игорь, и она воткнулась ему в плечо. Мгновенно по руке полилась кровь, я выдернул наконечник из плеча, и Игорь, громко плача, убежал домой. Я ждал, что вечером, когда придут родители с работы, меня постигнет наказание (наши с Игорем матери были подругами). Но как-то всё обошлось, и я избежал наказания.

За год я прочитал книгу Сат-Ока раз пять. Моей любимой книгой заинтересовалась даже мать, и летом прочитала её. Она работала учителем математики в старших классах, и ей некогда было читать, книгами увлекался отец, и свою любовь привил и нам с братом.

К концу лета к нам в гости приехал двоюродный дедушка Гриша из Благовещенска, что на Дальнем Востоке. Он был полковником в отставке, успел повоевать с японцами, а после демобилизации работал директором кондитерской фабрики в Благовещенске. К нам он заехал по дороге из Москвы, где на ВДНХ представлял продукцию своей фабрики, а потом обменял конфеты на консервированных крабов с другого завода на Дальнем Востоке. Тогда я впервые попробовал крабов. До сих пор помню лакированные банки с надписями на английском языке и пергаментной бумагой внутри, в неё были завёрнуты крабы.

Дедушка Гриша пробыл у нас три дня. А в дорогу мать отдала ему моего

Владимир Скляров в 1975 и 2014 годах

Сат-Ока. Для меня это была трагедия, и я очень расстроился, но не плакал (индейцы не плачут).

Отец сказал матери: «Зачем ты отдала любимую книгу Вовки? Видишь, как он расстроился?» Это услышал дедушка Гриша и сказал: «Не расстраивайся, внучок. Пока доеду до Благовещенска, я книгу прочитаю и вышлю её тебе обратно в посылке с двадцатитомником Джека Лондона». Перечитать книгу мне удалось только в интернете — спустя десятилетия.

В 1969 году летом к нам в книжный магазин привезли в двух экземплярах книгу Бейклесса «Америка глазами первооткрывателей» с иллюстрациями, но она стоила немыслимые деньги — 3 руб., 1 коп. Приходя в магазин, я брал книгу и рассматривал картинки. Однажды я затащил в магазин отца и показал ему книгу. Но отец сказал, что книга очень дорогая.

Когда я бывал в городе, я продолжал любоваться книгой, а потом на полке остался всего один экземпляр. К сентябрю исчезла и она. Наступил мой день рождения, и отец вручил мне свёрток, а когда я его развернул, увидел там книгу Бейклесса. Моей радости не было границ. Та книга до сих пор хранится в моей библиотеке.

Летом 1970-го года друг моего старшего брата дал нам на месяц «воздушку», пулек не было, и мы стреляли дробью завёрнутой в бумагу. Я целыми днями лазил с винтовкой в «низинке», изображая индейца, стрелял по банкам и стёклам.

В библиотеках, в читальном зале с штудировал сталинскую БСЭ, выписывал оттуда статьи о индейский племенах. Для меня это была очень ценная информация. Из одной из командировок отец мне привёз политическую карту США большого размера, такой не было даже в школе, там были границы всех штатов. Вскоре я знал наизусть название всех штатов, карта висела у меня на стене, и, читая книгу про индейцев, я отслеживал по карте, где разворачивалось действие книги.

У одноклассника Славки я нашёл книгу Сетона-Томпсона «Рольф в лесах». Книга мне очень понравилась, и через несколько месяцев я решил её перечитать. После школы мы со Славкой пошли к нему домой, я остался на улице, а он пошёл за книгой. Через некоторое время Славка вышел и сказал, что книги нет, её спустили в унитаз. Я был в шоке, как можно пустить такую книгу на туалетную бумагу?!

Однажды в железнодорожной библиотеке мне дали почитать книгу Фидлера «Маленький Бизон». Книга была старая, потрёпанная, нескольких страниц не хватало, но она рассказывала про индейцев. Через пару месяцев она попалась мне снова, я её перечитал, но через положенные дне недели не принёс сдавать с другими книгами, а библиотекарь в карточке вычёркивая книги по ошибке вычеркнула и «Маленького Бизона». Книга осталась у меня. Ещё пару раз я сдавал книги, и никто у меня не спрашивал про Фидлера. Меня начала мучить совесть, ведь получалось, что я украл книгу из библиотеки. И через месяц, ещё раз перечитав её, я сдал книгу в библиотеку. Библиотекарь удивилась, ведь книга была вычеркнута из моего читательского билета. Я объяснил, что книгу вычеркнули по ошибке. Потом я безуспешно искал «Маленького Бизона» в библиотеке и спросил у библиотекаря: «Где книга?», она ответила: «Её списали вскоре после того, как ты её сдал. Книга была старая».

Ирина Подкопаева

Мне было 17 лет, я познакомилась со своим будущим мужем, и он рассказал мне, что в детстве они с друзьями играли в индейцев. Воровали у мам простыни, шили типи как умели, делали луки и стрелы, давали друг другу индейские имена. Так я впервые узнала, что на свете бывают индейцы.

Надо сказать, что на тот момент я была очень-очень городской девочкой, не знающей леса и готовой упасть в обморок при виде паука. Честно, так и было. И вот мой будущий муж предложил мне поехать на рыбалку с ночёвкой в его детском типи. Без полога, никакого очага внутри, но на тот момент мне романтики хватило и, в общем, поездка понравилась. На какое-то время мы про индейцев забыли. До того момента, пока не встретились с группой харьковских индеанистов. А было это так. Мой первый муж, Хромой Волк (Игорь Куденко) занимался резьбой по дереву. И однаж-

ды, когда он стоял и продавал свои работы, к нему подошёл Саша Серый (сейчас его уже с нами нет). Увидел, что у мужа есть несколько фигурок индейцев, и спросил не увлекается ли тот индейской культурой. Так они и познакомились. Мой первый муж получил своё имя, начал шить индейские вещи. А я… смотрела на всё это и думала, что он сумасшедший. Реально, я не понимала, что он творит. Пришло лето, и ребята пригласили нас на Пау-Вау под Харьков на реку Северский Донец. Муж сказал, что раз я не понимаю индейцев, то мне там делать нечего, и поехал один. Ребята же его тут же отправили обратно, за мной. Он вернулся и позвал меня. Я поехала просто на вылазку, ничего индейского в голове у меня на тот момент не было. Долго добирались мы на электричке, потом пешком. Куча вещей. Заблудились, устали. Но всё же добрались. И вот тут-то самое интересное и непонятное. Стояли четыре типи: два больших Мато Сапы и Напэ и два маленьких Лосихи. Я попала в лагерь и всё! Я ходила между типи и вдруг поняла, что я дома. До сих пор, когда вспоминаю этот момент, мурашки по коже. Ну как так? И с тех пор другой жизни я не хочу.

Приняли меня прекрасно. Запомнился один момент на всю жизнь. Наташа Пальшина (Звёздочка) набрала ведро воды и поставила передо мной. Сказала: «Опусти ноги, легче станет». Ничего, кажется, особенного, но я никогда не забуду. Доброта, человечность, не знаю ещё что. Может, это мелочь, но я ей благодарна до сих пор. Я же была новенькая, да ещё и «белая»…Мне нравилось всё: одежда, разговоры, училась готовить на костре и разжигать его, всё воспринимала с восторгом и не понимала, как жила раньше. А вот когда в первый раз услышала индейские песни, то не могла сдержаться и рассмеялась. Нужно было время, потребовалось года два, чтоб привыкнуть, понять и полюбить их.

Влад Гурин

Началось всё с книжек. Года в четыре меня начали учить чтению. Папа приносил мне книги, я поначалу сильно сопротивлялся, обижался, но стал читать, за что я очень благодарен отцу. Затем на сцену вышел мой дед. Он очень любил приключенческую литературу. Наверное, это связано с тем, что сам он бывший моряк. Поначалу он предлагал мне книги о море, пиратах, а затем мне попалась «Моя жизнь среди индейцев».

Во дворе мы играли в индейцев, но никто не был зациклен на них. Мы и в пиратов играли. Чуть позже появились фильмы с Гойко Митичем и Пьером Брисом. Мне было, наверное, лет двенадцать. Но вскоре интерес к индейцам угас. Лет в четырнадцать-шестнадцать принято больше интересоваться девочками, а не индейцами. Где-то на заднем плане они маячили, то есть полностью не ушли из поля зрения, но на первый план не выходили…

А вот в двадцать девять лет я впервые поехал на Алтай, и вот тут меня торкнуло… Я выписывал журнал «Смена» и прочитал там статью про индейцев из Голубой Скалы. Я был поражён тем, что взрослые люди — не подростки — занимаются этой темой глубоко. Я прочитал, но вовсе не решил сразу ехать на Алтай…

В 1986 году моя сестра из Новосибирска гостила у нас в Таллине. Она пригла-

сила нас к себе. Я в Сибири никогда не был, хоть отец мой родом оттуда. Мы вроде решили съездить, но в 1987 году у нас родилась дочка, и мы не смогли поехать. Собрались мы только в 1989-м. В Новосибирске мы с шурином ходили по книжным магазинам и увидели в одном из них объявление, что Клуб индеанистов скупает книги у населения. Там был указан телефон. Меня удивило, что есть, оказывается, какой-то клуб, занимающийся индейцами, и я туда позвонил. Трубку подняла девочка-инвалид, кажется, Нина. На самом деле я не был готов к разговору и не знал, о чём спрашивать, поэтому просто поинтересовался, чем они занимаются. Она ответила, что завтра у них намечен выезд в лес. «Присоединяйтесь, и посмотрите сами», — предложила она. А мы собирались возвращаться в Таллин на следующий день. Я звонил из телефона-автомата, у меня закончились двухкопеечные монетки, в трубке уже пищал сигнал, что время разговора на исходе. Я успел только сказать, что читал в «Смене» о ребятах с Алтая, и Нина сказала, что они с ними постоянно на связи. Тут наш разговор прервался...

Я вернулся домой. У меня был в Таллине друг-сибиряк, и он собирался уезжать обратно в Сибирь. Мы как-то раз затеяли разговор о переездах, и я брякнул, что тоже хочу уехать. Он спросил: «Куда». Я объяснил, что есть ребята на Алтае, показал ему журнал со статьёй. Он попросил почитать. Через два дня принёс мне журнал и ещё газету в придачу, где была опубликована статья про Голубую Скалу. Там впервые была написана правда про общину, цитировался их кодекс.

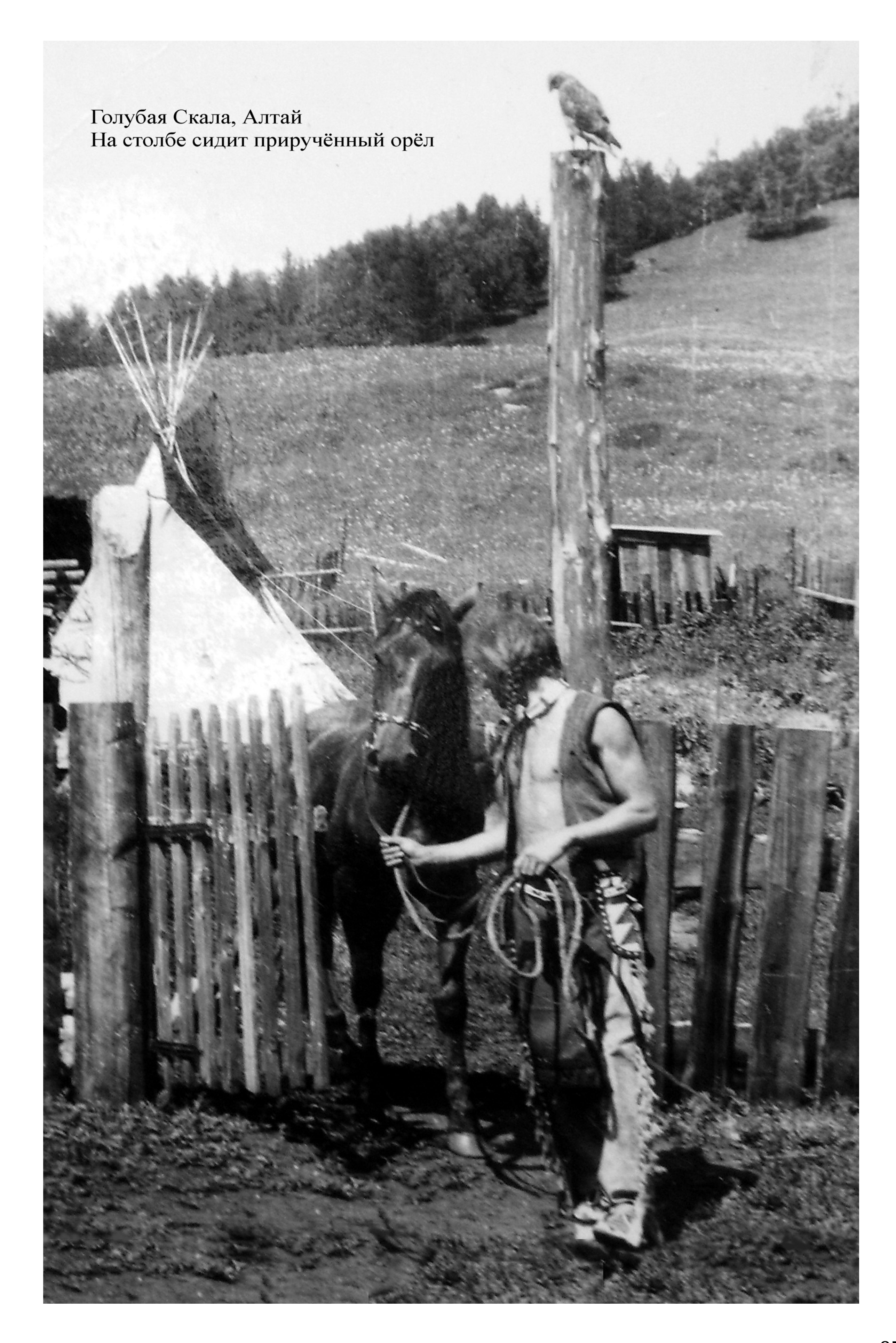
Это меня зацепило настолько сильно, что я решил ехать, и через две недели я отправился на Алтай, в Голубую Скалу...

Позже, оглядывая те события, я пришёл к выводу, что у меня всё сложилось исключительно удачно в той поездке потому, что мне очень была нужна та встреча. Я придумал обоснование на работе для командировки из Таллина в Барнаул — отвезти письмо и лично проверить, в каком вагоне будут отгружаться детали. В Барнауле народ вытаращил на меня глаза: как так — приехал в командировку, чтобы письмо привезти? Они поняли, что мне просто нужно было зачем-то приехать, и сказали, что свободного времени дадут мне дня три-четыре, не больше, и отпустили. Оттуда я направился в Голубую Скалу, не зная ни дороги, ни чего-то ещё. Позвонил в Новосибирск, в клуб индеанистов, спросил, как добираться. Мне объяснили в общих чертах, но конкретного маршрута у меня не было. В девять утра я прилетел в Горно-Алтайск, сел на попутку, и в половине третьего был уже на месте.

Когда я добрался туда, был сияющий солнечный день. Вошёл я во двор и увидел там типи и столб, на котором сидел ручной беркут. Меня так сильно поразила эта картина, что я опустился на землю. Меня пронзила мысль: «Боже мой, я ведь мог никогда не увидеть этого!»

Пробыл я там три дня. Уехал. Началась активная переписка. В феврале 1990 года, то есть через полгода, я поехал туда второй раз. Теперь я уже не просто гостил, а работал с ребятами, помогал строить дом. Много говорили об индеанистах. Меня, разумеется, интересовало, с кем я мог бы познакомиться в Таллине. Мне рассказали про Поющую Радугу, но он уже умер. В Таллине жил

Ольга Пакунова, Влад Гурин и Хэнк (сидит)

Голубая Скала, Алтай
На столбе сидит приручённый орёл

ещё Уду Эварт. Мне дали его контакты, мы познакомились, он сообщил мне подробности про Пау под Питером. Мы съездили в Питер, Эварт познакомил меня с Соббикаше, тот, в свою очередь, пригласил меня на Пау-Вау, и летом 1990 года я впервые приехал на Пау.

Это было десятилетие Пау-Вау. Огромный лагерь, шестьдесят типи, масса людей, обилие впечатлений. У меня не было никакой индейской одежды, сделал я что-то такое простенькое, что, видимо, ребята шили себе в самом начале, лет десять-пятнадцать назад. Мне почти тридцать лет, и надевать ту одежду, которую я привёз, мне было неловко. Но моя поездка на Алтай послужила мне своего рода пропуском в тот социум. Я познакомился с Рысёнком, Ольгой-Ланью, Рысяном...

В августе 1990 года я снова приехал в Голубую Скалу. Минувшей осенью они ещё пасли скот, теперь же работы у ребят не было. Кто-то работал почтальоном, кто-то, если не ошибаюсь, механиком. И всё. Они были лишены средств к существованию. Местные просто выдавливали их.

Елена Белостоцкая (Одна Звезда)

Для меня погружение в индейскую тему проходило по обыкновенному сценарию — просмотр в десятилетнем возрасте интересного фильма «про индейцев», игра, чтение книг, изготовление школьной стенгазеты и сбор подписей в поддержку Пелтиера, составление традиционной «индейской» тетради. Однажды, на уроке, была поймана учителем истории за переписыванием данных из библиотечной книги в эту тетрадь, но, вместо порицания получила «пожизненную» пятёрку по предмету, правда, действовала она на период работы этого учителя, а он, к сожалению, довольно скоро уволился. Из всей нашей детской компании, игравшей в индейцев, в теме остались только я и мой друг. Долгое время нашим уделом было только выискивание и перелопачивание литературы, в которой были ценные (или не очень) сведения о коренных американцах. А дальше — сюжет по телевизору про индеанистов («До 16 и старше»). Набралась смелости, позвонила в редакцию программы — мне дали телефон Александра Тереника.

С тех пор я в деле...

Очень благодарна Саше Ястребу и его семье. Доброжелательный, тёплый приём в первую встречу. Сразу же приглашение на второй визит, совпавший со съёмкой телевизионной передачи Андрея Ветра. Меня тогда привёз отец, и это немало смущало. Позже я его поняла — к родительскому беспокойству была добавлена изрядная доля искреннего интереса, узнать больше о том, что так важно было для меня, и что разделяли другие люди, тем более, отец сам был натурой увлечённой — его страстью была джазовая музыка и подводная охота. Я чувствовала, что мой интерес к культуре американских индейцев вполне уважаем.

В тот, знаменательный для меня день, я разом познакомилась с москвичами, изучающими коренных американцев, и с представителями Санкт-Петербурга. И предположить тогда не могла, что с искромётным юмором, доброжелательностью, которые всегда сопровожда-

ли съёмочные дни у Андрея, в мою жизнь входят настоящие друзья на долгие годы. Кого-то нет уже с нами — Димы Сергеева Танцующего Лиса, Димы Кольцова Кроу, но то, как все присутствовавшие тогда, приняли меня, новобранца, осталось со мной…

События того дня из-за переизбытка впечатлений, пережитого волнения, по прошествии многих лет, я помню, в основном, ощущениями, и только минимумом фактов. Мы выехали на природу, однако из-за плохой погоды съёмки в тот день отменили. Они состоялись через пару дней. Я не смогла участвовать, что меня и спасло от неминуемого позора — на тот момент мои познания в области изготовления традиционной одежды индейцев оставляли желать лучшего. И, это счастье, что то моё платье так никто и не увидел.

Об индеанистах я узнала за несколько лет до реального знакомства, даже несколько фотографий с Пау-Вау у меня хранились, правда я понятия не имела тогда кто конкретно на них. Фотографии мне прислал Валерий Космынин (Одинокий Ходок). Как-то я увидела его заметку в журнале (не помню, даже, как журнал назывался), где он приглашал к переписке увлекающихся историей и культурой индейцев Северной Америки. Ответила и потом мы долго переписывались.

Переписка, это отдельная тема! Она объединяла очень многих, наверно всех (переписывались и друзья, и даже те люди, которые так никогда до Пау-Вау не доехали — их адреса, а это география всего бывшего СССР, передавали редакции газет и теле и радиопередач). И, как же она была важна… Это становилось ритуалом — утром заглянуть в почтовый ящик в ожидании корреспонденции. Всегда находилась куча тем, о которых можно было написать. И личные, бытовые, и обмен интересующей информацией об индейцах, обмен фотографиями, поздравления. Часто письма снабжались иллюстрациями (как правило, неплохими). Ещё чаще письма приходили такими «пухлыми» и тяжеленькими, что ещё несколько граммов, и они превращались бы в бандероль. С бумажным классическим письмом мало что сравнится. Ожидание, момент получения, выбор подходящего времени, чтобы письмо открыть и, при этом, чтобы никто не потревожил, прочтение и обдумывание ответа. Я думаю, все это помнят. С приходом удобной и быстрой электронной почты мы стали доступней и ближе, но потеряли часть ощущений, которые давала именно та переписка.

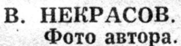
С тех пор у меня (уверена, что и у многих наших) хранится значительный архив писем тех лет. Причём я так же уверена, что он с тех пор не перечитывался. И вот, когда я взялась за разбор всяких памятных разностей, и дело дошло до переписки, с каждым прочитанным письмом приходило осознание, что, как поётся в песне для Последнего школьного звонка: «Таких, как мы, уже не будет…». Абсолютно другие интересы, стремления, идеалы, намерения, ценности… Наверно, я сейчас рассуждаю как старушенция — всегда так было, что одно поколение с трудом понимало следующее, но, я надеюсь, что не настолько закостенела, и умею ладить с подростками в силу профессии.

Прошло слишком мало лет, а изменение в мировосприятии колоссальное. Мне это видно на примере нынешних школьников — легко сравнить то, как,

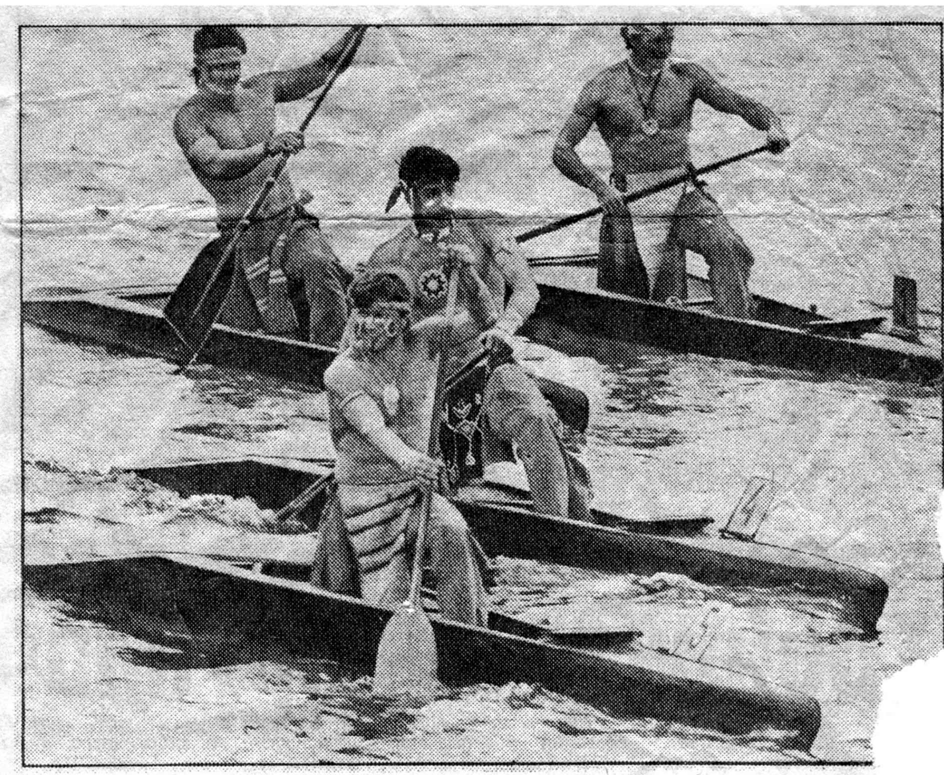

«Наши индейцы» долгое время считались андеграундом. То ли боялись, что они весь бисер скупят на свои цацки, то ли луки и томагавки вызывали подозрение. Пожалуй, только киностудии обращали внимание на энтузиастов, дотошно изучающих быт и искусство североамериканских аборигенов.

А в прошедшее воскресенье москвичи на гребном канале в Крылатском могли видеть и самих «индейцев», и соревнования по индейскому двоеборью.

В. НЕКРАСОВ.
Фото автора.

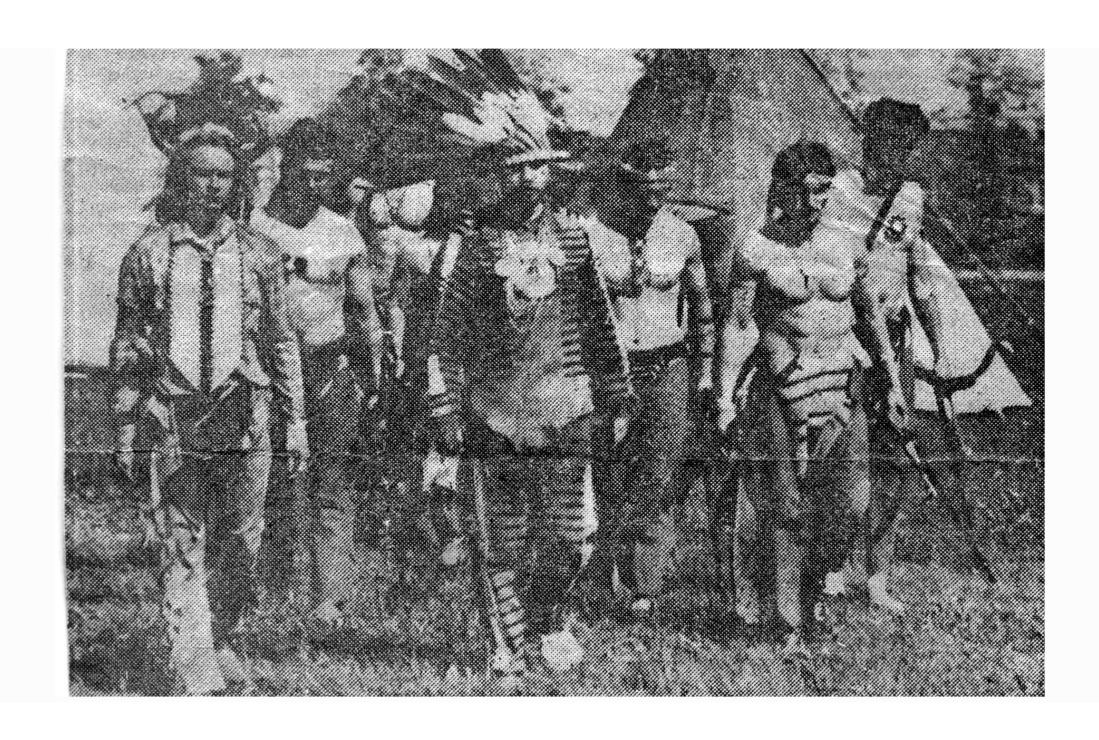

каким языком, о чём писали 12-13-летние ребята тогда, и о чём, и как пишут нынешние дети — уходит чистая романтика, индивидуальность внешняя сменяет индивидуальность внутреннюю, мечты и фантазии становятся всё более прагматичными. Очень редко сейчас дети интересуются тем, чем всерьёз интересовались мы (хотя и есть почитатели канала «Дискавери» и так далее) — не только индейцами, но и всякой лесной и природной премудростью, следопытством, выживанием в естественных условиях, сопутствующим рукоделием и ремёслами, то есть ВСЯКОЙ ЕРУНДОЙ, если судить по современным меркам. Но мы были другими. Многим от этого точно легче не стало, а наоборот.

По старой переписке всё это делается таким явным. Видно, как меняется мир и как меняемся мы. Может быть, кто-нибудь и не согласится.

Павел Фирсов (Гач)

В 1991 году я с замиранием сердца смотрел по телевизору «Индейский биатлон в Крылатском». После этого я окончательно понял — мне туда, к ним, я не одинок в своём увлечении! Но найти их оказалось весьма не просто, так как их контакты держались в секрете, и пришлось при помощи родителей выходить на комментатора Георгия Суркова и самого Крылова, организатора того Шоу. Они долго упирались, но моя Мама смогла вытянуть телефон одного индеаниста. Я был вне себя от радости! Мне казалось, что моя мечта вот-вот исполнится. Я дрожащими руками набрал номер и промямлил: «Здрасти, это Московский Клуб Индейцев?», — «Нет! Вы не туда попали», — такой последовал ответ! Но после мы позвонили ещё раз,

и с моим тогдашним другом, которого удалось заинтересовать индейцами, поехали на встречу с одним из тех индеанистов, участвовавших в «Майн Рид Шоу». У него дома я увидел висевшую на стене индейскую рубаху и обалдел…

Разговор не клеился, мы с товарищем очень мандражировали и не могли связать двух слов. Индеанист Ястреб (Саша Тереник) не стал нас долго мучить, записал наши телефоны на пачке «Беломора», пообещал позвонить, если что-нибудь будет у них происходить, посадил нас в троллейбус, помахал рукой на прощание, достал из пачки последнюю папиросу, прикурил, смял пачку и выбросил её в урну. Мы в недоумении переглянувшись и помахали ему в ответ.

Спустя пол года, так и не дождавшись звонка, мы вспомнили, что он нам рассказывал про какие-то конюшни на сорок каком-то километре от Казанского вокзала, и мы решили, во что бы то ни стало разыскать его! Сев холодным, зимним утром на электричку, мы вышли на станции 47 км и принялись выспрашивать прохожих о ребятах с длинными волосами и лошадей. Таким манером мы обследовали пять станций и к ночи добрались до конюшен в Кратове. Саша-Ястреб встретил нас как родных! Мы всю ночь проговорили, посмотрели много индейских вещей из кожи и бисера (ребята собирались создавать индейский музей), листали альбомы и книги про индейцев, смотрели фотографии с Пау-Вау, и не могли наговориться.

Игорь Гуров (Мато Сапа)

«Майн Рид Шоу» (Индейский биатлон в Крылатском) был для нас прорывом в осознании новых советских реалий: мы участвовали в этом соревновании с перспективой выезда за рубеж. Нам оплатили расходы. Спортсмены отдали нам свои призовые, с благодарностью за помощь в возможности остаться

в спорте (пусть и в иной форме). Это было показано по центральному телевидению, что тоже было очень важно в становлении нашего самосознания. А до этого были ведь и приводы в милицию — за луки и ножи, в органы (как неблагонадёжных) и т. п.

Денис Воробьёв

Началось всё, когда я учился во втором классе. Точно помню, как смотрел утреннюю детскую передачу «Будильник», а там Спартак Мишулин изображал, кажется, Чингачгука. Он пел что-то про лосиные мокасины и прочее. Меня это почему-то зацепило. Подумал, что индейцы — самые сильные, храбрые, честные и благородные люди. Захотел стать индейцем.

Начал по книжным полкам лазить, хотя до этого читать особо не любил. Нашёл «Зверобоя», принялся читать. Мусолил его месяцев пять, но до конца так и не осилил. И всё же это меня от индейцев не отвернуло.

Потом были фильмы, безусловно. Ходил, высматривал на афишах (были уличные афиши, где недельный репертуар московских кинотеатров печатали) названия фильмов, которые, с моей точки зрения должны были быть про индейцев. Иногда не ошибался. Так вычислил «След Сокола». Но «Избранник Великого Духа» лучше всех был.

Летом на даче пытался в индейцев играть, но получалось не очень удачно. Помню, я никогда окончательно не был этим делом удовлетворён. Другие дети под моим влиянием тоже играли, но моего фанатизма не разделяли. В целом, говорил я почти исключительно на любимую тему (то есть об индейцах), чем часто вызывал непонимание и неудовольствие одноклассников, не говоря уже о взрослых. Понимаю, «доставал» я этим людей.

Ещё в детскую библиотеку ходил. Наиболее яркое воспоминание — как я взял там «Землю солёных скал» и долго записывал её на катушечный магнитофон, начитывая в микрофон, чтобы дома была. Книгу-то сдать рано или поздно придётся. Продлевал её несколько раз. Штук шесть бобин использовал для той записи.

В науке я оказался исключительно благодаря индейцам.

Честно сказать, учился я плохо и не любил это дело. Если бы не интерес к индейцам, уверен, ни в какой ВУЗ я не стал бы поступать. А так, классе в четвёртом или пятом спросил у отца, кем нужно быть, чтобы работа была связана с индейцами. Он подумал и сказал — этнографом. Он принёс мне учебник этнографии, кажется, 1982 года издания, с зелёной обложкой. (Когда я учился в 1993—98 годах, студенты называли тот учебник «тоска зелёная»). Там про индейцев глава, естественно, была. Когда стал студентом, понял, что она так себе, но в то время перечитывал.

И решил я стать этнографом. Выяснил, что для этого надо поступать на исторический факультет, и стал над этим работать. Класса с пятого по истории и географии всегда пятёрки получал. После школы не поступил в МГУ, пошёл в армию. Уже перед дембелем, помню, читал как-то раз «Книжное обозрение» и наткнулся на объявление Дикого Кота (Анатолия Сидорова) из Сыктывкара, что можно заказать альманах «Тома-

Андрей Голенков в 1993 и 2017 годах

гавк». Я заказал, на домашний свой адрес. Через месяц приехал домой, мама его уже получила. После армии удалось поступить в институт. Знал уже тогда, естественно, что пойду после третьего курса на кафедру этнографии и буду индейцами заниматься. Ну а дальше, думаю, всё понятно…

На первое Пау-Вау попал так: в январе 1999 года в ИЭА РАН, где я аспирантствовал, институт проводил очередной индеанистский симпозиум. Для меня — первый. Там я познакомился с Глебом Борисовым, Юрой Котенко и Пашей Гачем. Они и предложили поехать на весеннее Пау-Вау 1999 под Тверью. Я и поехал. После этого ездил на летнее 1999 и весеннее 2000. Остальные — только зимние московские, потом и одинцовские.

Андрей Голенков (Вороний Танец)

С индейцами у меня сложилось, думаю, так же, как и у 80% моих коллег по увлечению. Я уже опоздал к эре Гойко Митича, так что видеоряд на меня не повлиял никак. Меня таскал отец на «Золото Маккены», был какой-то ретро-показ. Но я ничего не понял и не запомнил. А вот книги — те да… Очень хорошо помню тот самый момент, когда всё и закрутилось.

Третий класс. Зима 1986—87 года, мы с друзьями катались с горки на картонках. Я на эту горку сейчас и смотреть-то опасаюсь, а тогда… Ну, и на трамплине я повредил спину. Не сильно, но всё же. И недели три мне

пришлось полежать. Жил я в самом центре Ярославля, и библиотек там не было почему-то, а была библиотека недалеко от маминой работы, куда я, будучи ещё маленьким, не был записан, а вот мама была. И начала она мне книги оттуда носить, чтобы я не скучал. Читал я тогда всякие исторические рассказы Алексеева про Куликово поле и прочие темы исторические. Библиотека была небогатая, при ДК Железнодорожников, и там ресурс иссякал быстро, так что они стали давать книги уже все подряд. И однажды мама принесла Сат-Ока «Земля Солёных Скал и Таинственные Следы». Легендарное «синее» издание Детгиза с гравюрами Овчинникова. Всё. С той поры жизнь делится на период «до» Сат-Ока и «после». Я был потрясён тем миром, который он для меня открыл. Так что питаю я к нему искреннее уважение и благодарность. Хотя и многое про него сейчас стало известно. Пофигу.

Понятно, что на тот момент ничего и не было, кроме книг, да и тех было не густо. Но собирал, читал, познавал. Попал мне и Ди Браун в руки в определённый момент. Тоже мама купила. В общем, во многом благодаря её опеке и поддержке у меня индейцы и заняли такое значимое место в жизни. Разумеется, меня не миновали увлечения подростков начала 1990-х. И карате я занимался, и рок-н-ролл играл, но всё это приходило и уходило, а индейцы оставались, терпеливо пережидая на книжной полке, когда я уже набалуюсь и снова вернусь в прерии Монтаны.

О том, что есть такие же интересующиеся я узнал почти сразу из статьи «Индейцы из Верхней Кукуи» в «Комсомольской Правде». Но это были уже взрослые люди, где-то далеко. Поэтому параллели с собой я не провёл. Но было приятно знать, что где-то есть вот такие люди, построившие для себя свой личный прекрасный мир.

Первым человеком, с которым меня свела жизнь, оказался Аркадий Абакумов, мой ровесник, но уже тогда человек поистине академических знаний. А сейчас-то уж и тем более. Нас свёл общий приятель. Сначала мы созвонились, а потом уже и лично встретились. И до сих пор дружим.

Интернет помог косвенно, т.к. у меня тогда его ещё не было, я вообще не знал что это. А Аркадий уже уверенно пользовался компьютером и периодически выходил в интернет. Он мне и сказал однажды, что есть такой журнал «Первые Американцы» и что у них есть свой сайт и даже адрес в Питере, на который можно послать письмо некоему Олегу Ясененко. Что я и сделал, обмирая от собственной наглости. Это был конец 1999 года, и было мне 22 года. Пришёл ответ, в котором был список адресов ребят из окрестных городов. Кое с кем из них я до сих пор дружу и общаюсь. А весной пришло приглашение на Пау-Вау, и мы, опять же набравшись совместной храбрости (гуртом и батьку бить легче) отправились в неизведанное путешествие, оказавшееся дорогой длиной в жизнь.

Александр Собокарь

Увлечение индейцами пришло из детства, поскольку у меня был старший брат, и он оказывал очень сильное влияние на мои вкусы и интересы с ран-

них лет. Мы играли в солдатиков разыгрывая какие то сценки из фильмов, потом я помню свое первое знакомство с фильмами об индейцах по моему это был фильм «На тропе войны». Солдатиков было более 800 штук — индейцы, ковбои и ещё какие-то другие, которых мы переделывали под индейцев. У нас был макет с озером, пирогой, салуном, разными домиками. Играли, помню, даже по ночам как-то, устраивая ночные засады…

А потом в каком то журнале 1990-х, посвящённом зарубежному кино, появилась статья о фильме «Последний из Могикан», вот тут и началось. Сначала книги, потом фильмы, а в 1998 году я принял участие в реконструкции Бородино. В первый раз бегали по полям и лесам в индейских, как нам тогда казалось, шмотках, похожих на киношные. Мы ничего не знали о существовании индеанистов. Вернее, братец мой, возможно, и слышал про них, но не был знаком.

Потом мы участвовали в манёврах с французами — опять же в индейском обличье. И однажды у брата появились отличные бисерные мокасины, и он сказал, что познакомился с Чёрным Дымом. Он-то и вывел нас летом 2003 года на «Гринграсс Сингерс», где мы и познакомились с основными участниками коллектива. Тогда мы осваивали танцы, начали разучивать уже и какие-то лесные темы, за полгода переделали свои шмотки, придав им более-менее правдоподобный вид, соответствующий лесам восемнадцатого века. С того момента мы и начали активно участвовать во всех мероприятиях.

Первое моё Пау-Вау состоялось зимой 2003 года. Всё было интересно, но по-настоящему мы ждали летнего Пау. Братец в 2004 году на него попал, а я, к сожалению, уезжал тем летом 2004 в первую экспедицию на Чукотку. Сильно жалел, конечно, что не попадаю и не могу ни с кем познакомиться из других городов, но отказаться от экспедиции не имел права, потому что туда просто так попасть сложно.

В 2005 году в Громове состоялось моё первое летнее Пау. Потом потянулись зимние мероприятия, которые были менее заметными и значимыми, начались регулярные репетиции с «Гринграссом», и в итоге в дальнейшем мы сели за барабан и начали петь. Так же потом были организованны отдельно репетиции лесных песен и танцев, что продвинуло нас всех на новый уровень, ну и мы, конечно, потихоньку стали обрастать всё новыми индейскими вещами.

В 2006 году у меня снова был вынужденный пропуск летнего Пау-Вау (я и Ольга Титова поехали снова на Чукотку с археологами).

Что в целом всегда привлекало в индейцах? Изначально было некое восторженное отношение к их храбрости, мужеству, справедливости и т. д. Конечно, позже многие наивные вещи были переосмыслены, и осталось то, что осталось. Подход к изготовлению вещей всегда был подобен реконструкции. Какие то духовные скрепы!? Ну, возможно, хотя с большой натяжкой, точнее, с той колокольни, которую сам себе представлял. Вдобавок я вырос рядом с лесом, бывал там практически каждый день, и поэтому культура лесных индейцев была безальтернативна для меня в выборе. Меня это прельщало, да и сейчас это важный аспект. Без Леса мне тяжело живётся!!!

Сегодня я, разумеется, смотрю немного с меньшим «запалом», отношусь спокойнее, но по-прежнему для меня существует много вещей и интересных идей, который хотелось бы воплотить! Могу сказать, что увлечение индейской культурой и занятие реконструкцией заняло, пожалуй, большую часть времени прожитых мною лет, и я считаю, что я лишь в середине пути, поэтому остановить меня сложно. Точнее говоря, остановить нас можно только так, как показано в финальном эпизоде того самого первого увиденного мной фильма «На тропе войны»...

Раду Попшой (Маленький Лис)

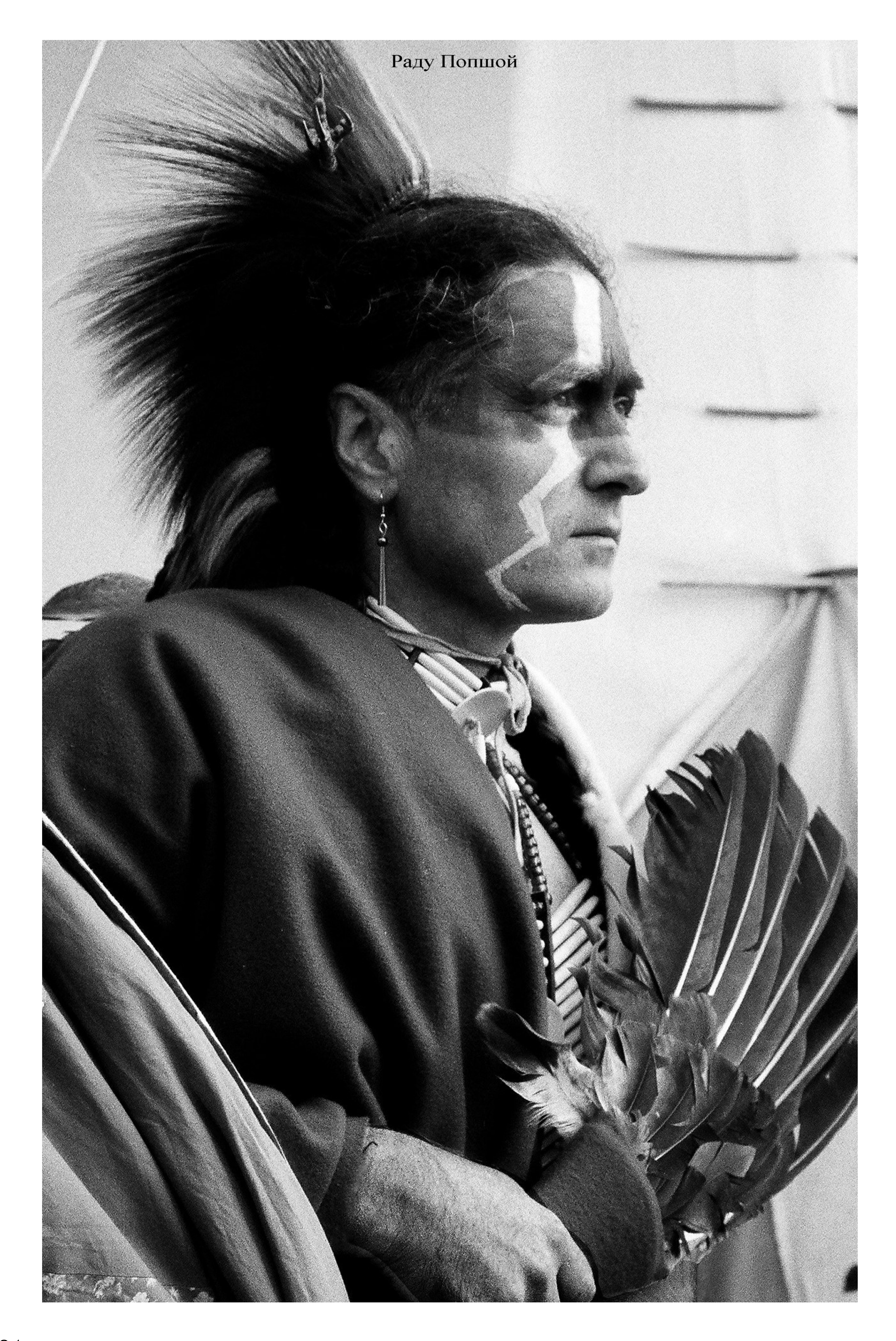
Я родился в Кишинёве, но первые несколько лет своего детства прожил с дедушкой и бабушкой в деревне. В детстве мы с ребятами часто играли в индейцев, мастерили себе луки, стрелы и прочее оружие, цепляли на себя перья, наносили боевую раскраску, делились на два лагеря и воевали друг с другом. Но это ничего не значило для меня. Это было просто ещё одна из игр, которыми мы забавлялись. И вот однажды мой отец принёс мне книгу. Это была «Земля солёных скал» Суплатовича. Прочел её запоем и заболел индейцами. Я учился в третьем классе в то время. Сейчас мы все знаем, кто был Суплатович и как писались его книги, но тогда это перевернуло во мне всё, и я увлёкся индейцами навсегда.

Я стал лихорадочно искать любую информацию о них. Читал всё, что только мог достать, но информации было очень мало. Любая заметка, книга или рисунок, где хоть мельком присутствовали индейцы, мгновенно привлекали моё внимание. Я собирал, списывал или вырезал из найденных источников статьи, рисунки или фотографии и бережно вклеивал в специально заведённую для этого тетрадь. И ещё я рисовал. Рисовал индейцев всегда и везде. Любой клок бумаги или стена использовались мной в этих целях.

Наступил момент, когда информации накопилось довольно много (как я тогда думал), и у меня появилась острая необходимость делится ею с кем-нибудь. Так я стал собирать вокруг себя единомышленников. Приходили разные ребята и девчата. Кто-то уходил, кто-то оставался. В какой-то момент нас стало довольно много, и я смог получить разрешение завуча нашей школы собираться в его кабинете и обсуждать наши индейские дела. Сам завуч с удовольствием слушал наши беседы, и было видно, что ему самому это интересно.

Настал такой период, когда доступная информация уже не приносила радости и не давала пищи моей жажде знаний, и наступил информационный вакуум и голод.

И вот когда мой энтузиазм еле теплился, я увидел по ТВ в программе «До шестнадцати и старше» сюжет об индеанистах. Это был просто взрыв. Я вдруг увидел, что есть люди, мои сверстники и ребята постарше, которые не только увлечены индейцами, но и занимаются реконструкцией. Меня поразили их вещи, уборы, перья и длинные волосы. Меня поразило количество людей, вовлечённых в эту тему. И вот мой потухающий огонёк разгорелся с новой силой. Так в моих руках оказался Шульц

Раду Попшой

и его повести. Это было погружение в мир грёз. То, чем я бредил с детства, было описано так ярко и подробно, что я читал запойно любую свободную минуту. Я был в восторге. Книги были приправлены иллюстрациями Кэтлина, что ещё больше приводило меня в восторг. Я мог часами разглядывать детали одежды, уборов, оружия. А потом был Ди Браун — «Схороните моё сердце у Вундед-Ни». Эта книга впечатлила меня очень сильно, меня поразили масштабы трагедии коренных народов Америки. Нигде до этого момента я не читал столько интересного материала, и это вдохновило меня двигаться в своих поисках и дальше.

Юрий Котенко (Злой Глаз)

Мы снимались в программе «До шестнадцати и старше», лошади оказались спортивными и понесли нас без оглядки и удержу, мы не могли их остановить, чтоб подъехать к телекамере. Ехали я, Макс Огурцов и Саня Ястреб. А сначала лошади безумно испугались наших перьев, бахромы и т.п., они просто обезумели. Макс летел по воздуху из седла как из катапульты. Кое-как мы уселись в сёдла, а я ещё в шутку попросил коня погорячее да опробовал на нём новую плётку — и понеслось! В те минуты меня буравили две мысли: первая — как выжить в этой безумной гонке и не свалиться, и вторая — как могли индейцы со всей этой сползающей и вываливающейся мутью из перьев, щитов, дубинок, скользких в стременах мокасин не то что воевать, а просто усидеть и удержать всё это на лошади… Остановились мы только когда лошади упёрлись в какую-то преграду — забор или стену. Потом мы «с триумфом» — на лошадях, идущих медленным шагом, кое-как вернулись обратно.

Евгений Яковлев
(вопросы и ответы в письмах)

Евгений Яковлев: Мой интерес к индейцам, возник в 8 лет, когда на мои глаза попалась книга Лонгфелло «Песнь о Гайавате», я её прочёл, и она мне очень понравилась. Меня вдохновили очень строки этой книги, когда могучий Гитчи Манито — владыка всего сущего на земле — созывает на совет индейские народы: «Вдоль потоков, по равнинам, Шли вожди от всех народов, Шли Чоктосы и Команчи, Шли Шошоны и Омоги, Шли Гуроны и Мэндэны, Делавэры и Могоки, Черноногие и Поны, Оджибвеи и Дакоты, Шли к горам Большой Равнины, Пред лицо Владыки Жизни».

А потом в 9 лет, я начал ходить к моим соседям, у которых тоже было очень много книг про индейцев и читать их. Помню, когда я взял книгу про Сат-Ока, я её прочёл, она мне тоже очень понравилась и я всем своим в моей семье дал индейские имена. А в 1989 году, после просмотра фильма «Зверобой» и книг Купера, мы с моим лучшим другом и с подругами, начали делать луки со стрелами и играть в индейцев. Я был, конечно, Великим Могиканином Чингачгуком, мой друг — Зверобоем, а две девушки, одна из которой была моей Уа-Ту-Уа, а другая была Сумахой. Очень классное было время, мы разводили костры и жили жизнью тех героев фильма

и книги, после этого, я продолжал брать книги и уже ходил в библиотеки и брал большей частью конечно про индейцев. Когда я взял трилогию Лизелотты Вельскопф-Генрих «Сыновья Большой Медведицы», я был просто в восторге от этой книги…

Помню один случай, когда мы с другом, году так в 1996-м, уже с другим, мы с ним как раз познакомились в лесу, разговорились, и выяснилось, что он тоже увлекается индейцами, читает книги о них и смотрит фильмы. И мы начали ходить в лес и опять делать луки со стрелами, там мы были уже Апачами и Шауни. Помню, сидели в засаде, а рядом были люди, которые пришли на пикник, они были уже взрослые. И вот мы подражали всяким голосам птиц и зверей, и они когда мы вышли с ним все в боевой расскраске и с перьями в волосах, они немного нас испугались, ну сразу поняли, что мы из индейцев, и начали играть с нами, правда, взяли моего друга в плен, так как он уже хотел сдаться в плен, а я повоевал с ними один и тоже потом пришёл. Они с нами много разговаривали на эту тему. И был ещё один случай, когда мы спрятались, а в лес пришла молодая пара. И вот мы тоже раскрасились, выкурили трубку и начали думать, что делать с васичу. Ну, мы уже не показывались им, а всё делали из засады, продолжая подражать голосам диких зверей и птиц и слушая, о чём они говорили, мы тоже поняли, что они немного побаиваются нас, слыша эти голоса.

Единомышленники у меня появились, когда я обзавёлся ноутбуком, точнее — когда зарегистрировался на форуме «Индейцы Белгородчины», точно уже не помню, какой это был год. Я там познакомился с Арапахом, Александром Богдановским, Тимом Улановым. Ребята очень классные, и я был рад, дружбе с ними по интернету, узнавая всё больше и больше про индейцев. Я очень дорожу этой дружбой с этими ребятами и другими индеанистами и девушками из нашего могучего народа.

Так как я на Пау ещё не был, только собираюсь, могу сказать про интересные моменты, или разные мероприятия из видео, которые я часто смотрю, мне очень понравилось, потому что впечатление было потрясающее, когда Тим Уланов играл роль Красного Облака из шоу «Дикий Запад», и ещё один ролик тоже из этого же шоу, когда воин на боевом коне ездил около бизона, этот эпизод ещё был в фильме Невзорова «Лошадиная Энциклопедия», когда они ещё Команчей изображали, при этом Невзоров, как раз говорил о Команчах. Ну, и мне нравится, как танцуют наши ребята и девушки.

По поводу как изменялись мои взгляды с годами, то, что касается индейцев, ничего не изменилось. Это мой стиль жизни. Конечно, романтика осталась, хочется, как и раньше, развести костёр, чтоб стояли типи, паслось множество мустангов и чтоб наши друзья и подруги ходили в своих нарядных и классных нарядах. Очень всего много осталось, конечно, из детских чувств.

Особенно, что осталось из детских чувств, это как мы с друзьми, ходили в лес и вели индейский образ жизни, то что я описал раньше. И ещё когда я прочитал Джека Лондона «Белый Клык» и «Зов Предков», там тоже было немного про индейцев, меня взяли с собой в деревню, родня по маминой линии и там я ходил с псом породы волкособ, лайка

Декабрь 1976

В этом выпуске рекламного обозрения вы познакомитесь с фильмами:

- Прошу слова
- Братушка
- Сказ про то, как царь Петр арапа женил
- Крестьянский сын
- Там, за горизонтом
- Чертова невеста
- Притча о любви
- Не верь, что меня больше нет
- Кто уходит в дождь (ЧССР)
- Черная роза (КНДР)
- Ульзана (ГДР)
- Профессия: репортер (Италия)

Спутник кинозрителя

ГДР

Ульзана

Сценарий Г. Митича и Г. Кольдица. Постановка Г. Кольдица. Оператор Х. Бергман.

Поначалу кажется неожиданным, что немецкие кинематографисты решили обратиться к жизни индейского племени апачей и их взаимоотношениям с «бледнолицыми», с американцами. Вспоминаются картины, созданные в Голливуде, где ведется рассказ о добрых, наивных и храбрых индейцах и о хитрых, коварных «бледнолицых», среди которых, впрочем, обычно находится благородный герой. Зачем же еще один такой фильм?

Оказывается, он очень нужен и современен. Ведь те, голливудские картины,— о прошлом, о далеких годах рождения Америки. А как обстоит дело теперь? Об этом сами американцы картин не снимают. Об этом рассказывает нам «Ульзана».

Мало что изменилось с тех далеких времен,— говорит картина. Так же преследуется, уничтожается коренное население страны, так же обманывают доверчивых людей те, кто призван о них заботиться. Правда, теперь индейцы живут на «своей» земле, в резервациях, что расположены в самых труднодоступных районах страны, в горах, в безводных пустынях. Сквозь годы испытаний и бесправия пронесли апачи гордость за свой народ, свои обычаи, традиции. Под руководством вождя племени Ульзаны (артист Г. Митич) они сделали плодородным клочок пустыни и готовы поделиться своей радостью с «друзьями», офицерами пограничного подразделения. Их души, открытые добру и правде, не знают двуличия и лжи. Поэтому так легко и обманывают капитан Бертон (Р. Хоппе) и торговцы соседнего города. С какой-то звериной жестокостью издеваются они над беззащитными людьми.

Но тот, кто сеет ветер, пожнет бурю. Мирное индейское племя может быть воинственным и бесстрашным. Примером тому служат Ульзана и его жена.

Так занимательный, традиционно, по голливудским канонам построенный фильм наполняется острым, политическим, злободневным содержанием.

Вождь племени апачей Ульзана — арт. Г. Митич.

Июль 1975

В этом выпуске рекламного обозрения вы познакомитесь с фильмами:

- ПРЕМИЯ
- СЛЕДУЮ СВОИМ КУРСОМ
- НАСИМИ
- ХАОС
- ОНИ БУДУТ СЧАСТЛИВЫ
- ДОРОГОЙ МАЛЬЧИК
- НЕЗАБЫТАЯ ПЕСНЯ
- КОМСОМОЛ
- ДОЛИНА (ЧССР)
- ПЕРСТЕНЬ КНЯГИНИ АННЫ (Польша)
- КАК ПЕСНЯ (БОЛГАРИЯ)
- ВИННЕТУ — СЫН ИНЧУ-ЧУНА (ФРГ)

Спутник кинозрителя

Виннету — сын Инчу-Чуна

ФРГ

История дикого Запада. Опасные, немыслимые приключения, бешеные скачки, рискованные преследования и погони. Благородные герои, прекрасные, трогательные и беззащитные героини, роковые злодеи. Названия индейских племен, звучащие манящие и интригующе — могиканы, делавары... Прерии, скальпы, томагавки... Каждое слово таит в себе особый аромат и напоминает о юношеских мечтах — подвиги, борьба за справедливость, романтическая готовность преодолеть любое препятствие. Кто из мальчишек не представлял себя Натти Бумпо, не присваивал себе его романтические прозвища — Зверобой, Соколиный Глаз, Следопыт, Кожаный чулок, Длинный Карабин? Кто из мальчишек не бился за право хотя бы в игре стать мужественным, честным и преданным индейцем Чингачгуком — Большим Змеем. Но и тогда, когда заканчиваются игры, человек взрослеет, он сохраняет в своей памяти и чудесную экзотику прозы Фенимора Купера, и трагическую историю индейских племен.

Традиции оказались живучими, и кинематограф не мог не воспользоваться материалом, который оказывался притягательным для читателя, а стало быть, должен был привлечь внимание и широкого зрителя. Образ Виннету — героя произведения К. Мея — вызвал интерес у режиссера Харальда Райнла.

И сюжеты на экране жизнь и обычаи апачей — еще одного индейского племени, драматические любовные перипетии, серии приключений и героических подвигов. Для создателей фильма Виннету — персонаж вымышленный — воплотил в себе лучшие черты индейских вождей, он был для них таким же спутником юности, как Натти Бумпо. Свое увлечение, свою любовь к герою они и пытались передать в ярких, динамически развертывающихся картинах, которые способны увлечь зрителей, захватить их экзотикой, зрелищностью и красочностью повествования.

Виннету — арт. П. Брис

с волком по лесу, было очень классно и замечательно и звал его в шутку Белый Клык.

Моё увлечение индейцами вылилось в реконструкцию, я начал реконструировать племена Апачей и Команчей. Но раньше, когда ещё не было ноутбука, я шил рубахи и всё остальное по книгам «Песнь о Гайавате» и «Харка — сын вождя» и брал что-то из фильмов, а когда появился ноут, я стал уже что то брать от туда, смотря фильмы об индейцах и видя, что мустанги и индейцы одно целое, я полюбил ещё и лошадей. В 2007 году поехал знакомиться с людьми, которые держат лошадей, целый табун, с этих пор я теперь к ним и продолжаю ездить. Кстати, был ещё один случай, когда я написал письмо Гойко Митичу и был очень рад, когда он мне прислал свои фото с автографами.

Теперь меня очень потянуло к племени Шайенов, и я выбрал своё племя, теперь буду заниматься этим племенем и немного ещё Команчами и Апачами-Хикарилья. В 2015 году я встретил девушку, полюбил и прозвал её Утренняя Звезда. Ну, потом со временем я стал её звать Утренняя Песня из племени Команчей за её нежный голос. Кстати, она тоже в своё время читала Купера, и ей это очень нравилось. И ещё она любит природу и тоже бродить по лесам и кочевать, и когда мы с ней ходим на природу, мне хочется сразу же разжечь костёр, на что она зовёт меня «Индеец ты мой». Мы с ней смотрели такие фильмы как «Танцы с Волками», «Украденная Женщина — Пленённые Сердца», «Дымок из ствола — Последний из Апачей» и «Лозен — воительница Апачей». Ей это тоже нравится очень.

Андрей Ветер: Хочу уточнить про лошадей (про людей с целым табуном, к которым ты стал ездить). Где это? Что за место? Какое отношение эти люди имеют к индейцам (или не имеют никакого отношения).

Евгений Яковлев: Это у нас в Ржеве, в деревне, теперь они мои друзья, а по поводу отношения к индейцам, они тоже раньше, как и все, смотрели эти фильмы, и им тоже нравилось.

Могу рассказать, как я к ним ездил и сам пас этот табун верхом на мустанге. Один раз я ездил к ним летом, год точно не помню, какой был, и зимой. Ну, самое впечатление было, когда я ездил четыре дня летом 2015 года. Я забрал табун и погнал его на пастбище, табун мчался вперёд, а я за ним галопом с боевым кличем воинов прерий. Я проезжал небольшие водоёмы, речки и ощущал себя великим воином того времени из племени Команчей. Когда я возвращался к дому с табуном, с боевым кличем, ощущение было восхитительное и замечательное, что я отношусь к тому времени. Кстати, пас я его всегда, как истинный воин прерий, по пояс обнажённый в одних джинсах, когда я приезжал домой, моя кожа на теле была красной от загара, и я очень дорожу теми впечатлениями.

Андрей Ветер: Что было в письме к Гойко Митичу?

Евгений Яковлев: В письме к Гойко Митичу было о том, как я стал увлекаться индейцами и смотреть фильмы про них с его участием, писал ему, что являюсь индеанистом и реконструирую индейские племена и, как и он, тоже занимаюсь тяжёлой атлетикой. Писал ему, что все фильмы про индейцев для меня очень дороги. Хорошее было время, когда мы садились и смотрели фильмы

с его участием, или ходили в кинотеатры и смотрели там. Из пожеланий ему писал, что жму его мужественную руку и желаю удачи, любви, здоровья, успехов во всём и в личной жизни и чтоб Пятнистый Орёл парил над ним и охранял его и что был бы очень рад увидеть его в новом фильме об индейцах.

Борис Колобов (Чёрный Беркут)

Когда меня лет этак двадцать назад спросили, что стало причиной моего увлечения индейцами, я попытался отшутиться, благо был задан ещё и вопрос о нескрываемых симпатиях к красным во время Гражданской войны. Я ответил, что и те и другие «мочили» белых. Но сам задумался, а что действительно привело к этому, что стало первым толчком. Я очень хорошо все помню. Уже в детском саду я знал, что есть в Америке такие люди — индейцы, которых белые согнали с их земель и насильно поселили в резервации. С ранних лет не терпел над собой никакого насилия, сбегал из детского сада, отказывался вставать в угол, даже если был виноват, и всегда мстил обидчику, невзирая на его возраст и статус, помня завет деда: обидели — дай сдачи.

Итак, в конце 1968 года мне подарили книгу Л. Соучека «Туда, где не слышно голоса», в которой был подробный рассказ о разгроме отряда Кастера индейцами Сиу у Литтл-Бигхорна. Я тогда, конечно, не задумывался о масштабе битвы и ничего не знал о том, что было дальше. Но сам факт того, что белых можно бить, а значит, любое сопротивление насилию небесполезно, глубоко запал в душу. Раз за разом, открывая книгу, я всматривался в фотографию усталого пожилого человека с трубкой в руках. Так Сидящий Бык стал для меня олицетворением «индейского пути», интерес к которому с тех пор меня никогда уже не покидал, даже несмотря на длительные перерывы, когда меня целиком захватывали другие увлечения.

Вторым толчком стало кино. В 1972 году с отцом мы посмотрели в нашем кинотеатре «Нева» фильм «Приключения на берегах Онтарио», достаточно далёкую от книги экранизацию «Следопыта» Ф. Купера. В целом фильм не понравился, как и большинство героев. Напомаженный Чингачгук, так похожий на омерзительного герцога де Маликорна из «Города мастеров», правильный до отвращения Бампо и малахольный Джаспер лихо отстреливали индейцев в подпоясанных пижамах, которые подпрыгивали, прежде чем упасть, когда в них попадали пули. Короче, сплошная фальшь. Но один персонаж — вождь Сиу, ловкий, дерзкий, бескомпромиссный, да ещё в роскошном классическом головном уборе, запомнился на всю жизнь. Придя домой, слепил его из пластилина, фигурка жива до сих пор. Вслед за фильмом я быстро прочитал все «индейское» наследие Ф. Купера. Его установка, что хорошие индейцы — только те, что сотрудничают с правильными белыми, меня не устраивала. По той же причине не произвели особого впечатления и фильмы про Виннету. Чего не скажешь о картинах с Гойко Митичем, хотя и к ним отношение было неоднозначное. С Чингачгуком все ясно — само имя стало для меня синонимом предательства и коллаборационизма. Не люблю «Сыно-

вей Большой медведицы» и «Вождя Белое Перо», спокойно отношусь к «Братьям по крови», «Текумзе», «Апачам», «Ульзане». Люблю «Оцеолу» и «Смертельную ошибку». Обожаю «След сокола» и «Белых волков». Так и «племенной» приоритет определился — конечно, сиу. Тем более что и «Харку» когда-то тогда прочитал. Я думаю, что у индеанистов первого поколения так оно и было: что из фильмов и книг первым подвернулось и в душу запало, то «племенную специализацию» во многом и предопределило. Ну а некоторые действовали «от противного». Что ж, это тоже вариант.

Ещё одним мощным толчком стали события в Вундед-Ни 1973 года. Это была уже не древняя история, а сегодняшний день. Все искренне переживали, даже люди, весьма далёкие от темы. А кроме того, мы стали старше. Читали и переписывали статьи из журналов и газет, а книг было крайне мало, но тем энергичнее велся их поиск. Сейчас литературы достаточно, есть Интернет, не проблема поехать за рубеж, в нашем распоряжении большой выбор документальных и художественных фильмов. А для изготовления или приобретения атрибутики возможности поистине неограниченные. Индеанисты сегодняшних дней смело вступили на тропу реконструкторского мейнстрима, это данность, неизбежная и очевидная. Времена меняются.

Чем дальше от нас семидесятые, тем теплее к ним отношение. Это наше детство и юность. Обращение к индейской теме было для большинства своеобразной внутренней эмиграцией, стремлением уйти от рутины обыденной жизни. Потом кто-то расстался с романтическими идеалами юности, кто-то в большей или меньшей степени их сохранил, но в любом случае бесследно это не прошло. Изучая то, как мужественно индейцы отстаивали свою свободу, свой образ жизни, свою землю, мы учились уважать свою. Внутри меня появился человек, для которого я придумал легенду: он ровно на сто лет старше, причём русский, попавший к индейцам через Русскую Америку, добравшийся до прерии и ставший свидетелем и участником ключевых событий индейской истории конца XIX в. Так мы и жили параллельно, вместе потихоньку старели. Сразу оговорюсь, что о Сат-Оке я узнал только в девяностые, так получилось. Особо и не удивился тому, что он там накрутил, просто понял, что я такой не один, а он ещё и писательскую карьеру на своем «раздвоении» сделал. На фоне событий в Вундед-Ни мне и моим сверстникам безумно хотелось, чтобы в Америке осталось хотя бы одно, самое маленькое племя «настоящих» индейцев, изолированных от белого человека (узкоглазые голопузики амазонской сельвы — совсем не то). Создатели фильма «Последний из племени Людей-Псов», видимо, тоже мечтали об этом в детстве…

В восьмидесятые я довольно далеко отошел от темы. Возвращению способствовал шедевр, значение которого трудно переоценить, — «Танцы с волками». Фильм установил совершенно новую планку, до уровня которой не все, к сожалению, дотягивают. Я думаю, для многих именно он стал толчком, который привёл их к индеанистам.

Лично я никогда не стремился найти единомышленников, да и себя к индеанистам не относил. Мне всегда было комфортно с самим собой и моим ин-

дейским «двойником». Но так случилось, что судьба свела меня с Питамаканом. И хотя потом она же нас и развела, я очень признателен ему за то, что он познакомил меня с людьми, которых я ценю, уважаю и просто люблю. Мы можем порой подолгу не общаться, но помним друг о друге и всегда рады встречам.

В девяностые я уже преподавал историю в Бауманке, поэтому старался использовать этот опыт для того, чтобы сделать контакты с новыми знакомыми максимально продуктивными для всех, ведь люди приходили разные. Уровень подготовки сильно отличался, но круг интересов был очень широк. Нашим встречам я стремился придать форму своеобразных семинаров, участники которых готовили сообщения по приоритетной для себя тематике, смотрели и обсуждали фильмы. Иногда удавалось пригласить даже таких знаменитостей, как индейский писатель Скотт Момадей или профессор Александр Ващенко. На букинистических развалах я скупал все книги, так или иначе связанные с индейской тематикой, и раздавал их исходя из интересов. Достаточно скоро удалось собрать и неплохую библиотеку для общего пользования. Собирались мы в течение нескольких лет у моего университетского друга, искусствоведа и художника Сергея Кускова, прямого потомка основателя форта Росс в Калифорнии. Многие через эту маленькую комнату в московской коммуналке вышли впоследствии на широкие просторы отечественного Движения индеанистов.

Меня самого в индейской теме прежде всего привлекали исторические обобщения, аналогии, сравнительный анализ этнокультурных явлений и процессов самых различных народов, времён и регионов. Относительно недавняя индейская история содержала значительный материал, который (с известными оговорками) можно было использовать при изучении и моделировании того, что, например, происходило в евразийском Средневековье. Да и для исследования немонотеистической духовности возможности открывались немалые. Вот в таком ключе и формировались мои «индеанистские» приоритеты. Конкретно-прикладная сторона меня интересовала в значительно меньшей степени. Я никогда не рвался на Пау-Вау, и мне было очень смешно, когда я узнал, что на одном из них всерьёз обсуждались вопросы, носить ли плавки под набедренной повязкой, насколько широки должны быть полномочия «индейской полиции» или уместно ли присутствие американского флага. Какая уж тут свобода! С другой стороны, я, конечно же, не мог относиться равнодушно к изделиям из аутентичных материалов, создатели которых раскрылись как замечательные художники разных жанров. Некоторые же проявляли незаурядный литературный и музыкальный талант. Время доморощенного дилетантизма уходило.

Постепенно у меня стала вызревать и наполняться реальным содержанием идея проведения масштабной выставки, которая позволила бы вывести авторов за рамки узкотематического общения и представить их работы широкой публике. Опыт организации художественных выставок, причём на престижных площадках (ЦДХ, Кузнецкий мост, Малая Грузинская, 28, и т.д.) имелся. В наше распоряжение обещали предоставить

залы выставочного центра «Кунцево» — с его директором Галиной Сокольской мы уже давно сотрудничали. Разрабатывая концепцию выставки, я сразу предполагал не ограничиваться исключительно индейской тематикой. Хотелось привлечь художников, работающих в разных культурных плоскостях со славянскими, скандинавскими, кельтскими, даже африканскими архаическими пластами, а также авангардистов, включая самых радикальных. Объединяющей идеей стало языческое миропонимание, отсюда и название выставки «Четыре ветра. В направлении неоязычества». Отчасти выставка замышлялась как своеобразный культурный вызов идеологической экспансии РПЦ, а также монотеизму в целом.

Подготовка растянулась более чем на год. Порой приходилось преодолевать трудности, многие из которых возникали там, где менее всего ожидаешь. Некоторые авторы по разным причинам отказались от участия в выставке. Но на их место приходили другие. Так случайно в Третьяковке я познакомился с замечательными художниками из Суздаля — керамистом Юрием Гончаровым и графиком Владимиром Шурыгиным. Их работы, развивающие древнеславянские художественные традиции, стали настоящим украшением выставки, а сама она — их стартом в большую художественно-выставочную жизнь. Были проблемы с распечаткой афиш и с изданием каталога. Наши полиграфические возможности не позволяли качественно репродуцировать авторские работы. Поэтому было решено использовать графические символы, придуманные авторами, и их творческое кредо, изложенное в нескольких строках — серьёзно или стёбно. В этом плане предоставлялась полная свобода. Открывался каталог хлёстким манифестом, на одном дыхании сочинённом Серёжей Кусковым, мною и Сашей Аникиным. Напечатать каталог удалось только после закрытия выставки. Однако самая большая неприятность ждала нас в выставочном центре. За несколько часов до монтажа ретивые рабочие без ведома директора разобрали оборудование зала, в котором планировалась выставка. После короткого первого шока выход из положения был найден. Из остатков демонтированного оборудования в другом зале удалось профессионально собрать вполне приличную выставочную зону, и к моменту сбора авторов с работами мы без задержек были готовы начать раскладку и монтаж.

Экспозицию развернули в двух смежных залах выставочного центра. Несмотря на более чем широкий спектр представленных культурных традиций, разнообразие жанров и художественных техник, выставка получилась очень цельной и несла мощный позитивный заряд. Основная объединительная задача была успешно решена. Да и уровень представленных работ оказался достаточно высоким, что впоследствии было отмечено в специализированных изданиях. Что касается индеанистов, их работы не потерялись среди других экспонатов выставки. Головные уборы и одежда Юрия Котенко, Олега Ясененко и Максима Огурцова, батики Влада Ильина, живопись Андрея Нефёдова, Михаила Мирчинка и Джона Татаренко, изделия из бисера Натальи Докучаевой, инсталляции мои и Сергея Кускова соседствовали с работами авторов, представляющих

Борис Колобов (Москва, 1994)

Участники выставки "Четыре ветра" (Москва, 1995)

иные этнокультурные традиции, — деревянной скульптурой, керамикой, живописными полотнами и графическими листами. Культурная программа выставки, особенно в день открытия, была очень насыщенной, разнообразной

и многоплановой. Совершенно неожиданным событием, настоящим подарком, стало выступление гостившего тогда в России Кевина Локка, индейца племени Хункпапа-Сиу, лауреата нескольких премий США в области культуры. Он рассказывал легенды, играл на флейтах различных индейских племён, а затем вместе со своей дочерью по имени Бабочка исполнил несколько танцев. К участию в некоторых Кевин привлёк зрителей, и когда выяснилось, что сцена в выставочном зале маловата для танцев, действо было перенесено на улицу — к радости жителей окрестных домов, привлеченных невиданным зрелищем. Одним словом, выставка удалась, и две недели её работы в июле 1995 года запомнились очень многим.

Через несколько лет мы попытались организовать нечто подобное под названием «Новый Тотем», но результат оказался несравнимо скромнее.

Почти четверть века прошла с тех времён, многое изменилось. К сожалению, ощутимее стали потери. Время неумолимо, но индеанистское движение живёт. В него приходят новые люди, да и «старики» сдаваться не собираются, бережно хранят традиции, делятся опытом. Встретились тут на «Временах и эпохах», и такое чувство, будто только вчера расстались, будто и не было всех этих лет…

Спасибо вам, братья мои, здоровья и удачи во всем. Хау.

Боб Чёрный Беркут (Август 2019)

Пау-Вау

Андрей Нефёдов (Ветер)

В интернете я наткнулся на неприметную фотографию, на которую не обратил бы внимания, если бы не прочитал комментарии к ней: обсуждалось, где и когда была сделала фотография.

Ольга Пакунова: «Это 1989 год, мы вернулись уже с Машей, и я почему-то сшила себе платье с чепчиком. Рысёнку тут уже 30, кстати, смешной».

Марианна Фурих: «Оля, разве 1989-й был не в Петяярви? По пейзажу больше напоминает комариный рай Толмачёва».

Валентин Бусько: «Это на реке Луга, в Год-Когда-Выше-По-Течению-Прорвало-Канализацию».

Олег Жилинский: «Это Луга, Говен Ривер, 1990-й. И да, именно там я впервые и увидел смешного Рысёнка и Олю в чепчике».

Ирина Лукина: «Да, это 1990 год. Ханс и Мартина были там с семьёй. И цыгане приходили».

Ольга Пакунова: «Цыгане приходили, мне кажется, в Саблино, в 1984-м».

Игорь Гуров: «Да, цыгане были в Саблино»,

Олег Жилинский: «Вот именно. Ханса в 1990-м помню, а цыган не было. Да и Чайку не помню».

Ирина Лукина: «Олег, я путаю, может, события немножко, но в 1990-м я была! Да, потом подумала — точно, цыгане были в Саблино... Старость, мои мозги заклинило».

Алекс Кучменёв: «Это 1990 — лужский рубеж. Знаковое Пау: куча людей прибыло, даже Овасес с портфелем был. Там, кстати, я впервые увидел Влада Гром-В-Горах, а Вапити исполнил нетленку „Конь мой вороной, да обрез стальной“ ... И кинцо мы тогда сняли...»

Из этого бурного обсуждения я понял, что для многих индеанистов разные Пау-Вау слились в сплошное полотно неразрывных картинок. Только яркие события отличают одно Пау-Вау от другого: появление лошадей в лагере, приезд индейцев, пожар, драка... И каждый побывавший на Пау-Вау помнит, конечно, насколько сильны и неповторимы впечатления от первого Пау. Несколько человек рассказывали мне, что испытали настоящий шок, впервые попав в лагерь, и что этот шок почти начисто стёр воспоминания о том дне.

Я прекрасно помню сияющий солнечный день, когда приехал в Толмачёво и, стоя на холме, не мог оторвать взгляда от раскинувшегося внизу стойбища. Множество конусовидных палаток, дым костров и высоченная трава, чуть ли не целиком, как мне помнится, скрывавшая людей... Но я-то был готов к этому, наслушавшись рассказов и насмотревшись фотографий с Пау-Вау, я ждал именно этого. А как было у тех, кто в 1970-х готовился участвовать в первом слёте индеанистов? Думаю, что их чувства не выразить никакими словами. Они мечтали о том, чего ещё не было в нашей стране. Пау-Вау было сном, чем-то абсолютно нереальным. Потому особенно ценны свидетельства участников первых встреч.

Сергей Немков (Мато Нажин)

Дяди индейцы[1]

Скованность ещё чувствуется во всём. Неловко. Каждый старается сохранить невозмутимость на лице. Однако думает про себя: всё ли учёл, как они представляли нас, меня, нашу встречу. Каждый волнуется. А «они» в таком же положении, хоть и не показывают волнения. Вернее, стараются. А как же иначе? Ведь встретились люди не видевшие друг друга ни разу в жизни, но давно мечтавшие об этой минуте.

Мы едем в автобусе по ленинградским улицам, оставив далеко позади аэропорт. Мелькают дома — памятники петровского времени, новые высотные здания, мосты, скверы, парки. Я и мой друг впервые в Ленинграде. Мы понимаем: чтобы осмотреть такой город нужен месяц пеших прогулок, а не двадцать минут на автобусе.

Смотрю на ребят. Стараюсь делать это незаметно. Такие же взгляды ловлю на себе. Неловко. Но помаленьку привыкаем друг к другу. Лучший помощник в таком деле — улыбка, хотя трудно улыбаться в набитом автобусе. Но парни взволнованы встречей — это видно по всему. Волновались и мы. Пока самолёт шёл на посадку, не отрывались от иллюминаторов. А когда входили в здание аэропорта, Орлиное Перо толкнул меня локтем в бок: «Встречают!» Тут и я увидел знакомое по фотографиям лицо Колючего Ската. Остальных видим впервые, кроме одного — Боевого Орла, это старый знакомый. Во даёт! Уже здесь, приехал раньше нас, а сейчас стоит и сияет. Подходим, обмениваемся рукопожатиями.

Зверь[2], коренастый плотный парень с оригинальным, улыбающимся лицом, уверенно жмёт мою руку: «Мы уже думали, что вы не прилетите. В первой группе пассажиров вас не было».

Получаем вещи и идём на остановку автобуса. Колючий Скат, почти мальчишка, но держится солидно и независимо. То и дело теребит значок на штормовке, такие же и у остальных, это наш опознавательный знак. Наши значки в кармане, мы не успели прицепить. Мы совсем не ожидали, что встреча будет такой оперативной. И даже думали, что самим придётся искать их по адресам. Но нас встретили. И встретили улыбками.

Автобус тормозит, выходим. Кругом бурлит людской водоворот. Оказывается, мы на Невском. Рты открыты, головы задраны вверх — иначе по Ленинграду не пройдёшь. Зверь объясняет: «Сейчас мы придём на квартиру. В ней живет Анна Абокаровна с детьми. Там вы и разместитесь».

— А кто это? — спрашивает Орлиное Перо. Я тоже удивлён, никогда не слышал имени этого человека.

— Видишь ли, — объясняет стройный темноволосый парень про имени Зоркий Сокол — У Анны Абокаровны есть сын, мы его зовём Не Имеющий Мокасин, это наш товарищ по увлече-

[1] Из новосибирского альбома «Большой Совет» (1980)

[2] Овасес: «Зверем меня назвали Ленинградцы за короткую расправу над хулиганом. Всё было как в кино…»

нию, великолепно рисует. Он сейчас в армии.

— У Анны Абокаровны большая семья, правда, сейчас с ней живут самые младшие. Она хорошая женщина. Вы не думайте, места хватит всем.

— Ха! Зверь, разве можно злоупотреблять добротой человека, тем более хорошего — останавливаюсь я. Ведь если мы, со своими рюкзаками, чемоданами а прочим, все вместе оккупируем квартиру, ты представляет сколько будет шума и возни? Эдак у любого терпение лопнет.

— Не беспокойся, Мато. У Анны Абокаровны не лопнет, ты её ещё не видел. — хлопает меня по плечу Колючий Скат. — Она наш первый помощник. Идём, — подталкивают меня ребята.

Дверь открыл мальчишка лет тринадцати, он кивнул нам, схватил что-то из наших вещей, втащил в прихожую и затараторил: «Проходите, проходите, мы вас ждём. Мамы ещё нет. Ванька учится. Проходите». Проходим. Снимаем куртки, стараемся занимать как можно меньше места. Зверь подмигивает: «Ничего, скоро освоитесь. Сейчас мы ознакомим вас с нашими делами, а потом поужинаем и всё будет в порядке».

— А когда поедем на остров? — не выдерживаю я. Мне всё ещё не по себе. Скорей бы, думаю, в лес, там мы никому не будем мешать, да и нам тоже никто не помешает.

— На остров поедем, когда подсохнет алифа на каноэ. — Невозмутимо вставляет Колючий Скат,

Я осматриваю комнату. Большая, светлая, высокий потолок, окна до пола. Мебели почти нет, диван-кровать, узкие шкафы, стол. Всё это расставлено вдоль стен. Похоже, комнату специально приготовили для детей, чтобы им было просторно играть. Вот небольшой телевизор, стоит на маленьких ножках, так, что его удобней смотреть сидя на полу. Куча игрушек. На столе магнитофон.

Но вот в комнату врываются её хозяева. Две шустрые, как мыши, девчонки, лет семи, и двое мальчишек. Одного зовут Антон, он нас и встречал, другого — Мишка. Тишине конец. Девчонки тут же повисли на самом старшем — Звере. Наверное, они уже давно нашли общий язык. Тут я впервые задумываюсь, почему у него такое имя, надо будет узнать.

Звонок. Похоже, пришла хозяйка.. Поправляю воротник. Что она, интересно, подумает, увидев наши волосы до плеч? Входит невысокая худенькая женщина. Аккуратно уложены тёмные волосы, спокойное лицо и очень добрые глаза. Она здоровается, отдает сумки мальчишкам, мы поспешно киваем.

— Здравствуйте, Анна Абокаровна, — Зверь пробует стащить с себя прицепившихся девчонок. — Вот к нам приехали парни из Новосибирска. Это Мато Нажин и Орлиное Перо. — Он прямо так и назвал нас. — Их надо покормить. Я помогу вам на кухне.

— Ну что ты, я сама.

Они в сопровождении ребят выходят из комнаты. Я перевожу дух. Начало есть.

Через полчаса Зверь приходит обратно. «Всё в порядке. — потирает он руки. — А сейчас пора есть. И мы расскажем вам, с чего заварилась каша у нас в Ленинграде.

Посели к столу. Слушаем.

— Всё началось со статьи в «Комсомолке», в ней писали о лесных похождениях Колючего Ската, о том, что он делает каноэ и типи. После этого он по-

лучил много писем от парней, увлекающихся индеанистикой. Так он познакомился с Не-Имеющим-Мокасин, со мной и Высоким Лесом. Затем пришло письмо от Зоркого Сокола. А он давно переписывался с вами, Мато Нажином и Орлиным Пером. Написали и другие. Так мы узнали, что нас много. Только в Ленинграде больше десяти человек. Ликованию не было предела. Мы тут же предложили всем, кого знаем, встретиться. Возникли трудности. Мы разочаровались, решили встречу отложить до следующего раза. Но тут получаем ваши, мечущие молнии, письма и понимаем, что надо вылезти из кожи вон, но встречу устроить.

— Срыв встречи, как это было в Калуге и других городах, отбросил бы нас назад. Многие махнули бы рукой на саму затею, — говорил Зоркий Сокол.

— Но нам везёт, и вот вы здесь. Помимо вас, приехали уже двое парнишек из Москвы и девушка из Ижевска. Вот брат Боевой Орёл совершил просто подвиг. — Зверь хлопает парня по плечу, мы все смеёмся. Моя симпатия к ленинградцам растёт с каждой минутой.

— Кроме того, обещал приехать Красный Волк со своими парнями, — замечает Зоркий Сокол.

— Да, вот он нам и нужен, — подхватывает Орлиное Перо. — Тот парень сочиняет сам, танцует, придуманные им самим индейские танцы. Хорошо поёт.

Похоже, мы говорили бы, не останавливаясь, весь день, но пришла Анна Абокаровна и пригласила нас всех к столу. Из кухни уже доносился заманчивый запах. За столом наша компания разместилась довольно быстро. Ели с удовольствием. Анна Абокаровна подливала добавки и с улыбкой расспрашивала о наших делах. Она всех называла по нашим, довольно необычным именам, и, похоже, была в курсе всего. Это меня, привыкшего скрывать моё увлечение, смущало и восхищало одновременно. Но самое интересное было впереди.

После обеда продолжаем разговор. Отзывается, ленинградцы добились больше, чем мы предполагали. Поняв, что без посторонней поддержки организовать Клуб почти невозможно, они принялись обходить инстанции. Первым делом Зверь и Зоркий Сокол пошли в Горком комсомола. Там их встретили довольно холодно, а когда парни назвали себя индеанистами, их собеседники заняли оборонительную позицию и заявили: «А это ещё кто такие?» Зверь приготовился к жаркому спору, но вовремя понял — это бессмысленно. Они так бы и ушли ни с чем, если б не одна добрая душа. Им посоветовали обратиться в Музей антропологии и этнографии, что они и сделали.

В музее их приняли гостеприимно и обещали помощь. Мало того, музеи обещал взять их группу под своё шефство. У парней голова пошла кругом, когда они сообразили, какое поле деятельности перед ними открывается.

Узнав такие вещи, мы заёрзали на стульях. Но это было ещё не всё. Оказывается, они познакомились с писателем Николаем Внуковым, тем самым, который написал повесть о Сат-Оке. Потомок Текумзе бывал у него в гостях, они переписываются. Выслушав ребят, писатель загорелся не меньше их. Обещал свою помощь и поддержку.

— Вот такие дела, — закончил Зверь невозмутимым тоном и тщетно скрываемым ликованием на лице.

Красные Стрелы, 1974

К вечеру комнату было не узнать. Кругом громоздились рюкзаки, чемоданы, палатки, одеяла и прочие вещи, необходимые для лесного лагеря. В углу возвышался внушительный тюк — разборное каноэ, торчат вёсла. Интересно. Многие из нас видели каноэ только не картинке, а завтра уже будем плавать в нём.

Берём с собой чемодан книг, статей и журналов. Все они об индейцах и про индейцев. Многим это показалось бы странным, но мы не отделяем природу от своего увлечения. Индейцы и природа — одно целое.

Перекладываем свои вещи. Некоторые, самые интересные штуки, уже вертят в руках ребятишки. Они с удивлени-

ем рассматривают шаманский жезл, и расшитый кисет, пристраивают к голове большие орлиные перья, прижимают ухо к барабану — там что-то гудит.

Сама Анна Абокаровна с интересом смотрит книги, альбомы, фотографии. Потом она показывает рисунки сына, говорит, что он будет сильно жалеть о том, что не мог быть сейчас с нами. Она рада за нас. Участием светятся её добрые глаза. Она — замечательный человек. Несмотря на шумиху, суматоху, беготню детворы, споры и дискуссии, за время нашего нашествия я ни разу не слышал, чтобы она повысила голос на кого-то из ребятишек, к нам относилась как старший товарищ. Привыкнув к безразличию или насмешкам по поводу моего увлечения, я был просто поражён тем участием, которое встретил в этом доме.

Несколько дней спустя приехал Красный Волк. Он привёз костюм шамана, барабан, бубенцы, свои песни и танцы. Вот когда мы оценили его талант! Орлиное Перо и Зверь предложили устроить представление для ребятишек Анны Абокаровны. Это было наше первое выступление перед публикой. Мы волновались. Но скованность скоро прошла, невозможно чувствовать себя чужим, когда кругом друзья.

Мы оделись в самые лучшие одежды, украсили лица весёлыми красками, волосы — перьями и головными уборами. Развевалась бахрома, мелькали узоры, стучал бубен, трещала трещотка, присудливые тени метались по стенам комнаты. Это танцевал Красный Волк.

А когда пришло время уезжать, ребятишки просто не хотели отпускать нас. Да и нам было жаль расставаться с ними, нашими первыми зрителями. «Не уезжайте, дяди индейцы! Дядя Мато Нажин, мы вас не пустим!» — кричали девчушки. Но время шло. Пора было ехать, и ничто с этим не поделаешь. До свидания, гостеприимный дом. До свидания, Анна Абокаровна.

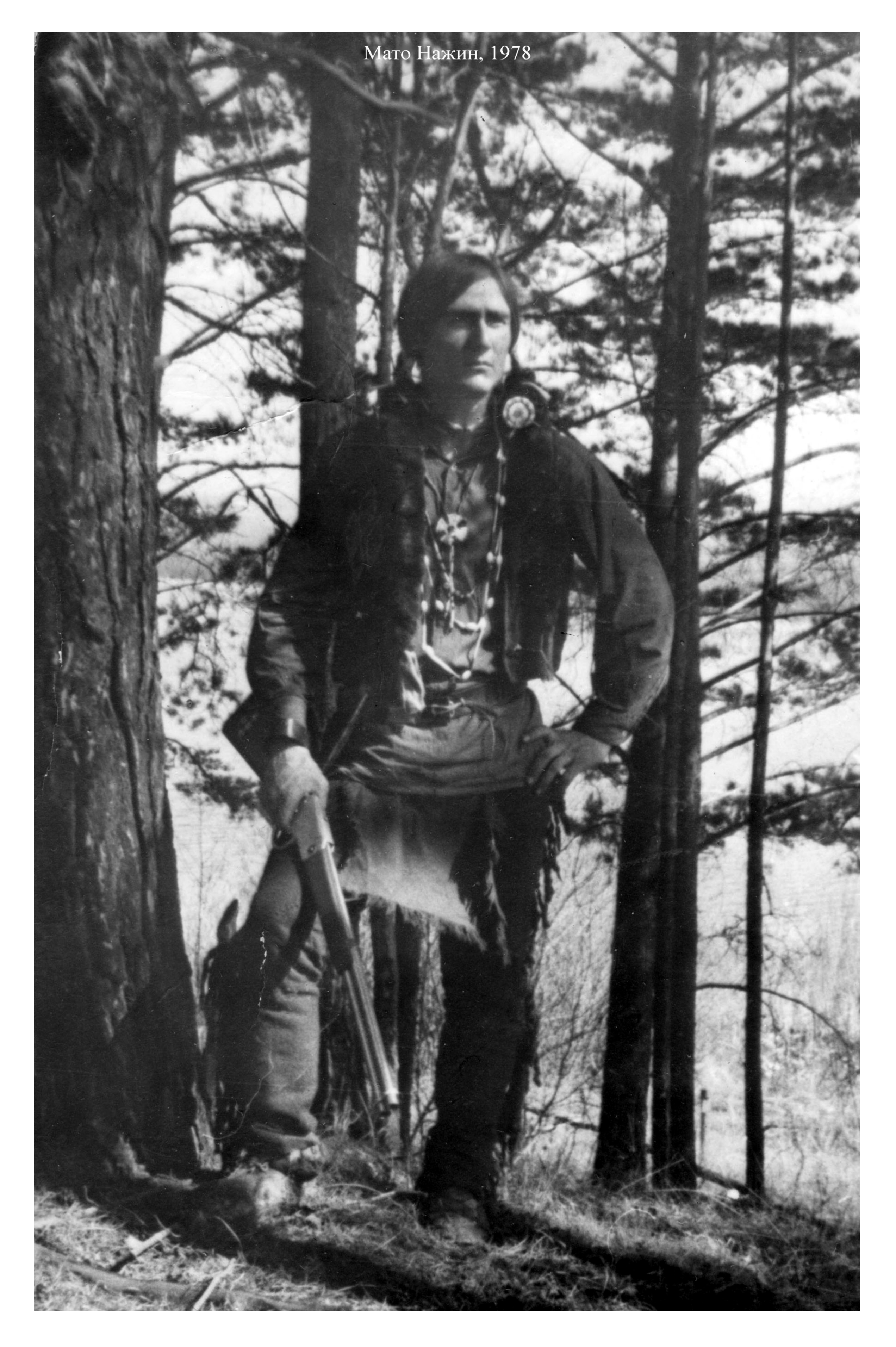
Александр Буслаев (Овасес)

Рассвет над соснами

Наверное, с того и надо начинать рассказ, что в полдень 19 августа 1980 года к каменистому берегу острова пристало брезентовое каноэ, и из него выпрыгнули три парня. Им навстречу из прибрежных кустов прозвучал голос: «Ага, индейцы!» — а затем появилась физиономия местного «аборигена». Им оказался дед-рыбак с подозрительно сизым носом. «Вы только, парни, не шумите», — начал диктовать он условия. «По-моему, мы ещё не подали поводов для беспокойства», — ответил один из прибывших, и тем самым было положено начало мирному сосуществованию.

Надо сказать, что каноэ, на котором мы подошли к острову, нещадно текло, по моим грубым подсчётам, по поллитра в секунду, и всё же нам удалось благополучно добраться до острова и обратно и в первый рейс, и во второй, и в шестой. Ибо столько переходов пришлось совершить, чтобы все люди и имущество оказались на острове.

Таким образом, часам к пяти, под вечер, мы полностью переправились на остров, и с этого момента началась история первого слета индеанистов в нашей стране, которому впоследствии мы дали своеобразное название — Большой Совет.

Мато Нажин, 1978

Итак, 19 августа 1980 г. остров Тройной, озеро Отрадное. Большой Совет представителей индеанистов всей страны.

Наверное, чересчур громко сказано, было нас всего четырнадцать, и представляли лишь шесть городов, но ведь дорога на слёт была открыта всем, и роль Совета не может умалить тот факт, что кто-то не нашёл в себе сил одолеть сомнения и препятствия, как сделали те, что был с нами. Пусть будет уроком всем, кто в дальнейшем решится принять у себя следующий слёт, что всё начинается с места, той поляны, где встанут типи, запылает костёр, где поставят тотемный столб и будут проводить вечера и дни участники слёта. Мы, организаторы и хозяева Большого Совета, не справились с этой задачей и, к нашему стыду, мы все были вынуждены до глубокой ночи искать место; к счастью, нашли, но остаток дня был потерян безвозвратно, а с ним и начало следующего.

Знакомое чувство мысленной невесомости охватывает разум, тело одеревенело от долгой работы. Плавными рывками каноэ движется вперед по тёмной воде. Раз за разом спускается в воду весло, оставляя круглые следы, исчезающие за кормой. Остров чёрной шапкой неподвижно висит в воде, и кажется, что мы стоим на месте вот уже несколько часов подряд.

Всё ярче озаряется восточная часть неба, близится рассвет. Налетел ветер, и засветилась рябь на воде нежными красками: голубыми, оранжевыми, жёлтыми, розовыми. Вот над лесом загорелся золотистый край солнца, оно быстро растет, удивительно быстро поднимается солнце, мгновение — огненный диск соединяется с полоской леса — и вот он свободен. Рассвет. Мы гребём всю ночь.

Так встречаем мы первый день Большого Совета. Лагерь проснулся. Задымил костёр. Сонные лица, развешанные яркими лоскутами одеяла; кто-то несмело плещется у берега; умываться надо, но вода лесного озера обжигает утренним холодом. А вот и первая каша на вольном воздухе — и, конечно же, она подгорела.

Я отмахиваюсь от назойливых и сочувствующих парней, хотя буквально валюсь с ног. Из последних сил ем кашу, глаза слипаются, и я клюю носом в тарелку. «Да ложись ты!» — кричат на меня, но я упорно твержу: «Мато ведь не спит». Мне в ответ слышится ехидный смешок: «Мато давно лежит, пристроился караулить вещи, от храпа лес качается». И всё-таки я отмахиваюсь от липкого сна и иду к каноэ: оно прохудилось в нескольких местах о прибрежные камни. К этому времени оно хорошо просохло и совсем не пропускало воду, но старый брезент не выдержал столкновения с подводными камнями, и приходится чинить на ходу. Беру кусок сосновой смолы, вставляю в расщеплённую палку и поджигаю, стараясь держать нехитрое приспособление над повреждённым брезентом. Смола с шипением горит и застывает похожей на стекло массой. Но вот и всё. Сажусь в лодку и перегоняю её к новому месту.

Мато Нажин ест остывшую кашу прямо из ведра, он подмигивает мне опухшим от бессонной ночи глазом, ему удалось поспать всего с полчаса.

Я не в силах оценить поляну, нового места, где разбивают лагерь, валюсь с ног, иначе не доживу до конца дня. Чёрт! Как же индейцы могли не спать сутками?

Мы расположились на мысу, выступающем далеко в озеро. Поляна неровная, но зато сухая и без травы. Кругом сосны, кустарника мало. Орлиное Перо окинул место поляны опытным взглядом: «Здесь наши типи, тут палатка Совета, здесь типи Колючего Ската». Стучат топоры, знатоки скрепляют жерди, разворачивают покрышки, ставят палатки.

Горит костёр. Первый обед на новом месте — снова работа. Близится вечер. Пока я спал, повалили сухую берёзу, из нее получилось отличное бревно, сейчас его очищают от коры Зоркий Сокол и Орлиное Перо. Удивляюсь их терпению и... и, кажется, из этого бревна получится неплохой тотемный столб. Спрашиваю: «Сколько до открытия?» «Полтора часа», — отвечают мне. Успею.

Сверху вырезаем перо орла, как символ совета, а внизу фигура индейца — главные мысли о нем, а в центре, конечно же, сова — птица, видящая ночью. Символ — покровитель многих индейских народов. Где-то в лесу рядом с нами горят по ночам глаза её живых прообразов. Столб готов. Темнеет. В лагере напряжение. Перешёптываются старшие, в типи Мато Нажина идут последние приготовления. Убрана посуда после ужина, вынута из мешков и вся «индейская одежда», все подтянулись, причесались. Как будто неведомая рука направляет нас, подходим к лежачему столбу, становимся друг за другом по обе его стороны. Впереди старшие, затем... так диктует жизнь, нет начальников, нет подчиненных, но кто-то должен кого-то слушать, кого-то учить, и потому младшие сзади. Все выстроились у столба. Руки подхватили его, медленно несём к центру поляны, поднимаем и устанавливаем в приготовленную заранее яму. Так же в полном молчании, без крика и суеты приносим камни, кто-то сыплет землю, утрамбовывает...

У костра тесно, но место справа от меня свободно. Напротив Колючий Скат, Чёрный Волк, Тихая Песня... Она то и дело подбрасывает лапник, ярко горит наш друг-костёр, лица собравшихся серьезны, никто не смеётся, не болтает. Можно начинать.

За спиной в типи Мато Нажина неслышно идут приготовления главной церемонии. Волнения нет, только у меня сказалась бессонная ночь. Ещё плохо воспринимаю происходящее. Но пора. Медленно встаю, и, помолчав несколько секунд, говорю: «Я пользуюсь единственным правом, которое даёт мне мой возраст, и потому говорю первым. Запомните этот день, этот огонь, этот тотем. Мы установили его в честь первого совета. И не случайно к нему прикоснулись руки каждого, кто находится здесь. Запомните этот час, он первый и в вашей жизни, и для всех индеанистов. Он не повторится. Мы собрались впервые, и причина, которая привела нас сюда, впервые обрела реальный смысл. Мы собрались решить, как будем жить дальше и что мы дадим людям, чем можем быть полезны нашим красным братьям...»

Мато Нажин и Орлиное Перо бесшумно подошли и сели на свои места. Боевой Орёл встал на фоне костра. Чётко вырисовывается его силуэт. Он в накинутом на плечи одеяле, за поясом томагавк, покачиваются перья над головой. Дым от лапника окутывает сидящих, с треском поедает огонь сосновые ветви. Я сижу в забытьи, и белый чехол из заячьей шкурки, который лежит возле Мато, вызывает неясное чувство. Что это?

Это Трубка Мира. Мы сидим полукругом, замкнутым очагом, где пылает огонь. Мне кажется, что стоит мертвая тишина, хотя ветер не перестаёт метаться по лесу и буквально грохочет над нами в ветвях сосен.

Мато Нажин с трубкой в руках стоит неподвижно, устремив взор куда-то вдаль… В ушах, как эхо, звучат произнесенные Орлиным Пером слова: «Если прозвучит или покажется какой-нибудь тревожный знак — трубка не будет раскурена». Но природа молчит, лишь ветер неистовствует, как бы говоря сразу за всех. Мато сел. Тогда Боевой Орёл достал из огня уголёк и поднёс к трубке. Отважный Медведь пустил клуб дыма в небо, на землю, в огонь и передал Трубку Мира мне, я — Зоркому Соколу, он — Чёрному Волку… И так по кругу. Так начался наш первый серьёзный разговор.

Евгений Курбатов (Красный Волк)

(из дневника)

1980, август. Состоялась первая встреча индеанистов СССР. На ней присутствовали: Овасес (Ленинград), Чёрный Волк (Ленинград), Ябебири (Ленинград), Зоркий Сокол (Ленинград), Большой Бобёр (Ленинград), Воронья Смерть и Смотрящий В Котёл (Москва), Тихая Песня и Ути (Ижевск), Мато Нажин и Орлиное Перо (Новосибирск), Боевой Орёл (Ленинград), Высокий Лес (Ленинград). Встреча проходила на острове Тройном Отрадного озера Ленинградской области. На совете решили вопрос о создании ленинградского Клуба индеанистов. Ходили в музей этнографии.

26 августа Красный Волк, Большой Бобёр, Тихий Бизон приехали в Ленинград для участия в Большом Совете джихо СССР.

Ольга Пакунова (Поющая Лань)

Мой первый Пау-Вау

В 1980 году под Ленинградом состоялся Большой Совет, куда впервые из своих нор и пещер вышли на свет ветераны войны за права индейцев и решили, что нужна общая встреча, которая будет называться Пау-Вау. Несомненно, это событие стало наиболее значимым для всех последующих поколений наших индейцев. Но меня там не было, и называлось это Совет, поэтому первым Пау-Вау я считаю встречу в 1982 году на реке Чёрная, 63 км от Ленинграда.

Чтобы попасть на Пау-Вау, мне сначала надо было попасть в Ленинградский Индейский Клуб. И вот как это случилось. В тот год моя жизнь превратилась в кошмар, можно сказать, она подходила к концу. В школе мне вручили грамоту «Победителю II тура городской олимпиады по литературе» за сочинение «Трагическая судьба индейских племён и их творчество в поэме «Песнь о Гайавате». Такую замысловатую тему придумала моя учительница после бесплодных уговоров оставить старую «Братья Карамазовы». В школе меня понимали и относились сочувственно, потому что помнили игривым белокурым ребёнком. Дома шушукались и пытались кормить чем-нибудь вкусным.

Овасес: "Ольгу Пакунову привёл Четан, "нарыл" её в газете, куда она нарыдала о своём "индейском" одиночестве. Я принял её на грудь Клуба и тоже зарыдал - такая она была оторвыш и бестия!"

Я помню очередной приступ безысходности, когда, рыдая у окна и тупо тыча пальцем в стекло, я тщетно пыталась различить среди зелени нашего спального района спасительный образ Чингачгука. За спиной стояли мама и бабушка, к тому времени уже сообразившие, что это не первая любовь, а кое-что похуже. Я решилась на прямой вопрос: «Мама, я когда-нибудь попаду в Америку?» — «Нет», — голос мамы звучал твёрдо и уверенно.

Жить оставалось недолго, напоследок нужно было поговорить с кем-то очень близким. Самым близким человеком для меня в то время был Сат-Ок. Я теперь уже и не помню, кто подсунул мне его книжку. Жил Сат-Ок в Польше, и узнать его адрес юный пионер мог только в редакции газеты «Ленинские Искры», туда я и написала. Думаю, каждый из вас писал эти письма, хотя бы в уме, долгими бессонными ночами.

И ЧТО ВЫ ДУМАЕТЕ, МНЕ ПРИШЁЛ ОТВЕТ! Не от Сат-Ока, конечно, а от Евгения Малахова, студента Университета, который приглашал меня посетить Ленинградский Индейский Клуб. «Ленинские Искры» и Евгений Малахов, вероятно, были большими друзьями. Я знаю,

и вы, возможно, однажды испытали это изумление — как? Я не идиот? По крайней мере, не одинокий идиот!

На встречу по назначенному адресу я явилась на два часа раньше, бродила кругами, в конце концов, решилась позвонить в заветную дверь. Клуб уютно располагался на частной квартире гражданки Павловой на Владимирском проспекте и занимал отдельную комнату. До сих пор не понимаю, как клубу это удавалось. Мне открыли, провели в комнату, усадили и дали альбомы. И что за альбомы — индейцы, каноэ, типи и мокасины! Ничего в альбомах не понимая, я одним глазом рассматривала окружающих, они меня. Спросить что-то было страшно, так прошло часа два. Альбомы мне позволили взять с собой. За каких-то пару дней эти альбомы полностью реабилитировали меня в глазах родственников и друзей, превратив из «ку-ку» в члена какого-то загадочного клуба.

Надо сказать, Ленинградский Индейский Клуб дал мне многое, но лучше без подробностей, да и не об этом речь. Наверное, не лишнее перечислить его членов на тот момент:

Большой Бобёр — вождь Клуба, художник по образованию, как позднее выяснилось, выпивал лишнего. Несмотря на его неприступность и неприятные манеры, с ним мы действительно дружили, он мог часами рассказывать про индейцев и знал всё. Сейчас в Америке.

Четан, тот самый Евгений Малахов, студент какой-то военной специальности, что-то вроде комсорга Клуба. Несмотря на его приятные манеры, мы не стали друзьями, всегда был сдержан и корректен. Сейчас в Америке.

Овасес. О, его мы все обожали. Самый взрослый из индейцев, балагур, взгляд с хитрецой, играл на гитаре, водил нас в походы. Где он сейчас, мне не известно.

Имелись и девицы — Утренняя Звезда и Роса, а какая, подзабыла, но приняли меня радушно, хотя у девиц сами знаете, всё непросто. Были также члены, о которых я узнала позже — Одинокий Волк переживал какой-то кризис и появился только на Пау-Вау, Вапити и Сергей Большое Сердце служили в Армии. Одинокий Волк и Вапити, слава богу, до сих пор с нами, Большое Сердце предпочёл одиночество.

Самое же главное, что дал мне Ленинградский Индейский Клуб — это выкройка мокасин, это тысячу раз перерисованные на листочке в клеточку индейские орнаменты, мне рассказали, как красить марганцовкой фланелевые детские пелёнки, как покрывать подол платья клеем ПВА, чтобы потом можно было порезать его на бахрому. Мне дали целый мешок мелко нарубленного цветного провода и научили вышивать. И, наконец, меня взяли с собой на первый в жизни Пау-Вау, самый первый.

До Пау-Вау оставалось несколько дней, никто почти не спал. Моя одноклассница за обещание взять с собой дошивала мои мокасины. Однажды утром раздался тревожный звонок — к нам летят Красные Стрелы.

Красные Стрелы летели из Новосибирска. Про Мато Нажина и Орлиное Перо уже ходили легенды. Нужно было срочно придумать повод, чтобы попасть в клуб и увидеть их живьём, я так и сделала. Требовался доброволец отвезти на место Пау-Вау ведро сухого супа. Подумаешь, супа — я бы и на большее согласилась. Орлиное Перо и Мато Нажин

сидели в клубе, листали альбомы, как вообще было заведено. Ну что тут скажешь, парни и сейчас красавцы, а тогда такое можно было увидеть только на запрещённых фотографиях рок-звёзд. Волосы — во! Носы — во! Оба огромные сибиряки, ну вылитые индейцы. Большой Бобёр собирался ехать с ними в лес и ставить типи, все они уехали раньше. Я с досадой ждала, когда мне наконец выдадут суп, и добралась до 63 км уже к ночи.

Знакомство состоялось без церемоний, мы всю ночь передавали друг другу гитару и слушали, что у каждого накопилось за эти годы, которые все мы потом будем называть «годы одиночества». Наутро я вернулась в город, а потом наступил день Открытия Пау-Вау. Волосы были покрашены маминой краской для бровей в непонятно-коричневый цвет за неимением радикально-чёрного, клеёная бахрома шелестела у колен, мы собрались у тотемного столба в центре лагеря и сели вкруг. Орлиное Перо, на внимание которого, я, честно говоря, рассчитывала, меня не узнал.

Людей было много, это было незабываемое и радостное чувство обретения своей основы, своей новой семьи. Каждый вставал с орлиным пером в руках и говорил: «Красный Волк, Великие Луки», «Омими, Свердловск» и предавал перо следующему. Потом Овасес вынес Трубку Пау-Вау и дал каждому к ней прикоснуться. Мы все сразу полюбили сидящего рядом, нам было не важно, кто этот человек в своём городе, кем его считают другие люди, мы потом долгие годы, перезваниваясь или подписывая конверты, неожиданно для себя понимали, что не знаем обычных имён друг друга.

Понятно, на первом Пау-Вау не были известны настоящие индейские песни и танцы. Овасес был основным танцором, в его движениях легко угадывался Махмуд Эссамбаев. Именно он поставил ещё несколько танцев для народа, так сказать Intertrible, из которых мне больше всего запомнился танец выбора жениха. Девицы с одеялами двигались по внешнему кругу, время от времени приседая и вскидывая руки к небесам, также приседая и вскидывая, по внутреннему кругу двигались юноши. Когда напротив оказывался кто-то тебе симпатичный, или просто надоедало приседать, надо было накинуть на юношу одеяло, и тогда вы вместе под общий хохот покидали хоровод. Совет Старейшин не танцевал, а значит, не танцевали и Красные Стрелы. Зато большой популярностью у девушек пользовались Непемус и Синий Орёл — Апачи из Арзамаса.

А по ночам под звёздным небом все танцевали Танец Духов, уже не думая о движениях, по-настоящему падая от усталости и надеясь, что «бизоны вернутся». Ночью, конечно, никто не спал. Мы сидели у костра завёрнутые в одеяла, пели, смеялись, мы не могли расстаться друг с другом до рассвета. В сущности, это напоминало Вудсток, праздник личной свободы и акт несогласия с тем, как в мире обстоят дела. Когда Орлиное Перо брал первые аккорды «Пайн Ридж», замолкали все, некоторые плакали.

На второй или третий день Пау-Вау нам объявили, что в лагерь приедет писатель Внуков, близкий друг Сат-Ока. Я почему-то помню, что меня это не очень взволновало, у меня к тому времени уже

было всё, что нужно. Внуков сидел на пеньке в типи Совета и рассказывал о Сат-Оке не то, что нам хотелось бы услышать. О его творческих планах, о его польских коллегах, и всё это было совсем не похоже на «Слушайте песню перьев». За день до приезда Внукова в лагере появился новый индеец из Украины, его очки а-ля Джон Леннон и, не поверите, невероятно заразительный и неприлично громкий хохот заметили все в лагере. Накануне вечером, как обычно в полном составе у костра, мы слушали песни под гитару, Овасес пел про мальчишку, который не хочет учиться, а хочет быть индеанистом. Украинский индеец в очках попросил у признанного мэтра гитару и ни с того, ни с сего запел: «Графиня, мне приснились ваши зу-у-убы». Во время выступления Внукова он сидел недалеко от меня и игриво косил глаза в мою сторону. Мы прожили вместе много лет, прежде чем я узнала, что смотрел он всё-таки на Внукова, его очаровательное косоглазие сыграло такую шутку.

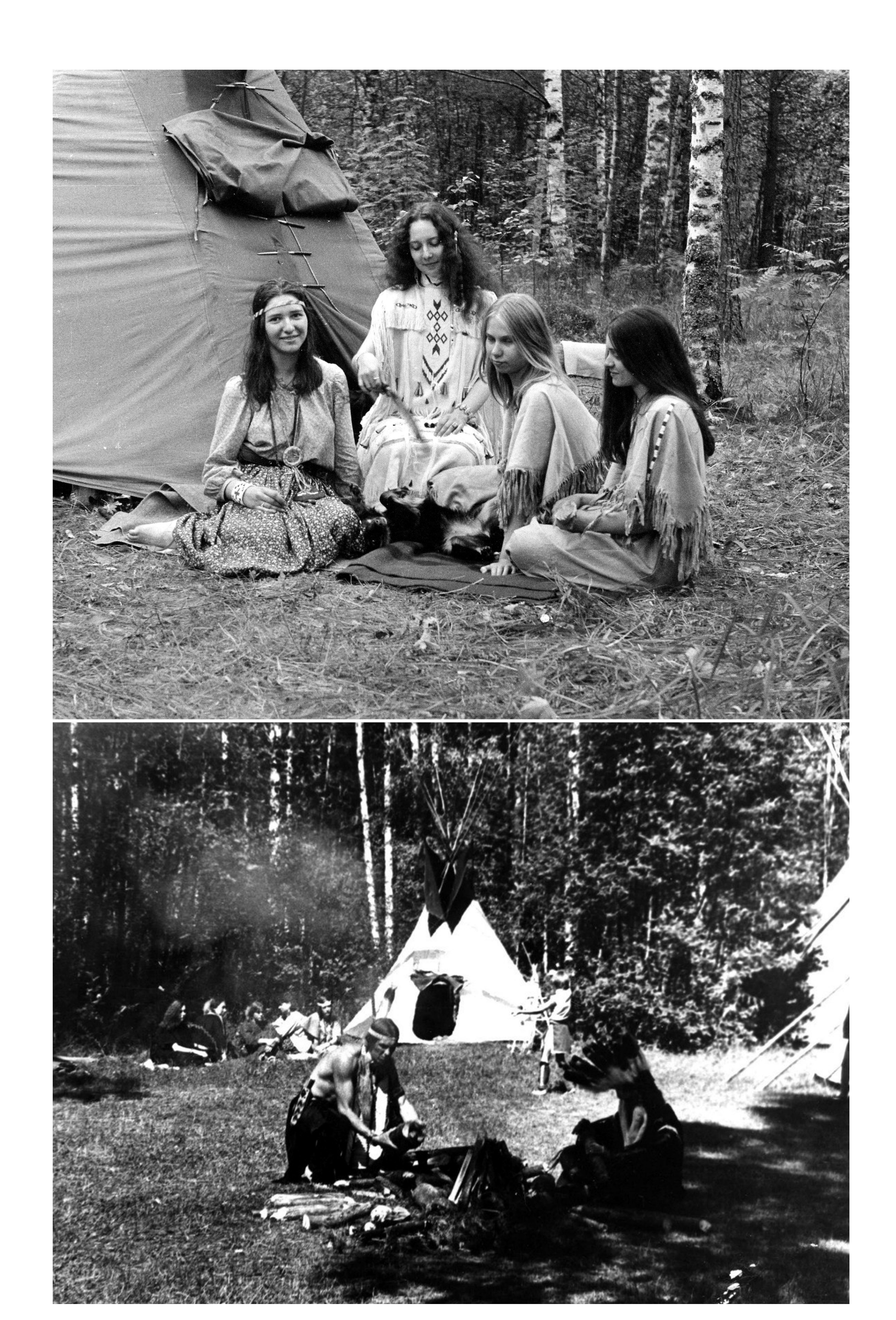
Однажды неожиданно в лагере появился господин лет семнадцати в костюме и с дипломатом. Ничуть не смущаясь своего несоответствующего вида, он деловито ходил от костра к костру и от типи к типи, всё спокойно осматривал, вызвал немало разнотолков, и так же неожиданно испарился. На следующий год он приехал в индейском костюме, которого никто ещё не видывал — настоящая кожа, мех горностая, и даже бастл — всё у него было. Да ещё играл на флейте. Кто это? Конечно, Мато Сапа.

Наша поляна была недалеко от пионерского лагеря, откуда уже совершали набеги любознательные пионеры. В конце концов, их вожатые договорились с нашими вождями, что мы придём в лагерь с выступлением. Так мы и сделали, что-то там вероятно спели и сплясали, не помню, а через несколько месяцев в ДК имени Кирова, где клубу было выделено помещение, ворвалась восторженная стайка девушек. Одна из них, рыженькая, очень волновалась, сбивчиво объясняла, что они обегали весь город, что они видели наше выступление у себя в лагере и не смогли его забыть. Так Маша нашла Волка, а Волк — Машу.

Именно на первом Пау-Вау наш вождь Большой Бобёр объявил о том, что Ленинградский индейский Клуб отныне будет иметь официальный статус. Это обошлось клубу дорого — вместе с унылой комнатой в ДК наши вожди получили необходимость писать доносы и всюду таскать за собой Лену, приставленную к нам от Дома Народного Творчества.

Ещё на самом первом Пау-Вау у меня случился день рождения. В честь этого события вожди решили дать мне индейское имя. Я помню, как Овасес, Орлиное Перо, Мато Нажин и Великий Рысёнок собрались в центре лагеря, поговорили и разошлись на четыре стороны света. Потом они встретились на прежнем месте, опять поговорили и объявили — Поющая Лань. Ну почему поющая, понятно, а почему лань — этого не знаю. Я, правда, довольно быстро бегала с поручениями на станцию и в пионерский лагерь.

Никому не верилось, что придётся уезжать. Это было настоящее горе, мы не знали, как будем жить друг без друга. Каждого провожали до его вагона, в мокасинах, босиком, плакали, кричали «хей-я». Красные Стрелы долго не могли улететь, не было билетов. Мы все были

очень этому рады, каждый день ездили с ними в аэропорт, а потом весело возвращались к кому-нибудь в гости. Однажды они ночевали у меня. Мы приехали поздно, бабушка уже спала и открыла дверь, одетая в какую-то дурацкую майку. Я очень волновалась: бабушка была с характером. Моментально оценив ситуацию, бабушка подняла вверх руку и сказала: «Хау!». Спасибо, бабушка.

Провожающих становилось всё меньше, и однажды я вернулась домой одна, уснула и проспала двадцать семь часов.

Потом кончилось лето, я перешла в десятый класс, не писала больше никаких сочинений, как мальчик из песни Овасеса, под партой у меня были письма и конверты.

На следующий год приехали не все, кто обещал и клялся в вечной дружбе. Но лично я не отрекусь ни от одного из них, жизнь сложная штука и у всех свои обстоятельства. Тогда было не то, что сейчас — купил шашлык, сел в машину и поехал. Для многих первый Пау-Вау имел грустные последствия — кто-то потерял работу, кого-то исключили из института, от кого-то ушла жена. Всё, что было связано с Америкой, было запрещено, и эти люди, в сущности, были героями. Только на первом Пау-Вау я без напряжения и иронии говорила слово «брат» или «сестра». Я заметила, что между теми, кто был тогда, как-то не принято вспоминать то время вслух, тем более шутить над ним. Какими бы нелепыми не были наши перья и платья, этот Пау-Вау изменил всю нашу последующую жизнь, без преувеличений. Наши старые вожди, отыскавшие нас по всему СССР, придумавшие для нас танец выбора женихов и обряд очищения, поставившие нам типи и кормившие супом, наверное, были бы рады знать, что Пау-Вау продолжаются, куда бы сами они ни запропали. Мы и наши дети, выросшие с уверенностью, что Пау-Вау — это так же естественно как лето, просто когда-то получили этот интересный подарок от жизни и, кажется, забыли сказать спасибо.

Александр Буслаев (Овасес)
(вопросы и ответы в письмах)

Овасес: После Большого Совета в ЛИК приехал с визитом мирный вождь новосибирцев Орлиное Перо. Сошлись все участники Совета и заспорили о следующем Совете, но Орлиное Перо утверждал, что, пока не выполнены решения первого Совета, мы не можем провести второй. И тогда Бобёр, друг Красного Волка, сказал: «Но ведь есть же Пау-Вау!»... Мы были зациклены на советской лексике: съезды, советы, Бобёр вычитал в иностранных текстах информацию о Пау-Вау. Мы были олухи...

В 1983 году состоялся второй Пау-Вау, интересен он был прежде всего тем, что на нём был Поющая Радуга, и, похоже, это была его последняя поездка на Пау.

Радуга проводил баню, о которой у нас было весьма смутное представление. На берегу маленького озера стоял дырявый типи, каждый входил туда, Радуга плескал на горячие камни воду и, получив порцию пара очистившийся нырял в озеро, кричал от восторга, вынырнув, и на этом обряд «инипи» был завершён. Пау-Вау 1983 года проходил в бывшем песчаном карьере, который позднее отошёл под дачи, но для нас это были священные, песчаные холмы. Ла-

Ольга Пакунова: "Это мы девушку Галю ведём отдавать замуж за Овасеса"
1983, Холмы

герь расположился на возвышении и был с трёх сторон окружён грядой грунта. Мы были прикрыты от ветра, пригреты солнцем, и нам прекрасно видна подъездная дорога. Надо заметить, что впервые на нашем празднике присутствовал Ващенко, а позднее и Николай Андреевич Внуков подоспел как раз к нашей с Галиной свадьбе. Был Совет в закрытом типи, где зачитали письмо Красного Волка и его просьбу ко мне заменить его на празднике. Итак, я — шаман, Орлиное Перо — вождь, Радуга — учёный-консультант и, наконец, главный консультант по науке — Ващенко. На общем собрании я выступил с короткой речью на тему моей любви к Галине и публично просил её быть моей женой — так была заявлена свадьба как мероприятие на Пау-Вау. Был документ-расписание мероприятий Пау-Вау. Я плохо помню сам день свадьбы. Где-то после обеда начали готовить пир и обряд-сватовство, в нём участвовало боль-

шая часть клуба ЛИК. Выбрали ритуального отца Галины — Орлиного Пера, и начался сам танец-пантомима. Это было настоящее театральное представление. Привели невесту, заплатили выкуп, потом, стоя у нашего типи, Галина пригласила всех на пир. На свободном пространстве разложили угощения на одеялах, все гости расселись, и перед нами выступила самодеятельность во главе с Мато Нажином и Ольгой Пакуновой. Долго пели, плясали и веселились как могли. Я не помню, как добрался в типи и рухнул «замертво». На свадьбу приехали мои родственники брат, сестра, жена брата. Присутствовали люди от милиции, они сидели на пиру и удивлялись, что никто не выпивает и всем весело. Наша свадьба была трезвой, и мне это очень нравится до сих пор.

Андрей Ветер: Соббикаше написал в своей «Краткой Истории», что милиция устроила шмон во время свадьбы: «Лагерь Пау-Вау-83 поставили на высоком песчаном холме посреди старого карьера в районе станции Каннельярви… Овасес и тут был верен себе — он снова вырезал и раскрасил тотемный столб, очень искусно, работа практически не отличалась от тлинкитских столбов… Самым крупным мероприятием была свадьба Овасеса и Тинагет. В нём принимал участие весь лагерь. Правда, свадьбу слегка подпортили гэбешники, которые с милицией явились в лагерь, шарили по типи, требовали список адресов участников, предлагали народу спиртное и т. п. Их приближение охрана с холма заметила заранее, и все бросились снимать ножи, их сложили в большую кучу в одном из типи, накрыли одеялами, а сверху сидела Чайка и долго делала вид, что переодевается. Потом гэбешники уехали и веселье продолжалось».

Овасес: Точно не помню перевод «Ябебири», а вот «Собикаше» означает «тарантул» (так гласит «Песнь о Гайавате»). Учитывая, что имена он сам себе подбирал, отсюда и характер героя… В какой-то из дней праздника акацита Одинокий Волк и его помощники заметили на дороге чёрную волгу, все встревожились, а Одинокий Волк собрал все ножи и спрятал. Никто не возражал. Орлиное Перо посмотрел на меня и спросил: «Что делать?»… «Ты вождь, надень головной убор и встречай гостей», — сказал я. Из машины вышел высокий мужчина в чёрном костюме, с добрым внимательным взглядом, а за ним местный участковый в форме. Мы с Орлиным Пером провели их по лагерю, всё показали, рассказали, они побыли в лагере, посмотрели, как мы устраиваем торжественные проводы Мато (он уезжал в Германию на тамошний Пау-Вау). Приехавшие послушали, как Гордый Орёл возносил молитву об удачном путешествии Мато, и мне стало не по себе (всё-таки мы были комсомольцы). На празднике присутствовал Спиранский с дочерью — отпетый антисоветчик, он всё интересовался, что надо «кожанкам».

Ольга Пакунова
(вопросы и ответы в письмах)

Андрей Ветер: Оля, что ты помнишь про свадьбу Овасеса? Инипи помнишь?

Ольга Пакунова: Про инипи не помню. Тогда мы проводили обычно обряд очищения дымом, просто тушили водой разожжённый в типи костёр и подкла-

Свадьба Овасеса, момент сватовства. Пау-Вау в Холмах, 1983

1983, Холмы,
Стоят: Николай Внуков, Ольга Пакунова, Александр Ващенко
Сидят: Кола Танка, Великий Рысёнок

дывали какую-то траву, начиналась дымовуха, при этом все пели хором песню Орлиного Пера на мотив песни «Дорз». Про инипи тогда вообще никто ничего не знал, первый раз нам Скай Хок показал, как делать инипи, в 1991 году, кажется. Может быть, парни что-то и проводили, меня бы туда не позвали.

Свадьбу тоже придумали «на коленке», и в принципе это была небольшая разыгранная сценка: у типи сидели Орлиное Перо, Рысёнок, ещё кто-то, Овасес подошёл, сделал официальное предложение, Перо спросил: «Что у тебя есть за невесту?». Потом оттуда вышла Галя, и мы повели её к поставленному для них отдельно типи.

Андрей Ветер: На том Пау присутствовал Ващенко, его вроде бы даже в Совет включили. И Внуков был тоже. Ты помнишь их участие в свадебной церемонии?

Ольга Пакунова: Внуков в основном про Сат-Ока рассказывал, они были друзьями. Ващенко входил в Совет, участвовал в выборе лучшего платья на выставке вещей, объяснял семантически, что у индейцев назвали бы человека не Волк-Уходящий-От-Погони (мы так хотели назвать чувака, победившего в одной игре: он убежал куда-то по холмам, чуть позже отряд вышел искать его и не нашёл, а тот чувак вернулся в лагерь сам и получил это имя), а назвали бы его Волк Ушёл, потому что не было причастий или что-то в этом роде. Ну, мы так и назвали. В общем, Ващенко нас консультировал и рассказывал об индейцах и Америке, он к тому времени туда уже с лекциями ездил. Вот про его роль на свадьбе не помню, вероятно, он про выкуп тоже рассказал, просто подсказывал, потому что наши знания сводились к детским книгам, было много отсебятины.

А вот как мы там пели и плясали, я не помню. Индейских песен никто не знал тогда и сочиняли свои. Я играла на гитаре, Овасес тоже. Танцевали все на индейский манер, кто как себе это представлял. Самое прикольное было танцевать под песню Орлиного Пера «Пляска Духов», я помню, что, действительно, просила в этот момент, чтобы вернулись бизоны и старая жизнь индейцев, какой она была в прошлом.

Владимир Кошелев (Орлиное Перо)

(вопросы и ответы в письмах)

Андрей Ветер: Володя, а ты присутствовал на свадьбе Овасеса? Много ли таких свадеб было?

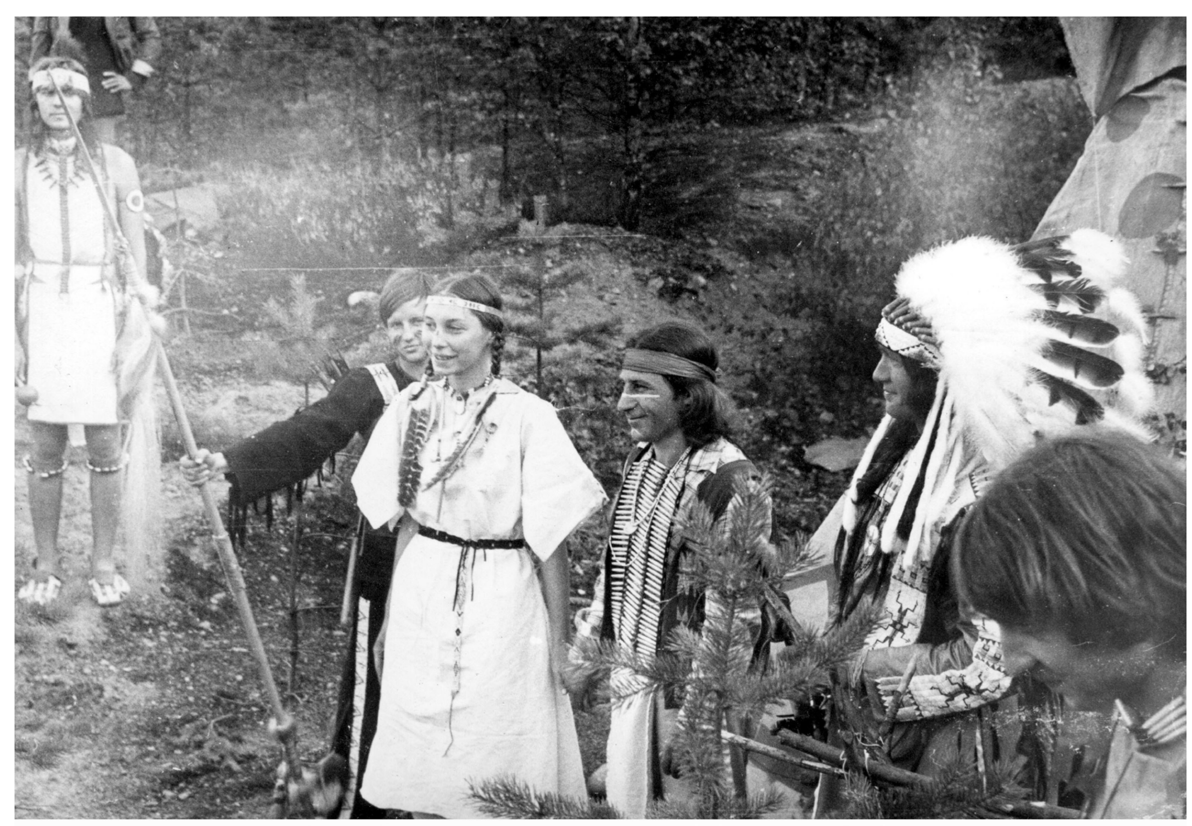
Владимир Кошелев: На моей памяти такая свадьба была одна. Я изображал отца невесты. Было устроено целое представление сватовства жениха. Я был посажёным отцом невесты и торговался с женихом за выкуп. Было весело.

Андрей Ветер: Вапити в своей «Краткой истории» утверждает, что нагрянули оперативники и весь праздник испортили.

Владимир Кошелев: Оперативники действительно были. Но я не помню, чтоб это было во время свадьбы.

Андрей Ветер: Овасес написал мне, что в день свадьбы утром Поющая Радуга проводил инипи. Ты помнишь это? Какова ещё была роль Поющей Радуги в тот памятный день?

Владимир Кошелев: Овасес попутал. На ПВ-83, когда праздновали свадьбу,

Свадьба Овасеса. Пау-Вау в Холмах, 1983.
Мато Сапа, Вапити, Галина, Овасес, Орлиное Перо, Большое Сердце

Мато Нажин танцует на свадьбе Овасеса

Поющей Радуги не было. Инипи он проводил на ПВ-82. Это было его первое и последнее ПВ. В 1984 году он умер от рака крови. Я приезжал к нему в больницу в Таллин после ПВ, он очень плохо выглядел.

Лариса Волегова

Пау-Вау… В моей жизни это был первый такой праздник индеанистов. Были встречи, поездки. Но чтобы так много друзей, единомышленников сразу?! Невероятно! Раньше я об этом только мечтала. Но ведь это было. Было на самом деле, а не во сне.

Мне никогда не забыть знакомые лица ребят — моих братьев и сестёр. Никогда не сотрутся из памяти торжественные обряды: Первый Совет, Пау-Вау, прикосновение к трубке, Обряд Очищения, всего не перечислить. А ночи у очага в типи?! Разве забыть песни, спетые нами?

Спасибо всем за подаренное мне счастье.

Я хочу рассказать об одном дне жизни на Пау-Вау. Он навсегда останется во мне. В этот день мы проводили второй обряд очищения дымом. На Пау-Вау этот обряд проводился дважды. К третьему дню в лагерь подъехали новые индеанисты, приехал и Мато Нажин, поэтому все почувствовали, что необходим второй обряд очищения. Хотелось ещё раз посидеть плечом к плечу в Типи Совета с друзьями, ещё раз почувствовать наше единство.

Тот день начался с Совета, на котором было объявлено о повторном проведении Обряда, и с утра в лагере было много гостей. Были ребята из пионерского лагеря. Они пригласили нас выступить у них на празднике.

День, в подготовке к выступлению, пролетел незаметно. Каждый был занят делом. Кто-то шил мокасины, кто-то обновлял одежду, ритуальное оружие. Мы, девушки, под руководством Овасеса, разучивали элементы индейского танца.

В назначенный срок проводники из пионерского лагеря за нами не пришли. Не дождавшись их, мы отправились в лагерь сами. Путники, которые попались нам на пути, увидели такую картину: около тридцати юношей и девушек в парадной индейской одежде под грохот бубнов и трещоток шли гордо и независимо. Дороги мы не знали, поэтому сначала немного заблудились и вышли не к тому лагерю. Мы подошли к ограде, и когда ребята нас рассмотрели, что тут началось! Улюлюканье, насмешки, злые выкрики… Было неприятно, противно, жалко детей (Если бы мы в их возрасте увидели такую картину!) и стыдно за взрослых, которые не останавливали малышей, и сами поддерживали всё это. Мы ничего не объяснили им, мы просто пошли мимо.

Вскоре мы нашли пионерский лагерь «Юность», который и был нам нужен. Ребят здесь о нашем приходе предупредили, но встреча была не намного лучше предыдущей.

Выступление прошло без стрессов, но и не на высоте. Недостаток его был в том, что оно оказалось более интересным для воспитателей и вожатых. Дети (это моё личное мнение) многого не поняли.

По дороге мы бурно обсуждали всё предыдущее. Ведь проблема нашего общения с людьми — самая основная. Об-

ратный путь показался короче. Вскоре после возвращения в наш лагерь глашатай объявил о начале Обряда Очищения Дымом.

Не знаю, как для других, но для меня этот обряд именно в этот момент казался просто необходимым. Всему, что накопилось в этот момент в душе за этот день — успехам и неудачам — необходимо было выплеснуться наружу.

Бубен шамана звал всех в типи, там уже собралось полно народу. Я пристроилась около входа.

Два дня назад, услышав впервые песню Обряда Очищения, я не могла её забыть и напевала потихоньку. Но слов всех не запомнила, поэтому сейчас с нетерпением ждала её начала.

Под грохот бубнов и трещоток Овасес подкладывает ветки в костёр. Сначала огонь разгорается, но вот пламя чуть замирает, и только дым, едкий, всюду проникающий дым, заволакивает типи. Клубясь, он поднимается доверху, но закрытые клапана неодолимым препятствием встают у него на пути. Медленно, медленно он спускается книзу, окутывает фигуры сидящих. Сначала у меня пропадает из виду очертания сидящих напротив, затем я не вижу соседей, а теперь не могу разглядеть пальцы на моих руках. Кругом дым, только дым. Дышать почти невозможно, глаза страшно слезятся. Но что такое? Почему я не слышу песни? Неужели её не будут петь? Вокруг меня начинают кашлять. Не могу сдержать его и я. И тут гром бубна становится всё громче, настойчивей, тревожней. Я слышу голос Орлиного Пера:

Долго среди белых жил я
В печали злобной,
Долгожданный час пробил,
И я пришёл, Отец мой!

Я стараюсь петь, но не могу вздохнуть. Вместо воздуха внутрь попадает едкий дым, и лишь сухой кашель вырывается из моей груди. А песня продолжается... Мужские голоса всё увереннее и громче. Иногда кто-то не выдерживает, голос срывается, слышно, как кашель душит его. Но вот его голос снова, ещё настойчивее звучит среди других. Вновь я пытаюсь подхватить слова песни и снова не могу, задыхаюсь.

В эти минуты я думала о том, как я счастлива, что сидим мы плечо к плечу, почти не знакомые, а родные. Я восхищалась силой воли, мужеством наших ребят — воинов, продолжавших пение, когда я не могла даже открыть рта. Я была счастлива, хотя почти теряла сознание от дыма.

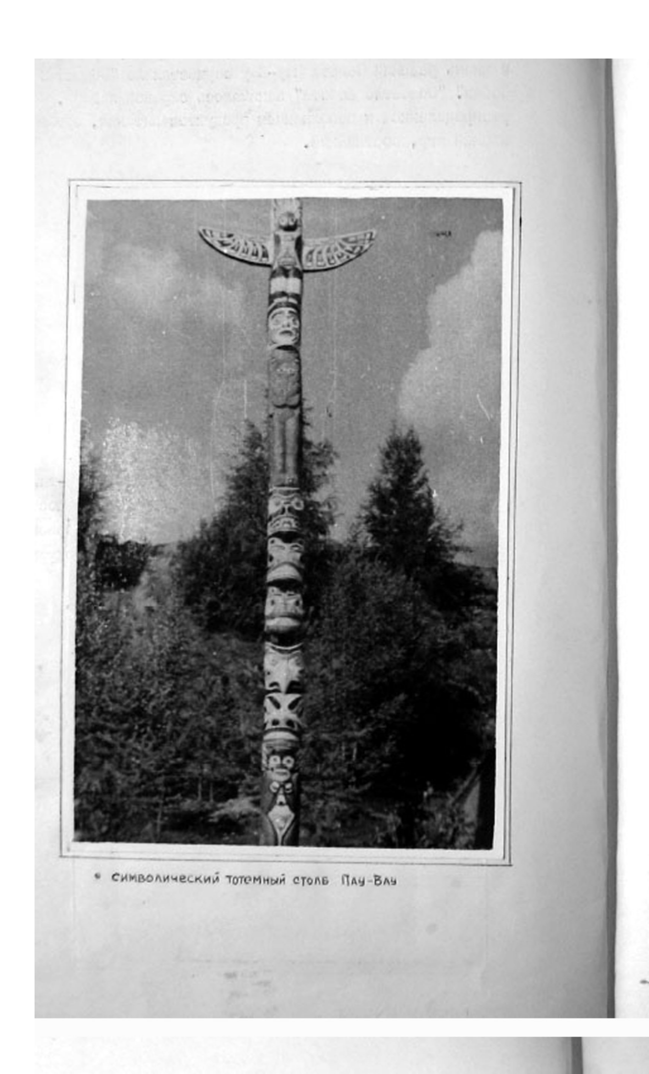
Когда объявили, что обряд окончен, то даже как-то не поверилось, не хотелось, чтобы это кончалось. Все без толкучки, по одному вышли из типи. Вдохнув свежего воздуха, я почувствовала, как свободно, как легко дышится. Вот оно очищение — настоящее очищение. Его ощущаешь и физически, и морально. Нет, это не рассказать, это надо пережить.

Заканчивался этот незабываемый день, с его неожиданностями, радостями и заботами. А впереди были новые дни незабываемого, удивительного праздника индеанистов...

Евгений Курбатов (Красный Волк)

(из дневника)

Пау-Вау 1982. На празднике-совете со всех краёв СССР съехались джи-хо. Из Каучи были Куница, Маленький Волк,

• Символический тотемный столб Пау-Вау

Символический "Тотемный Столб Пау-Вау".
Резьба выполнена по мотивам тотемных столбов индейцев-рыболовов северозападного побережья Северной Америки. Символические фигуры изображают участников I-го Совета Индеанистов 1980 года, проходившего в Ленинградкой области:
(снизу вверх): Колючий Скат, Зверь, Зоркий Сокол, Красный Волк, Большой Бобёр, Стоящий Медведь, Орлиное Перо.

Композиция начинается с изображения "Духа Индеанистики" и человека, давшего кровь первому индейскому Клубу, заканчивается изображением Птицы-Символа Будущего.

• Овасес – автор-исполнитель столба

• Ябибири – вождь общества „Койота"

Поддержание порядка в лагере, его охрану, проведение в жизнь решений Совета Пау-Вау осуществляло "Общество Собак". "Общество Койота" занималось охраной лагеря, распределением и пополнением продуктов питания, организацией игр, состязаний.

Лагерь Пау-Вау состоял из I4 индейских палаток-типи. Он находился в песчаном карьере с лесопосадками, после снятия лагеря это место практически осталось в первоначальном виде. Бережное отношение к природе и её охрана – долг каждого индеаниста.

Большой Бобёр, Острый Томагавк, Красный Волк, Железный Змей. Каучи сумели показать себя с лучшей стороны. Красный Волк был выбран шаманом Пау-Вау, Острый Томагавк — акицитой, а Большой Бобёр — хранителем священной трубки Пау-Вау 82. Всего было около пятидесяти индеанистов, были выступления в пионерских лагерях, спортивные игры, танцы и песни. Осталось много хороших впечатлений от этого праздника-совета.

1983, октябрь. Получил приглашение на совет ЛИК, где должны были подводить итоги Пау-Вау 83 и обсуждать другие вопросы, но вместо этого поехал на Суд Мокве. Главными обвинителями были Ябебири и Овасес (Ленинград). Мокве был Каучи, и я, поняв его, старался не допустить глупого суда над этим человеком. На Совете Овасес предложил мне иметь на Пау-Вау отдельный лагерь для Каучи. На Совете имел возможность встретиться с Лосёнком (г. Москва) и с «Дакота» из Карелии. Из Каучи на Совете были Железный Змей, Красный Волк, Мокве.

Валентин Бусько (Великий Рысёнок)

Кто-то вычитал из книг, что у нынешних индейцев праздники называются «Пау-Вау». Решено было называть так и наши встречи. Первый Пау-Вау прошел в 1982 году под Питером. Я тогда учился в институте, нужно было проходить практику. Я плюнул на практику, купил билет и приехал на Пау-Вау. Каждый год был каким-то этапом, менялось отношение ко всему. Когда Пау-Вау заканчивался, все жили в его ожидании до следующего года. Люди делали одежду, обменивались мнениями в письмах. Там я познакомился и близко подружился со многими людьми, в том числе и с теми, с кем я поехал впоследствии на Алтай.

В 1984 году наступил следующий этап. Многие люди считали, что пока они были дома, пока не было никаких Пау-Вау, они сидели в квартирах, читали книги и мечтали об индейцах, раз в году выезжали в отпуск на природу, но при этом оставались обычными городскими людьми, то есть ничего не менялось. Когда появились Пау-Вау, это было хорошо, многим нравилось, но и в этом что-то было не то, в этом была какая-то игра. Раз в году ты можешь поставить типи, пожить десять дней на природе, а потом опять возвращаешься в городскую квартиру — ничего не изменилось. Люди считали, что должен быть новый этап. Мы должны приехать туда, где всё должно быть максимально приближено к природе.

Ольга Пакунова (Поющая Лань)

В 1984 году для Пау-Вау было выбрано Саблино. Там в посёлке жила цыганская диаспора, они как-то узнали про наш лагерь, пришли в гости, привели с собой коней. Им очень понравился Койот из Арзамаса, потому что он занимался каскадёрством и хорошо с лошадьми умел общаться. Ну и потом две цыганки молодые очень красиво на голоса спели романс «Пока солнышко ромалы не взошло». Было классно.

„ВОЖДЯМ И ШАМАНАМ"

ВСЕХ „ИНДЕЙСКИХ БЭНДОВ"

„Калужские индейцы" предлагают провести очередной праздник Пау-Вау-IУ в Калужской области.

Одинокий Барс /бэнд дакота/ работает на кумысной ферме, и с мая по сентябрь 1985 года будет пасти табун лошадей до 100 голов на одном из притоков реки Суходрев, близ деревни Дубровка. В этих местах хорошие леса, озеро, много ручьёв; лоси, олени, кабаны. Земли - заказник. С властями договориться можно. Местного населения мало, в основном работники тепличного хозяйства и егеря, однако желающие смогут найти в окрестностях и пионерский лагерь.

Проезд: из Москвы с Киевского вокзала на электричке на Калугу до остановки Родинки /152 км/. Тем, кто будет ехать с Киевского направления /т.е. через Калугу, достаточно сойти с поезда в Калуге и доехать 30 км на электричке до той же остановки. Лагерь Пау-Вау будет расположен в 8-10 км от железной дороги. Доставка тяжёлых вещей со станции и обеспечение лагеря продовольствием, заготовка дров, шестов для типи могут производиться с помощью вьючных лошадей.

Весь Пау-Вау можно будет ездить верхом. Наш лагерь будет конным.

Подготовку Пау-Вау-IУ думаем проводить вместе с индейцами Москвы. Все желающие могут в течение года сами осмотреть место, а весной увидеть лагерь вместе с табуном.

Пау-Вау можно праздновать хоть всё лето, пока пасётся табун. Пока предлагаем обычные 10 дней. Исходя из климата наших мест, лучшее время - первая половина августа. Мы предлагаем провести праздник с 1 по 10 или с 5 по 15 августа 1985 года /45-55.14./.

Вероятно, это единственная возможность организовать здесь Пау-Вау, так как ещё через год Одинокий Барс может быть уже на Алтае.

Напомню также, что Пау-Вау-IУ - юбилейный /ведь 4 - священное число/. Пусть индейские бэнды постараются сделать его настоящим индейским праздником.

Ждём мнений о первом в нашей истории конном Пау-Вау.

Одинокий Ходок

Одинокий Барс

Алексей Курбатов (Красный Волк)

(из дневника)

Был на Пау-Вау 84. в день открытия праздника (3 июля) вместе с «Санти-Дакота» КАССР провели обряд очищения дымом. Во время открытия исполнили совместный танец «перемирия и союза». В Совет Пау-Вау от нашего союза выбрали Лисицу и меня... Жалею, что не мог быть всю неделю, очень хотелось бы на Пау-Вау быть со всей семьёй.

С Пау-Вау вернулся Железный Змей и рассказал о том, что сразу после моего отъезда в лагерь Пау-Вау приехали журналисты АПН, а также историки Знаменский и Ващенко. Приехал Каучи Спрятавшийся Енот. В лагерь также приходили цыгане из посёлка Саблино. Общение с цыганами дало много веселья, обмен песнями и танцами. В конце недели прошёл 2-й Большой Совет индеанистов СССР.

Виталий Нестеренко

Завтрак с Соббикаше[1]

С детства я запомнил эти строки, с той светлой поры, когда с книгами Купера и Майн Рида, а потом ещё и с фильмами о Чингачгуке наша жизнь становилась пёстрой, красивой — ещё лучше, чем самый прекрасный альбом для раскрасок... С той поры я прямо в классе запомнил на дом заданные стихи:

---

[1] Статья из журнала «Уральский следопыт», 1988

Если спросите — откуда
эти сказки и легенды
с их лесным благоуханьем,
влажной свежестью долины,
голубым дымком вигвамов,
шумом рек...

Да, это — из «Песни о Гайавате», озвученной, переведённой на наш язык великим Иваном Буниным. С детства я, как и многие, любил индейцев, любил в них играть. Потому и без домашнего задания выучил начало «Песни»...

В лето прошлого года я вспомнил каждую её строку. Шёл лесом от станции электрички. Название у станции звонкое: Петяярви, в полусотне километров от Ленинграда.

Думал пи я, что увижу вблизи пятимиллионного города «голубые дымки вигвамов» средь «лесного благоуханья» и шума речки?!

Стоп. Поправка. Но вигвамы — другие, столь же популярные среди индейцев жилища конической формы, похожие на чумы, открылись моему взору. Отшагал я от электрички километра два.

Меня вёл Вождь «краснолицых» (навстречу корреспонденту вышел сам Вождь, вот какая честь была мне оказана). Он, как и положено, был одет в расшитую хитро придуманными узорами замшевую безрукавку. На оголённой шее Вождя красовался амулет, что-то мохнатенькое — вроде бы паучок. На ногах вовсе не туфли или полуботинки фабрики «Скороход» или ещё какой-нибудь обувной фирмы, даже не в «Саламандру» был одет мой проводник — а были у него мокасины, удобные, из натуральной кожи самоделки с узорчатыми украшениями из разноцветного бисера.

Накануне мы созвонились — у Вождя был обычный, ленинградский семизначный телефон. «Как я вас узнаю?» — спросил я его. «Буду с амулетом», — ответил он. Но и без амулета как не узнать на безлюдной глухой остановке (дачники поутру схлынули, дело в полдневный час) человека лет за двадцать или чуть больше, с томагавком на боку...

Шли, шли мы лесом. Оказались у шумноватой чистоструйной речки. Вождь стал снимать мокасины:

— Здесь брод. Там, на другом берегу, граница индейской земли, — было мне сказано совсем серьёзно, хотя я и знал карту Ленинградской области. Знал: это просто речка по имени Волчья. За ней, оказывается, индейцы?!

Перебрели. Под ногами красные ягодки созревшей земляники. Сосны и берёзы — всё окрест наше, сызмальства знакомое. И вдруг... Средь сосняка вперемежку с берёзами открылась картина, которая мгновенно вернула меня в отрочество, заставила властно вспомнить «Гайавату»:

...Где среди осоки бродит
цапля сизая, Шуг-шуга.

Был, конечно, готов увидеть необычное. И подготовился после разговора с Вождём, которого ввечеру знал по-иному, по-нормальному как краснодеревщика Ленинградского монтажно-строительного управления Сергея Иванова. Было мне уже знакомо и индейское имя Сергея. Сергей Иванов — это для работы. А для нерабочих часов и дней, вроде нынешнего, напоённого лесными благоуханиями, Сергей становился как бы частью Природы. Как становятся индейцы настоящие,

считающие себя неотделимой частью всего живого, всех, кто шагает, вроде как мы, хоть и в четыре ноги, летает, как птица, ползает, как паучок... Соббикаше — так его звали в неурочное время — что значит Паучок. Пока шли к месту проведения съезда — первого Всесоюзного съезда наших индеанистов, Сергей-Вождь, то есть председатель неформального объединения при Московском райкоме комсомола Ленинграда, и раскрыл мне обозначение своего амулета.

И вот это вдруг... Я хотел себя ущипнуть — до того показалось всё сном, невидалью. Видел вообще-то — в иллюстрациях к романам об индейцах, в гэдээровских киносериалах про Чингачгука...

Поверьте, за свою без малого шестидесятилетнюю жизнь я повидал всякого — профессия журналиста водит по разным дорогам. Но чтобы вот так, средь приленинградского леса, встали самые настоящие вигвамы? Чтоб курились дымки из островерхих крыш?!

— Не вигвамы, — опять поправил меня Соббикаше (я теперь так и буду называть Сергея), — а типи.

Типи стояли у излучины быстроструйной, петляющей и успевшей опередить нас с Соббикаше речки Волчья. Тянулись вверх дымки. Коротко взлаивала собака. Где-то хныкал малыш. Навстречу попадались люди разных возрастов, от десяти, примерно, лет до бородатых, седогривых, вроде меня. Как и на Соббикаше, на них были расшитые бисером

одежды, если брюки — то с бахромой, если платья — то в геометрических рисунках. Такие даже в кооперативных лавках не купишь...

Все они уважительно здоровались со мной, поглядывая на Соббикаше. Я понял: суть не в моей персоне. Кто с Вождём — тот чтимый человек.

Начиналось моё путешествие к «нашим» индейцам».

Готовясь к описанному, то есть к этой командировке, я захотел ликбеза. Что мы знаем об индейцах?

Азы. Я с них и начал. Добыл старинный том Энциклопедического словаря, изданного ещё в конце прошлого века. Начинать так начинать...

С какой бы буквы вы начали — с «и»? Так и я — начал с «и». Ну и дела... В Энциклопедии уважаемых по сей день Брокгауза и Ефрона индейскую смокву-ягоду я нашёл в 13-м томе; перед нею следовала большая, страницы на полторы статья об... индейке. Индейцев не было. Кинулся к другому тому, вспоминая местожительство интересующего меня народа. Америка! «При открытии Америки европейцы, — читаю у Брокгауза и Ефрона, — нашли там только одного характеристическ*а*го (так и написано, по-старинному, через „а“) человека па континенте — медно-красного туземца (см. Американская раса)».

В статье «Американская раса», на странице 638. читаю про «особую, резко отличающуюся от других человеческих пород (так и написано — как про медведей или свиней каких-нибудь!) красную расу».

Дальше, слово в слово, процитирую старинный словарь: «Туземцы Америки носят ещё другое название — индейцев, оставшееся за ними ещё от того времени, когда первые путешественники полагали, что в открытой ими стране они имеют перед глазами крайний конец Индии...»

Теперь, надеюсь, и первоклашкам понятно, почему люди из стародавней Америки называются индейцами.

Вождь привёл меня к своему типи. Это было строение из видавшего виды брезента.

— Типи строили из шкур, — пояснил Соббикаше. — Бизоньих чаще всего. А у нас с бизонами, сами знаете, напряжёнка...

Брезентовый заменитель бизоньих шкур был изукрашен рисунками, похожими на детсадовские. Рогатая сова — индейцы считают её мудрейшей. Сокол — знак военной силы...

Всего на полянке выстроились десятка четыре типи. Сначала я не придал значения тому, что каждый «чум» не похож рисунками или узорами на соседа. Оказалось, украшения — от стен типи до вышивок на одежде и мокасинах, рукоятках томагавков и ножей — сделаны в зависимости от принадлежности к племени, его обычаев, традиций.

...В старинном, издания прошлого века Энциклопедическом словаре уже упомянутых всеведов Брокгауза и Ефрона перечисляются индейцы Юма и Арканзасы, Майду и Шошоны, Гарани и Дакота... В конце века минувшего они имели более 50 языков и почти 70 наречий, не считая 62 исчезнувших языков.

Чем больше вчитывался я в эту статью, том чётче выявлялось отношение авторов к индейцам. Угрюмы. Тупы. Да что тут за чушь нагорожена?! «Немного спустя после открытия Америки потребовалось даже издать папскую буллу... чтобы разрешить сомнения касательно

того, можно ли вообще СЧИТАТЬ ИНДЕЙЦЕВ ПРИНАДЛЕЖАЩИМИ К ЧЕЛОВЕЧЕСКОМУ РОДУ» (выделено мной. — *В. Н.)* … Ага, вот, оказывается, чем руководствовались те, кто огнём и мечом расправлялись с коренными жителями американских континентов… Напомню, после открытия Америки начались самые мрачные страницы истории её коренных жителей.

В Большой Советской Энциклопедии, отложив в сердцах старинную, я прочитал и о предках индейцев, переселившихся в Америку тридцать или двадцать тысяч лет назад из Северо-Восточной Азии через область Берингова пролива. И тут меня как осенило — впору кричать архимедовское «эврика!». Кинулся к своим книжным полкам: где-то же читал о крохотной нашей народности — Кетах? Живёт такой народ в Красноярском крае, называют они себя «кет» — что значит «человек». По справочнику Центрального статистического управления, у нас всего-навсего 1122 человека этой редчайшей народности, и лишь 684 из них считают кетский язык родным, говорят на нём (правда, не пишут — у Кетов нет письменности).

Нашёл я и не так давно изданную в Ленинграде книгу А. Кондратова и К. Шилика «Как рождаются мифы XX века». Там, в частности, рассказывается об одной научной гипотезе, которая, представьте себе, предполагает самое прямое родство этих наших кетов с индейцами!.. Представители сверхмалого народа Кетов «совершенно не похожи на своих соседей — Селькупов, Хантов, Якутов — скуластых, смуглокожих, с раскосыми глазами, — словом, принадлежащих к монголоидному типу. У Кетов светлые волосы, голубые глаза, орлиный профиль. Отчасти они напоминают европейцев, ОТЧАСТИ — ИНДЕЙЦЕВ АМЕРИКИ…» Три последних, слова, выделенных уже мною, видятся очень интересной гипотезой. Есть учёные, которые и Кетов, и североамериканских индейцев считают, что называется, родными братьями — вот что меня чрезвычайно заинтересовало. Но откуда же столько неприязни к индейцам в старинном словаре?.. «Тупы»?! Да если бы не индейцы, мы много чего не имели бы! Эта древняя и мудрая народность создала замечательные памятники архитектуры, изобразительного искусства, народного поэтического творчества… Поныне славятся индейцы как мастера плетения, ткачества, вышивки. Народы всего мира именно от индейцев — возможных родственников наших Кетов — восприняли возделывание картофеля и подсолнечника, хлопчатника и какао-бобов. Каждый курильщик, может, и не ведает, что табак тоже пошёл по миру от индейцев… А их древние города, их древняя цивилизация?!.

Всё, что надето на моих новых знакомых, расшито, изукрашено, — всё это сделано собственноручно. Таков один из принципов, которому следовали собравшиеся на съезд более 70 представителей самодеятельных этнографических клубов со всех концов страны. Из Москвы и Ленинграда, Минска и Свердловска, бородатые и юные…

С кого начать знакомство? Подойду к этим трём ребятам — Вождь сказал: они из Свердловска.

Костя СИДОРОБИЧ, только что окончил восьмой класс 112-й школы, намеревается поступать в ПТУ №89, чтобы учиться на станочника:

— Увлекаться всем индейским начал с детства, когда прочел книжки о храбром, мужественном и талантливом народе. Но раньше я просто, как бы сказать, «играл в индейца», ну, как все мальчишки играют… В библиотеке им. Тюленина случайно познакомился со взрослыми индеанистами, стали общаться. И теперь я не считаю главным надеть там мокасины, прицепить томагавк… Нет! Не внешне, а внутренне походить на индейца. Видели там, в центре посёлка: к берёзе ниточками прикреплены правила поведения индеанистов? Нельзя вредить берёзе — кнопками, скажем… Ничего живого — а дерево тоже живое — индеец не трогает.

— А охота?..

— Так это же ради питания, необходимость. Для типи мы, например, берём только высохшие жерди.

Виктор МИЛОШЕВСКИЙ, комсомолец, профорг группы из ПТУ №79:

— …И нельзя, к примеру, ножик втыкать в землю: индеец свято верит в то, что и земля, его кормилица, — тоже живое существо. Это сейчас весь мир понимает — экологические проблемы его мучают… Меня лично это привлекло к индейцам.

Дмитрий КОНОНОВ, перешёл в 9-й класс, школа №140:

— К кому именно себя отношу?.. К индейцам Дакота. Пробую изучать дакотский язык — очень интересный, красивый и точный язык. Считаю, что наше увлечение помогает интеллектуальному развитию, да и выбору профессии, бывает, тоже. У нас есть как бы староста свердловской группы — Алла Смолякова, она своё индеанское увлечение сделала профессией, поступила на исторический факультет УрГУ, закончила его, диплом писала об индейцах.

С Аллой меня познакомил Вождь. Это оказалась миловидная девушка в платье, расшитом геометрическими рисунками — не так-то просто, в них тоже имеется определённый смысл. Какой?

— Понимаете, в рисунке зашифровано чисто личное, можно это не пояснять?..

— А как ваша дипломная работа называлась, Алла?

— «Социально-культурное развитие североамериканских индейцев под гнётом монополистического капитала США 1970-х годов XIX века — 80-х годов XX века». Получила «отлично». И назначение получила: буду преподавать историю в Каменске-Уральском…

— …Что за инструмент сейчас играет в соседнем типи?

— Подлинная индейская дудочка, вроде флейты. Её подарила нам самая настоящая индеанка из Штатов — гостила в СССР и узнала о нас.

— Какие работы вам пришлось изучать, когда писали диплом?

— Как ни странно, у нас в стране много серьёзных ученых, занятых индейским вопросом. Это, например, научные сотрудники Московского института этнографии Стельмах, Чешко, Тишков. А самый крупный, считаю, специалист — Юлия Павловна Аверкиева. Она еще в тридцатых годах начала изучать индеанство, ездила на стажировку в Штаты, жила там в индейском племени и даже получила индейское имя.

— Как это у вас называется — съезд по-индейски?

— Называется «Пау-Вау» — индейский праздник лета, солнцестояния.

За брезентом похныкивает малыш. Среди собравшихся на Пау-Вау есть и семейный народ...

Я успел узнать, что зовут малыша Мишутка, что ему два года и два месяца от рождения. Он прибыл в лагерь вместе с мамой, воспитательницей одного из ленинградских детсадов Татьяной Филипповой. Папа — тоже индеанист, но у него, милиционера по профессии, важные дела, не смог приехать.

Каждый день на Пау-Вау — напряжённый, со своим лицом, с главным событием. В ночной костёр, например, зажигается Трубка Мира. Её сделал Собикаше из красного канадского Лабрадора. Красива она, наверно, но постороннему глазу не показывается. Обычаи здесь соблюдаются. С моими коллегами, корреспондентом «Комсомолки» и фоторепортёром из «Собеседника», даже казус вышел. Я спросил, где они расположились, и услышал полусерьёзный-полушутливый ответ:

— А там, за берёзами, в резервации для белых...

Ближе к полуночи вспыхнул большой костёр, начался праздник. Зазвучали выученные с подлинных звукозаписей песни на языках Дакота и Оджибва. Зазвучали и песни-самоделки:

Среди осточертелой суеты,

из праха дней, утраченных в веках,

в реальность воплотились наши детские мечты —

индейский лагерь в вымерших холмах...

Всё выше пламя костра. Всё резче рокочет бубен. Не нужно подбадривающего крика массовика: «Танцуем все!». Танцуют действительно все — самозабвенно, яростно. Танцует слесарь из Казахстана, студент-москвич, научный сотрудник-ленинградец...

С ним, научным сотрудником Ленинградского института прикладной астрономии Евгением Малаховым, у меня вышел как бы спор. Я стал взывать к национальной, интернациональной гордости: «Ну почему вы, к примеру, не приметесь подражать абхазам или адыге? Оба народа — нашей страны, интересны этнографически, с древней историей, славны отвагой, мужеством. конники-воины, с высоконравственными обычаями?..»

Евгений вопросом на вопрос ответил:

— Но вы ведь тоже в детстве играли именно в индейцев?

Спустя две недели после Пау-Вау Евгений принёс мне интереснейшую книгу чеха Мирослава Стингла «Индейцы без томагавков», трижды у нас изданную. Я выписал оттуда: «Они (индейцы) прошли кровавую купель конкистадоров, а „духовную купель", уготованную им различного рода миссионерами, их не сломил гнёт колонизаторов, королей олова и латифундистов. Они пережили всё, не умерли. И не умрут, не вымрут завтра...»

А встретились мы позже ещё вот почему. Я просил принести мне текст телеграммы в США, посланной в прошлом году. Вот какая телеграмма пошла в Штаты, в тюрьму, куда заточили по несправедливому обвинению индейского патриота на два пожизненных срока: «POW S9637 PO Box 1000, Ливенуорт, Канзас, G604S. USA (в тексте указаны тюрьма и номер камеры). Дорогой Леонард: Мы помним Вас и обеспокоены Вашей судьбой. Ваша боль — это наша боль. Пусть эти слова согреют Ваше, сердце. Мы верим в справедливость и сделаем всё, чтобы Вы были с нами. От имени Ленинградского комитета

за освобождение Л. Пелтиера (подписи)». Такая же депеша отправлена и нынче.

Как-то я приехал в Петяярви ещё до пробуждения лагеря. К тому времени лагерь уже получил, как заведено у индейцев, имя — Берёзовая Кора. Знакомыми лесными тропами дошёл до брода. Берёзовая Кора отдыхала — ночью была «учебная тревога». Бубном молодых «воинов» подняли на защиту от условного противника. Вмиг посёлок вооружился копьями, луками, томагавками... Приз — банка сгущёнки. Разумеется, копья ни в кого не метались. Дело в том, что у индейского воина, помимо вооружения, имеется и расписная палочка-выручалочка. В момент боя достаточно дотронуться этой палочкой до головы противника — и поединок окончен: противник безутешно опускает руки, он повержен.

Так что после ночных «боёв», когда молодые ребята-допризывники осваивали воинскую азбуку, подъём был поздноватый. У одного из типи на двух индейских «креслах», сплетённых из гибких веточек, у меня была назначена встреча с победителем конкурса следопытов Женей Завалянским.

— Троплением давно занимаюсь, — негромко, чтобы никого не будить, рассказывает Женя. — Этой зимой вытропил большого красного лисовина. Красавец!.. А когда весной шёл за лосем, вдруг поймал себя на том, что стал вроде бы «думать» лосиным разумением: куда бы я дальше свернул — в кусты, к болоту?.. В болоте ветку сбитую увидел, мох помятый... Зимний или осенний лес, следы... Как же мы все, люди машинно-электронного времени, высиживая у ТВ, отвыкаем читать эту вечную и прекрасную книгу природы!..

Ну, вот Женя — промысловик. А ведь можно и просто восторгаться следами зверя, читать их...

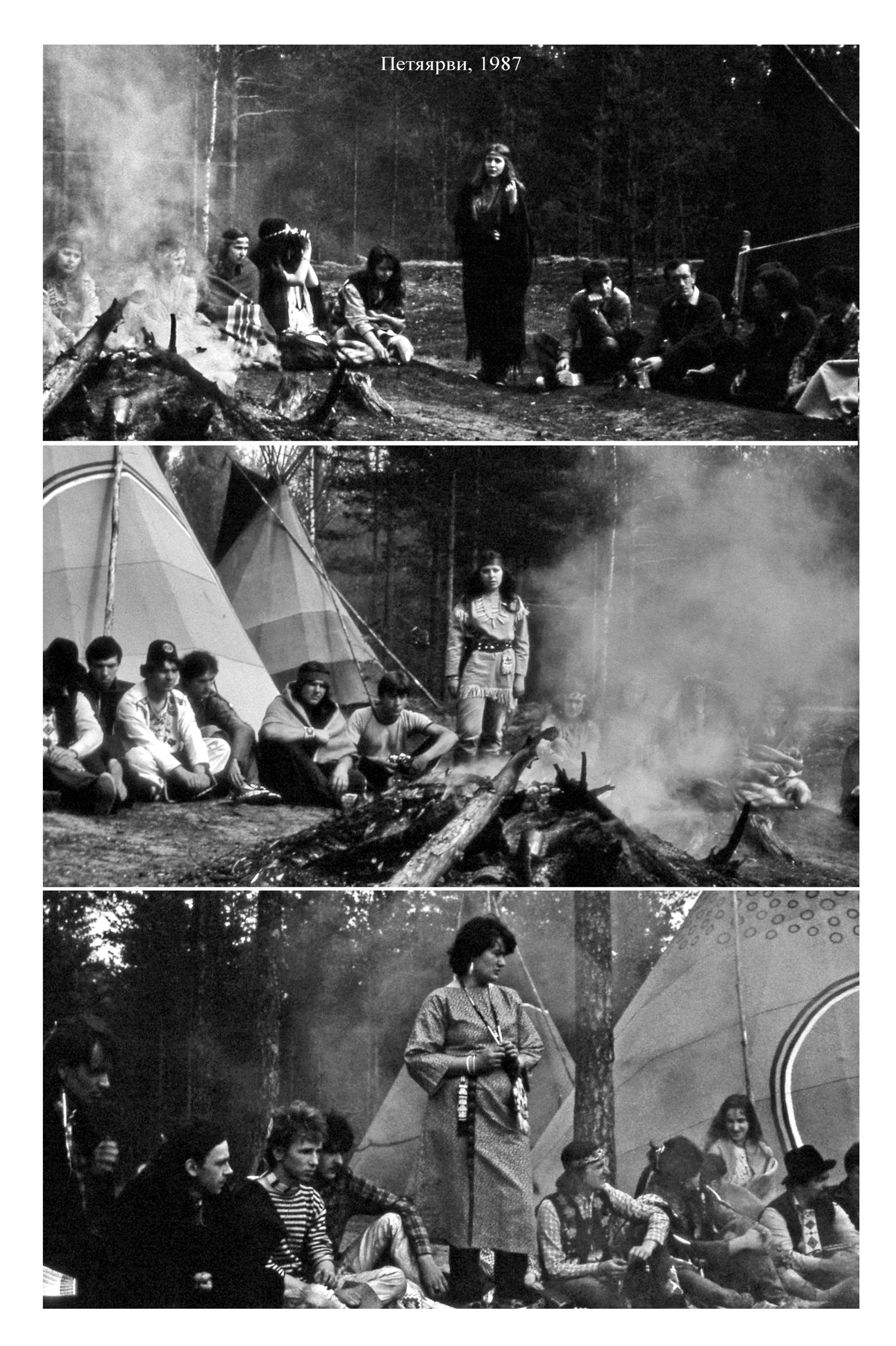
Разговор перебивает глашатай. Он идёт меж типи и бьёт в расписной бубен:

— Солнце встало давно. Подъём, подъём!

Бубен, как и яркие, собственноручно сработанные одежды, утварь, обувь, — тоже самоделка. Каждый из индеанистов овладевает и швейным, и шорным, обувным мастерством, может вышивать бисером, цветной нитью. Тоже, по-моему, дело. А то иной вымахает под два метра и канючит, не умея иголку с ниткой держать: «Мама, пришей пуговицу!» А попадая в армию, и вовсе измается, пока сам себе, как и положено солдату, надошьёт к гимнастёрке свежий подворотничок...

Ещё одна встреча назначена у меня в креслах-плетёнках. С Володей Борисовым, по имени Медвежья Лапа. Володя — слесарь в обычное время, а в свободные часы — словно «дед-всевед»: занят сбором лечебных трав. Мы — каковы? Устройство инфузории знаем назубок, а лапчатку гусиную под ногами звать не знаем: полезна ли, вредна?..

...А помимо трав и растений и прочих навыков-умений, индеанист должен знать английский язык — на нём выходят специальные журналы об индейцах в другая литература. Помимо напряжёнки с бизониной, в нашей стране ещё и напряжёнка с бумагой, только этим, вероятно, можно объяснить, что в США и Англии, ЧССР и Японии, Польше и ГДР выпускаются специальные этнографические печатные издания. В частности, при мне ребята из Берёзовой Коры перефотографировали страницы венгерского

Петяярви, 1987

журнала — самого настоящего, не какой-нибудь «самиздатовской» поделки, хорошо изданного, с цветными иллюстрациями. Но мало ли что есть в Венгрии...

Потянулись дымки из горловин типи. Нынче я зван к завтраку в типи Соббикаше-Паучка.

Он принимает меня сидючи, как положено хозяину, прямо от входа. Как почётного гостя меня располагают по левую руку Вождя. Подают макароны с тушёнкой — напряжёнка с бизоньим мясом!

Я узнаю, что не всегда была столь привольна и радостна жизнь индеанистов.

— Долгие годы нам ничего не позволялось. Чиновники считали, что мы отвлекаем молодёжь от решения насущных задач, мешаем комсомолу. Даже называли «фашистами с томагавками»... Теперь комсомол взял нас с собой.

В особой папке у Соббикаше — свидетельство, отпечатанное на бланке Московского РК ВЛКСМ г. Ленинграда: «Настоящим уведомляется, что со 2 по 10 июля 1988 года в районе ж-д. станции Петяярви этнографическим клубом „Этнос" Молодёжного культурного центра Московского района проводится Всесоюзный слёт этнографических клубов. Секретарь РК ВЛКСМ — А, Г. Овчинников. Руководитель клуба — С. А. Иванов», — тот, что сейчас потчует меня душистым чаем, на каких же травах он настоян?

Говорим с Сергеем-Соббикаше, что кончается скоро Пау-Вау, опять надо приниматься за свои повседневные дела, надо принимать и свои законные, ЗАГСами и родителями данные имена... Говорим о проблеме всесоюзного журнала — индеанистов по стране великое множество: в Петяярви приехали посланцы десятков этнографических клубов. Возникает идея кооператива. Такие мокасины, как на Соббикаше, с радостью бы приобрели многие молодые люди, не желающие носить стандартную обувь. Мокасины — я примерял — очень удобны в носке, нога в них просто отдыхает. Наверное, и от индейских сумок не отказались бы люди, и от поясов, браслетов, вышитых бисером. Энтузиазм, инициатива тут нужны? А это всё, как я убедился, у индеанистов имеется.

...С сожалением покидал я Берёзовую Кору. Оглянулся. По посёлку размеренным шагом продвигались двое — ответственные за порядок и чистоту. Как и в настоящих, индейских поселениях, они здесь называются «акациты». За время, проведенное в лагере, я не увидел хлама, клочков бумаги или, чего доброго, консервной банки. За нарушение чистоты леса у акацитов есть полномочия, немедля, без составления протокола и других «цивилизованных» формальностей — стегать плетью.

Правда, не понравился мне ритуал посвящения в эти самые акациты — их нешуточно трижды бьют плёткой по лицу... Дескать, знай, когда начнёшь сам других наказывать, как это больно... Не очень это мне понравилось. Но не станешь лезть со своим уставом в чужой монастырь...

Валерий Горчаков

В гости к Пау-Вау[1]

Фотокору Вадиму Некрасову строго-настрого запретили снимать трубку Пау-Вау. «Всё должно быть, как у настоящих

индейцев, а для них трубка священна», — объяснил Соббикаше, он же — Сергей Иванов, председатель совета ленинградского клуба «Этнос», изучающего жизнь, историю и культуру индейцев. Индейское имя Соббикаше — Паучок — он получил за умение объединять вокруг себя людей, разбираться в хитросплетении оргвопросов.

Организовать Пау-Вау — непростое дело. Настоящие индейцы тоже тратят много времени на подготовку этого яркого — с песнями танцами — праздника. И ленинградские индеанисты из клуба «Этнос», собравшие на берегу шустрой загородной речушки Всесоюзный слёт этнографических клубов, тщательно продумывали каждую мелочь. Можно поручиться, что узоры на мокасинах и одежде Дакотов выглядели именно так, как на костюме, который в течение многих месяцев расшивал бисером ленинградский слесарь Алексей Леонов, а типи (традиционные жилища индейцев прерий) — так, как сделала учительница Татьяна Елефтерьева.

Таня преподает историю в школе, но Ленинградский университет она закончила по кафедре антропологии и этнографии, где изучала культуру Дакотов. Для своих учеников она организовала в школе этнографический кружок. Профессионалов вроде неё в движении индеанистов немного, но практически все приехавшие на Пау-Вау этнографы-любители обладают обширными познаниями в самых различных областях. Например, Сашу Кривошею из города Кривой Рог друзья в шутку называют «человек-каталог» — он собрал обширнейшую библиографию по индейцам — десятки тысяч карточек! К костру, у которого сидел Саша, постоянно кто-нибудь подходил с вопросом: что почитать на ту или иную тему? И Саша на память выпаливал порой десятки названий.

Такой солидной начитанностью не может похвастать, пожалуй, никакое другое неформальное объединение. И сейчас даже странно представить, что этих увлёченных ребят когда-то считали чуть ли не сектантами, их клуб закрывали, слёты приходилось проводить подальше от чужих глаз. Некоторые «проверяющие» приезжали на Пау-Вау с единственной целью — разжиться у индеанистов спиртным. Таким приходилось уезжать не солоно хлебавши — если бы на Пау-Вау и не существовало строжайшего сухого закона, то всё равно никто бы не стал пить — ведь вокруг всегда столько интереснейших дел, лишь раз в году можно вдоволь пообщаться со своими друзьями со всего Советского Союза.

Нынешний Пау-Вау — первый официально разрешённый слёт. На него приехали около 70 человек из Ленинграда, Москвы, Свердловска, Петрозаводска, Минска. Житомира, Ставрополя, Ейска... Соббикаше собрал всех и устроил вечер вопросов и ответов — чтобы новички знали, каким непростым был путь к признанию. Были на Пау-Вау и долгожданные индейские песни и танцы, выставка самодельных, но в точности соответствующих оригиналу индейских поделок из бисера и замши... Богдан Яхвак из Ужгорода рассказал о поездке к польским индеанистам и о том, что польский журнал (о таком же мечтают и наши индеанисты) опубликовал его статью об акции

[1] «Комсомольская правда», 1988

Коля Лукаш, Нонна Тараба, Сергей Немков

Пяттиярви, 1988
Слева направо: Коля Лукаш, Андрей Воронов-Оренбургский, Алексей Кучменёв

Острый Томагавк (Уду Эварт)

«Комсомольской правды» в защиту Леонарда Пелтиера (кстати, многие ребята «специализируются» на современном положении индейцев, наша газета уже писала о ленинградской девушке Юле Гуляевой, которая переписывается с Пелтиером).

...Слёт закончен, погашены костры во всех типи. Выборная лагерная «милиция» — акациты — проверяет, не осталось ли где мусора. Следующий Пау-Вау не скоро. Но он обязательно состоится.

Юрий Котенко (Злой Глаз)
(вопросы и ответы в письмах)

Андрей Ветер: Ты помнишь свой первый приезд на Пау?

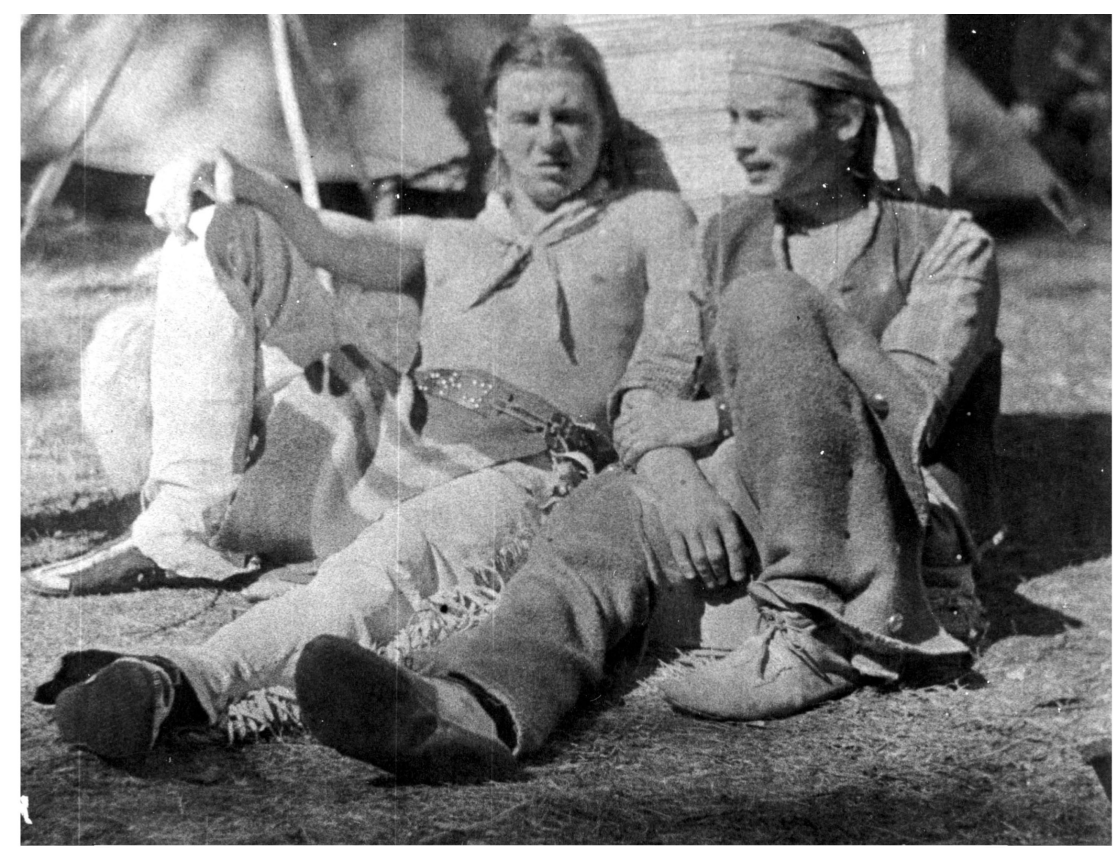
Юрий Котенко: Конечно, это было в 1986 году. Мы отправились в Ленинград. Никого из питерских индеанистов я не знал лично. У нас был адрес квартиры (или одна из квартир, коммуналка, ясное дело, как всё жильё в Питере в то время) многочисленного семейства индеанистов Павловых (активистка мама и одиннадцать детей разного возраста). Они жили в нескольких сотнях метров от вокзала, кажется, в р-не Невского. На этой явочной хате мы получили инструкцию, план действий и карту. Те же данные были и у встречающих — где, куда и когда будет прибывать иногородний народ для участия на Пау-Вау. Мы прибыли на электричке на указанную станцию. До условленного времени было часа два. Погуляли по окрестностям, постреляли из лука и т. п. Потом нас встретили Рысян, Соббикаши и Вика Печёнкина. Пошли просто через лес и пересечённую местность — по холмам, кустам и ямам, с рюкзаками на плечах — 10 километров. В те годы забирались невероятно далеко. В лагере было шесть типи и человек 20—25, но нам показалось это огромным лагерем. Место было самое живописное из всех, где были питерские Пау-Вау — озеро Лесные Глаза.

А встречавшие нас ребята, как выяснилось, тоже приехали на электричке, но с другой стороны. До встречи с нами они, кажется, ездили в альтернативный лагерь в тех же краях. Это была первая попытка раскола, но она была пресечена на долгие двенадцать лет, и всегда был один общий лагерь. Тогда в лагере «раскольников» было одно типи и человек 10—20 участников, среди которых весьма авторитетные.

Танцующего Лиса привёз на Пау-Вау Соббикаши в 1988 году. Формально Лис считался его подчинённым по «племенной иерархии», но довольно быстро затмил своей личностью своего «отца родного»...

На следующий год все собрались уже в восстановленном общем лагере. И перед очередным Пау-Вау был проведён первый межрегиональный совет, посвящённый предстоящему Пау-Вау. Опять-таки всё происходило на квартире у Павловых, только теперь уже по какому-то другому адресу, но тоже в центре города. Общие правила и неписаные законы были разработаны посланцами Питера, Москвы, Алтая, Петрозаводска и Арзамаса-16. Но больше таких сборов не было. Наверное, не возникало вопросов для обсуждений. В общем-то настало золотое время Питерских общесоюзных Пау-Вау, которое продлилось до 1998 года.

Андрей Ветер: Какое Пау-Вау, на твой взгляд, было самым масштабным?

Модок (Александр Румянцев, Питер) и Чиф (Петрозаводск)
1989 год, Петяярви

Птица, Танто, Бешенный Бизон, 1988

Юрий Котенко: 1990 или 1991 — я сбивался со счёту типи. Где-то у меня записаны точные данные с моих позиций. Светлячок приводил другие данные. Примерно в 1990 на Луге было от сорока до семидесяти типи и туристических палаток. В Толмачёво, может, чуть меньше.

Андрей Ветер: Самое крупное было и самым интересным? Или нет? Какие вообще события отличали принципиально одно Пау от другого? Может, появление танцев? Или лошади? Или что?

Юрий Котенко: Чем больше участников, тем становилось интересней. Каждый раз было что-то своеобразное, какая-то фишка — часто их было много: то конкурс красоты — мисс-Пау-Вау, то катание на каноэ, то лошади, то выступление сектантши о встрече с инопланетянами, то лесной пожар и борьба с ним, то чемпионат по синхронному плаванию, то приезд делегации немцев, то появление танцоров с бастлами… много всего. Но музыкально-танцевальная составляющая была самой малозначимой. Желание исполнять индейские песни и индейские танцы возникало, мне кажется, от силы у одного из десяти человек. Наверное, инстинктивно многие чувствовали, что это слишком далеко от правды. Переход к элементам современного Пау-Вау стал превалировать после моего путешествия в Америку и позже после поездок других ребят за границу. То есть мы нуждались в каком-то опыте, который не могли получить ни из книг, ни из фильмов, ни в музеях. Это творчество нельзя изучать заочно, надо прочувствовать и полюбить. Я считаю, что на понижение количества участников к 2000-м годам, помимо взросления и распада Советского Союза, сыграло то, что на Пау-Вау стало больше чего-то типа узкой специфики и некоего профессионализма — против уменьшения романтизма, тусовки и походной жизни на лоне природы. Словом, продолжали собираться истинные фанатики дела, и почти перестали приезжать случайно прибившиеся, с детским уровнем и киношной ориентацией и т. п.

Сейчас очень много «диванных вождей», как я их называю, — это люди нашего возраста, но они или никогда не бывали на Пау-Вау, или являлись туда раз-другой. Но они обожают покупать, а то и делать отличную индейскую одежду, могут что-то переводить, писать, общаться на полях интернета… Но самое большое их индейское дело — это фотографироваться в костюме в комнате на фоне ковра на стене или стеллажа с книгами… Люди-то, может быть, и хорошие, но остались или во времени своего глубоко детства или испытывают какие-то комплексы…

Раньше индейская жизнь СССР чётко строилась «от Пау-Вау до Пау-Вау». Сейчас много других версий индейского хоббизма, и конечно, тот опыт был совершенно уникальным.

Андрей Ветер: В 1997 году я ещё видел людей с тетрадями, где были законспектированы разные книги. Сейчас этого уже нет. А что в советское время, на самых ранних Пау было с информацией?

Юрий Котенко: На Пау-Вау привозили тетради и конспекты, переводы, сценарии и т. п. Садились под деревом или в типи, и проходили чтения и обсуждения. Всё интересное копировалось или перефотографировалось. Или одалживали на время.

Советский период в индеанистике, кстати, мне кажется не просто любопыт-

ным, но довольно плохо разобранным с точки зрения «высших сил идеологии», точнее их влияния. Иногда мне кажется, что развитие индейской темы не просто поощрялось властными структурами, но даже направлялось. Очень много странных совпадений и загадок. Бесконечные индейские фильмы во всех трёх окрестных кинотеатрах, программа школьного внеклассного чтения — вся про индейцев, тонны статей и заметок в газетах.. Создание клуба в Ленинграде... В штатах — когда я там путешествовал — не было ни одной резервации, где не находился бы индеец, который не был в Москве в 1970-х.. И прочая, прочая, прочая... Когда ради любопытства я попытался проверить через дальние связи со спецслужбами, что они знают про наших «индейцев» и Пау-Вау, оказалось — всё знают, и даже рассказали мне эпизоды биографии моего друга, которые даже я не знал, но спросил у него — всё так... Только не ясно — зачем? В итоге, на тот период, по крайней мере, каждый индеанист считался потенциальным антисоветчиком. Это сейчас мы с теплом вспоминаем Советы, а тогда хоть и не было в нас вражды и диссидентства по отношению к СССР, но и любви точно не было.

Андрей Ветер: Почему Пау-Вау начались в именно Ленинграде?

Юрий Котенко: Пау-Вау в Питере пошли потому, что там, помимо того, что было больше людей по индейцам на тот момент, было ещё и такое место как Кунсткамера с индейским залом и официально созданный то ли с поддержки комсомола или какой-то структуры: индейский клуб — ЛИК (Ленинградский индеанистский клуб) «Алькатрас», ну и какое-то более тусовочное место — почти проходной двор, стиль коммунальной квартиры по индейской части — все одиночки из отдалённых мест, тусовщики, халявщики, друзья друзей и т. п. тянулись туда, зная, что будет место, где перекантоваться, поесть, поспать, и т. п. И в принципе собрались довольно большие силы которых хватало и на поиски мест для Пау-Вау и даже на попытки сепаратизма.

Мы (точнее, в основном я) пытались создать подобный клуб в Москве в 1984—1985 годах, даже дошли до Дома Дружбы народов на Арбате. Но нам объяснили, что в нашей в стране это ни к чему, а пример ГДР не походит, ибо там всё не так как у нас. Зато нам отдали все книжки про индейцев, что им прислали из Америки. И пока нас всех в Москве и окрестностях не свела вместе индеанистка из ГДР в 1986—85 году, некая Инесс Рёдер. На тот момент она училась и жила в Москве. Представительница какого-то немецкого клуба с политическим уклоном — мы сразу разошлись с ней по идеологии: они ставили перед собой цель освободить всех индейцев, затем негров, папусаов и т.п., мы же хотели романтики и перьев с томагавками и луками. Но она собрала всю московскую индейскую диаспору, включая нас, Ващенко, Глеба, Витю Семёнова, Лося и др. Была даже статья про неё в газете с заголовком типа «Дай руку, друг!» (кажется, в «Московском комсомольце»), с призывом соединиться всем «индейцам» Москвы вместе. Вот мы, прочитав статью, все ей и написали, она скоординировала встречу и затем бесследно исчезла.

В то время в Москве существовали несколько тусовок, не связанных между собой. Про питерские Пау-Вау мы знали

из газет, однако где, кто и как — было не ясно. Но это дело времени. С самыми первыми из индеанистов, которые не входили в нашу маленькую тусовку (я, Макс и ещё парочка человек), мы познакомились через Ващенко. В 1985 году моя мать услышала случайно по радио, что в Иностранке будет лекция по индейцам. Мы с Максом пошли, ясно дело. Кто выступал, я не знал тогда, но Макс безошибочно определил: «Этот чувак был в программе „Что, где, когда?“ с вопросом по Марку Твену». Чуваком оказался Ващенко, он соединил с нами силы и сказал, что есть в Москве ещё индеанисты, то есть силы, но явно не достаточные для серьёзных дел. В основном все силы в Питере. Тем не менее, мы организовали его лекцию и выставку индейских работ в изостудии, где я рисовал. Через Ващенко нашли новых людей.

Александр Тереник (Ястреб)

С осени 1987 года я готовился к поездке на Пау, но не получилось: родилась доченька… и ещё всякие события случились, а к 1989 году изо всех сил прорвались с женой. Ехали с большинством москвичей. Барахло везли на двух садовых тележках! Купили специально для Пау (примерно 60х60 см, железная редкая решётка, два колеса, см 30 диаметр, две выдвигающихся ручки). В тележку загрузили типи, пологи, клеёнки, кое-что из одежды. Юра с Максом несли свою тележку, кажется, на руках, вдвоём.

Я привёз САМУЮ БОЛЬШУЮ ТИПИ, целых шесть метров. А сшил я её неправильно, так что по внутреннему объёму получилось приблизительно 6 метров 75см (по Лаубину), но типи просто конкретно не протапливалась! Кайф! Замерзали и жались ночью к костру. Первый опыт. Многие «тащились», прикалывались. Тогда в большой типи побывать — вроде как в настоящем степном объёме! Не помню, в 1989 или 1990 году, или, может, и тогда и тогда, проводили Совет, сбор трубок, устраивали церемонию, в нашу типи залезло больше пятидесяти человек. Помню речь Лося о том, что это последнее Пау-Вау и т. д. Очень мощно выступил Одинокий Волк. Конечно, много стёрлось из памяти, а жаль.

Первые, кого мы встретили из питерцев, когда ещё добирались гружёные до лагеря, были Рысян, Хозяин и Филин. Они шли навстречу, то ли по своим делам, то ли чтоб помочь, не помню. И тут Рысян сказал: «Хау, кола». Впервые за хренову тучу лет кто-то незнакомый сказал это явно без насмешки, без издёвки. Меня это так тронуло, что комок подступил. Простейший, проходной вроде бы момент так зацепил, что я его не только на всю жизнь запомнил, но и вижу его как в эту минуту, даже листья вокруг, ручей, брёвна, солнце проступило…

Василий Власов (Черепаха)

(вопросы и ответы в письмах)

Андрей Ветер: Помнишь свои впечатления от первого Пау?

Василий Власов: Не помню, потому как я обалдел. Это было Пау в Устинове в мае 1999-го. Вот представь, идём мы по лесу километра два, выходим на поляну, а там стоят пять или шесть типи. Настоящий шок, оторопь.

Павел Фирсов: "Это тот год, когда в мае пошёл снег! В Москве было + 20 С, и народ взял на выезд плавки и купальники, люди ехали в летней одежде, а через пару дней началась зима! В наше маленькое типи набилось тогда много людей, потому что никто не заготовил дров, горячий чай был нарасхват. Все попрятались, и лишь лошадь одиноко бродила под снегом..."

Андрей Ветер: Я-то прекрасно представляю, поскольку сам испытал шок, когда приехал в первый раз на Пау. Мы остановились на холме, а впереди настоящий индейский лагерь — как на ладони. Обзор с холма. Высоченная трава, конусы палаток, дымок поднимается над ними. Настоящий провал во времени.

Василий Власов: Меня спасло от умопомешательства то, что я тогда уже взрослый был, был бы помоложе, точно крышу снесло б... И хорошее время еще успел застать, всем еще индейцы не надоели, пить не пили, делали что-то постоянно.

Андрей Ветер: Ты приехал на Пау, уже имея индейские шмотки? Умел типи ставить?

Василий Власов: Нет, ничего не умел, откуда? На Пау я приехал с мокасинами, головным убором лёхиной работы и набедренником. И как назло, весь апрель был жарким, я в футболке ходил, 30-го, когда мы уезжали, тучки сгустились, а 1 мая снег выпал. Ну какой тут передник! Один раз на себя это нацепил, выскочил из типи, чтобы сфотографироваться, и дрожа от холода тут же обратно и в свитер с курткой. Правда, у меня трубка ещё была, сам сделал, из глины под катлинит.

Пау-Вау в Кимрах, 1998

Мне тогда очень хотелось познакомиться с народом, но я уже взрослый мальчик был, с пустыми руками приходить не хотелось. А тут познакомился с Сэнди, он мне про «Грин-Грасс» рассказал, посетовал, что им репетировать негде. И когда мы в МГУ встретились на занятиях по лакотскому языку, я им сразу предложил: «Давайте у меня на станции юннатов». Помню, на том семинаре Аня там что-то напутала с названиями племён конфедерации, что ли, и Юра потом подошёл ко мне, важный такой, и начал: «Ты её не слушай, там ещё Янктоны были, Санти»... Мне так смешно стало, первоклассник я, что ли?.. А «Грин-Грасс-Сингерс» потом два года у меня там по субботам зависали, репетировали.

Андрей Ветер: Помнишь какой-нибудь забавный случай на Пау?

Василий Власов: Дело было летом 2000-го года на Пау в Устинове, ты вроде тоже там был. Народу было прилично для регионального Пау-Вау. Москвичи почти все, тверские ребята и девчата, Мато Нажин, Рысёнок, Шайены приехали, ковбои. Типи там было, наверное, штук пятнадцать, и на опушке леса стояли ещё десятка два обычных туристических палаток. Ну, и Лось припёрся, помнишь его — вроде как Кроу, но больше контактёр с инопланетными цивилизациями, всё о Сириусе и Орионе травил, гораздо больше, чем об индейцах. Ну, и лентяй ещё тот. Он приехал с типи, но поселился у Юльки Галактионовой, напросился к ней на одну ночь. Она его тогда не знала и по доброте душевной пустила, с тем, чтоб на следующий день он свою типуху поставил. Куда там! Лось весь следующий день не типи ставил, а байки про Орион травил. После второй ночи с Лосем Юлька не выдержала, пошла и сама нарубила ему шестов, принялась типи сооружать. Этот малохольный, проходя мимо, ничуть не удивился, и даже не поблагодарил, а сказал Юльке следующее: «А женщины Кроу шесты песочком-то шкурили». Юлька плюнула и бросила это неблагодарное занятие, но шесты поставила, Лосю оставалось только покрышку закинуть и закрепить. Закинуть-то он её закинул, но тут его мысли опять на небо улетели... В общем, типи он в тот раз так и не поставил, у кого-то переночевал. Ночью дождик был, покрышка промокла как снаружи, так и с изнанки. Одним словом, мартышкин труд. Так и стояли эти шесты с болтающейся покрышкой на виду у всего лагеря, и так получилось, что во время танцев все сидели лицом к этой недоделке. Танцоры, певцы, а за ними — декорация такая в виде лосёвского жилища. Я на это дело смотрел, смотрел и сказал, что если Лось к вечеру не поставит, то я украду его типуху.

Лось, естественно не поставил. Где-то за полночь вышел я из своего типи, смотрю — это безобразие в прежнем виде. Ну, слово держать надо. Однако я человек законопослушный, дай думаю всё-таки с вождём посоветуюсь, со Злым Глазом, и разрешения спрошу. Нырнул к нему, а там хорошая такая компания: Юра, Тропа, Мато Нажин, Рысёнок и Светлячок. Я идею изложил, тут все и завелись, мол, давно пора это сделать, говорят. Пойдём в боевой поход на Кроу, а раз ты это придумал, ты и будешь предводителем боевого отряда. Ну, тихо так отправились, проверили, где Лось ныкается, оказалось, он сидит в гостях, кажется, у Славы Ирокеза, метрах в пяти от своей несчастной палатки, и байки

Василий Власов (Черепаха), 1998

про Орион травит. Мы тихонечко, хотя ржать хотелось во весь голос, подкрались, покрышку сняли и спёрли. Мато настаивал выбросить её в лесу, но мне типуху жалко стало, она ж не виновата, что хозяин придурок, я её к себе в типи унёс.

Потом Лось скандал учинил, потребовал совет собрать, чтоб наказать виновных. Собрались все, сказали Лосю, что о нём думают и отправили вон из лагеря. После этого он кругами ходил, проклятья насылал на нас. И наслал-таки: через два дня меня переехал автомобиль...

Было второе августа, как сейчас помню, день ВДВ. До того дня на Пау всё было какое-то суматошное, дождь лил, а тут все вдруг разъехались, и погода наладилась. Мы решили тремя типи постоять ещё дня три: я с Лидой, Игорь Тропа с Юлькой и Ванька Дождь с Наташей по прозвищу Доктор Квин.

Тропа вывез последних отъехавших в деревню на остановку, купил четыре бутылки водки и вернулся. Я как раз сидел на раскладном стуле возле очага, жарил шашлыки, до которых дело всё не доходило, они у меня уже день третий мариновались. Я сидел метрах в ста от наших типух и спиной к ним.

Вижу, что троповская «Нива» от моей палатки, где он скинул покупки, отъезжает задом в мою сторону. Ну, отъезжает и отъезжает, думаю, сейчас тормознёт и поедет к троповскому типи. Когда сообразил, что не поедет, было поздно. Я только и успел с этого стульчика складного привстать...

Приятного мало было. «Нива» сбила меня, переехала бок задним колесом, передним остановилась на левом колене. Я матерюсь так, что вокруг все мухи сдохли: «Тропа, мать твою...» Водительская дверь открывается, и вместо Тропы появляется Ваня. Он второй раз в жизни за руль сел. Первый раз в столб воткнулся, во второй раз по мне прокатился... Побегает Лида: «Вася, что случилось?» Я ей: «Что случилось, что случилось... Уберите эту хрень с моего колена». Лидочка хватает обеими руками «Ниву», приподнимает её и снимает с моего колена! Ну, потери были минимальны: ключица и пара рёбер. Колено лишь оцарапано, не более. Никто не верит, что мы тогда абсолютно трезвые были, а зря. Поймал меня Ванька в чистом поле, задним ходом, по-снайперски. Не привстал бы я со складного кресла, так меня с этим креслом в костёр и вмяло бы.

На следующий день Ванька с Тропой говорят мне: «Вась, а мы тебе индейское имя придумали — Черепаха». Они вспомнили фильм Быкова «Внимание, черепаха», где мальчуганы хотели положить черепаху под танк, чтобы проверить её на прочность. Про меня Ванька Дождь сказал, что я прочный, как черепаха...

Вадим Лобанов

У нас в Кимрах в 1988—89 был свой индейский клуб, его возглавлял Кваша. Нам предоставили помещение в ДК. Мне было двенадцать лет. Кваша прочитал в «Огоньке» статью про алтайскую общину и решил создать клуб. От той индейской группы сегодня не осталось никого, только я. Мы у себя уже организовывали нечто вроде Пау, только скромное, у нас было три брезентовых типи, и мы ставили их каждое

лето под Кимрами, в разных местах. У нас даже лошадь была. На охоту выбирались.

В тринадцать лет я приехал на Пау в Толмачёво. Типи мы везли в коляске, потому что типуха была тяжеленная. Где можно, там тележку катили, а где песок, там волоком. Первый приезд в Толмачёво — это, наверное, самое яркое впечатление из всех: огромный лагерь вытянулся вдоль реки. Вид с холма завораживал. Мы считали, сколько там типи, но сбились со счёта. Мне кажется, что их девяносто штук было, а то и больше. Я чуть не заплакал — такие сильные эмоции…

Алексей Кучменёв (Рысян)

Одной из старых добрых традиций на нашем Пау-Вау можно назвать выставки индейских вещей, сделанных своими руками. Мы считаем это мероприятие важным, потому что оно демонстрирует, как много за эти годы появилось работ, сделанных с высокой степенью аутентичности и большим художественным вкусом. Все вещи имеют также прикладное значение, и многие из них по качеству и исполнению можно с гордостью поставить в один ряд с оригинальными образцами материальных ценностей индейской культуры.

Выставка может проходить в любой день Пау-Вау, если позволяют погодные условия. Все желающие после объявления глашатая выносят свои коллекции и раскладывают их на одеяле на площадке для танцев так, чтобы зрители могли хорошо разглядеть вещи и сделать снимки.

Выставки могут быть также тематическими — например, выставка оружия, детских вещей, мокасин и т. д. Ведущий выставки может поощрить кого-либо из участников по какому-либо критерию — за самую оригинальную вещь или за особый труд, затраченный при её изготовлении. Мы заранее благодарим всех участников выставки за их работы и за то, что остальные могут получить радость и узнать для себя много нового и полезного.

Валентин Бусько (Великий Рысёнок)

Меня привлекало делать индейскую одежду. И сейчас на Пау-Вау приезжает много людей, которые делают одежду своими руками, в отличие от западноевропейских индеанистов, которые часто покупают индейскую одежду в магазинах. Есть люди, которые интересуются конкретно песнями и танцами. Это не значит, что их ничто другое не интересует, но к этим вещам они проявляют повышенный интерес. Мне тоже нравится индейская музыка, и когда я слышу её, то чувствую, что мне хочется танцевать; во мне она что-то задевает, в отличие от музыки других народов. Мне нравилось делать одежду с точки зрения искусства. Я делал мокасины и другие вещи и, как правило, я уезжал с Пау-Вау без них, потому что мне нравилось дарить всё это людям. Каждый год я делал что-нибудь новое. Есть люди, которые делают всё это для коллекции; все стены у них увешаны индейской одеждой. Я уже давно ничего такого не делаю. Для меня сейчас достаточно просто приехать на Пау-Вау. Мо-

жет быть, это чувство появилось вследствие Алтая. Я ставлю типи, встречаю там людей, большинство из которых вижу только эти десять дней в году. Они приезжают издалека, я могу с ними поговорить и опять уйти в своё типи. Для меня сейчас это важней всего. Я еду туда не ради того, что там будет что-то происходить, или не будет там никакой организации. Мне это не важно. Я знаю, что приедут люди, которых я знаю и люблю, что я с ними могу увидеться в этот день, в этот момент.

Игорь Гуров (Мато Сапа)

Насчёт аутентичности. Когда-то я мечтал создавать «индейские» вещи основываясь на знаниях традиции и технологий, но с собственным творческим подходом. Это КОНКРЕТНО то, что сегодня делает Виноградов! Но отсутствие денег, возможностей, свободного времени (надо было всё время думать о заработке), не дало развить это направление. А с другой стороны, надо было наработать ощущение материала, в смысле осознания стилей, приёмов и технологий. Для этого нужно копировать не только внешне, но и изнанку. Но я не делал чистых копий, я разрабатывал стиль и создавал что-то своё. И всегда оказывалось, впоследствии, что я шёл правильным путём. Всегда, позже, я находил детали в оригиналах, к которым пришёл своим путём. До сих пор так. Но с точки зрения свободной интерпретации, скажем, племенного стиля, руки не особенно дошли. Я очень долго копаю источники, прежде чем создаю свою версию.

Тут ещё и другой взгляд: поскольку я достаточно рано разделил для себя современный стиль Пау-Вау и старину (в её материальном выражении), то уже не делал эклектичные вещи и нашим и вашим (что мы до сих пор видим на наших Пау). После Америки, я для себя вывел что-то новое и, к примеру, сделал комплект для Чикен Дэнс, в современном понимании и форме традиции Северных Равнин. Но моя любовь к той ушедшей эпохе всё же доминирует, потому последняя большая работа это полный комплект «парадной» черноногской одежды, в стиле последней четверти 19 века, который занял у меня 10 лет, от идеи до реализации.

Анатолий Сидоров (Дикий Кот)
(вопросы и ответы в письмах)

Андрей Ветер: Я вдруг вспомнил историю о том, что на каком-то Пау кому-то сожгли типи. То ли толкиенисты, то ли приблудившиеся наркоманы. Не помнишь об этом?

Анатолий Сидоров: Нет, такого не слышал. Во всяком случае, в 1991 году такого в нашем лагере точно не было. Толкиенист был один, и он жил в верхнем лагере, где и я жил. Этот верхний, лагерь был вроде как диссидентский. Дело в том, что там жили девушки-индеанистки, но одевались по-мужски: леггины, набедренник, рубахи. Из-за этого и произошёл конфликт с нижним лагерем, где проживали все остальные. В нижний лагерь приходили некие «чернушники» — молодые парни-сопляки, пьяные, почему-то все одетые в чёрное.

Может, поэтому их и прозвали «чернушниками». Нагловатые ребята. Когда объявили, что в лагере, в одном из больших типи, состоится всеобщий не то пир, не то тёплый вечерок, то один из «чернушников» обрадовался: «Вот сходим в гости выпьем-закусим». Кто-то из наших индеанистов не долго раздумывая, послал этого «чернушника» куда подальше. Они ушли и больше не появлялись. Мести с их стороны не было. Типи никто не палил. Может, что и случалось, но в другой год и в другом лагере. Я такого не помню.

Насчёт сгоревшего типи я слышал такой рассказ. После проливного дождя пацаны решили подсушить покрышку типи. Развели внутри типи ВЫСОКИЙ костёр. Пламя не только подсушило покрышку, но и зажгло её. Парни рассказывали, что за двадцать секунд покрышка сгорела. Выбирались из горящего типи кто как мог, кто как успел: под пологом проползали, под покрышку и в разные стороны. За одну минуту остались без типи. Но этот случай произошёл не в нашем лагере и не в том году.

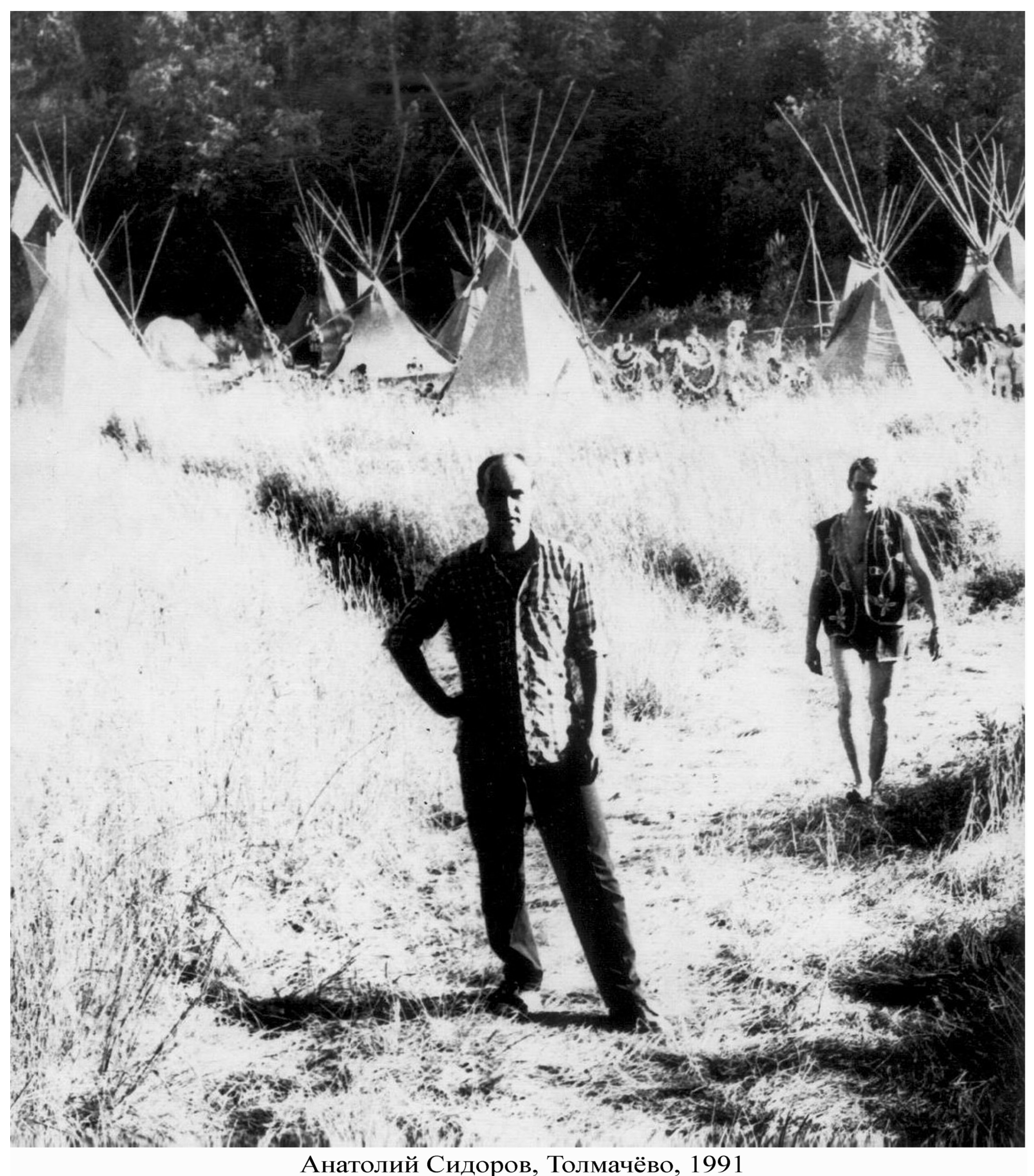
Андрей Ветер: Мог бы ты подробнее рассказать про верхний лагерь? Почему он верхний? Он находился выше по реке?

Анатолий Сидоров: Верхний лагерь был не выше по течению, а на вершине холма. Как раз мимо него вела дорога в нижний лагерь. Почему лагерь поставили там, я понятия не имею. Я знал, что там будет моя хорошая знакомая Ольга. Я с ней долго переписывался. Знакомы были заочно, как и с многими другими. Я не собирался жить в верхнем лагере, но пришлось. Дело в том, что я просто-напросто не мог привезти свою типи, т.к. тащил на себе тираж «Томагавка». Я надеялся сэкономить на пересылке. Приехал в лагерь, отыскал подписчиков и вручил каждому его экземпляр. Заодно и знакомился персонально.

А без крова я остался вот по какой причине. Мой друг по переписке из Кирова Чак-Чак (Тлингит) написал мне, чтобы я не брал типи, что он привезёт свой и я могу жить у него. Он сам приехал и трое суток где-то бродил в окрестностях Толмачёво, но лагерь так и не нашёл и вернулся в Киров. Я в первый же день понял, что остался без крыши над головой. Волей-неволей пришлось идти к Ольге и объяснять сложившуюся ситуацию. Ольга даже обрадовалась, что может мне помочь. Так я и остался жить в верхнем лагере. Он представлял собой такой расклад: два типи, пошитые из танкового брезента, и одна или две туристические палатки. Там жили какие-то туристки (не индеанистки). Типи шил муж Ольги, в то время он учился в каком-то военном училище. Будущий офицер. Мы с ним быстро подружились.

Теперь о девушках, которые изображали из себя воинов. Я не уверен, но в том году они впервые стали так одеваться: леггины, набедренник, рубахи. Одна из них была замужем за индеанистом, но развелись. Остальные девки холостые, но почему-то ходили в леггинах и с набедренником. Одна из них принародно что-то ляпнула про индеанистов в нижнем лагере. Эту сплетню донесли до Мато Нажина и он начал гнобить верхний лагерь. Сначала выставили карантин из двух человек с плётками.

Нам сообщили, что нас, т.е. людей из верхнего лагеря, не пустят в нижний. Муж Ольги быстро сообразил и решил проверить информацию. Он послал одну

Анатолий Сидоров, Толмачёво, 1991

девушку с котелком к реке за водой. Её пропустили. А вот девушки из туристических палаток сквозь кордон не пропустили. Одна попыталась в наглую пройти, но один из кордона хлестанул её плёткой. Она такой вой устроила! Прибежала к нам в типи и стала вопить как недорезанная. Надо было как-то ситуацию разруливать. Пришёл глашатай и объявил, чтобы девушка, которая

нелестно высказалась, пришла «на ковёр» в типи, где жил Мато Нажин. Ну и муж Ольги тоже решил идти. И меня пригласил как третейского судью, чтобы я, как человек нейтральный, беспристрастно рассудил этот конфликт. Нам ничего не оставалось делать, и мы пошли к Мато Нажину. Вошли, поздоровались, меня представили как издателя «Томагавка». Девушка-виновница уже сидела слева от входа. Она в знак примирения подогнала Мато Нажину упаковку табака. Табак лежал у его ног, но Мато Нажин не спешил его принять, а разыграл целый театр. Сначала прошёлся по внешнему виду этих девушек, мол, девушки-индеанки никогда не носили мужской одежды. Потом раскритиковал типи верхнего лагеря, дескать, недопустимо шить покрышки из танкового брезента (Мы и так понимали, что танковый брезент не лучший материал для покрышек: не гнётся, под солнцем нагревается так, что внутри становится душно как в парилке, а попытка подогнуть край покрышки с тем, чтобы навести вентиляцию, ничего не дала.) Потом Мато Нажин прошёлся по самой девушке. Дескать, сидит не правильно, а помужски. Она была уже в платье, но сидела «в раскорячку», а Нажин настаивал, что должна сидеть по-женски: колени или влево, или вправо. Помимо Мато Нажина, в типи находилось ещё человек семь-восемь. Как я понял, это индеанисты со стажем, уважаемые, авторитетные. Но дело в том, что они как раз не поддерживали Мато Нажина. Он только попытался опереться на их мнение, как ему тут же сказали, что он не прав и что вообще не надо было придираться к верхнему лагерю. Я так думаю, что Мато Нажин сам давно это понял: надо было проигнорировать, а не блокаду устраивать. Устроенный спектакль он закончил словами: «А за табачок спасибо! Покурю его, покурю». И всё! Мы втроём откланялись и вернулись в верхний лагерь. Блокаду сняли, двух охранников с оцепления с плётками тоже убрали. С того момента мы могли запросто спускаться в нижний лагерь.

Кстати, один из оцепления был Вапити. Он помнит тот конфликт. Говорит, что в оцеплении был, потому что его назначили.

Юрий Котенко (Злой Глаз)
(вопросы и ответы в письмах)

Юрий Котенко: Это произошло в 1998 году, Толмачёво. Была просто глупая провокация отморозков, в том числе какого-то из местных. «Грибные эльфы», прикрывшись именем Серебряных Волков, с которыми мы познакомились примерно в то же время, чуть позже в Москве и которые оказались московской тусовкой викингов и к «эльфятнику» никакого отношения не имеющие.

Помнишь Ковбоя? Он давний товарищ Сэнди. Он после звука пожара и истошных воплей эльфов бегал на ту сторону реки и стрелял в них из травматического пистолета. А мы организовывали военные походы в «стан врага», но «враг» скрылся. А пригреты они были на другой стороне реки, там были и типи и палатки — что-то типа лагеря альтернативщиков, друзей друзей и притусованных.

Я, собственно, и проснулся от звука выстрелов. Мы все повыскакивали и ор-

ганизовали военные отряды — одни для поимки «врагов», другие для охраны лагеря. Те парни мстили за прошлогодние избиение одного из них Мато Нажином: он врезал кому-то по репе трёхлитровой банкой. В основном против него, собственно говоря, и была направлена агрессия. Но все наши вступились под призывы Ковбоя отомстить за Мато и отметелить эльфов. Один из нападавших скрылся, мы чуть-чуть не застали его в альтернативном лагере, другой (вроде, сын или родственник местного лесника) был схвачен милицией.

Андрей Ветер: Стало быть, кто-то вызвал милицию. Значит, кто-то ходил в деревню, вызывал милицию и т. п. Мобильников же не было в те годы.

Юрий Котенко: Вот об этом я не подумал. Возможно, и такая версия была: милицию вызвали сами эльфы в расчёте, что правду можно перевернуть на их сторону и покарать индейцев. Но куча свидетелей повернула всё против них самих.

Андрей Ветер: А та милиция, которая пришла в лагерь, не пыталась скрутить вас? В лагере полным-полно холодного оружия.

Юрий Котенко: Может, что-то и было из подобных «предъяв», но братва отмазалась. По-моему, звучало что-то типа претензии о «плохом отношения к природе», но не было срублено живых деревьев, убитых животных, ни местные власти, ни лесничество не выражали недовольства нами. Так что обошлось без последствий.

Андрей Ветер: Раз уж ты упомянул, что Мато кому-то дал по башке предыдущим летом… Значит ли это, что эльфы давно мешали вам на том месте?

Юрий Котенко: Нет, только в предыдущий раз. По-моему, было так. Кто-то из них чрезмерно веселился ночью (песни и вопли под гитары). Их попросили потише, они грубо ответили, их огрели и таким образом заткнули. Бытовуха, в общем-то, ничего конспирологического.

Александр Азанов (Сэнди)

(стенограмма разговора, январь 2019)

Сэнди: Мы ехали на машине всю ночь, рано утром добрались до места, ещё не рассвело, весь лагерь спит. Отправились за шестами на другой берег ручья, утром поставили типи, и вдруг увидели трёх человек, которые чуть ли не скатываются с холма. Мы сидели не внутри типи, а снаружи, и эти парни двинулись к нам. Одному из них плохо. Мы думали, что они пьяные, а они, видимо, приняли какую-то дурь. Выглядели они странно, на хиппи похожи, висели на них какие-то бусы, шнурочки. Мы их спрашивали о чём-то, но они неадекватные, толком не говорили. Они хотели кого-то найти, спрашивали про кого-то, но мы сами ведь только приехали и понятия не имели, кто где жил. Вдобавок, этим парням плохо. А мы по дороге в лагерь взяли в деревне три литра молока и предложили эти ребятам, раз уж им плохо. Один выпил молока, второй, третий, и начало их выворачивать наизнанку. Что делать? Мы их погнали прочь, и они исчезли.

Мы хотели развести костёр, но за дровами надо было опять идти на другой берег. Мы там приглядели сухую ель, сходили, срубили, притащили

и бросили прямо за нашей палаткой… Эти хиппи больше не появлялись.

Лагерь проснулся. Весь день шум стоял, к танцам готовились. Юрка Котенко обрадовался, увидев нас, потому что мы не только барабан привезли, но и два голоса в певческую группу: я и Дым. Вместе с Гачем и Котенко нас получалось четверо за барабаном, стало быть, завтра можно открытие Пау-Вау делать.

Вечером легли спать, всё тихо, и среди ночи, может быть, ближе к утру началась бешеная ругань, мат-перемат. Оказалось, это те хиппи выползли откуда-то. Один из них то ли местный, то ли лесник, я точно не понял, но он вроде бы хорошо лес знал. И вот они разбудили нас своими дикими криками с противоположного берега. Кричали, что все мы гады, но в основном в адрес Мато Нажина. Чем-то Мато успел их обидеть. Что-то про то, что Мато Нажин скрёб у них всех девчонок и чем-то ещё им досадил. Орали громко, всем всё слышно, и все разозлились. Надоело… Мы пока одевались, Ковбой схватил мой газовый пистолет, выбежал из типи и начал стрелять в этих уродов. Понятно, что шум поднялся. Лагерь проснулся. Все на ногах. Быстро собрался отряд, все взбудоражены не на шутку. Эти хипстеры драпанули, они же не знали, что пистолет не боевой. Побежали, надеялись скрыться. Но не прошло и минуты, как наши оказались на том берегу, с двух сторон зашли, сцапали тут же, ну и в общей суматохе кому-то из тех крикунов досталось. Как выяснилось позже, по морде получил парень, который доводился родственником человеку, у которого была арендована земля под Пау-Вау. Естественно, этот парень нажаловался и потребовал, чтобы нас всех выгнали и чтобы никакого индейского лагеря там больше не было.

Приехала милиция, начала всех потрошить. Искали пистолет. А у меня хоть все документы на него были, я всё-таки ушёл с Ковбоем в деревню, где мы машину оставили. Там мы и пересидели всю суету.

Тимофей Уланов: А про пожар ты забыл?

Сэнди: Да, на другой стороне стоял лагерь.

Тимофей Уланов: На другом берегу речки было отдельное Пау-Вау.

Сэнди: Да, чужие какие-то, странные.

Тимофей Уланов: Нет, там и наши тоже жили.

Сэнди: Разве? Ну, там хиппари жили, но почему-то в типухах.

Тимофей Уланов: Там жила некая женщина по имени Медвежонок. Она знала наших и знала тех ребят.

Сэнди: Почему-то мне помнится, что там женщины какие-то замешаны. Какая-то история с женщинами… И у них в типи пожар случится.

Тимофей Уланов: Нет, типи сгорело на нашей стороне. Рибана в том типи жила.

Сэнди: Там зажигалку, что ли бросили?

Тимофей Уланов: Нет, бутылку бросили.

Сэнди: Короче, вспыхнуло сразу, как факел. Меня не было в это время в лагере, поэтому я не видел.

Антон Никонов: Так это когда произошло? Сэнди, ты говоришь, что вы побежали за теми хиппарями.

Тимофей Уланов: Нет, пожар уже утром был.

Антон Никонов: Я читал где-то про эту историю, версия *той* стороны. Они

В центре - Александр Азанов (Сэнди), 1998

рассказывали, что-то про выстрелы, про нападение. Но я-то решил, что это выдумка, что приврали много. Но получается, что так и было, только другие акценты.

Сэнди: Ты представь: тишина, первые птицы поют, играет флейта. И вдруг начинается отборный мат. И не просто мат, а угрозы типа «Мато Нажин, мы тебя порежем на бахрому» и всякое такое.

Антон Никонов: Но они же пацаны, молодняк! Лет по восемнадцать им было, не больше.

Сэнди: Да, молодые. Но невменяемые. Когда мы нашли их стоянку, где у них была трапеза, там ножки от грибов валялись. И девчонки из соседнего лагеря мне говорили, что наткнулись в лесу на ребят, которые лежат и стонут, и что им надо, наверное, помочь. Мы туда сходили, нашли их. Пена изо рта, готовенькие, расплавленные. Жара стояла, а они грибов нажрались. Странные ребята. Они всякое могли натворить в таком состоянии...

Алексей Кучменёв (Рысян)

У нас был огромный лагерь, вытянувшийся вдоль реки. А на той стороне стояла Юля Веткина с Максом Ольшевским и с Длинным Максом. Они стояли отдельно. Они были люди Rainbow, и к ним постоянно подъезжали их знакомые из Рейнбоу. Среди тех приехавших была толстая девушка по прозвищу Медвежонок. Она не из наших, не из индеанистов, но всё время пыталась сблизиться с нами. Вплоть до того, что приняла участие в инипи, которое проводил Мато Нажин. Судя по всему, она влюбилась в Мато Нажина, а он ей не ответил взаимностью. Так или иначе, но девушка закусила удила. Вернулась она в свой лагерь и, видимо, поделилась своей горькой судьбой. В это самое время туда приехали так называемые «грибные эльфы», это люди, которые ездили по лесам, избивали туристов, жгли их палатки.

Медвежонок, обидевшаяся на Мато Нажина выступила в роли наводчицы, показала им типи Нажина. Эльфы под утро облили его бензином и подожгли. Но они перепутали типи, там жили Рибанна, Матоха, Костя (сын Одинокого Волка) и ещё какие-то дети. Всё мгновенно вспыхнуло, но, к счастью, обошлось без жертв, все успели выскочить. Лагерь проснулся, народ выбежал, сразу собралось несколько групп, которые побежали искать поджигателей. Погоня быстро нашла кого-то, но, как выяснилось позже, не поджигателей, а каких-то других людей из Рейнбоу. То есть досталось не тем, кому должно было достаться.

На следующий день мы — Вапити, Мато Нажин, я и кто-то ещё — пошли в Толмачёво, в милицию, написали заявление, объяснили, где наш лагерь. Дня через два пришёл милиционер, с ним грибные эльфы со своим вожаком (кажется, его звали Антон). Оказывается, они тоже сходили в ментовку и подали заявление на нас, мол, мы поймали их в лесу и избили. Ну, пришли они к нам и давай обвинять нас во всех смертных грехах. И тут выбегает вся наша толпа, видит эльфов, ну и понеслось со всех сторон: «Ты, сволочь! Ты бензином палатку облил! У нас чуть ребёнок не погиб!» И всё в таком духе. Все пытаются перекричать друг друга. Эльфы орут:

«В нас стреляли!», а мы: «Никто не стрелял. У нас нет ни ружья, ни пистолета. Можете всех обыскать». Милиционер едва успевал записывать показания, и получается, что был поджёг, покушение на жизнь, а это серьёзный срок, чуть ли не пять лет, и они ушли.

Мы ходили после этого на другой берег к Юльке Веткиной. Там тихо-тихо сидела Медвежонок. Я увидел её и говорю: «Это ты привела их сюда». Мы не знали на самом деле, с чьей подачи случилась вся та заваруха, но я посмотрел на Медвежонка и сразу сказал: «Ты привела их». С тех пор мы эту девушку больше не видали.

Олег Жилинский (Танто)

Каждый год на Пау-Вау было что-то особое, но первый приезд туда — есть первый. Как я уже говорил, из старых друзей мне удалось заинтересовать поездкой на Пау только двоих. Но это были самые главные персонажи моего индейского детства. Это были Бешеный Бизон (Андрей Гридин), мой духовный лидер и вождь нашего племени. На тот момент мы с ним уже мало общались, но это не помешало ему принять участие в новой акции. Кстати, мы с ним дружны по сей день, часто встречаемся и вспоминаем детство. Индейский дух живёт в нём до сих пор. В 1990-х он создал свой профессиональный клуб по Муай-Тай и назвал его «Чинук». До сих пор является очень результативным тренером различных видов единоборств, в основном, К-1. Ещё один мой попутчик на Пау — это Птица (Констатин Потеряйко) — шаман нашего бывшего племени. С ним мы общались плотнее. Он стал моим постоянным спутником на Пау, пока не покинул этот мир в 2010 году. Вот таким составом мы и прибыли в Ленинград, перебрались на станцию Петяярви и заночевали в пристанционном лесу, ожидая прибытия основной группы из Ленинграда во главе с Соббикаши. В лицо я ни кого не знал, но Соббикаши в письме мне заметил, что он будет в штормовке, отороченной мехом медведя. И вот рано утром приезжает электричка на станцию Петяярви, на платформу выгружается не так много людей, среди которых не трудно было заметить особо выделяющуюся группу. Сразу было понятно, что это не дачники. Все с рюкзаками, сумками, но не похожие на привычных туристов. Среди них я выделил высокого парня с длиннющими волосами (это был Танцующий Лис). Понял, что это те, кто нам нужен и стал искать человека в штормовке, с мехом медведя. Ну, что бы уж наверняка. Нашёл. Представился. Он сказал: «Хау! Пошли!» И мы двинулись в путь.

Шли мы, шли и… пришли. Приняли нас спокойно, сдержано. Мы поставили свою маленькую типи. Присматривались. Лично я был в восторге. Сбылась моя детская мечта. Наконец-то я увидел много типи (около десяти штук), в них жили незнакомые мне люди, но близкие по духу. Это было то, что надо. В первый же день устроили соревнование между собой по метанию томагавков, как в детстве. Я чувствовал себя комфортно. Всё как бы вернулось, но на другом уровне. На следующий день, точнее вечер к нам в гости зашёл Лис. Он зашёл так, как будто всегда был с нами, но отходил куда-то на часок. Наша дружба продолжалась потом долгие годы. Вооб-

ще, день-два, проведённые в лагере, беглые знакомства, и я уже почувствовал себя дома. Свой среди своих. В общем, нас приняли легко. Далее была череда других Пау — в разных местах, с новыми знакомствами и приключениями. Порой мне тяжело отделить один год от другого и вспомнить, что когда происходило. Просто шла какая-то жизнь с промежутками на подготовку к очередному Пау-Вау. Вот говорят, лихие 1990-е, а я их не помню. Как-то жили, как-то выкручивались. Я в это время готовился к Пау, ездил на Пау, жил на Пау…

Последующие Пау слились в один большой праздник и, порой, различаю их теперь только по месту проведения. Но были в этой череде и особые запоминающие моменты.

Одним из таких был приезд к нам Большого Орла (Погасет) из США. Первая встреча с настоящим индейцем… Сейчас уже как-то всё подзабылось и вытеснилось другими, новыми эмоциями. Какого-то близкого контакта и личного общения у меня с ним не было. Было чувство ответственности за то, что мы делали в лагере. Большой Орёл значительную часть времени проводил в небольшом типи. Как я узнал от друзей, он старый и больной. С собой он привёз два чемодана — один с индейской одеждой, другой с лекарствами. Особо запомнился один вечер, когда в типи, где мы сидели с Танцующим Лисом, заглянула Ирина Лукина по прозвищу Чайка. Она была растеряна и напугана. Сказала нам, что вождю плохо и он хочет слышать индейские песни. Мы с Лисом (может, и ещё кто был, не помню) подошли к типи, где находился вождь. Заходить не стали, уселись на траве рядом и под бубен запели то, что знали (репертуар тогда был у нас скромный, да и мы были не лучшими певцами). Через пару минут Чайка выскочила из типи и попросила замолчать. То ли мы пели не очень, то ли старику лучше стало. Ну, мы замолчали. Через минуту, опять выскакивает и опять требует: «Пойте». Ну, мы поём. Значит, не в нашем исполнении дело было. Через какое-то время, она вышла опять, очень печальная и поникшая, и объявила, что вождю плохо, он собрался умирать. Вот это расклад!.. Через какое-то время из типи показался вождь, облачённый в свою индейскую одежду, в руках он держал трубку. В сопровождении Чайки он отправился на холм. Умирать… Мы потянулись следом, не зная, что и думать. Поднялись на холм, старик уселся под огромным деревом, Чайка находилась рядом. Мы молча стояли в стороне. Не помню, как долго это продолжалось, но Чайка вдруг подбежала к нам и радостно сообщила, что вождю лучше и смерть откладывается (вспоминается сцена из «Маленького Большого Человека»). Все выдохнули. Потом спустились с холма и разошлись по своим типи. На следующий день Большой Орёл уехал из лагеря в Ленинград, а потом в Москву. Не знаю, кто его сопровождал и от кого я узнал детали, но слышал, что в типи ему стало плохо от дыма. Как он сам сказал, жизнь в типи — это не для такого старого и больного человека.

Стрела, Вождь Большой Орёл, Чайка, 1991

Многое уже подзабылось. Прошлый век, как ни как. Большого Орла привёз к нам Александр Ващенко, но в тот момент, насколько я помню, Ващенко в лагере не было. Вроде бы, он отдал Большого Орла на попечение кому-то из наших. Мне почему-то кажется, что Глебу Борисову. Он ведь жил в его типи. Могу ошибаться.

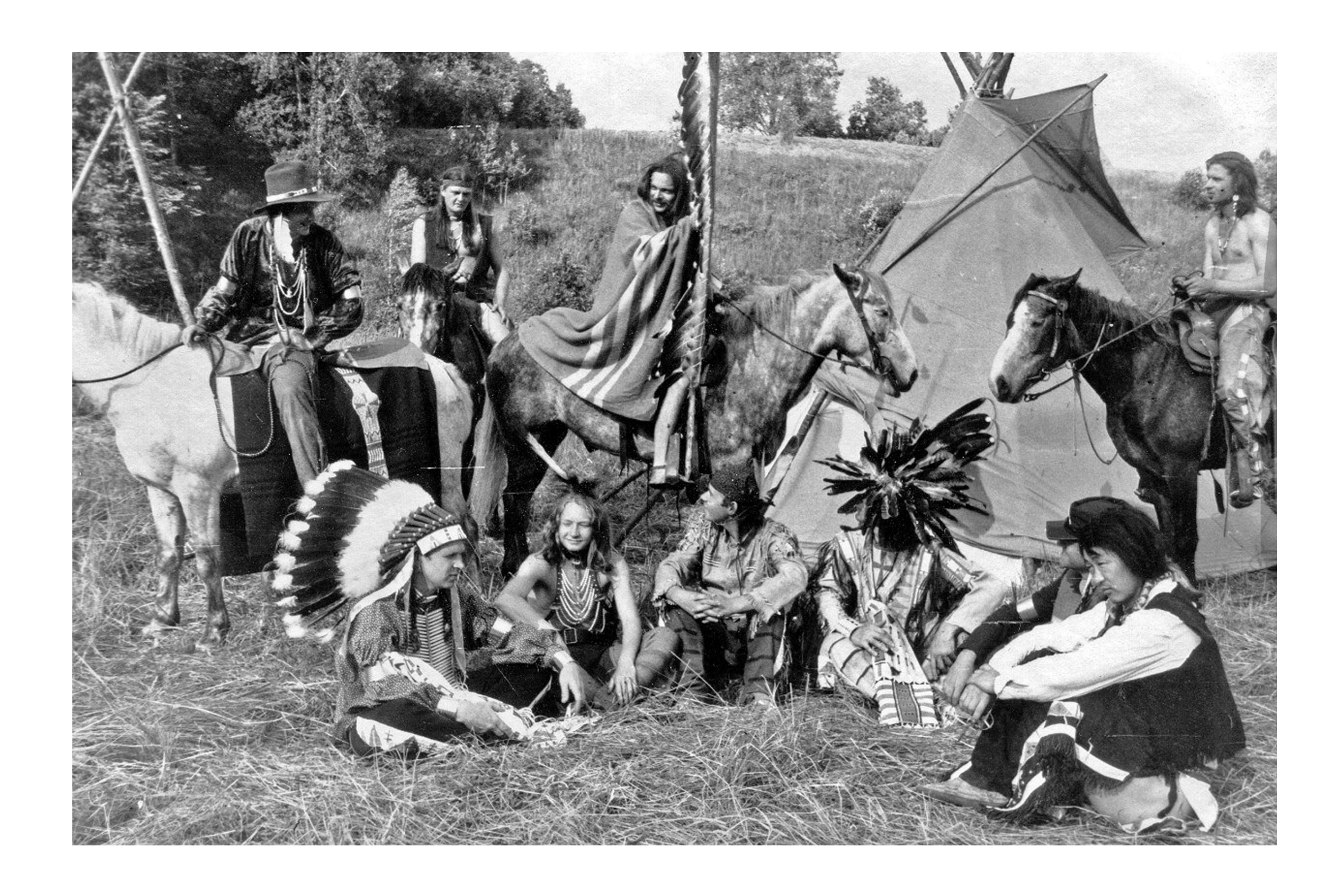
Как реагировали остальные, не помню. Многие, конечно, знали, и многие (не все) суетились вокруг. Даже не помню, кто ещё с нами пел. Помню только Танцующего Лиса и Чайку, которая бегала туда-сюда.

Вот такая история...

Ещё вспоминается одна встреча. Произошла она на моём втором Пау (Петяярви, 1989). Тогда к нам заглянул Николай Внуков. Он был автором книги «Слушайте песню перьев» о судьбе Сат-Ока, о его европейских приключениях в Польше, во время Второй мировой войны. Ну, ничего особого рассказать не могу. Просто я увидел легендарного человека, сфоткался с ним. Не более того. Но было прикольно...

Анатолий Сидоров (Дикий Кот)

Вождь Большой Орёл приезжал с собственным биографом. Он остался доволен нашим движением. Только вот было

плохо ему от того, что лагерь находился в низине. Утренняя свежесть, влажность для него как пытка. Он хотел пожить несколько дней, но сократил своё пребывание. Рано утром он поднялся на холмы и ждал восхода солнца. С восходом ему стало намного лучше. Я с ним не общался. А вот парни которые могли по-английски поговорить разговаривали и с ним, и с биографом Смитом… Что-то ещё добавить к этому не могу.

Ольга Пакунова (Поющая Лань)

Я была на том Пау-Вау. Это было в Толмачёво. Первый человек, с которым вождь стал контактировать, была Ира Лукина. Она ездила в Москву встречать вождя. Я помню, как мы встречали его на перроне. Он вышел из вагона и уже держался возле неё, как за знакомого человека. Они всё время были вместе. Когда ему стало плохо, его повели на гору, кто-то пел ему индейские песни. Ему полегчало, но было принято решение всё-таки везти его в город. И все — Ващенко, Смит и Большой Орёл — приехали почему-то ко мне. Моя мама подружилась с ним, у неё хранилась потом какая-то монета с изображением индейца — подарок Большого Орла. Он в нашей квартире жил, сидел с удовольствием в креслекачалке, мы покупали ему мороженое.

Юрий Котенко (Злой Глаз)
(вопросы и ответы в письмах)

Андрей Ветер: Ты помнишь Пау, когда приезжал Большой Орёл? Ващенко рассказывал мне, что Дед чуть не помер там и что он, Ващенко, жутко перепугался, это ведь он привёз его в стойбище. Привёз без официального разрешения властей, а времена-то были ещё советские. Что случилось с Большим Орлом?

Юрий Котенко: Сердечный приступ — от духоты, усталости и, возможно, от комаров — атмосфера погоды была какая-то тяжеловатая. Деда отволокли на вершину холма, где он нашёл воздух посвежее, отдохнул, и получил живое исполнение индейских песен под барабан — что, как он считал, его и исцелило. В это время Ващенко как раз и думал, что вся история кончится инфарктом со смертельным исходом, и пойдёт он на зону...

Был ещё в лагере чернушник-сектант какой-то на всякий случай его настойчиво попросили на выход, что тоже, как все сочли, пошло всему на пользу. Затем погода наладилась, все очухались с дороги и зажили насыщенной событиями жизнью.

Андрей Ветер: Юра, ты был на толмачёвском Пау, когда туда пригнали лошадей из Питера, а обратно везли их в электричке?

Юрий Котенко: А как же, я даже ездил на тех лошадях. Это был тот же год, когда Ващенко Деда привозил. Там даже рыцарь один был. Самое сильное Пау-Вау времён СССР. Оно же последнее советское.

Лошадей гнали Кроу, Хэнк — точно, Лис и Крэк — очень вероятно. Мы наблюдали эту картину из окна электрички. Мы даже пошутили, что кто-то гонит лошадей на Пау-Вау, а оказалось, что так оно и было. Тогда же приезжала кантри-группа из Москвы — пёрли свои контрабасы и гитары. Тогда же впервые был заказан грузовик для перевоза вещей участников Пау-Вау — зачатки организационного подхода. А лошади оказались цирковыми, передвигались только все вместе, как на арене. Одну сдвинуть с места было практически невозможно. И не умели пить из реки, только из какой-то посуды.

Тогда же был поединок рыцаря (Герцог) и русского витязя Юрия Копнова (Сидящий Бык). Сели на лошадей в железных одеждах и сошлись в рукопашную. Типа исторической реконструкции. Правда, у русского витязя не было сапог, я дал ему свои индейские мокасины — ассинибойнские, высокие... Правда, я позже узнал, что это чисто женский фасон. Зато у него была борода как у Льва Толстого.

Олег Жилинский (Танто)

Толмачёво... Слышал, что скоро в наш лагерь прибудут «наши» верхом на лошадях. Тогда это на меня сильного впечатления не произвело. Ну, лошади и лошади. Хотя, конечно, здорово. У нас, в лагере лошадей ещё не было. Помню, как они вошли в лагерь... Измученные, понурые. Верхом ехали Крэк (Сергей, не помню фамилию), Хозяин (Виктор Морев), Хэнк (Александр Самуилов) Кроу (Дмитрий Кольцов). Лошадей расседлали, пустили паслись. Потом, много лет спустя, я понял, чего им стоил тот переход из Ленинграда в Толмачёво. По-

нял это, когда сам совершил множество конных походов верхом. Говорят, что ребята днём устраивали привал, потому что жара стояла страшная, а ехали вечером и ночью.

Лошади в лагере оживили нашу жизнь. Было сделано много интересных фото и кино кадров. Было интересно и не обычно.

Дальше рассказываю со слов очевидцев… По окончании Пау все разъезжались по домам, а лошадей нужно было вернуть на место. Ещё один такой переход был для животных слишком утомительным. Уж не знаю, кому пришла в голову такая идея, но в Ленинград решили добираться на электричке. С лошадьми! Благо, платформы в этом регионе находятся на одном уровне с уровнем тамбура. Идея, конечно, безумная!..

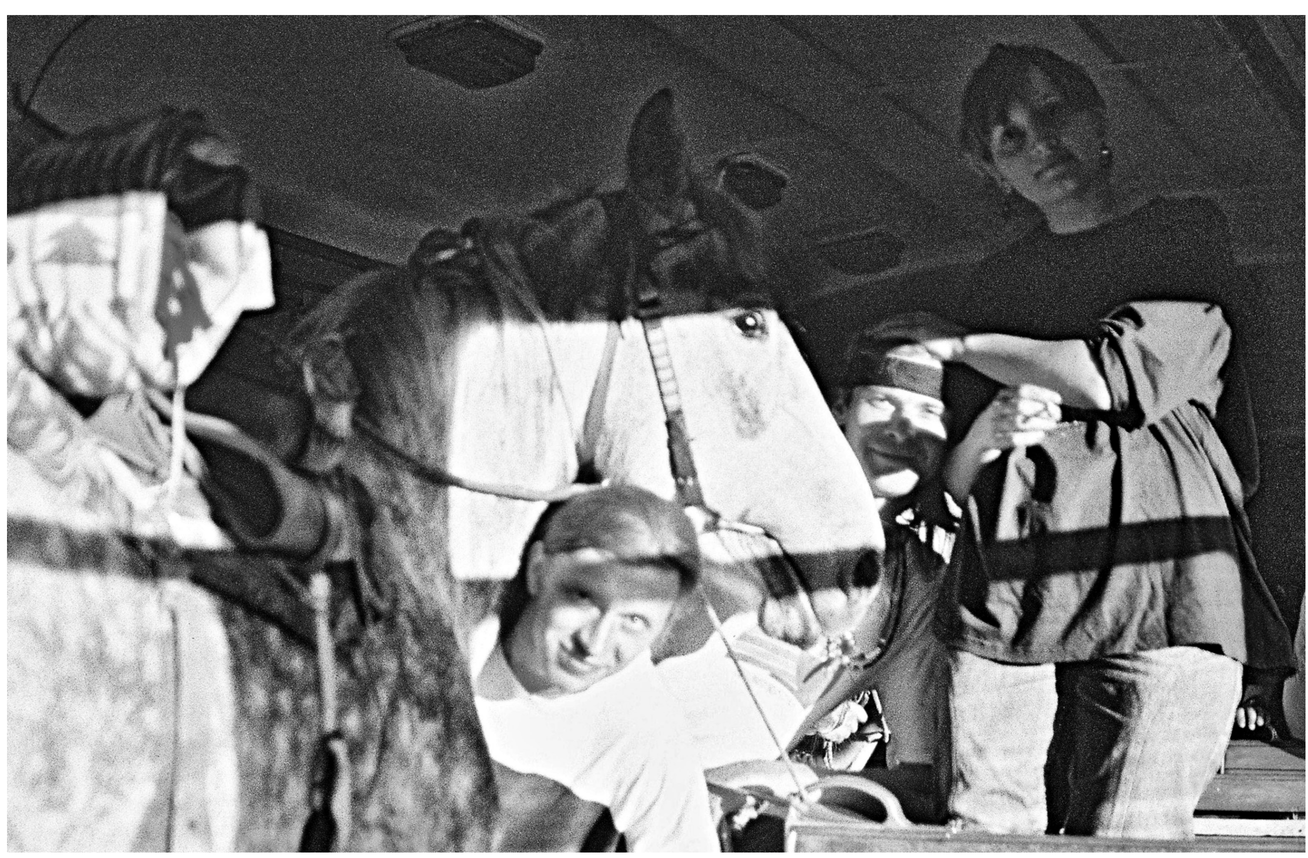
Прибыл электропоезд на станцию Толмачёво. Один из конников, по-моему, Хэнк (Александр Самуилов) подошёл к кабине машинистов и попросил не торопиться с отправлением, т.к. есть четвероногие пассажиры. Тот кивнул, началась погрузка. Кто-то зашёл в вагон и объявил немногочисленным пассажирам, чтобы они покинули вагон, т.к. в него сейчас зайдут лошади. Ну, все покривились, но никто не двинулся. Ситуация понятная. Я бы то же вряд ли дёрнулся. Остался бы просто из любопытства. «Ну, как хотите», — пожал плечами странный человек в шляпе и, повернувшись, скомандовал: «Заводи!» Одна (или две) лошадь зашли в вагон. И одна (или две осталась в тамбуре с обоих концов вагона). Поезд пошёл. На станциях, при подъезде к Ленинграду, двери открывались, пассажиры видели круп лошади в тамбуре и бежали в другой вагон. Наши ковбои ехали с комфортом. А после того, как одна из лошадей навалила кучу прямо в вагоне, все посторонние удрали, и наши погонщики остались одни.

А дальше всё просто. Прибыли в Ленинград, вывели лошадей, добрались до конюшни. Вот такая история. Но не берусь утверждать, что всё происходило в точности так. Это уже превратилось в легенду. И я, хоть и был её современником, но часть легенды слышал от тех, кто являлся её участником, а часть — от тех, кто сам не видел, но слышал рассказы участников. Прошло каких-то двадцать с небольшим лет, и это уже легенда, которая может звучать по-разному из разных уст. Могу легко представить, как меняются истории, которым сто, двести, тысяча лет.

Вадим Сыров

Димка Кроу и ещё кто-то из парней взяли где-то в Питере лошадей на прокат. Где взяли, про то не знаю. Взяли четырёх лошадей и прискакали в Толмачёво. Это примерно 130 км. Это расстояние они преодолели за несколько дней, и одна лошадь, видимо, что-то повредила в ноге и захромала. Эти гордые джигиты туда прискакали, а обратно уже не могли верхом. Во-первых, лошадь хромала (наверное, камень ей в копыто попал, и стало понятно, что назад она не доберётся собственным ходом), во-вторых, сами ребята хорошенько отбили себе задницы и не очень-то хотели обратно ехать верхом.

Привели четырёх лошадей на платформу в Толмачёво. Там стояли какие-то тётки, бабки. Они удивились, увидев нас

с лошадьми: «Вы что, ребятки, лошадей повезёте на электричке?» Мы: «Да». Они: «Ну, ну, ха-ха-ха».

Подъехал поезд, и двое ребят (кажется, Мато Нажин и Рысян) помчались к машинисту: такая, мол, ситуация, надо лошадей срочно отвезти в Питер, а своим ходом они не способны. Тот пожал плечами: «Валяйте, только не наглейте, не везите до Балтийского, сойдите раньше».

И вот четыре лошади зашли в четыре тамбура, то есть заняли по два тамбура в двух вагонах. Тётки, которые смеялись над нами, офигели. Лошади от страха тут же обделались: в тамбуре же всё гремит, копыта скользят...

На следующей остановке началась хохма... Поезд подъезжает, двери открываются, дачники на перроне спешат нырнуть в вагон, а там — лошадиная задница. Они бегом в соседний вагон, а там тоже круп лошади. Они бегут в следующую дверь, там опять лошадь всё перегораживает. Но кое-как народ просачивается в поезд — всем же надо...

Был там один мужичонка с велосипедом. Я ему: «Мужик, ты куда? Не влезешь!» Он в ответ: «Ничего, ребятки, я лошадку придержу». И он умудрился-таки встать между лошадью и стеной и упирался в круп лошади обеими руками. Поезд тронулся, лошадку качнуло, мужика поначалу придавило, но он справился. Была ещё бабулька. Она увидела, что лошадь навалила кучу, и кричит: «Это хорошо, навозик мне как раз для удобрения пойдёт», и давай загружать навоз в полиэтиленовый мешок. Лошади, намаявшись в тамбуре, пробились в вагон и там налили ещё лужу...

Пассажиры очумевали, но никто не вызвал ментов, и таким манером мы доехали до платформы «Аэропорт». Там парни вывели лошадей, а мы поехали дальше...

Алексей Кучменёв (Рысян)

В 1991, перед самим Пау, было решено привезти лошадей под посёлок Толмачёво, где на поляне размещался наш лагерь. Дима Кроу, Хозяин, Хэнк и Крег вызвались совершить рейд из Ленинграда аж до самого места. Сказано — сделано, и они отправились верхом от станции метро «Звёздная» глубокой ночью... Первый день они прошли около семидесяти километров и заночевали у реки, на следующий же день они доскакали до станции «Мшинская», и, заночевав у Хозяина на даче, рано утром прибыли в лагерь. Лошадей определили на поляне, где раньше был старый покос. Почти вплотную к самим типи. Такое соседство было воспринято населением лагеря на ура, и все дни народ катался, устраивал фотосессии и наслаждался видом почти индейского становища... Лошадки развлекались по-своему: когда, наконец, лагерь затихал, они принимались бродить меж типи, ломая клапанные шесты со всеми вытекающими из этого последствиями.

Но всё когда-то заканчивается, и настало время возвращаться в города. Тогда-то и обнаружилось, что у одной кобылы повреждена нога, а у пары других сбиты холки. Мы собрали пожитки и повели в поводу лошадей на станцию. По пути решался вопрос — как довезти лошадей обратно без потерь. Хоть на электричке их вези — такая идея витала в воздухе... А почему нет, решил я,

и тогда Мато, Кроу и остальная инициативная группа разработала план…

Когда почти пустая электричка из Луги подошла к перрону, мы с Мато уже стояли у головного поезда… Я быстро обратился к машинисту, молодому парню, и задвинул ему такую телегу: «Вот у нас проблема. Из Штатов приехало знаменитое шоу Бенни Хилла с породистыми и страшно дорогими лошадьми, но в пути лошадки сильно пострадали. Необходимо срочно отвезти их в Питер на лечение! И только ваша помощь способна предотвратить международный конфликт». (Мато в «стетсоне» молча и весомо изображал этого самого Бенни Хилла, и лишь солидно кивал головой). Машинист, раскрыв рот, тоже мотал балдой и глупо улыбался. Добро он дал, и мы не мешкая завели двойку в один вагон (Крек, Хэнк, Ольга, Алиса, я и др.), а двух других в соседний завели Мато, Кроу, Вадим и остальные.

В нашем вагоне сидело несколько пассажиров, в скором времени быстренько ретировавшихся при виде такого чуда. Осталась только одна бабулька и дед, упорно делавших вид, будто ничего такого и не происходит. Поезд тронулся, лошадки встали, было, на дыбы, но быстро были успокоены. Подъезжая к очередной станции, лошади начинали волноваться, поливая пол пенными струями. По проходу гуляла мутная волна, в тамбуре лежала куча «конских яблок». Аромат неубранной конюшни катился по вагону. На перроне «Мшинской» огромная толпа дачников ожидала заветной электрички, и эта электричка подошла — с двумя пустыми вагонами. Ну, не совсем пустыми, как потом оказалось. Давя друг друга, толпа ринулась к открытым дверям, где их ждала огромная куча дерьма. Ахнув, толпа рванула назад — смельчаков среди них не оказалось. Дед и бабка, доселе мирно сидевшие верхом на скамейках как куры, вдруг проявили невиданную прыть — перескакивая спинки сидений, они ломанулись к выходу… Хэнк проявлял галантность, протягивая руку помощи бабуле, но она была уже далеко… В соседнем тамбуре смутно белели укоризненные лица дачников, но никто не решился кинуть хотя бы реплику.

Так мы и ехали два часа, и, немного не доезжая до города, парни вывели лошадей. Вот так мы и довезли всех кобыл в целости до конюшни…

Тимофей Уланов (Военный Головной Убор)

Мне было почти двадцать восемь лет, когда я наткнулся на статейку Юры Котенко в «Комсомольской правде». Наверное, многие прочитали ту заметку, там ещё была фотография Юры с маленьким сыном. Я написал в газету, и примерно через месяц Юра мне ответил: «Да, мы индеанисты, мы существуем, ты не один». Я жил в Якутске в то время. Сразу начал думать о «племенной принадлежности», потому что решил, что каждый индеанист принадлежит к какому-то племени. Моя душа тянулась почему-то к Шайенам. Юра сразу познакомил меня с ребятами — Кокоревым Володей и Пашей Васильевым, мы с ними списались Примерно тогда и образовалось небольшое «шайенское общество». Меня приглашали к себе, но не мог приехать сразу, поэтому расспрашивал их в письмах. В то время активная переписка шла

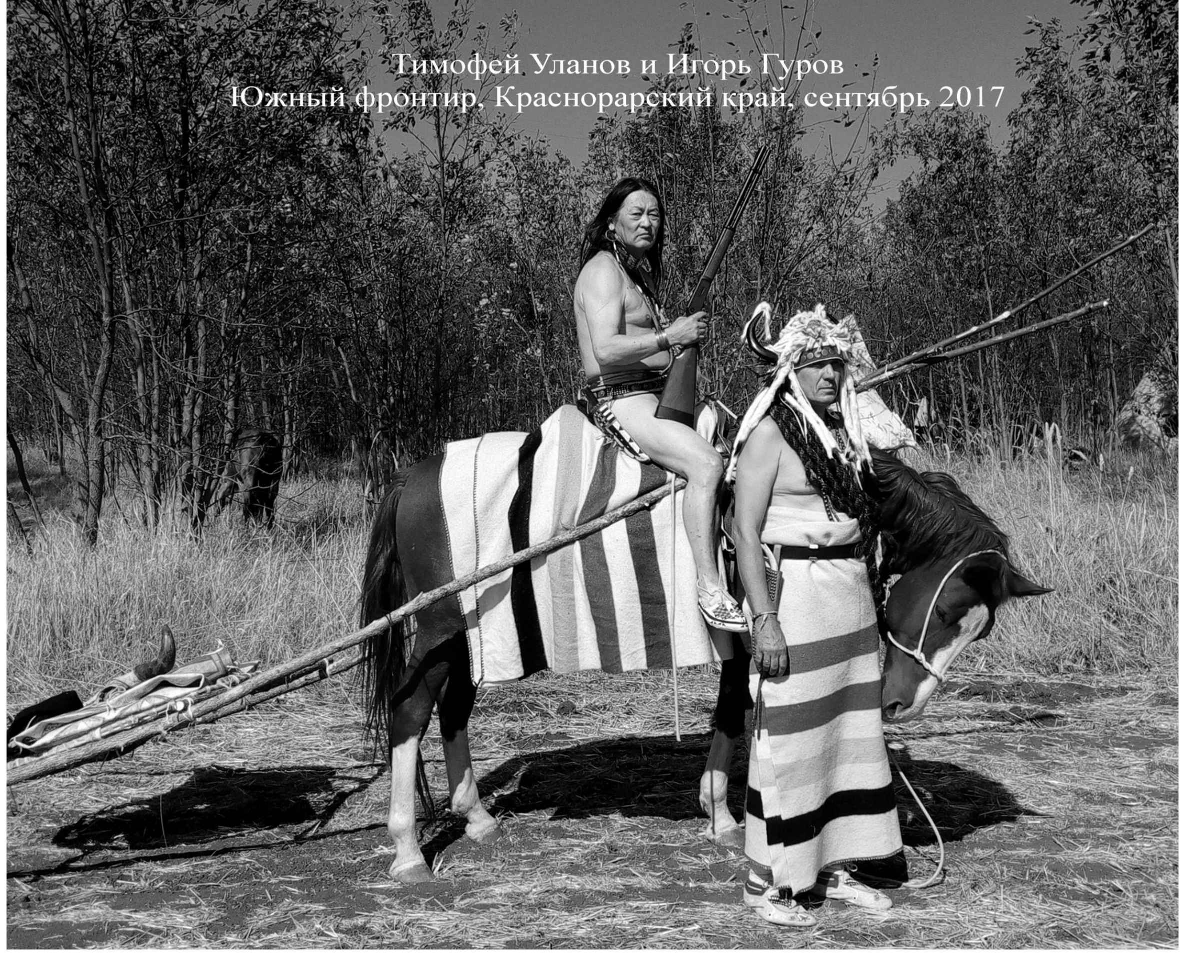
Тимофей Уланов в 1993 и 2018 годах

между всеми. Наверное, про общение индеанистов посредством писем можно рассказать отдельную историю.

В то время я работал сварщиком в Якутске. Нам выдавали штаны из коричневой кожи, и я из той кожи много всякого смастерил. Кроил, шил. Раздобыл бисер, сшил красивую ленту, мокасины, жилетку. Поскольку у нас много лошадей в Якутии, мне удалось сделать парик из конского волоса. В общем, на Пау в 1990 году я приехал не пустой. Народу на том Пау-Вау собралось очень много, но у меня уже были знакомые, почти соплеменники. Я смог приехать всего на три дня, с работы нельзя было отлучиться на подольше. На самолёте туда и обратно. Это был мой первый приезд в Питер. Впечатлений много. После этого стал ездить на Пау регулярно…

На толмачёвском Пау я познакомился с Большим Орлом, индейским вождём, прилетевшим к нам из Америки. Он, наверное, впервые увидел сибирского человека. Многие индейцы не согласны с теорией, согласно которой их далёкие предки вышли из Сибири, но Большой Орёл согласен с этой теорией. Может, поэтому он отнёсся ко мне по-особенному. Он подарил мне курительную трубку. Та трубка — предмет моей гордости. Настоящая индейская трубка! Думаю, что ни у кого не было в те дни такой трубки из катлинита. Она была завёрнута в белую кожу. Вождь вкратце объяснил, как пользоваться ею, дал наставления. Позже эта трубка сильно забилась, прочистить чубук не получалось, курить её стало невозможно. Поэтому я аккуратно рас-

Юля Лисова, Виктор Морев, Дима Кроу, Алекс Кучменёв, 1991

Тимофей Уланов и Игорь Гуров
Южный фронтир, Краснорарский край, сентябрь 2017

щепил тот чубук, вычистил его, склеил заново. Я к трубке трепетно отношусь, она священна для меня. Возможно, нельзя было чистить её таким образом. И последствия не заставили себя ждать. Сначала жена заболела, попала в реанимацию — сложная операция. А дальше — мой черёд: случился конфликт на работе, меня ударили ножом...

Игорь Гуров (Мато Сапа)

О Пау-Вау говорить сегодня и сложно и просто! Самыми первыми достаточно достоверными материалами по вещам: изготовлению, концепции и ремеслу, была огромная пачка ксерокопий, которую я получил от Питера Гиббса (Куратора Американской Коллекции Британского Музея), участника Sacred Run 1990 года. С ним я познакомился в Твери, куда бегуны добрались на свою конечную точку бега в России, после Ленинграда и Москвы. Он был первым реальным танцором, у кого я рассмотрел и регалии. Я и Танто общались с ним в течение почти двух дней. Я ему и его лакотской семье (жене и трём дочкам) помогал ознакомится с некоторыми магазинами Москвы (кажется, в ЦУМ водил). Они там покупали сувениры. Вернувшись домой, он отправил мне ту пачку ксероксов. Я её отдал для копирования Лису, после чего и появились у нас в ходу более-менее правильные регалии, бастлы и т. п.

Уже когда я начал интенсивно ездить работать в Германию, то познакомился там с хоббистами из Потсдама (кстати, сегодня они заправляют Indian Week в восточной Германии). Тогда, в год 1000-летия Потсдама, там полно было туристов, проводились всякие мероприятия. Хоббисты представляли в парке индейскую деревню, и там же выступал Брайан Акипа Дакота, флейтист и танцор. Его выступление было записано на видео, и мы, помимо этого, позже встретились в частном порядке и пообщались. Я уже с этого видео снимал движения танца. Через восточных индеанистов (хоббистов) вышел на западных — группу Red Roud Singers, первых, кто организовал 1 международное Пау-Вау в районе Кёльна в 1999 году. Кстати, именно на Индиан Вик 1988 года я впервые танцевал с индейцами из Канады и, собственно, набирался правильных движений и совершенствовал свою пластику танца. В течение нескольких последующих лет, приезжая в Германию (на запад), я постоянно участвовал в различных немецких Пау и каждый раз, проезжая через Москву, привозил всякие новые видео — как хоббистские, так и индейские, которых у нас ещё было очень мало.

Конечно же, участвуя в западных Пау, я попадал на более высокий уровень исполнения, как музыки, так и организации. Наши Пау были (да и есть) всё же слабее. Тем не менее, желание участвовать, делиться и соревноваться было всегда. Но опять же скажу, несмотря на то, что мы в России начали раньше стилистику современных Пау-Вау, западные, даже польские опередили нас качественно. Я не удивлён, что семья Котенко мотается туда ежегодно. Потому что именно там есть дух и возможность ощутить, что такое современное Пау-Вау. Я же, особенно после двух лет поездок в Штаты, жизни в резервации и участия в их Пау-Вау (как простой танцор,

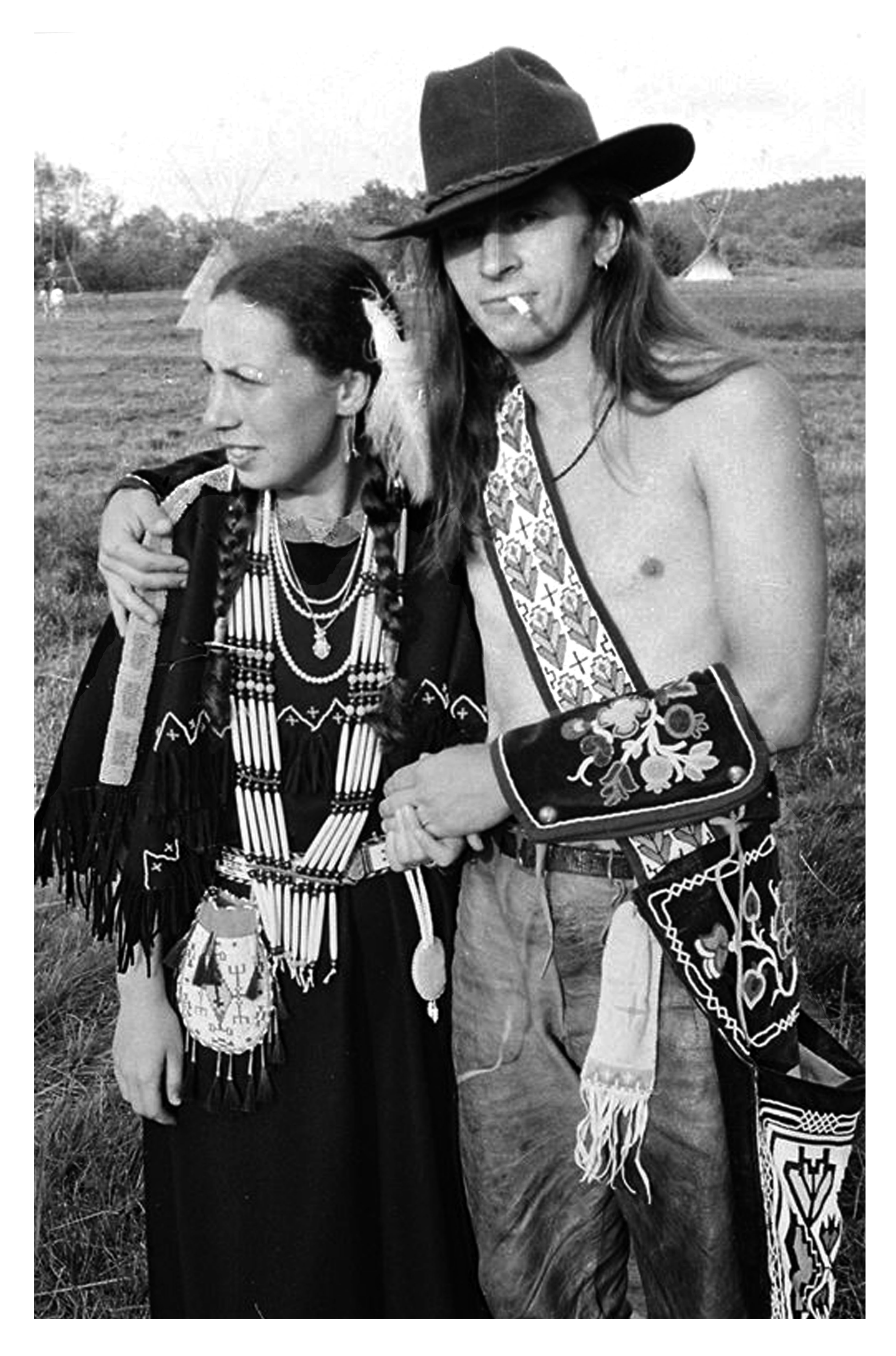
не контест), совсем остыл к нашим (что очень жаль).

И несколько слов про наш «Южный Фронтир». Я, как и все мы, всегда с огромным желанием и удовольствием приезжаю в Питер на Пау, просто с течение времени там стало чего-то не хватать мне. Старики подостыли, а многих уже и нет. Расстояния для меня тоже не малое 2500 км — это и деньги, и время, как ни крути. Как я уже сказал, современная стилистика Пау уже не устраивает меня, а участвовать в том, что когда-то было центральной частью, уже неинтересно. И больше ничего не происходит. Многие пеняют на пьянки, но я не вижу в этом проблемы для себя (я не подвержен этому). Проблема — в отсутствии интереса к индейцам!!! Нарядиться для фото — это одно, а вот в повседневности этой жизни нет. Видимо, это и привело к давно вызревавшей идее своего проекта. Многие годы я был тут, в Краснодаре, один. То есть индеанисты разного уровня интереса, есть, но именно сподвижников рядом нету. Только благодаря Ивану (который моложе лет на двенадцать и не бывший до нашего знакомства в 2000 году индеанистом), удалось реализовать эту идею. Он тоже долго шёл к индейству. Человек очень увлекающийся и творческий, он сначала собрал достаточно большую и дорогую коллекцию вещей (с моей помощью). Кроме того, много практичных вещей сделал сам. От выделки кожи индейским методом до метода работы с лошадью (по методикам Люраши и американцев — без насилия). Вот когда идея была озвучена он сказал: «Да, мы всё сможем сделать». Вот за спиной уже четыре года успешного проведения. Мы заняты с утра до ночи интересными делами, так или иначе относящимися к индейским практикам. КОНЕЧНО ЖЕ, ЭТО НЕ ЗАМЕНЯЕТ МНЕ Питера, с его неповторимой атмосферой, его духом, но компенсирует потребность.

Алексей Кучменёв (Рысян)

С Мато Сапой мы познакомились в 1983-м, на Пау-Вау в Холмах. Это был мой первый Пау, т. к. Большой Совет в 1980-ом я не смог посетить — служил в это время в армии. А в 1982 году я не смог приехать по ряду причин (это первый Пау-Вау), а вот Сапа, говорят, тогда приехал в костюме-двойке и с дипломатом. На второй Пау-Вау он уже был экипирован как надо. В то время за год умудрялись сделать правильный индейский дресскод. Я же смог приехать только на одни сутки, т.к. жена лежала в роддоме на сохранении. Конечно, лагерь меня тогда приятно удивил — стояли типи, парни и девчонки были одеты в индейское, танцы и песни, поход в близлежащий пионер-лагерь с культурной программой, индейская свадьба Пера и Веры Павловой. Я остановился у Овасеса в типи, там же жил и Мато Сапа. Мы как-то сразу нашли общий язык с ним и провели всю ночь у костра в разговорах, а утром мне уже надо было ехать. И вот уже 35 лет продолжается наш с ним разговор, и конца ему пока не наблюдается…

Юрий Котенко (Злой Глаз)

(вопросы и ответы в письмах)

Андрей Ветер: Какое принципиальное различие между российскими Пау от европейскими? Можешь объяснить, чем они отличаются?

Юрий Котенко: В принципе ничем, кроме гораздо меньшего количества людей у нас и качества организации. В Европе Пау-Вау — типично танцевальное мероприятие, чаще всего конкурс (контест). Прочие лагеря — если они на природе называют иначе — кто как придумает — кэмп, рандеву, такини, «какие-то» дни, неделя и прочее. У нас по привычке называют (но всё реже, правда) словом «Пау-Вау» любой выезд или выход или сбор на индейскую тему. В Европе людей больше и, соответственно, больше разных форматов. У нас же есть зимнее и летнее Пау-Вау плюс один-два «фронтира» (стало приживаться это название) — лагеря на природе, без левых участников, без друзей и т. п. — чисто на историческую тему, реконструкции, максимальное погружение в эпоху. В 1980-е разница была в основном в количестве народа и качестве исходных материалов для изготовления инд. вещей.

Андрей Ветер: Что ты думаешь о традиционных индейских ритуалах на наших Пау-Вау? Они органичны? Например, инипи... Или это всё-таки больше игра в церемонии и «священность»?

Юрий Котенко: Последнее время это сведено к минимуму. Раньше было что-то всерьёз, что-то просто как интерес, попытка понять... может быть в какой-то степени игра... Особенно поначалу. Сейчас всё это больше осознаётся и переваривается и отношение гораздо серьёзней. Чего-то на мой взгляд лучше вообще не касаться.

Елена Белостоцкая (Одна Звезда)

Первый выезд на Пау-Вау для каждого из нас, я думаю, одно из самых ярких впечатлений. Какие-то моменты за давностью лет стираются из памяти, но первый выход на поляну Пау-Вау незабываем.

Дорога до лагеря в Толмачёво никогда не была для меня лёгкой, а если учесть огромный рюкзак за плечами, который сейчас я не осилила бы, а также отсутствие обременения в виде активного туристического прошлого, то и вовсе воспринималась тяжело. Но тогда, в первый раз, волнение пересиливало все прочие ощущения. Мне кажется, что в лагерь мы входили в тот день со стороны реки, а не с холма, как в последующие годы. И вот тёмная, с торфяной водой река, тропа сквозь высокую траву и появляющиеся типи — одно, другое, много! А ведь до этого ты видел их только на картинках, да в мечтах, и, вдруг — НАСТОЯЩИЕ!!! И запах летнего, распаренного разнотравья и дыма. Приветливые и доброжелательные, весёлые люди. Некоторых уже знаешь, со многими тут же при встрече знакомишься. Стесняешься, но всё равно понимаешь — свои. И волнительно, и чуть страшно, и радостно. Романтика книг одним мигом становится реальностью и ловишь себя на понимании, что пусть ты и не в настоящем мире Дикого Запада, но где-то очень и очень близко, что всё

вокруг и ты сейчас часть чего-то особенного, чему нет места в обычной жизни. А дальше освоение этого нового мира с его правилами, которые ты знал и узнаёшь, интереснейшим общением, со всеми «аутентичностями» и неудобствами, красотой, романтикой и прозой.

Первое Пау-Вау это всегда открытие. Открытие, как постоянное знакомство с чем-то новым — бытом, о котором ты только читал, представлял себе, а тут практикуешь. Подготовка шестов, установка и обустройство типи, готовка на огне, заготовка хвороста и дров. Конечно, это лишь крохотная часть того, чем жили индейцы, но и это для городской девчонки невероятно крутое переживание, особенно когда это твой первый подобный опыт. Учишься, стараешься, и тебя по-дружески поддерживают, как молодого необстрелянного солдата направляют и по-доброму подшучивают, иногда вгоняя в смущение. Но открытие, это ещё и Открытие Праздника — Большой Выход, когда все надевают традиционную одежду, а никак не «индейский костюм» (так никто не скажет), и ты первый раз становишься частью по-настоящему сильного действа. На тот момент, когда я первый раз приехала на Пау-Вау (1993 год), Открытие Пау-Вау проводилось, может быть, с «процессуальными огрехами», но на таком душевном подъёме, и с такой искренностью, что эмоциональный заряд от участия в нём не иссякал до следующего года, давал силы и вдохновение для поиска новой информации (интернета и «о́кей, гугл» тогда у нас не было), её перевода и практического воплощения в виде изготовленной своими руками вещи или подготовленного танца. И вот я помню, что Открытию предшествовали долгие сборы и подготовка — готовили площадку для танцев, барабан, готовились певцы и танцоры — помню волнительную суету и переживания, что вот-вот пойдёт дождь. Вокруг множества типи, больших и не очень, расписанных в традиционном стиле и просто брезентовых и парусиновых, собирались люди, преображаясь на глазах. Я сама переоделась в традиционное платье — как же комфортно в нём, как всё по душе! Чувство, что ты — это ты, что всё это по тебе, что попал туда, куда давно надо было, но возраст не позволял. И ты не зритель! А потом особое живое пение, Выход, танцы, в которых ты участвуешь (делаешь, что знаешь, умеешь и ещё обучаешься на ходу), красота и непередаваемое чувство сопричастности. Помню момент общей радости, когда во время Кругового танца, сквозь, казалось бы, сплошную облачность проглянуло солнце, а ещё через минут пятнадцать небо невероятным образом очистилось. Такое и на других Пау случалось потом не раз, но не переставало удивлять.

Многие подробности ушли, забылись, но ощущения живы до сих пор. Когда ты только что сидела у огня в типи друзей, в замечательном настроении выходишь, чтобы отправиться к себе, всё ещё слышишь весёлые разговоры и смех, в которых только что участвовала, немного отходишь и оборачиваешься, а перед тобой типи, невероятно красиво подсвеченное изнутри тёплым мерцающим светом, а позади силуэт леса и Луна. И уже лёг ночной туман, но темнеет не сильно и совсем ненадолго, сырость и свежесть смешиваются с запахом земли и леса, с дымом очагов. Зябко, но спасает шерстяное одеяло

Толмачёво, 1993

на плечах, и ноги сырые от обильной росы, и хочется опять, скорее, в тепло к огню, но не уходишь, а стараешься насмотреться и лучше запомнить всё это. Да, я понимаю, что во многом романтизирую и идеализирую Пау Вау, но для меня оно таким было в первый мой год там (уже 25 лет назад), есть и будет, надеюсь, ещё не раз.

Для меня очень дорого и важно, что на первом своём Пау я обрела самое главное — друзей на долгие годы, отношения с которыми проверены и временем, и расстояниями, и жизненными событиями. И уже только из-за этого стоило там побывать!

Андрей Нефёдов (Ветер)

Я не собирался ехать на Пау в 1997 году, потому что после моего ухода с государственного телевидения начались судорожные поиски заработка. Случай свёл меня с программой «Репортёр», которой руководил Михаил Дегтярь. Посмотрев мои «Пророчества, которые сбываются», он заинтересовался этой темой и предложил мне сделать

сюжет об индеанистах. А тут как раз поспело время для Пау-Вау в Каннельярви, в так называемых Холмах.

Мы поехали втроём: журналист Александр Шумилин, оператор Владимир Бадиков и я в роли режиссёра. С вокзала мы направились на квартиру к Танцующему Лису (Дмитрию Сергееву), оттуда последовали на служебном микроавтобусе за машиной индеанистов. Ближе к месту назначения стали появляться красные флажки, указывавшие путь к стойбищу. Жгло яркое солнце, от песка поднималась пыль, мои спутники с нетерпением ждали встречи с «неведомым»...

Внезапно перед нами открылось плато, на нём, словно на театральной сцене, украшенной в некоторых местах низкорослыми елями, стояли конусовидные индейские жилища. Их было ещё мало, участники Пау только-только начали ставить их. Помню, что общая картина произвела на меня впечатление какого-то лунного пейзажа, хотя ничего лунного там не было — просто ровное плато и нависшее над ним пронзительно-голубое небо.

Мы быстро выгрузили наши рюкзаки и телевизионную аппаратуру. Микроавтобус поехал прочь, но увяз в песке. Я добежал до ближайшего типи, увидел там Танто и попросил его кликнуть кого-нибудь, чтобы вытолкнуть машину на укатанную дорогу. Человек пять-шесть тут же побежали к микроавтобусу, раскачали его и выкатили из песка.

В лагере я услышал краем уха, что между организаторами Пау произошло какое-то недопонимание в согласовании места проведения Пау, поэтому в те же дни кто-то проводил другое Пау на прежнем месте, в Толмачёво. Слышались нотки недоумения, но шума по этому поводу никто не поднимал, никаких обвинений, никаких ссор. Просто кто-то не приехал в Холмы по какой-то причине и разбил лагерь на берегу Ящеры. Я не подозревал, что начался раскол Движения.

Но всё же атмосфера была чем-то отравлена. Витало в воздухе что-то вроде враждебности. В первый же день меня вызвали «на беседу» два человека. Одного я знал давно, а второго видел впервые (их имён не желаю называть). Разговор начался с непонятных упрёков в мой адрес, мол, я продал кому-то кадры со священными церемониями и т. д. «Ты должен отвечать за свои действия», — строго, словно он был моим начальником, сказал один из них, играя роль принципиального судьи. «За какие действия? Если вам что-то не нравится, говорите прямо. В чём моя вина? Какие плёнки я продал и кому?» — «Мы не знаем, но нам так сказали». — «Кто сказал? Что именно сказали?» Они пожали печами. «Вот когда у вас будет что-то конкретное, тогда и приходите с упрёками», — ответил я и пошёл к моей съёмочной группе. «Тебя пригласил Лис, — крикнули мне вслед. — Мы с него спросим, если ты что-то покажешь неправильно»... Такой приём не радовал, особенно если учесть, что меня не на общий совет пригласили, а вызвали «побазарить» в уголке. Не по-мужски это выглядело. Так себя ведёт дворовая шпана, с повадками которой я хорошо знаком по интернатской жизни.

В 2000 году телекомпания НТВ показала «неправильный» сюжет про индеанистов, снятый там же, в Холмах. Я слышал много возмущённых голосов, но никто не вызвал тех нерадивых теле-

визионщиков на ковёр, никто не потребовал их ответить за ложь...

Ситуация, когда два индеаниста сочли возможным пригрозить мне, была нелепой. Но люди есть люди, некоторых отличает наглость, некоторых — глупость, некоторых — ущербность. Тем двоим просто хотелось командовать. Они возомнили себя вождями.

Ещё через некоторое время к нашей съёмочной группе подошёл решительным шагом Волк — коренастый, бритоголовый, загорелый. Без предисловий он сказал: «Если вы мою собаку заснимете, я расколочу вашу телекамеру. Это священная собака». И ушёл, оставив нас в недоумении.

Чуть позже я решил поговорить с Волком. В подарок ему взял упаковку табака. Вручил табак и завёл разговор о том, что хотелось бы услышать его авторитетное мнение о жизни лагеря и т.д и т. п. Пока я говорил, Саша Шумилин прицепил Волку микрофон-петличку, и мой дружеский трёп «за жизнь» плавно перешёл в интервью для «Репортёра». Когда мы закончили, настроение у всех было хорошее. Волк улыбнулся и сказал: «Надо же! Вот ведь профессиональная работа! Раз — и незаметно раскрутили меня на интервью»... Кстати, все взятые нами интервью получились удачными. Все с удовольствием садились перед телекамерой, разговаривали, делились своими впечатлениями, никто не прятался, не избегал нас...

И забавное случалось...

То ли в первый, то ли во второй день я услышал звонкий женский голос: «Что? Сюда приехал Нефёдов? А ну-ка я сейчас повидаюсь с ним. Дайте мне чёрные очки! Где он?»... Я сразу догадался, что это Ольга Пакунова. Она остановилась передо мной, скрестив руки на груди. Не помню, как она была одета, но на её носу сидели чёрные очки. Наверное, она сказала мне что-то про солнцезащитные стёкла. Наверное, наполнила свою речь иронией. Мне показалось, что она готова была расхохотаться над своей выходкой... Дело в том, что этим «демаршем» Ольга как бы ставила заключительную точку в нашем недолгом противостоянии на страницах журнала «Иктоми», где я опубликовал мои впечатления о толмачёвском Пау 1995 года. В то лето все смотрели фильм «Громовое Сердце». Прекрасный фильм, пронизанный сильнейшим чувством любви и боли. Фильм о современной индейской резервации. Это моя любимая кинокартина о противостоянии нынешних индейцев давлению государства и всему, что связано с государством — коррупции, лжи, интригам, подлости, убийствами. В фильме уделялось много внимания солнцезащитным очкам (так требовала сюжетная линия). На Пау-Вау 1995 года ребята, приготовившись к танцевальной программе, почти все нацепили на себя чёрные очки. Я сделал вывод, что они все копировали фильм[1]. Мне это никак

[1] Позже Игорь Гуров (Мато Сапа) написал мне: «Ну, это просто так было тобой воспринято. По крайней мере, с моей стороны это никак не было связано с фильмом. У меня на то время, когда я собрал полный танцевальный наряд в современном Традиционном стиле, появился первый американский альбом про Пау-Вау, где и были ребята в солнечных очках. Это была характерная черта именно современных Пау. Стиль который мне очень нравился и которому я следовал. Я уже тогда после поездок в Германию и участия в разных хоббистских тусовках разделил Олд Стайл и Современный. У них тогда ещё не был так развит Пау-Вау современного типа. Они всё больше играли в девятнадца-

не мешало, но я всё-таки выразил удивление в опубликованной заметке, мол, откуда такая страсть к подражательству. Ольга ответила мне своей статьёй. На том «топор войны» был зарыт. Но, узнав, что я приехал в Холмы, она пришла «поздороваться» в чёрных очках. Я оценил юмор…

Наша съёмочная группа успешно поработала в Холмах. Мы взяли хорошие интервью, засняли самые важные эпизоды Пау. Оператор даже успел запечатлеть, как кто-то из подростков обнаружил змеиное гнездо, убил гадюку, содрал с неё кожу, зажарил змею и съел. Мне казалось, что это будет лишним в программе, но продюсер велел показать и это, так что и этот материал пошёл в работу.

В Питере наш крохотный телевизионный коллектив, ожидая своего поезда, провёл часок в каком-то пивном баре на Невском проспекте. Ребята были довольны командировкой: «Отдохнули на славу! Впечатления колоссальные! Спасибо»… Они смотрели на Пау сторонними глазами, их не интересовали внутренние конфликты индеанистов. Им повезло окунуться в атмосферу неведомого им мира, красивого мира, эффектного мира. И увиденный мир понравился им.

Михаил Иванченко (Бизон)

В лагерь Пау-Вау под Толмачёво вели две дороги — одна короткая, вдоль реки, другая длинная — по холмам. В первые два-три года, когда Пау-Вау проводили в Толмачёве, основная масса народу предпочитала добираться до лагеря именно по длинной дороге. Дело тут было не только в том, что там был подъезд, и машины в сухую погоду имели шанс 50 на 50 добраться до лагеря, не оставив глушитель и не застряв на ночлег в тракторной колее. Популярностью более длинная дорога пользовалась потому, что в конце пути утомлённому путнику открывался с холма вид на весь лагерь — сорок или пятьдесят типи, величественно вытянувшихся вдоль болота в пелене тумана или дыма костров. Поглядев с высоты на всё это безобразие, угадав в фигурках людей своих друзей и знакомых (а друзья и знакомые в этот момент тоже угадывали — кто это там вверху) вдвойне приятно было вновь вернуться в родную деревню.

Даже когда надо было идти в магазин на станции, проделав путь до него по короткой дороге, всё равно возвращались по длинной — не все, конечно, а наиболее романтично настроенные. Хотя таких у нас было большинство.

Как-то раз, году эдак в 1997-м, если не ошибаюсь, у организаторов Пау-Вау вышел спор — где ставить лагерь. Мато Нажин был за Толмачёво (злые языки утверждают, что из-за того, что в Новосибирске, откуда он родом, так называется аэропорт), а остальные — за Каннельярви — холмистую песчаную местность на Карельском перешейке, выгодно отличающуюся от Толмачёво климатическими условиями — отсутствием каких бы то ни было болот, меньшим количеством комаров и близостью к местам первых Пау-Вау в Холмах.

Спор закончился тем, что Мато Нажин, Рысян и Блуждающий Дух (можете

тый век».

поверить, что когда-то это были совсем не три разных человека, а одна тёплая компания?) поставили лагерь в Толмачёве, а всё остальное Пау уехало в Холмы.

Роль личности в истории Пау-Вау у нас и сейчас-то никто не отменял, а раньше Пау вообще невозможно было представить, скажем, без Мато Нажина. Поэтому многие ориентировались не на мнение большинства, а на то, что скажет, например, Мато Нажин, или что скажет Дух. Пока они говорили примерно одно и то же, проблем не было никаких, до того, покуда вождям не надоедало хоровое пение и не появлялась страсть к сольным выступлениям.

Страсть эта появлялась у вождей время от времени, и чтобы иногородним участникам узнать, где же будет проходить Пау-Вау, имело резон звонить по междугородке не кому-нибудь одному, а по трём-четырём телефонам, и за умеренную абонентскую плату узнавать последние дворцовые интриги, потому что порой непонятно было, куда же всё-таки ехать. Хотя и этот метод срабатывал не всегда. Позвонив по трём телефонам (Духу, Рысяну и Ловцу, у которого на беду был в этот момент в гостях Мато Нажин), я получил три одинаковых ответа на вопрос, куда же ехать. В Толмачёве.

И вот настал торжественный день, когда, преодолев на поезде расстояние в полторы тысячи километров и пройдя оставшиеся пять пешком с тяжёлым рюкзаком, я пошёл традиционно длинной дорогой, чтобы в конце пути бросить взгляд на родную деревню практически с высоты орлиного полёта (некоторые орлы летают не так уж высоко, как об этом принято думать). Вот и холм с одиноко стоящим деревом, украшенным прошлогодними красными ленточками…

Вдоль пересохшего болотца, посреди, заросшей высокой травой, поляны стояло одинокое типи. Любоваться было не на что, поэтому я поспешил вниз — скорее узнать, какая беда приключилась с родной деревней и куда все подевались. В типи сидел злой как собака Безумный Волк из Ростова, он приехал сюда вместе с Маленьким Ястребом тоже по чьей-то неправильной наводке. Ястреб в этот момент отлучился куда-то по делам, и Волк излил мне душу: «Он мне говорил, — рассказывал Безумный Волк о Ястребе, — пойдём по длинной дороге, там потом можно будет подняться на холм, и увидишь весь лагерь. Зрелище реально „вставляет“. Мы и попёрлись с рюкзаками. Зрелище реально „вставило“»!

Мато Нажин, Рысян и Блуждающий Дух подъехали днём позже. И, несмотря на то, что лагерь был маленький, они всё-таки провели полноценный Пау-Вау. Настолько, насколько он может быть полноценным, если знаешь, что всего в двухстах километрах тоже стоит индейский лагерь, и народ в недоумении — а где же Мато Нажин, Рысян и Дух?

Хотя, как оказалось, в отсутствие вождей жизнь не останавливается, а идёт своим чередом.

На место выбывшего из строя Мато Нажина тут же появляется два других. И хотя старый Дух намного лучше новых двух, но «те раки по пять рублей были очень большие, но вчера, а эти маленькие по три, зато сегодня».

Это был не первый и не последний раскол Пау-Вау, которого если постараться, можно было бы и избежать, так же как и расколов 2000, 2001,

2002 годов и последующего разделения на «своих» и «чужих», на «правильные» и «неправильные» Пау-Вау.

Кто знает, если бы нам удалось тогда удержать Круг, может, и в самом деле меньше было бы в мире войн и всяческих катаклизмов, как говорил об этом впоследствии Одинокий Волк.

Во всяком случае, глядя на старые фотографии большого общего лагеря, есть возможность сравнить — каковы мы теперь, и какими были раньше. И подумать над тем, можно ли что-либо ещё изменить в этом мире, начав с себя и своего типи.

Анатолий Сидоров (Дикий Кот)

Яркие моменты? Все впечатления только личные. Мне наш лагерь в Громово нравится. Полный ассортимент: живая музыка под «Гринграсс Сингерс», танцы всех стилей: мужской, женский, детский. Причём мужской представлен как северным, так и южным стилем. Танец Травы, ирокезские боевые танцы жуть наводят, интертрайбл. Одежды все на высшем уровне. Если сравнивать с началом 1990-х это небо и земля. В те годы из трёхсот участников Пау только человек тридцать были в полном убранстве. Остальные одеты «а-ля Запад». Рубашка в клетку — уже хорошо. На шее какой-нибудь амулетик — отлично. А подарок в виде пакетика бисера — это предел мечтаний. Самые яркие воспоминания — это знакомство с людьми. В 1991 году приезжали из Украины, Белоруссии, Прибалтики, Карелии, с Алтая, из Сибири и Дальнего Востока.

Сергей Прокопович (Угрюмый Медведь)

Моё первое Пау-Вау состоялось в 2007 году.

Мы приняли решение ехать в образе поселенцев времен Франко-индейских войн и начали готовиться. Это сейчас я понимаю, что выглядели мы не найс (у меня почему-то в голове был какой-то сборный, театрально-киношно-книжный образ), я и Олег Поляков начали шить костюмы и обзаводиться соответствующими аксессуарами. После того, как мы обеспечили себя одеждой, началась подготовка к поездке. Как и на чём ехать? Барахла много, палатки, котлы, провиант и всё такое. Судя по рассказам Чёрного Волка, лагерь на Пау-Вау — это что-то непонятное и правильное. Там всё строго. Никто не выпивает, чтут традиции и всё такое. А мы и выпить любим (но без фанатизма, не мордой в салат, а для настроения и сугрева), да и не знаем никого кроме Юры, а он и сам на Пау без году неделя. Короче, уговорил я своего друга и брата по духу Лёню Титова ехать, благо у него минивэн и загрузить туда можно много всячины. Ехали всю ночь с шутками и предвкушениями, что нас ждёт у индейцев. Был и интерес и одновременно страх какой-то, как нас примут, что там вообще будет и т. д. Короче, с приключениями добрались до станции Громово, а куда дальше — Х. З. Сидим в машине у магазина и думаем — что же делать, куда двигать, и вдруг увидели, как в сторону магазина идут несколько человек, среди которых один выделялся шляпой с бисерной полосой вместо ремешка. Обратив на него внимание моих товарищей

со словами — ТОЧНО НАШ, я вышел из машины, поздоровался и спросил, как проехать в лагерь, на что получил ответ: «Видишь оранжевые Жигули? Это ребята из лагеря, езжайте за ними, и все будет хорошо». Пока шёл к машине, услышал в спину: «Кажется, из наших, но не знаю кто, впервые вижу». Но мне было не до разговора в тот момент, так как жигули рванули с места и на бешеной скорости умчались. Прыгнув в машину, мы ринулись следом, главное не отстать. По лесу ехали и не думали, что там чёрная и плохая дорога, что можно застрять и так далее, старались только не упустить из вида оранжевую машинку. И вдруг — о чудо — лес кончился и перед нами что-то невообразимое: сосны, типи, люди всякие, костры. У меня аж дух перехватило. Вот, наконец, появилось то, о чём я мечтал с детства. ИНДЕЙЦЫ!!! Эмоции переполняли. Потихоньку проехав через весь лагерь и спустившись вниз по берегу, мы выбрали место на первом пляже. Полянка, спуск к воде, заводь между камышами — круть. Короче, сходили в лес, нарубили шестов, поставили палатки, кухню разбили внизу у воды, чтоб не привлекать внимание, когда выпивать будем, и стали обживаться. Тут приехал Юра Чёрный Волк и повёл меня знакомить со своим *чифом*, как он сказал. Привели меня в типи, где хозяином был Паша Гач. Я вошёл, поздоровался и начался допрос. Кто, что, зачем и почему. Выслушав нас, Гач подвёл итог: «Ну, ну посмотрим на вас, когда оденетесь, что вы за поселенцы такие».

Проснувшись утром, холодно, слякотно. Позавтракав и приняв втихаря «для сугреву», я поднялся наверх, посмотреть, что да как. Интересно было посмотреть на индейскую жизнь, но ничего не происходило интересного. Обычная жизнь туристов, только с налётом определённого антуража. Основная масса ходит непонятно в чём и совсем мало людей в костюмах. Это в некоторой степени разочаровало меня. Зато радовали незнакомые люди своей приветливостью. Все, кто мимо проходил на пляж, обязательно здоровались (на Бородино такого нет).

Очередное утро, и тут Юра Чёрный Волк с братом Сашей Собакарем и Слава вышли на просторы озера на каноэ. У Олега моего прям шило в заднице зашевелилось: «Серёга, не могу, пойду переоденусь и поснимаю (Олег очень талантливый фотограф). Я ему: «Зачем раньше времени-то наряжаться. Так походи поснимай». А он: «Нет, переоденусь». Переоделся, и тут началось! Подошёл (как потом узнали) Танцующий Лис и пригласил Олега сняться в фильме. Сценарий придуман был на ходу, после некоторого времени съёмок попросили и меня переодеться. Всё сразу завертелось. Съёмки, знакомства, беседы. Лис с утра и до вечера находился у нас в лагере. Мы выпить хотим, хоть рюмку, а при Танцующем Лисе как? Нам ведь строго сказали, что алкоголь под полным запретом. Кто-то позовёт Лиса, он выходит, и мы быстренько по рюмашу.

Начали подходить к нам другие ребята: Тимофей, Светляк, Виталик, Собирающий Перья, Медвежья Лапа, Паша Небо, Глеб Борисов, Бизон и ещё много кто. Разговоры и разговоры. Душевная компания и ни капли алкоголя. Рысян пригласил в гости к себе в типи, вот тут-то и приплыли. Оказывается, с алкоголем всё нормально, а что Юра не пьёт сам и нам не дал — то была

просто шутка. В один из вечеров к нам в гости пришёл Майор из Беларуси, угостил индейским табачком, а мы его коньячком. Потом его по всему лагерю носили с моим Олегом и спрашивали чей он и куда его доставить. В конце концов отыскали его жилище. Потом был Модок и БП, всю ночь продолжались выяснения с моим Олегом, кто из них более *казак* — Модок или Олег. Короче, весело провели время. Понравилось всё, особенно танцы и живое пение под барабан. Про съёмки я вообще молчу — сплошной позитив.

Когда в Москву вернулись и подошло время ехать на Бородино, мне уже не хотелось после дружеской и приветливой обстановки окунаться в болото под названием Бородино.

А дальше пошло-поехало. Я с головой погрузился в немного подзабытый мир индейцев, хотя втыкался во всё с пол оборота — всё знакомо, термины, названия и т. д.

На следующий год привез команду из 10 человек. Оказалось, меня ввели в совет Пау-Вау. Снимали кино, развлекали сами себя, общались с народом. У нас в лагере всегда было много народа.

Есть что вспомнить, но детям рассказать нечего.

Много чего в тексте упустил. Говорить проще, чем писать. Много вопросов было: почему поселенцы времён Франко-индейской войны, а не ковбои? Что это за палатки такие и не холодно ли в них спать без костра? Как сшить такую палатку? А можно ли заказать или купить кремневое ружьё? Заказать пошив того или иного предмета обмундирования и амуниции и т. д. Обзавелись новыми друзьями и знакомыми. Поездки в Кантри Клуб в Питере, постоянное общение с людьми близкими по духу. В какой-то момент, сам того не желая (не со зла) один из индеанистов лишил меня Родины (я и мои родители из Западной Украины) и после определённых событий в 2014-м году (возраст, звание и т.д и так не въездной в Украину, а тут ещё такое, что попадаю на сайт Миротворец, то есть вообще не въездной), но речь на самом деле не об этом. Всё прошло, с челом отношения выяснили и продолжаем общаться и довольно плотно и тут после этого я вспоминаю про свою Индейскую родину (где все и началось), про Беларусь. Начиная с 2014-го года, я часто езжу туда, в основном в Минск, к Танто с сотоварищи. Благодаря мне и моим ребятам, я перевернул в их мозгах понятие РЕКОНСТРУКТОР и отношение к реконструкции. В этом году будем проводить уже пятый фестиваль. Радует отсутствие туристов — чисто исторический лагерь, да и так в течение года ездим туда и проводим много мероприятий по Франко-индейским войнам.

Андрей Нефёдов (Ветер)

На станции «Громово» нас — меня и Юльку — встретил Денис Есин (мы договорились заранее). Подъехал «жигулёнок» — тоже встречал кого-то, чтобы довезти до стойбища. Водитель согласился взять и мою жену, а мы с Денисом пошли пешком. В ту минуту на дороге появился шикарный внедорожник, из него вышел крупный бородатый человек и спросил у меня, как добраться до Пау-Вау. Видимо, он обратил внимание на мою шляпу с бисерной лентой и дога-

дался, что я имею отношение к индеанистам. Я сказал ему, чтобы следовали за «жигулёнком»... Как позже рассказывала мне моя жена, они увидели «преследователей» и не на шутку забеспокоились, решив, что к ним на хвост сели бандиты. Люди во внедорожнике имели внушительный вид... В лагере выяснилось, что это реконструкторы во главе с Сергеем Прокоповичем. Они впервые приехали к индеанистам, привезли с собой ружья и пистолеты, чем произвели на всех сильнейшее впечатление и внесли новизну в жизнь Пау-Вау.

В лагере нас приняли сердечно. К тому моменту я успел позабыть, что такое настоящее радушие. Первой к нам бросилась Аня Волчица, обнимала так, словно мы сто лет дружим с ней, а знакомство-то у нас шапочное. Затем вышел Тим, Вася-Черепаха, Танто, Рысян, Танцующий Лис... Нам предоставили отдельное гостевое типи, что меня удивило, а кормили нас в палатке, где жили Аня Волчица, Лена Белостоцкая и Лёня Шардин с женой...

Однажды ночью начался проливной дождь. Мы лежали в нашем guest-house и не могли спрятаться от лившейся сверху воды, жались к стене. Мои неумелые попытки закупорить дымовое отверстие при помощи клапанов не дали результата. С горем пополам дотянули до рассвета, искупались в озере, взбодрились. Когда лагерь проснулся, кто-то из ребят заглянул к нам, услышал нашу жалостливую историю о небесной хляби, посмеялся и натянул над нашими спальными местами навес. Заняло это не более минуты. А мы-то всю ночь прятались «по углам» от дождя!

Вспоминается ещё одна забавная сцена. В один из дней ко мне подошёл незнакомый человек: «Вы Андрей Ветер?» — «Да» — «И вы живёте в этой палатке?» — «Да» — «Представляете, меня к вам направили в другую типуху. Я вошёл, там никого нет. И я принялся фотографировать — перья, сумка, рубаха. Сохраню, подумал, на память, как живёт Андрей Ветер. Кто-то вошёл, увидел, что я фоткаю всё подряд, и тут-то выяснилось, что палатка не ваша! И меня перенаправили сюда»... Не забавно ли? Никогда не мог представить, что кому-то будет интересно фотографировать моё спальное место, мою палатку, мои вещи. Приятно ли такое внимание? Да, мне было приятно.

А неприятно стало, когда я обратился к давнему московскому знакомому с просьбой довезти меня и жену до станции. Он знал, что у меня проблемы со спиной, знал, что моя жена давно на инвалидности и большие переходы ей не по силам, но он сказал: «Знаешь, мне не хочется машину заводить. Спроси ещё кого-нибудь». У него была «Нива», по лесной дороге ему проехать не трудно было, но он отказал. Разумеется, нас довезли, Пау-Вау не без добрых людей, но тот отказ я запомнил, и он по сей день лежит тёмным пятнышком на воспоминаниях о чудесных днях на берегу Суходольского озера.

Я привёз много видеоматериала с громовского Пау, но только незначительная часть пошла в дело: смонтировал пятнадцатиминутный фильм для конференции по американистике, проходившей в РГГУ.

Громово, 2015

Михаил Иванченко (Бизон)

Среди различных неформальных течений России движение индеанистов (или «русских индейцев», как они сами себя называют) выделяется рядом отличительных моментов, которые имеют значение в первую очередь для самих индеанистов, а стороннему наблюдателю могут показаться несущественными, и он с большим успехом может отнести это сообщество либо к исторической реконструкции, либо к ролевым играм, либо к неоязыческой секте — и доля правды в этом, безусловно будет, хотя доля правды не есть правда, а правдоподобие может увести от истины ещё дальше, чем заведомо неправильная информация. Этим успешно пользуются мастера пиар-технологий, но я постараюсь дать, по возможности и в меру сил, конечно, наиболее точные определения и оценки этому явлению.

Появившись в 1980-е годы двадцатого века, индеанизм (это наиболее часто употребляемый термин) принял формы ежегодного слёта, который сами участники стали называть американским словом индейского происхождения «Пау-Вау».

Пау-Вау в Америке — это что-то вроде фестивалей индейской культуры, проводимых индейцами различных племён, в основном степной зоны, как для туристов, так и для себя. Есть разные версии появления этого феномена — от трансформации из традиционных танцев военных обществ до костюмированных карнавалов для туристов. В современном Пау-Вау чётко прослеживается и первая, и вторая тенденция.

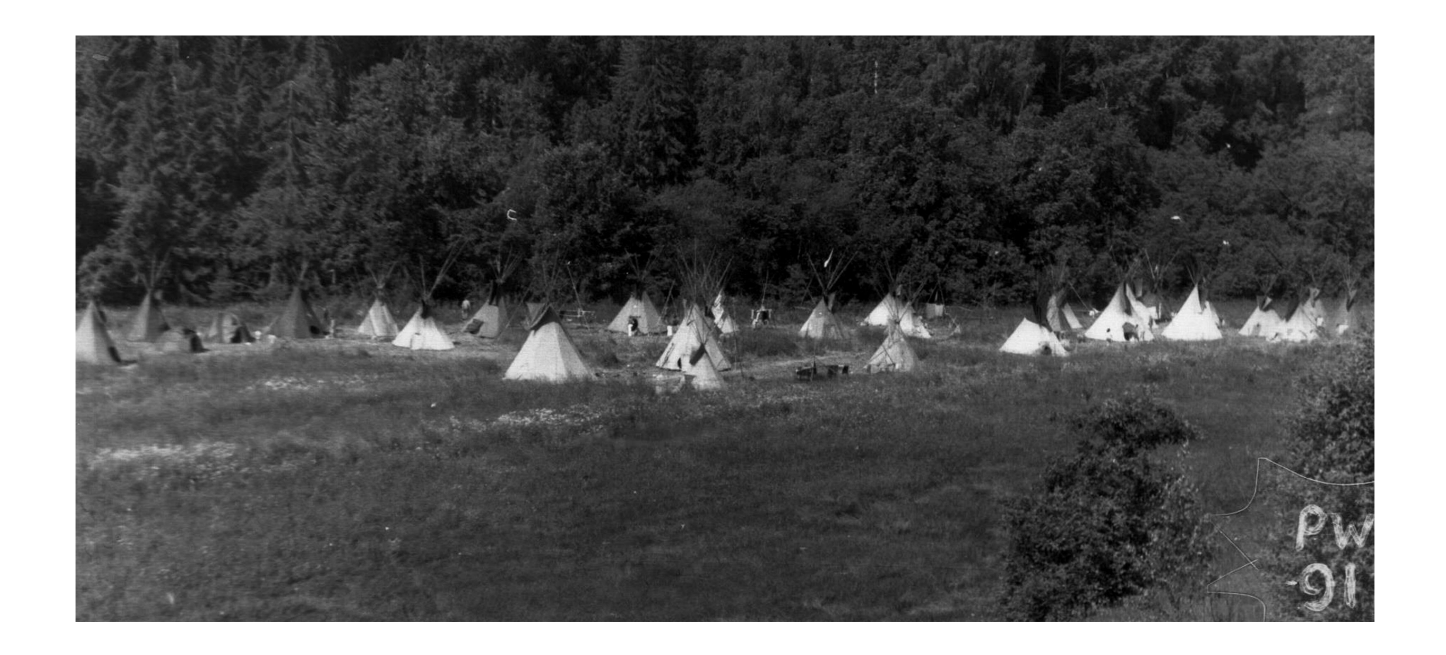
С одной стороны, участие в Пау-Вау — это действительно способ реализации некоторых старых племенных традиций в современном мире — ведь «поводов» и надобности во многих других сейчас просто нет. С другой — коммерческая составляющая играет там не последнюю роль. Оно и понятно — попробуйте-ка на одном голом энтузиазме организовать мероприятие городского масштаба, убедив актёров различных жанров отрепетировать и отработать серию бесплатных концертов.

Не останавливаясь пока на организационных особенностях американского Пау-Вау, вернёмся «к нашим баранам», то бишь, отечественному Пау-Вау.

Изначально, ни по форме, ни по содержанию, отечественный «аналог» не соответствовал своему американскому прототипу по банальной причине отсутствия достоверной информации об оном. Все знания советские индейцы черпали из немногочисленных переведённых на русский язык книг (в основном художественных) и фильмов (в основном вестернов). Со временем, конечно, уровень знаний повысился, и формы российского Пау-Вау всё более стали напоминать то, что происходит в Америке. Некоторые участники российского Пау-Вау даже смогли впоследствии съездить в Америку, и принять участие в американских Пау-Вау. Тем не менее, по сути, российские Пау-Вау до сих пор нельзя считать Пау-Вау в изначальном значении этого слова, так как это совсем разные, хотя и внешне во многом похожие вещи.

Практически сразу же с момента условного «старта» в 1980-м году (для некоторых эта дата не является точкой отсчёта, так как каждый шёл в этом направлении своим собственным путём, и не у всех дорога проходила через Санкт-Петербург, где каждый год традиционно проходит «самое главное» Пау-Вау) в движении индеанистов появились собственные традиции и течения, которые формировали внешний вид движения, придавая ему самые разные замысловатые очертания. В нашу задачу не входит длинный перечень различных названий групп, которые возникали и распадались, уставов самых разных организаций (существующих, скорее, в воображении этих творческих людей, нежели имеющих какой-то реальный вес в общественной жизни страны), а также всякого рода ересей и заблуждений, которых тоже было немало. Отметим лишь, что наиболее значимыми для индеанистов были попытки создания общин (закончившиеся неудачно) и личные достижения отдельных мастеров в прикладных либо научных дисциплинах, позволившие им по-своему реализоваться в социуме.

Сложившиеся собственные пути и традиции внутри сообщества индеанистов, как этого и следовало ожидать, оказались значительно сильнее и жизнеспособнее, чем «технологии» американских индейцев, о которых вскоре с мо-

мента начала первых Пау-Вау всё-таки появилась более-менее полная картина. Что-то было рассказано самими индейцами, с удивлением увидевшими это «русское чудо» и пришедшими в ужас (или восторг, главным образом по причине комичности происходящего) от увиденного. Что-то было «принято на вооружение» по причине невозможности делать это по-своему. А многие вещи, считающиеся чуть ли не азбучными основами для многих индейцев, так до сих пор и не были восприняты индеанистами, называющими себя как угодно — «русскими индейцами», «язычниками», адептами индейских религий, но, по сути остающимися обычными представителями своих народов, сплавленных за 70 лет существования Советского государства в единую общность — советский народ, иногда пренебрежительно именуемый «совком».

До сих пор в сообществе индеанистов существует целая серия мифов, сильно затрудняющих им движение в сторону развития (не будем пока для удобства конкретизировать — развития чего именно).

Один из мифов — это следование «индейскому пути», религии, традиции, или как будет угодно выразиться в определённом контексте. Вообще, какая-либо индейская традиция представляет собой довольно сложный комплекс, требующий многолетнего обучения и понимания различных аспектов, основанных на многих факторах как внешней среды, где она формировалась, так и внутренних — особенностей менталитета, существующего мировосприятия, истории и т. д.

Никакому индейскому пути, конечно же, никто, возможно, за редчайшим исключением, не следует, хотя бы по причине отсутствия знаний (и даже усвоения уже имеющихся знаний) об этом самом пути. Т.е. нельзя следовать тому, о чём не имеешь представления. А имеющиеся представления просто не являются тем путём, о котором идёт речь, являясь каким-то другим путём. Что, впрочем, не говорит о том — лучше этот путь или хуже традиционного. Ведь результаты иногда получаются

весьма неплохие. Но называть вещи своими именами всё же не помешало бы.

Другой миф индеанистского сообщества — это миф о самом сообществе как некоем едином и могучем целом, выразившийся в декларации: «Мы — народ». Никаким сообществом, и уж тем более народом индеанисты не являются, как не являются они и религиозной сектой, криминальной группировкой или каким-либо общественным движением. Потолок их самоорганизации (по факту) — это клубы выходного дня по интересам. Различные попытки организовать такие формы взаимодействия, как община, общественная организация, духовное братство и другие, в разное время пробовались и оказывались нежизнеспособными.

Безусловно, на уровне отдельных людей дружеские контакты могут быть очень сильными, что называется «на всю жизнь», а на основе общности интересов (ездить вместе на Пау-Вау и вышивать бисером) могут даже заключаться браки. Но никогда ещё от этих браков не рождалось второе поколение «русских индейцев», которому можно было бы передать «знания» и «традиции». И хотя на русском Пау-Вау можно видеть уже третье поколение людей (т.е. некоторые участники стали дедушками и бабушками), дети и внуки если и называют себя индейцами, то это, скорее, дань уважения родителям, чем действительное положение вещей.

Ещё один миф — это миф о Пау-Вау. Как уже говорилось, предпосылки появления американского Пау были совсем другими, нежели русского индеанизма, а преемственность весьма сомнительна. Внешнее копирование форм не является воспроизводством сути явления, являясь, в лучшем случае, хорошей реконструкцией. Возможно поэтому термин «реконструкторы» применительно к себе индеанисты воспринимают крайне неохотно, иногда даже в штыки. Ещё бы, ведь столько сил и времени отдаётся этому занятию, порой и целой жизни не хватает, чтобы воплотить все задумки, а тут вдруг всё это берут и обзывают неким подражательством, что, по определению, является чем-то глубоко вторичным и как бы не настоящим. Приводится в опровержение масса доводов, например: «такие-то и такие-то вещи являются не просто копиями, а личным творчеством мастера». Качество исполнения иногда в разы превышает индейские прототипы или аналоги. Но всё же, как дамоклов меч, над всем этим существует некий железобетонный потолок традиционного канона; отступление от него не развивает саму традицию, а является действием «мимо кассы». Продукт просто перестаёт быть индейским. В то время, как настоящим индейцам это позволено — на то они и индейцы.

Основными движущими силами индеанизма являются личные амбиции участников. Т.е. решение быть или не быть — вопрос сознательного выбора индеанистов. В отличии от индейцев, которым, как известно, выбирать не приходится — быть им индейцами или нет. Их культура формировалась в определённых условиях, и получилось в итоге то, что должно было получиться, и никак иначе. Индеанисты же пытаются воссоздавать уже готовые формы в совершенно других условиях, и результат этого эксперимента вовсе не влияет на основной вопрос — выживание. Не получилось — подумаешь, получится

в другой раз, а пока что можно заняться обычными «неиндейскими» занятиями.

Кто-то, конечно, упорствует, и пытается быть «индейцем» везде и всегда. Выражаться это может как в экзотическом внешнем облике (мода на длинные волосы, вестерн стиль одежды), так и в клинических изменениях в сознании — человек иногда начинает накручивать себя против якобы враждебной «белой» среды, не способной понять его одиночества. При этом он, конечно, целиком зависит от этого «враждебного» общества, в котором находится, но воображение — великая сила, способная творить чудеса.

Индеанисты могут сколько угодно раз «отрекаться» от своих «индейских» убеждений в пользу каких-то других, без ущерба для членства в тусовке. Даже тем, кого не устраивает сложившаяся там групповая этика, с большим успехом может отколоться от какой-то группы людей, и создать свою группу с другим, написанным или нет «кодексом» поведения. Хотя разница, на самом деле, будет небольшая, на уровне разницы между лидерами, личные качества которых всегда влияют на внешний вид возглавляемой ими группы.

Таким образом, участники групп вольно или не вольно оказываются вовлечены в обычные человеческие противоречия, возникающие между лидерами. Даже когда они об этом не подозревают, а думают, что пришли в группу заниматься чистым творчеством и духовной самореализацией. (Как известно, покупая лицензионный «виндоус», ты поддерживаешь войну в Ираке).

Однако, нельзя сказать, что нет никакого другого выхода для данной группы людей, кроме как участие в многочисленных междоусобных разборках — в последнее время появились и другие, более сильные движущие механизмы.

По мере «профессионального» роста участников, социум наконец-то обратил на них внимание. Если до этого на индеанистов смотрели в лучшем случае снисходительно, и списывали увлечение чужой культурой на обычное «чудачество» (в худших случаях ставились другие «диагнозы» — «секта», «антисоветская неформальная группировка», «общество трансвеститов» и т.д.), то тут огромный потенциал движения оказался вдруг востребованным в качестве… шоу. Причём настолько востребованным, что на это стали выделяться финансовые средства. Индейские выступления стали обычной составляющей жизни мало-мальски продвинутых индеанистов, имеющих хороший костюм или владеющих на хорошем уровне каким-либо видом «индейской» деятельности.

Для людей, не знакомых с индейской культурой, деятельность индеанистов является хорошим эрзац-заменителем подлинной индейской культуры, которая и интересует-то их, поскольку она дошла до них через СМИ. Поэтому движение получило хорошую подпитку извне, и со временем это повлияет и на облик Пау-Вау, проводимых индеанистами для себя, а не для публики. Даже если там не будет никаких «посторонних» гостей (что почти невозможно, т.к. как минимум члены их семей, приезжающие на праздник, уже не являются в полной мере индеанистами).

Внешне русское Пау всё более приближается к американскому, вернее к европейским, являющимися более точными копиями американского. Начинающие проявлять себя товарно-денежные отно-

Андрей Нефёдов и Игорь Гуров

Койот (Сергей Корнишев), Чайка (Ирина Лукина), 1993

шения ускоряют этот процесс. Давно уже существует целая индустрия, удовлетворяющая самые разные запросы индеанистов в материалах, книгах, видео и т. д. — главное платите деньги, и с падением железного занавеса рыночная экономика постепенно начинает овладевать умами и поступками индеанистов, изменяя направление вектора «движения» иногда в противоположную сторону от первоначальных «светлых идеалов», очень похожих на лозунги хиппи.

Впрочем, неизвестно ещё что хуже — ориентироваться на какого-нибудь харизматичного «гуру», изобретающего очередной велосипед (ничего не имею против велосипедов — сам очень люблю кататься на велосипедах), или переключаться на удовлетворение потребностей заказчиков, финансирующих это дорогое во всех отношениях занятие — быть индейцем не в то время и не в том месте (как вы уже догадались, имеется и такой опыт).

Руководящие органы в индеанизме отсутствуют. В своих действиях разрозненное «сообщество» с разной пространственно-временной ориентацией (фактически — толпа) руководствуется, как и положено толпе — эмоциями. В этой ситуации некоторый вес приобретают люди (харизматические лидеры), умеющие генерировать сильные эмоции, способные вызвать вибрацию и движение толпы в том или ином направлении. Очень часто «толпа» сама приходит в движение, и кто-то просто пользуется ситуацией, приписывая открытие «света в конце тоннеля» себе (если не можешь предотвратить пьянку — возглавь её). Иногда процесс движения заменяется процессом совместной высокой или низкой медитации, например алкогольной, или наоборот. В таких ситуациях, обычно, тоже присутствует психологический лидер, который путём нехитрых манипуляций вроде гадания на кофейной гуще играет роль некоего якоря, удерживающего судно на одном месте. Если прочитать имеющиеся воззвания, декларации и другие «документы» индеанизма, которым посчастливилось увидеть свет, то в сухом остатке от прочтения остаются нехитрые формулы вроде «ребята, давайте жить дружно». Либо это могут быть сложные теоретические построения, не имеющие к действительности никакого отношения. Впрочем, в такие «телеги» народ обычно не вникает, заменяя какую-то предложенную как руководство к действию формулу более простой, сходной по нескольким внешним признакам. В большинстве случаев эта простая формула — и есть «сухой остаток», а всё остальное — чистые эмоции, оформленные в слова. Контингент индеанистов всё-таки не глупее, чем любой другой контингент, и на уровне подсознания обычно чётко отделяет мух от котлет. Поэтому «власть» харизматических лидеров довольно сомнительна — им позволяется некое своеволие и даже чудачество в обмен на некоторые организационные обязанности и представления, которые они должны время от времени давать на публику. Как только лидер перестаёт справляться со своими обязанностями и забавлять толпу — о нём тут же забывают, не взирая ни на какие на прежние заслуги.

В последнее время стало популярным составлять «программы» деятельности (например, план будущего Пау-Вау) из подсмотренных элементов уже работающих программ, что придаёт им вид

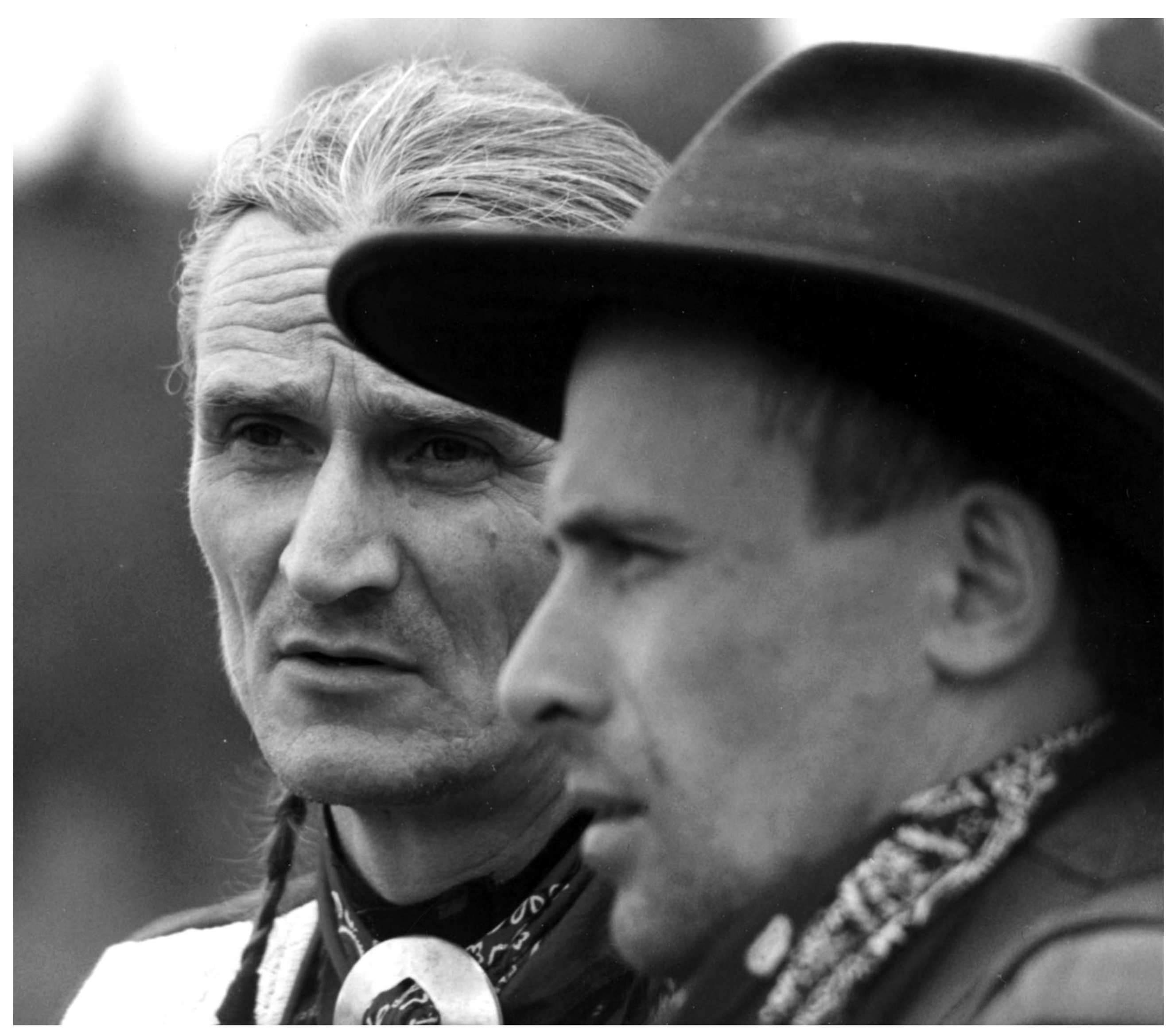
достоверности, хотя на самом деле это просто коллаж из заготовок, не способный стать полноценным и живым организмом. Таким образом, организационный вакуум оказывается заполненным, но качество этого заполнения не решает самых элементарных проблем. «Система» трещит по швам от малейших воздействий, будь то чьи-то хулиганские выходки внутри или реальная угроза снаружи.

Индеанисты интуитивно чувствуют несовершенство системы руководства, осуществляемой харизматическими лидерами (в случае, когда их нет они обычно назначаются), и видит в этом проблему, отрицая роль личности в истории. Есть даже специальный термин — «вождизм». Считается, что когда «вождей» набирается больше трёх, и их конкуренция за право трансляции своих эмоций на аудиторию грозит «целостности» толпы — это плохо, и с этим надо бороться. Хотя заменить «вождизм» абсолютно нечем — не придумано других механизмов, например таких, как совет. Вернее, формально «советы» периодически собираются, но это не более, чем инструмент манипуляции какого-нибудь харизматического лидера.

Существует ещё одна недолговечная форма руководства — экономическая. Кто-то сплотил людей, озабоченных проблемой зарабатывания денег и идеей более лёгкого зарабатывания, и до момента получения зарплаты такой лидер некоторое время «на коне». Если ожидание размера зарплаты оправдывается, то «предводитель военного отряда» приобретает репутацию удачливого, что позволяет ему осуществлять некие руководительские функции в дальнейшем. Особенной популярностью пользуются люди, сочетающие в себе оба качества — харизматического лидера и талантливого менеджера. Но тут мы уже давно вышли за рамки одной только индеанистской общности, и говорим о российском народе, частью которого являются индеанисты. Правящий класс российского народа существует и управляет обществом, конечно же, при помощи совсем других технологий.

Свою роль в социуме индеанисты склонны трактовать в возвышенной и романтической манере, подыскивая в основном иррациональное объяснение своим увлечениям, вместо того, чтобы подобно другим субкультурам, честно признаться прежде всего себе самим в том, что увлечение это из разряда хобби, нежели какой-то общественно или экологически полезной деятельности. Тут тебе и несуществующая природоохранная работа, и сомнительная культурно — просветительская и воспитательная миссия, и ежегодная корректировка траектории земной орбиты и нелёгкая борьба с Мировыми Силами Зла. В советский период была ещё «помощь детям Германии» (т.е. страдающим от геноцида индейцам), в основном, моральная, но от неё, к счастью, пришлось отказаться, переключившись на более насущные задачи галактического характера.

Склонность к копированию экзотических форм различных аспектов жизни старинного и современного индейского общества очень часто вводит в заблуждение и приводит к сомнительным целям, например реконструкции современного американского Пау-Вау. Копировать отдельные элементы индеанисты научились очень хорошо, но вот на полную картину пока что не хватает сил

Мато Нажин (Сергей Немков) и Стеклянный Глаз (Игорь Каверин)

и средств. Оно и понятно — даже на Западе, где уровень жизни населения выше, коммерческая составляющая индеанистских мероприятий играет далеко не последнюю роль. Ведь там всё давно инвентаризировано и стоит денег, а в России ещё сохранились пережитки ненавистного многими «совкового» мышления, когда общественные ресурсы хотя бы формально находились в народной собственности, и пользоваться ими мог каждый, при условии, что и он вносит свою лепту в копилку общественного достояния. От общественной копилки в данный момент все уже отказались, но подход к снаряду остаётся пока что прежним, интерпретируясь как «духовный». Более точное его определение — «паразитический».

Поэтому спасение утопающих стало делом рук самих утопающих, и каждый по отдельности с этим вроде бы и неплохо справляется, но речь шла о задаче воссоздать нечто масштабное, требую-

Толмачёво, 1995

щее скоординированных усилий многих людей и одинакового понимания смысла происходящего как участниками, так и неизбежными зрителями, которые не смотря на формальный запрет во множестве присутствуют на Пау, составляя уже едва не добрую треть.

Решить эту задачу на старом топливе (если её вообще надо решать, а не довольствоваться тем, что уже есть) практически невозможно. Или тут придётся как следует поработать «харизматическим лидерам», подведя под всё действо мощную идеологическую базу и придумав нечто вроде религии (в масштабах небольших лагерей с более-менее однородным составом участников это очень даже неплохо удаётся). Но на это, опять-таки, нужна, во-первых, довольно тяжёлая и неблагодарная работа, а во-вторых, соответствующая мотивация лидеров. А поскольку настоящих буйных мало, то заняться этим решительно некому.

Поэтому, для желающих реконструировать современное Пау-Вау (оставим в покое целесообразность такой задачи, объяснив всё интересом, который, безусловно, есть) необходимо решить задачу энергетического обеспечения проекта, читай финансирования. Это могут быть как добровольные пожертвования самих участников конфессии, так и какой-то заказ на проведение фестиваля (подобная практика уже была), когда приходится жертвовать уединением (которого уже давно нет из-за большого количества «друзей друзей») и терпеть присутствие зрителей, выстраивая сценарий с учётом пожеланий заказчика.

Или довольствоваться более скромными и спокойными формами органи-

зации собственного досуга сообразно своим финансовым возможностям, что никоим образом не хуже, чем экстремальный отдых на лоне природы в стиле этно.

На этом, пожалуй, следует остановиться в описании текущего момента, и предоставить естественному ходу вещей творить историю согласно законам всемирного тяготения, которые пока что никто не опроверг.

Мотивацией автора к написанию данного исследования явился интерес к манипулированию общественным сознанием с целью извлечения экономической и физиологической выгоды от взаимодействия с сообществом индеанистов, о чём я недвусмысленно заявляю во избежание дальнейших недоразумений.

Танцы

Андрей Нефёдов (Ветер)

Моя первая встреча с индеанстами была насквозь пропитана музыкой индейцев. Я приехал на съёмку программы, в дальнейшем получившая название «Пророчества которые сбываются», не имея ни малейшего понятия о том, что я увижу. Я приехал знакомиться, но приехал с телекамерой. Ребята облачились в свои индейские одежды, извлекли из сумок роучи и головные уборы из орлиных перьев, распушили бастлы, приготовили барабан. Одни танцевали, другие пели, сидя вокруг барабана и истово стуча по нему. Это был первый раз, когда я услышал индейские песни. Они долго звучали во мне, не утихали в течение нескольких дней. Позже я слушал песни настоящих индейцев и понял, что ребята пели слабенько, по-любительски, тем не менее их пение поразило меня. А вот танцы не впечатлили совсем. Было в них что-то неестественное, бутафорское, что ли…

Минуло несколько лет. Я приехал на Пау. Очевидно, ребята поднабрались мастерства, и танцевали уже по-другому. Не знаю, в чём состояло отличие, но они двигались иначе. Возможно, немалое значение имела массовость. Если в первую мою встречу с индеанистами я видел три пары танцоров, то здесь, на танцевальной площадке, огороженной прутьями и зелёными ветвями, двигался плотный людской поток. Лидером казался Танцующий Лис, хотя он не был руководителем танцевального общества; просто ему удавалось в любой компании сосредоточить внимание на себе. Бил барабан, танцоры шли в едином ритме, и Лис внезапно издавал какой-то выкрик, и что-то разом менялось, все будто впадали сразу в неистовство, начинали шевелиться активнее, тоже что-то выкрикивали, улюлюкали. Затем все успокаивались и опять шли привычным степом.

В тот день я обратил внимание на Танцующего Лиса и на Мато Сапу. Они выделялись. Они были особенными. И каждый имел свой стиль. Лис двигался мягко, словно его стопы обладали невесомостью, но сам он напоминал мне хищника, низко пригнувшего голову к земле. А в движениях Мато Сапы я увидел птицу, он был утончённее, но голову поворачивал резче и точнее. Глядя на него, я вспомнил, что кто-то назвал однажды пляски индейцев «птичьими танцами». В тот день бастл в моих глазах приобрёл своё «птичье» значение — хвост.

На съёмке программы «Голоса», которую мы устроили на конюшне Саши Ястреба в посёлке Кратово, я обратил внимание на Танто во время пляски, когда танцоры по очереди пытались схватить зубами воткнутое в землю перо. Танто двигался с неповторимой элегантностью. Схватив ртом кончик пера, он даже успел галантно поклониться девушкам. На лице вертикальные чёрные полосы, как бы стекающие из глаз, мохнатый роуч на голове, и всё же не дикарство было в нём, а учтивость джентльмена. Мне это запомнилось…

Чем дальше, тем танцы на каждом Пау-Вау становились насыщеннее и разнообразнее. Многие танцоры теперь не выглядели неумелыми подражателями, двигались гибко и быстро, словно родились в этой танцевальной культуре. Не будь танцев, для меня все Пау-Вау потеряли бы свою ярчайшую составляющую. Мне никогда не хотелось танцевать там, но я всегда ждал тех танцев.

Олег Жилинский (Танто)

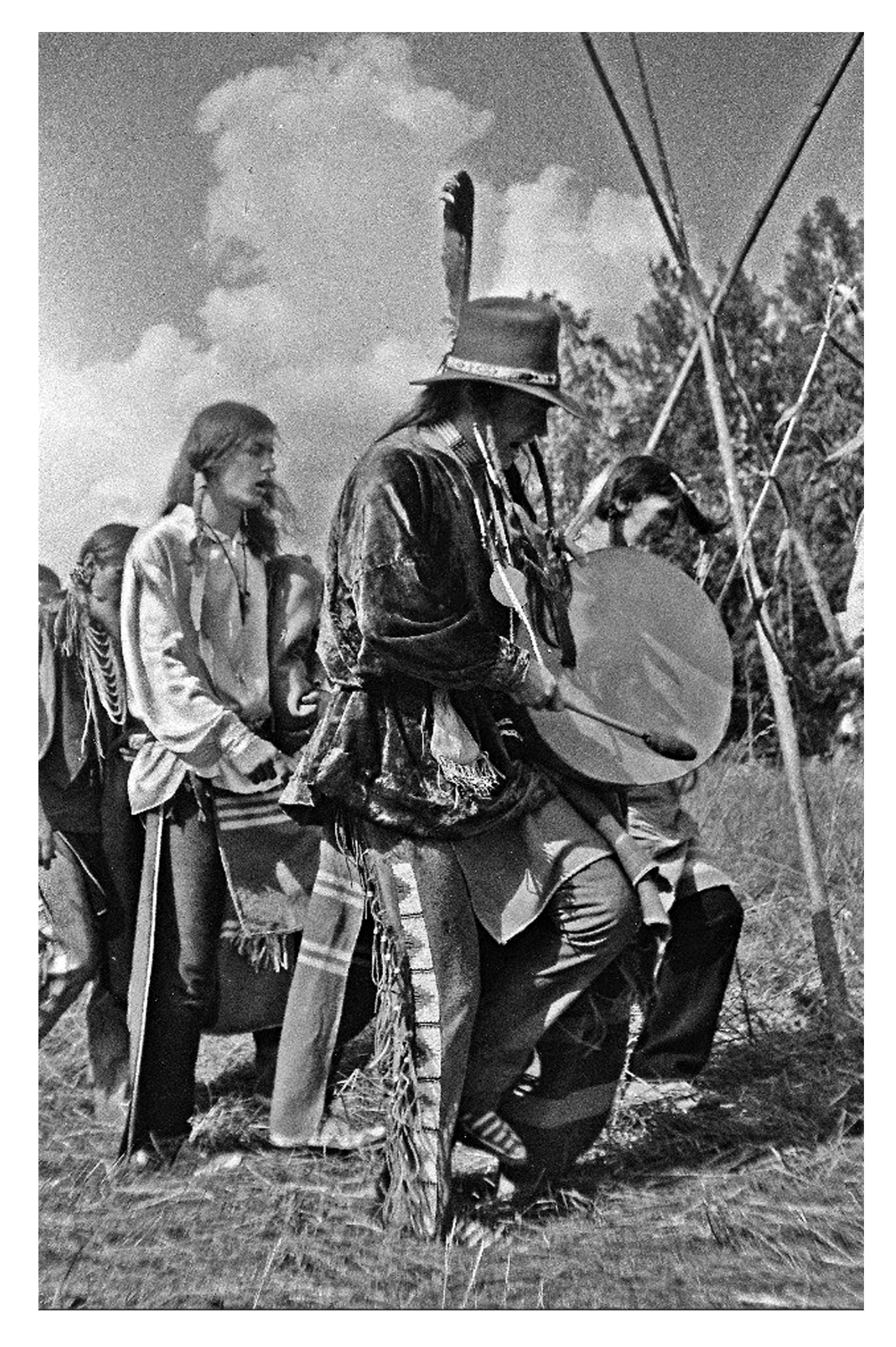
Пожалуй, несколько слов о танцах на наших Пау-Вау… Как известно, танцы не бывают без музыки, а у индейцев это действо ещё и пением сопровождалось. Как-то не помню я танцев на моих первых Пау 1988—89 годов. Впрочем, я в эти года приезжал не надолго. Может, что-то и было, но без меня. Впрочем, фото более ранних встреч говорят о том, что какие-то песни и танцы всё-таки случались. Помню чёрно-белое фото, где Мато Сапа с бастлом. В 1990 году Пау проходило под Лугой, и там я то же танцев и песен не помню. Зато с начала 1990-х танцы и песни под барабан стали всё более активными и занимали всё более значимое место в празднике. Существовало даже негласное правило: пока не начнутся танцы, Пау не считается открытым. Все ждали, когда вынесут на поляну барабан и готовились к этому событию. Каждый по-своему: певцы собирались и обсуждали состав певческой группы и репертуар (из двух-трёх), танцоры готовили свои танцевальные регалии. Это было волнительное ожидание. В те годы танцоров собиралось много, и каждый год появлялись новые. Танцевали кто как мог. Информации о танцах и песнях было, мягко говоря, мало, и сейчас смотрю на те попытки с улыб-

кой. Законодателем танцевальных традиций был Мато Сапа (Игорь Гуров). Каждый год, когда он появлялся на Пау, он привносил что-то новое в костюм и стиль танца. Ещё одним лидером танцоров, бесспорно, был Танцующий Лис. В то время и меня захватила тема танцев и не отпускает, кстати, до сих пор. Каждый год наши танцы становились совершеннее. Костюмы и движения делались более правильными, шлифовались. То же можно и сказать про песни. Репертуар становился богаче, исполнение качественнее. Появились лидеры. Серьёзный прорыв в музыкальном сопровождении танцев произошёл с появлением группы «Green Grass Singers». Лидером группы был Юрий Котенко (Злой Глаз). История возникновения группы для меня туманна, я не всё знаю.

По большому счёту, меня тогда это мало волновало. С некоторых пор (начало 2000-х) певцы стали заниматься своим делом, танцоры — своим. Так и должно быть. Певцы поют, танцоры танцуют. Вообще-то тема танцев на наших Пау — самая интересная и мною любимая. Как я сейчас понимаю, она же и самая трудная для меня. Может, дело в том, что слишком она вобрала в себя много всяких мелких важных для меня событий. Как бы там ни было, но совсем не так давно мы подошли к тому, что танцевальная программа стала основой наших Пау-Вау. Мы почти полностью разобрались с песнями. Поняли что, где и как петь. Разобрались со стилями танцев, с танцевальными регалиями и степами. Теперь получается более-менее похоже на то, что происходит на американских Пау-Вау. Мы проводим контесты (соревнования) в разных категориях мужских и женских танцев. Всё это благодаря обилию информации из интернета и, что немаловажно, благодаря тому, что некоторым нашим индеанистам удалось посетить Пау-Вау в Америке и Европе (с участием коренных американцев). Понемногу всё как-то настроилось, но что-то и потерялось. Появились новые неплохие танцоры и певцы, зато прежние куда-то исчезли. Теперь и мы (некоторые из нас) ездим на европейские Пау и берём там призовые места. Огорчает то, что новых людей в этом направлении почти не появляется...

Игорь Гуров (Мато Сапа)

Самый первый, кого я увидел как «танцора», был Эварт Уду из Таллина на первом Пау 1982 года. Это была некая попытка индейского танца. У него имелось даже какое-то подобие бастла. На следующий год (1983) я уже первый сделал себе практически полный наряд фэнси. Его можно увидеть на фото Пау-Вау того года. По схемам из книги Golden Book Бена Ханта я уже пытался делать «степ». А вот следующим этапом, более подходящим под танцы, можно сказать, был опыт «пляски», привезённый Мато Нажином из ГДР в 1984 году. Это, конечно же, не был танец в его сегодняшнем понимании, но какая-то концепция ритма в этом уже была. Опять же, появились несколько человек, которые пытались так же танцевать. Мы очень долго не имели понятия об индейских танцах, поскольку не было ни видео, ни практики, взять было неоткуда. Да и то, что пели и барабанили наши певцы, не соответствовало правильной индейской музыке Пау-Вау.

Дмитрий Сергеев (Танцующий Лис)

(интервью 1993 года)

Андрей Ветер: Скажи, можно ли объяснить, что такое танец? Насколько я представляю, танец есть своего рода освобождение.

Танцующий Лис: Когда я танцую, лично у меня складывается такое убеждение, что к этому танцу я шёл очень-очень долго. И все мы очень долго к нему шли. Как будто много всего делалось, чтобы теперь исполнить этот танец. Я тебе уже говорил, что такое ощущение, будто прошлое, настоящее и будущее сливаются, они всё как бы одновременно. Такая концентрация времени. То есть там одновременно происходят события, о которых ты думаешь, даже то происходит, чего не видел никогда. И сразу же появляется причастность к тому, что было очень давно. У меня такое ощущение возникает, будто я видел ту охоту, когда многочисленные стада бизонов были. И охотников было много. Но вот танцевать одному... Индейцы ведь танцуют и в одиночку. Но когда танцуют много людей, ты всех их уважаешь и знаешь, что многие из них в этот момент думают то же самое и находятся в таком же состоянии или стремятся к этому состоянию. И танец превращается в такое единое движение, в единый организм, как река. Танец ведь включает в себя буквально всё — не только звук барабана, не только погремушек... Это как бы отдельная музыка, и всё это делается для Создателя. А звук мокасин в траве!.. Когда танец имеет определённые фигуры, определённое направление движений, они совершенны в плане природы. Это как миграция стад или движение птицы. Птица никогда не будет двигаться так, как ей противоестественно. Она не может летать затылком. И человек ведёт себя так в танце (именно в танце), что получается монолитность причастности ко всему — к птицам, животным. Потому что в итоге-то понятно, что человек, хоть и совершенное, но всё же довольно гадкое творение во многих проявлениях. Но человек сам по себе в общем-то не виноват. Его таким сделало другое очень совершенное существо... в злобе своей, конечно. Но всё равно это единый организм... Земля, воздух, жизнь... И нельзя говорить, что человек — это отдельно, и всё остальное — отдельно. Потому что кем бы себя человек ни возомнил, он тут помрёт, если не будет ничего вокруг. А танец не просто напоминает об этой причастности, он создаёт, можно сказать так, новое кровообращение. И кровью становятся люди и предметы. Всё двигается, и всё это являет славу Создателю. Потому что Бог любит многообразие, и Он очень радуется, когда видит цвета, которые создал... Об этом индейцы говорили очень давно.

Андрей Ветер: Что можно сделать для человека, который никогда не задумывался о Боге? Человеку, который только что ел, спал и так далее...

Танцующий Лис: Сообщить человеку, что он не только не одинок и что, помимо его личности, которая включает в себя такие вещи как гордыня, жадность, зависть, существует Бог. И Бог, который любит его таким, какой он есть, освободит его от этого. Причём Он любит одинаково всех: плохих, хороших, жадных, добрых, слишком добрых и слишком

злых. Он не лицеприятствует никогда. Он вчера, сегодня и завтра будет один и тот же. Бог не меняется. Это мы меняемся, и Он нас создал способными меняться.

Вчера я был «белым», но сегодня я очень сильно изменился. Я перестал быть «белым» я вспоминаю, и я понимаю, что просто был болен. И слава Богу, что Он меня от этого избавил… И не надо следовать каким-то догмам и заключать себя искусственно в какие-то условия, чтобы приблизиться к Богу. Ему надо лишь, чтобы человек не делал то, что является мерзостью. Тогда всё будет нормально на душевном и духовном уровнях. Человек сможет питать себя духовно. И если человек будет способен танцевать для Бога, петь для Бога и во многих других вещах жить для Бога, то в его жизни многое изменится. Благополучие людей, которые живут без Бога, это очень мнимое благополучие. Это как мнимая свобода, которой на самом деле не существует. Просто человек ввёл себя в ещё большую зависимость и не заметил этого. Потому что в зависимость попадает его личность, не только разум. Разум-то в первую очередь страдает. Хлоп — и готов. Разум вообще принадлежит самому злому духу на свете. И именно этот дух пичкает человека такими мыслями, которые вводят нас во всякого рода заблуждения… Так что индейский танец мне лично очень помогает.

Андрей Ветер: А индейская песня?

Танцующий Лис: Песня? Это как иной язык. Ведь многие индейские песни вроде бы не имеют слов. Они имеют дух и душу, заключённые в звук. И когда поёшь их, ты можешь выразить именно то, чего не можешь сказать словами. Когда нет слов, ты можешь только духовно выражать это.

Когда я слышу индейское пение, песня меня резко ставит на место. Вся шелуха отлетает. И петь такие песни хочется долго — насколько голоса хватит. А когда его уже не хватает, тогда можно не петь, но можно слышать. Ведь если ты поёшь искренне, ты можешь услышать, как поют те, кто находится уже очень далеко. Ты обращаешься к тому миру. Это ни в коей мере не магия, это слияние мира.

Так же и в церковь ходят к Богу. Он здесь присутствует в Духе, в Великом Духе, о котором так часто говорится. Но люди, которые не имеют духа, даже не понимают, о чём они говорят… К Богу приходят люди, которые преодолели барьер эгоизма и которые сдвинули эту гору с места. Они могут свободно петь для Бога. Не для себя, не для кого-то, а для Бога. Не для своей личности, мол, вот я какой хороший.

Для Бога не существует национальностей. Когда он создавал людей, он не делил их на национальности. Поэтому не существует бога африканского, английского, татарского или какого-то ещё. Верить в религиозную систему — это уже мирские заморочки. Бог всё равно один. И каждому рано или поздно придётся за свой выбор ответить перед Ним.

Индейцы говорят, что Бизон теперь стоит на одной ноге. Это очень тесно перекликается с тем, что написано в Библии, что настанет время, когда мир перестанет существовать… Никуда не денешься. Одних будут судить по делам, других — по вере. Но каждый получит по своей вере.

А индейцы… Меня всегда мучил такой вопрос: почему так несправедливо,

что индейские народы погибли. Но сейчас у меня ощущение, что Бог так любил некоторые индейские нации, что просто забрал их к себе. А некоторые народы были прокляты за предательство перед Богом, за то зло, которое они творили, за море пролитой ими крови. Далеко ходить не надо. Вот Мексика… Даже испанские конкистадоры содрогнулись, когда увидели, что там происходило. Но были и другие племена, очень гуманные. У них велико ощущение причастности к окружающему миру. Именно такие индейцы всегда удивлялись белым людям, пилившим сук, на котором сидели. Они понимали, что добро должно двигать жизнью, а не зло.

Имена

Андрей Нефёдов (Ветер)

Добрая половина моего класса имела прозвища, и половина этих прозвищ происходила от фамилий (Мартынов — Мартын, Журавлёв — Жора, Аксельрод — Акселя), но некоторые были связаны с какими-то случаями или с особенностями внешности и характера (Мышь, Заяц, Бурый). Иногда прозвища претерпевали целый ряд трансформаций от первоначальной клички до той, которая закреплялась за человеком. Так, я увидел на занятиях по слесарному делу в УПК паренька, который, по моим представлениям, был настоящим Гекльберри Финном. Я стал называть его Гекльберри, но не все мои одноклассники запомнили это имя, хотя помнили, что оно как-то связано с Марком Твеном, поэтому стали звать его Марк Твен, а затем просто Твен.

Прозвища часто становятся для многих людей их настоящими именами. Среди индеанистов особенно. Было много людей, чьих паспортных имён я долго не знал. А над некоторыми именами гадал, пытаясь понять, откуда тянутся их корни. Например, я долго не мог понять, почему Пашу Фирсова зовут Гач. Я даже предположил, что это как-то связано с Гатчиной. Оказалось всё гораздо проще: Гач — это ЧинГАЧгук. Я долго смеялся.

Есть некоторые имена, связанные с конкретными событиями, например, Лёня-Ружьё (полное имя Взял-Ружьё-Под-Водой) появилось якобы из-за того, что он нашёл на дне моря потерянное кем-то подводное ружьё и взял его. Игорь Тропа стал зваться так после того, как вёл куда-то лошадь и то ли заплутал где-то на тропе, то ли лошадь сбежала на той тропе; так или иначе среди индеанистов появился Тропа. Некоторые имена связаны с профессией человека, но мне повстречался только один такой, его звали Человек-Считающий-Деньги, он работал бухгалтером.

Забавно, что некоторые «индейские» имена со временем приобретают новую форму. Например, Владимир Кошелев известен всем как Орлиное Перо. Во всех публикациях это имя пишется полностью, но в разговоре его называют просто Перо. Однако более узкий круг друзей (прежде всего те, кто жил с Орлиным Пером в общине Голубая Скала) зовут его не Перо, а Перов (имя «перевоплотилось» в фамилию, став в некотором роде прозвищем внутри прозвища)…

У меня никогда не было прозвищ, они почему-то не прилипали ко мне ни в школьные годы, ни в студенческие. Познакомившись с индеанистами, я стал усердно придумывать себе «индейское» имя и даже привлёк к решению этого вопроса моих друзей. Хотелось, чтобы имя звучало красиво, но всё придуманное получалось чересчур вычурным и ненатуральным., поэтому я оставил это глупое занятие и удовлетворился тем, как меня звали всю жизнь. Прозвище должно возникнуть само, его нельзя сочинять… И вот однажды во время моего первого Пау девушка с нежным именем Маша

сказала, что должна показать мне место на реке, где живут духи. В то время я был наэлектризован индейской магией и мистикой и с готовностью принимал любые истории про общение с потусторонними силами. Мы пришли к излучине речушки, и Маша сказала, что во сне она увидела это место и что с ней разговаривали духи. Они велели ей сообщить мне моё настоящее имя — Дремлющий Ветер. Мне понравилось это имя, но я долго не говорил о нём никому. Лишь когда пришлось придумывать себе литературный псевдоним, я вспомнил о Дремлющем Ветре, с тех пор на обложках моих книг написано имя Андрей Ветер, но это всё-таки литературный псевдоним, а не индейское имя.

Валентин Бусько (Великий Рысёнок)

Я сам придумал себе имя. Этим переболели многие, кто в детстве играл в индейцев. Считалось, что индейское имя должно быть у человека обязательно. Мне некому было его дать, потому что я был у себя в городе один. Я всегда любил кошек, поэтому мне нравилось, что рысь живёт в лесу. Рысёнок — это потому, что я был маленьким. Я думал, что если назовусь Рысью, то это будет слишком гордо и пафосно. Великий — это была такая небольшая хитрость, что ты одновременно рысёнок, и в то же время великий. Это имя до сих пор за мной сохранилось. Все люди меня до сих пор так и называют — Рысёнок, а про слово «Великий» многие даже и не знают. Есть люди, имена которым давали их друзья. Мне же до сих пор никто другого имени не давал. Поэтому не знаю, подходит оно мне или нет. В любом случае, оно для меня вполне естественно, когда так меня называют мои друзья. Мне будет больше резать слух, если они будут называть меня Валентином. Просто привыкаешь. Меня и ребёнок так называет. Во всём должна быть какая-то доля юмора.

Юрий Котенко (Злой Глаз)

Великий Рысёнок придумал себе имя в глубокой юности специально с юмористическим уклоном. Рысёнок — вроде бы маленький и слабый, но всё-таки великий. Димка Кроу получил имя из-за своего увлечения племенем Кроу. Это, кстати заметить, был самый распространённый способ получения индейских имён. Таких немало: Модок, Блэкфут, Макуас, Могиканин и т. п. Был и просто Индеец. Соббикаши придумал имя Ольге Пакуновой — Поющая Лань (она песни сочиняла). Рысян — бытовое сокращение от Неистовая Рысь из Сат-Ока. Очень много имён взяты из прочитанных книг: кому какой персонаж понравился, то имя и брали себе. Индеанисты сами себе давали имена, наверное, в пятидесяти процентах или даже больше.

Алексей Кучменёв (Рысян)

Когда в Питер приезжал известный шаман Уоллес Чёрный Лось, мы встречались с ним. Первый раз мы поехали к Уоллесу в гостиницу, в Солнечное, затем поставили типи на берегу. Там была

Мато Нажин, 1974

церемония Трубки. Уоллес Чёрный Лось с нами курил. Там он дал имена: моей жене — Шийо (Свисток Из Орлиной Кости), а Игоря Карева назвал Вичаша Вамбли. Карев подарил Уоллесу много орлиного пуха, а это, как оказалось, Лакоты ценят выше, чем орлиные перья, пух священнее, если так можно сказать, чем перья. Поэтому Игорь получил имя Вичаша Вамбли.

Александр Собокарь

У меня к «индейским» именам в нашей среде было всегда скептическое отношение. И до сих пор таким и остаётся. Если к тебе приклеилось какое то имя или прозвище, это как бы одна история, но провести самоинициацию и объявить, что теперь меня зовут, например, Неистовая Лошадь, мне кажется, по меньшей мере, странным. То есть выбор имени не должен быть личной инициативой. Мы же не индейцы в конце концов, хотя и они сами себя не называли. Все имена получались, добывались и т. д. Много раз возникал вопрос моего индейского имени и ответ всегда один, у меня его нет! Рысян закрепил за мной прозвище Могиканин, и оно за последние лет пять устоялось в кругу друзей. И хотя иногда Рысян меня ещё и Ункасом называет, я считаю, что это совсем неверно. Всё-таки брать имена извест-

ных личностей не стоит, как-то это несерьёзно. Я, может, и хотел бы называться как-то величаво, но считаю неправильным взять сейчас вот и назвать себя както! В этой связи у меня, кстати, много противоречий с предыдущими поколениями индеанистов и сегодняшними представителями другого лагеря!

Павел Фирсов (Гач)

Это случилось в 1993 году на моем первом Пау-Вау в Кимрах. Лось (Дима Зорин) собрал нас (новичков) в типи и устроил «обряд посвящения в индеанисты»: насыпал огромную кучу лапника на костёр, задраил клапана, и в этой кромешной дымовухе мы должны были полчаса сидеть и петь песню про белую собаку, кто не выдержал, тот воином не считался! Потом Лось нас опросил кто как индейцами заинтересовался, а когда очередь дошла до меня, я рассказал свою историю, как в детстве мы играли в индейцев и у меня было имя Чингачгук. Лось поразмыслив, сказал: «Значит будешь Гачем».

Олег Ясененко (Блуждающий Дух)

(стенограмма телевизионной программы «Сделай шаг», апрель 1998)

Михаил Кожухов: На самом деле вас зовут Олег Ясененко.

Олег Ясененко: Да.

Михаил Кожухов: Вы сразу, с самого начала стали Блуждающим Духом?

Олег Ясененко: Нет. Это путь жизни, это имя, к которому я пришёл.

Михаил Кожухов: А как даётся имя? Или человек сам выбирает?

Олег Ясененко: У индейцев имена давались в связи с различными событиями…

Михаил Кожухов: Но я спрашиваю сейчас не о тех индейцах, которые жили в Северной Америке, а которые у нас… Даже не знаю, как назвать их.

Олег Ясененко: Надо называть их индеанистами. Я представитель Движения индеанистов.

Михаил Кожухов: Вы несколько лет, по сути дела, по-настоящему жили жизнью индейца. Можете вы об этом рассказать? Как вы ушли? Почему?

Олег Ясененко: Когда я почувствовал дисгармонию, противоречие с окружавшим меня миром, я решил изменить мою жизнь. В 1986 году я уехал из города и стал жить на природе. Я хотел максимально приблизить мою жизнь к индейской жизни. Тогда я считал, что так я смогу стать индейцем.

Михаил Кожухов: Хотелось?

Олег Ясененко: Да, мне хотелось стать индейцем.

Михаил Кожухов: Долго вы странствовали?

Олег Ясененко: Восемь лет.

Михаил Кожухов: То есть вам понадобилось восемь лет, чтобы понять, что вы не индеец?

Олег Ясененко: Я бы не ставил так вопрос. Скорее мне понадобились эти годы, чтобы осознать моё место в этом мире.

Михаил Кожухов: Почему вы пришли к выводу, что вы не станете индейцем, что вы русский и что вас зовут Олег?

Олег Ясененко: Когда я приехал в Крым, мне пришлось сразу столкнуться

Блуждающий Дух в гостях у программы "Сделай шаг"

со многими трудностями. Было непонимание со стороны местного населения. Я сразу сбросил с себя одежду белого человека, стал носить одежду индейцев, набедренную повязку, мокасины. Я вёл жизнь, противоположную той, которой жили там остальные люди. Я жил в лесу, кочевал с лошадьми и отарой овец. Я *противопоставлял себя им*, и это порождало определённые трудности, много трудностей... Мне пришлось изменить мои взгляды. Я понял, что нельзя идти на конфликт с людьми, надо попытаться понять человека... В течение этих восьми лет моё восприятие мира постоянно менялось. Я чувствовал, что происходит что-то не то. Ведь основа всего общества — семья. У меня не было семьи, а я всегда мечтал о том, чтобы у меня была семья и дети. И после семи лет я познакомился с девушкой. Сейчас она — моя жена.

Михаил Кожухов: У вашей жены тоже есть индейское имя?

Олег Ясененко: Да

Можете его назвать?

Олег Ясененко: Молодая Луна.

Михаил Кожухов: А у ребёнка тоже есть индейское имя? Девочка или мальчик?

Олег Ясененко: Девочка.

Михаил Кожухов: Как её зовут?

Олег Ясененко: Её зовут Жёлтая Ящерица.

Вопрос из зала: Скажите, пожалуйста, вот то имя, которое вы приобретаете, оно является выражением вашей сущности? Надо так понимать? Вы — блуждающий Дух. Это ваша сущность?

Олег Ясененко: Это имя связано с тем, что я много кочевал, много ездил. Теперь у меня другая жизнь, но я не менял моего имени. Зачем?

Михаил Кожухов: Блуждающий — в смысле «свободный», «ищущий»?

Олег Ясененко: Да.

Валерий Булатов

Основав свою студию в 1992 году, я выпустил первые два полнометражных фильма про индейцев «Хау» и «Хау-2». Я назвал свою студию «Unkas-film», потому что мне нравилось имя этого персонажа. Я и себя так называл — Ункас, но в 2017 году на съёмках «Тайника» в Питере получил новое.

Съёмки там удались на славу. В конце съёмочного дня мы пили с индейцами «огненную воду». Я искренне благодарил всех, кто принял участие в моём проекте. Один из вождей сказал: «Ты приехал бог весть из какой глубинки, и вот у тебя на раз получилось не только собрать нас, но и снять всё, что ты хотел. А ведь это не легко сделать. Да ты просто счастливчик». Тим Уланов подтвердил: «Да он такой, у него всё получается! Он на самом деле счастливый человек». Тогда я попросил собравшихся: «Ну так дайте мне индейское имя». Немного подумав, вождь произнёс: «Воешехетан». И теперь я не просто Ункас, а ещё и Воешехетан — Счастливый Человек, потому что так оно и есть.

Валерий Булатов и участники киносъёмки

Раду Попшой
(Маленький Лис)
Инипи

Было это в предпоследний день Пау-Вау 2012 года. Уже закончены были основные церемонии с танцами и пирами, и некоторые участники, уложив вещи и собрав типи, стали разъезжаться по домам. Но ещё много людей продолжали наслаждаться общением, красотой места и тишиной соснового леса. В это утро сразу после пробуждения я с друзьями пошёл на озеро искупаться. Тёплый и мягкий свет солнечных лучей прорывался сквозь зелёную хвою и освещал тропу, что спускалась к воде. По тропе возвращались несколько девушек из нашего лагеря, закутанные в одеяла, с их блестящих в утреннем свете волос капала вода. Мы поздоровались, поравнявшись с ними, и спустились по склону на песчаный берег озера. Вода, залитая светом, так сверкала, что слепила нам глаза, играя на мелкой ряби огромного зеркала воды. Озеро такое большое, что едва можно различить густой сосняк на противоположном берегу. Это озеро Сувантоярви или Суходольское, как его ещё называют, и находится оно в лесах прекрасной Карелии. Мы скидываем с себя мокасины и набедреники и лезем в воду. Вода холодными иголками впивается в кожу, и мы продвигаемся быстрее на более глубокое место и окунаемся

несколько раз. Прохладная вода лесного озера мигом смывает с нас остатки сна, и через мгновение мы бодрой походкой поднимаемся по песчаному берегу к тропе, что ведет в лагерь. Мы разбредаемся каждый к своему типи, начинаются обычные лагерные хлопоты. Кто-то ставит на огонь чайник, кто-то бреется, а кто-то заплетает мокрые после купания волосы.

Ближе к обеду ко мне подошел мой друг и старший брат по имени Боевой Головной Убор пригласил меня принять участие в церемонии инипи. Я с огромной радостью согласился и, получив инструкции того, что я должен делать, приступил к приготовлениям наравне со всеми теми кто был приглашен участвовать в обряде. Один из распорядителей обряда по имени Великий Ходок объяснил мне мою роль и мои обязанности в приготовлении и проведении обряда. Был назначен файермен (человек смотрящий за огнём и проводящий все действия связанные с обрядом снаружи палатки потения), им был назначен Бизон, и два его помощника. Эти два помощника были Три Шрама и я. Моей радости не было предела, меня не только допустили к обряду но ещё и доверили в нём определённую роль. Так я стал помощником файермена. Мне объяснили мои новые обязанности и, собрав самое необходимое, мы выдвинулись. Наша процессия, растянувшись на тропе, углубилась в лес. Через пару минут лагерь скрылся из виду, и его шум уже не доносился до нас. Через некоторое время мы подошли к месту, где стоял каркас прошлогодней палатки потения. С прутьев, с которых уже местами стала отдираться кора, свисали прошлогодние узелки красного ситца с жертвенным табаком. Добравшись до места, мы сразу же принялись за дело. Сложив принесённые с собой вещи, мы взялись каждый за свою работу. Кто-то начал расчищать место под костёр, кто-то стал пилить бревна для костра, другие вынимали камни из круглой ямы посреди палатки потения. Некоторые из нас пошли собирать круглые камни для церемонии, а другие рвали траву, которую должны будут постелить на пол в палатке потения. Все участники обряда работали увлечённо, и вскоре часть приготовлений была завершена. После того как из ямы в центре палатки были извлечены камни, её немного углубили и разровняли осыпавшиеся края. Землёй, которую достали из неё, от неё и через вход наружу была усыпана дорожка, тянувшаяся к земляному алтарю в форме усечённой пирамиды. На алтарь был уложен череп бизона, повёрнутый к входу в палатку. Немного в стороне от палатки, примерно шагах в десяти, мы стали сооружать место для костра. Площадку для костра разровняли и обложили камнями в форме полумесяца, ориентированного рогами в сторону палатки потения. После этого мы стали строить из бревен священную палатку для костра, которая называется «Peta owihakkeshni» или вечный огонь. Здесь нагреваются камни. Эта палатка строится в форме сруба и сначала кладутся четыре палки, ориентированные восток-запад, затем на них сверху — четыре палки север-юг. Затем вокруг приставляются палки, как в типи: сначала на западной, затем на северной, восточной и южной стороне. Камни сначала кладутся тоже по этим четырём направлениям, а затем много камней складываются

на дрова сверху. Пока все это делалось, один из распорядителей чуть в стороне молился.

Когда брёвна и камни были уложены файермэн зажёг огонь, который всегда зажигается с восточной стороны. Саму палатку потения накрыли принесёнными с собой одеялами и шкурами так плотно, что внутри её была полная темнота. Один из распорядителей стал разрывать красный ситец на полосы и небольшие квадраты в которые завернули немного жертвенного табака и привязали к обоим запястьям всех участников обряда. Пока горел костёр, на котором накалялись камни, мы уселись по-турецки вокруг алтаря и распорядители достали свои священные узлы и свёртки. Они достали из них свои трубки и стали их набивать особой смесью табака называемой кини-киник, произнося всё это время молитвы и предлагая щепотку табака Крылатой Силе запада, места, где садится солнце, места, от которого приходят очищающие воды. Эта Сила призывается и её просят помочь в обряде, считается, что она воплощается в щепотке табака. Её кладут в трубку и так же предлагают табак Силе севера, места, откуда приходят очищающие ветра; Силе востока, места, где встаёт солнце и откуда приходит мудрость; Силе юга, места, которое является источником и концом всей жизни; вверх — небесам, и наконец, Матери-Земле. Когда призывается помощь каждой Силы и, когда каждая щепотка табака кладется в трубку, все стоящие около палатки инипи громко восклицают: «Хау!». Этим они выражают свою радость и удовлетворение по поводу сделанного. После того как трубки были набиты, распорядители положили их на земляной холмик алтаря головкой на запад, а чубуком на восток оперши их на череп бизона. Теперь участники сняли с себя все украшения и скинули одежду и все, кто был готов пройти обряд, вошли внутрь палатки потения встав на четвереньки и протиснувшись в низкий и узкий вход палатки. Входящие в палатку наклонялись и произносили: «Хи хо! Хи хо! Pila mya (спасибо)!» Участники церемонии прошли один за другим двигаясь внутри палатки по ходу солнца, пока палатка не наполнилась и все не уселись на уложенной там заранее траве.

Peta owihankashni, священный костёр горел уже пару часов и скоро должен был превратиться в кучу углей. Среди углей лежат большие камни, уже раскалённые докрасна. И вот пришло время подавать внутрь эти камни. Файермэн подошел к алтарю с бизоньим черепом и взял одну из трубок прислонённых к нему и передал её внутрь палатки. После он, а за ним и я со вторым помощником Три Шрама заранее приготовленными рогатками разгребаем угли священного КосТра, Peta owihankashni, и рогатками поддеваем раскалённые камни. Один за другим мы проходим по священной тропе и через узкий лаз палатки рогатками подаём раскалённые камни предупреждая тех что внутри громким окликом: «Осторожно, Дедушка идёт! Осторожно, Дедушка идёт! Осторожно, Дедушка идёт!» Дедушкой или Tunkashila называем мы подаваемые в палатку камни так как они, камни, являются самыми древними на земле, и мы таким образом проявляем наше к ним почтение. Первый камень кладут в середину алтаря, он предназначен для Вакан-Танки, кото-

рый всегда находится в центре всего. Человек, сидящий на западе, касается головкой трубки этого камня. И так он поступает каждый раз, когда камень кладется на алтарь. В это время все восклицают: «Хи-йе! Хи-йе!». Благодарим второй камень, внесённый в палатку, его кладут на западную сторону алтаря, следующий на Север, затем на Восток, затем на Юг, один на землю, и наконец один священный камень, представляющий Вакан-Танку, кладётся сверху на них. Теперь все эти камни олицетворяют все, что есть во вселенной. Человек, сидящий на западе, предлагает трубку небесам, земле и четырём сторонам света. Затем он раскуривает её и после нескольких затяжек, натерев дымом трубки все свое тело, передает трубку сидящему слева от него, говоря (смотря по их отношениям) или: «Ho Ate!» или: «Ho Tunkashila!».

Я присел у входа и стал внимательно слушать и наблюдать за тем, что делалось внутри. Трубка сделала круг и вот её передали наружу. Я принял её и передал файермену который также как и участники обряда из палатки раскурил её, предложив дым всем направлениям, передал её нам, своим помощникам, и мы, каждый по очереди предлагая её дым небу, четырём ветрам и земле, выкурили и вернули её файермэну, который отряхнул пепел из чубука на алтарь и снова прислонил трубку к бизоньему черепу на алтаре. Теперь мы подали внутрь палатки сосуд с водой и плотно закрыли вход. И обряд начался. Одна из отличительных черт этого обряда состоит в том, что хижину нельзя открыть изнутри. Когда жар, наконец, становится невыносим, все кричат хором «Mitakuye oyas'in» — это сигнал помощникам открывать дверь и выпускать участников церемонии. Поэтому я встал у двери на колени и стал внимательно слушать за тем что делается внутри палатки для того чтоб быть готовым исполнить поручения распорядителей обряда. Из палатки доносилось шипение раскалённых камней и приглушённые голоса участников. Затрещала кожаная трещотка Чёрного Бизона, и я услышал приглушенный звук священной песни. Её тембр и ритм периодически менялись то усиливаясь, то ослабевая. К песне присоединились голоса и других участников инипи, и тогда её стало хорошо слышно снаружи. «Хеийййя-хейййй! Хеийййя-хей! Хеийййя-хей!» — поют они. Некоторые напряжённые голоса срываются на фальцет, и даже мы снаружи чувствуем, как возрастает напряжение и накал в церемониальной палатке. Вдруг криком «Mitakuye oyas'in», что на языке Лакота означает «Мы все родственники», руководитель объявляет, что делается перерыв. Я быстрыми движениями освобождаю от одеял дверь и откидываю полог палатки и пару человек выползает на четвереньках из палатки низко, наклонив голову к земле прошептав: «Mitakuye oyas'in, Mitakuye oyas'in»...

И вот пришёл и мой черёд войти внутрь палатки. Я скинул набедренник и снял мокасины. Низко наклонившись и прошептав «Mitakuye oyas'in», я вполз внутрь. Файермэн и его помощник раскурили следующую трубку и передали её в палатку. Распорядитель раскурил её и предложил дым сторонам света передал её по кругу. После того как трубка была выкурена, мы вернули её обратно, и полог наглухо закрылся. Кругом темно, только таинственное свечение исходит от горячих камней. Душно, и постепенно

становится всё жарче. Люди сидят в молчании, ёрзают, пытаются найти удобное положение, привыкают к жаре, нюхают полынь и думают о том, что они заперты в таком крошечном душном помещении. Через несколько минут руководитель обращается к собравшимся. Он говорит, что они пришли сюда для того, чтобы разделить испытание Палатки Потения, чтобы воспарить духом и обрести здоровье. Он посвящает церемонию своим родным и воздаёт молитвы четырем сторонам света, Отцу-Небу и Матери-Земле. Он посыпает камни размельчённым шалфеем, палатка наполняется благоуханием. Затем он опускает орлиное крыло в сосуд с водой и обрызгивает раскалённые камни. Раздаётся резкое шипение. Сначала свечение от камней угасает, но потом появляется снова. Вода опять льётся на камни. С низкого свода хижины волна сырого горячего пара оседает на головы и плечи собравшихся. Несколько человек затягивает песню; стоит гул от низких голосов. Чёрный Бизон отбивает ритм трещоткой. Ещё вода, и новые клубы пара поднимаются из ямы. Температура стремительно поднимается. Невыносимый жар распространяется короткими волнами; сперва он обволакивает тело, потом превращается в сплошную завесу пара. Вода попадает на камни всё чаще и чаще. Чтобы совладать с волнами жара, собравшиеся начинают петь более серьезно. А испытание становится всё тяжелее и тяжелее, и люди начинают спрашивать себя: «Сколько я ещё выдержу? Когда это закончится?», и даже «Зачем я это делаю?». Вдруг кто-то вскрикнул и все замолкли, голос вновь повторил: «Мйакиуе oyas'in». Это голос Дикого Кота. Он обратился к распорядителю обряда с просьбой о разрешении выйти, так как не чувствует себя более способным вынести обряд до конца. «Aho», — кричит распорядитель файермэну и его помощнику, давая им сигнал, чтобы открыли дверь и выпустили Дикого Кота наружу. Распорядитель воспользовался этим перерывом и попросил подать воды помощнику. Утолив жажду, мы попросили закрыть полог, и церемония продолжилась.

В палатке темно и душно. Великий Ходок достаёт из расшитого бисером мешочка щепотку шалфея и кладёт на раскалённые камни. Тлеющий шалфей наполнил своим священным дымом всё пространство въедаясь в волосы и мокрую кожу. Заговорил Неистовая Рысь, один из самых старших руководителей обряда. Он стал рассказывать о важных уроках жизни, о том что вся жизнь и всё, что есть в жизни — будь то растения, животные, ползающие и летающие народы — занимает своё священное место и священно так же, как ребенок. Он говорил, что всё то, что существует на земле, было создано, чтобы делиться друг с другом и должно быть уважаемо, нельзя уничтожать что-то без причины, и что мы все присутствующие в этой церемониальной палатке должны попросить прощения у всех живых существ за то что мы ненароком причинили им вред установив на этом месте палатку и костёр. Так как каждая травинка, муравей или жучок, копошащийся в траве есть один из аспектов жизни, несёт в себе духовность и определённое послание от Вакан-Танка, что делает все вещи священными и сопричастными друг другу. И как противоположность этому — взгляды современного общества, где детям с ранних лет внушают, что природные ресурсы земли должны использо-

ваться для прихоти человека, весь животный мир предназначен для поедания или развлечения, а всё, что связано с сохранением жизни на Земле, считается вторичным или же совсем не важным. Темно. Только камни в яме в центре палатки светятся красноватым светом. В Священной Палатке мы все сидим плечом к плечу. Мы сидим в центре круга гармонии, в Священной Палатке, и каждый думает о своём. Но все мы едины, мы — Люди. Разница между нами мелка и ничтожна. Единство не только среди сидящих в палатке, но и всей Вселенной, гармонии, пронизывающей каждое существо, огромно и бесконечно. Церемония потения очищает нас от всех наших противоречий, делает нас одинаковыми. Эта церемония единственная, где два человека могут прийти врагами, а выйти друзьями. У этой церемонии есть большая сила, и она имеет большое значение для участников.

За Неистовой Рысью заговорили и другие. Кто-то стал рассказывать о том, что он думает, кто-то молился вслух. Периодически Великий Ходок брызгал водой на раскалённые камни и пространство вновь наполнялось горячим и ароматным паром. Прислушиваясь к другим, я задумался о том, как я очутился здесь, как я приехал в это место, преодолев более двух тысяч километров, и как удачно для меня всё сложилось. Я стал участником Пау-Вау. Я не только смог приехать и увидеть всё своими глазами, но я ещё и принял самое активное участие во всех событиях этого Пау-Вау. Я выходил на арену и танцевал. Да-да, я танцевал. Меня редко кто из домашних видел танцующим, а тут я, отдавшись всецело ритму большого барабана, притопывая, припадая и покачивая телом в такт взявшего меня в плен ритма индейского барабана, с такой лёгкостью и естественностью танцевал, будто делал это всю свою жизнь. Я после долгой переписки увиделся со своими друзьями и приобрёл много новых. Многие стали мне братьями. Думая над этим всем, у меня появилось желание помолится. Мы молимся ради того, чего хотим, но мы всегда молимся за других, а не ради лично себя самого. Мы молимся, например, за народ растений: деревья, траву, мы молимся за народ камней, которые отдают нам своё тепло, мы молимся за животных с четырьмя ногами, с двумя крыльями и морских существ, и мы молимся за наших братьев и сестёр, за сильных и слабых, ещё не родившихся, молодых и старых. И ещё мы молимся за наших братьев и наш народ.

Когда все замолчали, я попросил разрешения помолиться на моём родном языке. Я задумался, подбирая слова, ведь я раньше никогда не молился публично и никогда не делал это в голос. После небольшой паузы я заговорил. Осознавая, что у меня есть всё, что мне нужно, есть семья, дом, работа и друзья, я понял, что могу помолиться лишь за своих родных, друзей и свой народ. Слова лились легко, и певучесть молдавского языка, сливаясь с паром и темнотой Палатки, звучали необычно в такой же необычной обстановке церемониальной Палатки. Прошло какое-то время и я закончил молиться. Теперь я произнёс мою молитву на русском языке для моих братьев и наставников. Когда я закончил её со словами «земля одна продлится!», мои братья ответили мне: «Ахо, брат!»

Был сделан ещё один перерыв и выкурена еще одна трубка. Полог опустил-

ся и в глубокой темноте всматриваясь в мягкое мерцание раскаленных камней я задумался над произнесённой мною молитвой. Я вспомнил прочтённые когда-то слова Джона Файра Хромого Оленя: «Когда вы, находясь в Священной Палатке, молитесь от души, может наступить такой момент, когда вы ощутите присутствие могучей и удивительной силы. Ваша душа вознесется, и вы охватите взором сердца такие дали, о которых и не ведали. Эта сила — Ваканта. Она может проявлять себя по-разному: вы услышите взмахи орлиных крыльев над палаткой, увидите маленькие искорки на раскалённых камнях и в какой-то миг почувствуете, что едины мыслью с теми, кто вместе с вами участвует в ритуале, и с теми, кто далёк от вас и, быть может, уже не живёт на этой земле. Их души будут с вами».

Я задумался над всем этим, и в памяти возникли мои дедушка и бабушка. Их давно уже нет среди нас, но моя память упрямо возвращает меня в те далёкие и счастливые времена, когда я был рядом с ними. Монотонность голосов звучащих в темноте платки и ароматный пар идущий от красных камней постепенно унесли меня далеко от этого места. Я стал грезить… Я вижу себя маленьким, светловолосым, круглолицым мальчуганом, занятого игрой. Я в поле с бабушкой, мамиными сёстрами и братом. Они заняты работой, согнув спины над рядами сахарной свёклы, они тяпками окучивают её изумрудно-зелёные всходы. Свёкла растёт красивыми и длинными рядами, и мои родные, увлечённые работой ушли далеко от меня, так что их силуэты белеют на фоне зеленеющего поля. Я оставлен на охрану наших вещей и, сорвав длинный прутик я прохаживаюсь взад и вперёд переполненный чувством собственного достоинства от возложенной на меня ответственности, отгоняя невесть откуда взявшихся воробьёв. Солнце ярко светит, и я прикладываю руку козырьком к глазам, всматриваясь вдаль. На горизонте появляются несколько крупных облаков. Они увеличиваются в размерах, клубятся и меняют свои очертания. Солнечные лучи косо пробиваются сквозь них и рисуют на земле причудливые узоры теней. За этими облаками следуют другие, и я, задрав голову, представляю их себе как больших и бело-голубых барашков бегущих по небу друг за другом. Они нагоняют друг друга, сталкиваются друг с другом и, обнявшись в весёлом танце, нагромождаются друг на друга. Загремел гром. Его раскатистый грохот скатился с горы и разлился по полю. Я радостно захлопал в ладошки. Будет дождь. Я люблю дождь. В дальнем конце неба от плывущей по небу тучки потянулись к земле синие нити дождя. Через мгновение от другой тучки также потянулись к земле серебряные нити дождя. Их становилось всё больше и больше, и в моих зажмуренных глазах они казались гигантскими и фантастическими животными, тела которых находятся высоко-высоко в небесах, а их длинные ноги тянутся до самой земли. С места, где я находился, открывалась величественная и фантастическая панорама.

Я стоял на середине склона посредине огромного природного амфитеатра. Внизу стелилась равнина, покрытая полями пшеницы и разделённая на ровные и аккуратные участки просёлочными дорогами и лесопосадками. Залитое солнцем пространство быстро заполня-

лось грохочущими дождевыми тучами, и с моего места хорошо было видно как стена дождя медленно приближается ко мне, волоча по земле длинные нити-ноги воды. Мои родные уже спешили в мою сторону, догоняемые первыми редкими каплями дождя. И вот они уже суетятся вокруг меня, собирая и складывая вещи, и бабушка достаёт из сумки сложенный кусок полиэтиленовой плёнки. Крупные капли дождя падают на нас и на листья свеклы, разбиваясь на более мелкие капельки.

Кап-кап-кап. Мы прячемся под развёрнутое полиэтиленовое полотно, плотно прижавшись друг к другу, придерживая его за края и прижимая к земле. Получился небольшой и прозрачный шалаш. Капли воды с убыстряющимся темпом ударяются об полиэтилен, и мы попадаем под сильный и быстрый летний ливень.

Бум-бу-бууум, гремит гром.

Кап-кап-кап, отстукивают дробь крупные капли дождя. В какой-то момент вода брызнула мне в лицо, и я очень этому удивился.

Я огляделся по сторонам, но никак не мог понять, как вода могла попасть сюда под полог. И вот снова вода брызнула мне в лицо.

— Брат, ты в порядке? — услышал я. — Ты в порядке? — спросил голос вновь, и это был Великий Ходок.

— Да, я в порядке, — ответил я, и тут же я понял что всё, что мне только что привиделось, было лишь воспоминанием из детства. А брызнувшая мне в лицо вода не была каплями дождя. Это были брызги воды с крыла-опахала Великого Ходока. Я грезил всё это время.

— У тебя есть имя? — спросил меня Великий Ходок.

— Нет, у меня нет имени. Я не думал, что я смогу выбрать его сам.

— Послушайте братья, — сказал Великий Ходок. — Я думаю дать имя этому человеку, и думаю, что никто из здесь присутствующих не против этого.

— Никто, брат, — ответил хор голосов.

— Итак, я нарекаю тебя именем Маленький Лис, в память об нашем друге, Танцующем Лисе. Пусть это имя принесёт тебе удачу, носи его с честью, Ахо! Один Лис ушёл для того, чтобы на его место пришел другой.

— Ахо, — ответили голоса из темноты палатки.

Я склонил голову и тихо произнес:

— Спасибо братья.

В палатке тепло, темно и тихо. Люди притихли, и лишь иногда кто-то из нас переговаривается с соседями. Камни в центре уже утратили свой жар и уже не светят своим жёлто-красным светом, и голос распорядителя возвестил о том, что пора заканчивать ритуал. Сидящий у двери откинул полог и, встав на четвереньки и наклонив голову, выполз на свет прошептав: «Mitakuye oyas'in». За ним потянулись и остальные, гуськом выползая на яркий свет после темноты внутри палатки. «Mitakuye oyas'in, mitakuye oyas'in», — слышен шёпот людей. Да будет так!

Мы выползли наружу, и некоторые из людей пошли к озеру окунуться в живительную и холодную воду Сувантоярви, кто-то прилёг, вдыхая аромат трав и впитывая силу Матери- Земли. Я присел на землю спиной к тлеющим углям священного костра, Peta owihankashni, и чувствовал кожей его убывающий жар. Дул лёгкий освежающий ветерок, и верхушки сосен монотонно гудели над на-

шими головами. В скором времени с озера вернулись ребята, и все расселись вокруг алтаря с черепом бизона.

И вот распорядитель стал выкладывать перед собой свои принадлежности. Он объявил о том, что Тим Боевой Убор дал обет и сейчас же приступит к его выполнению.

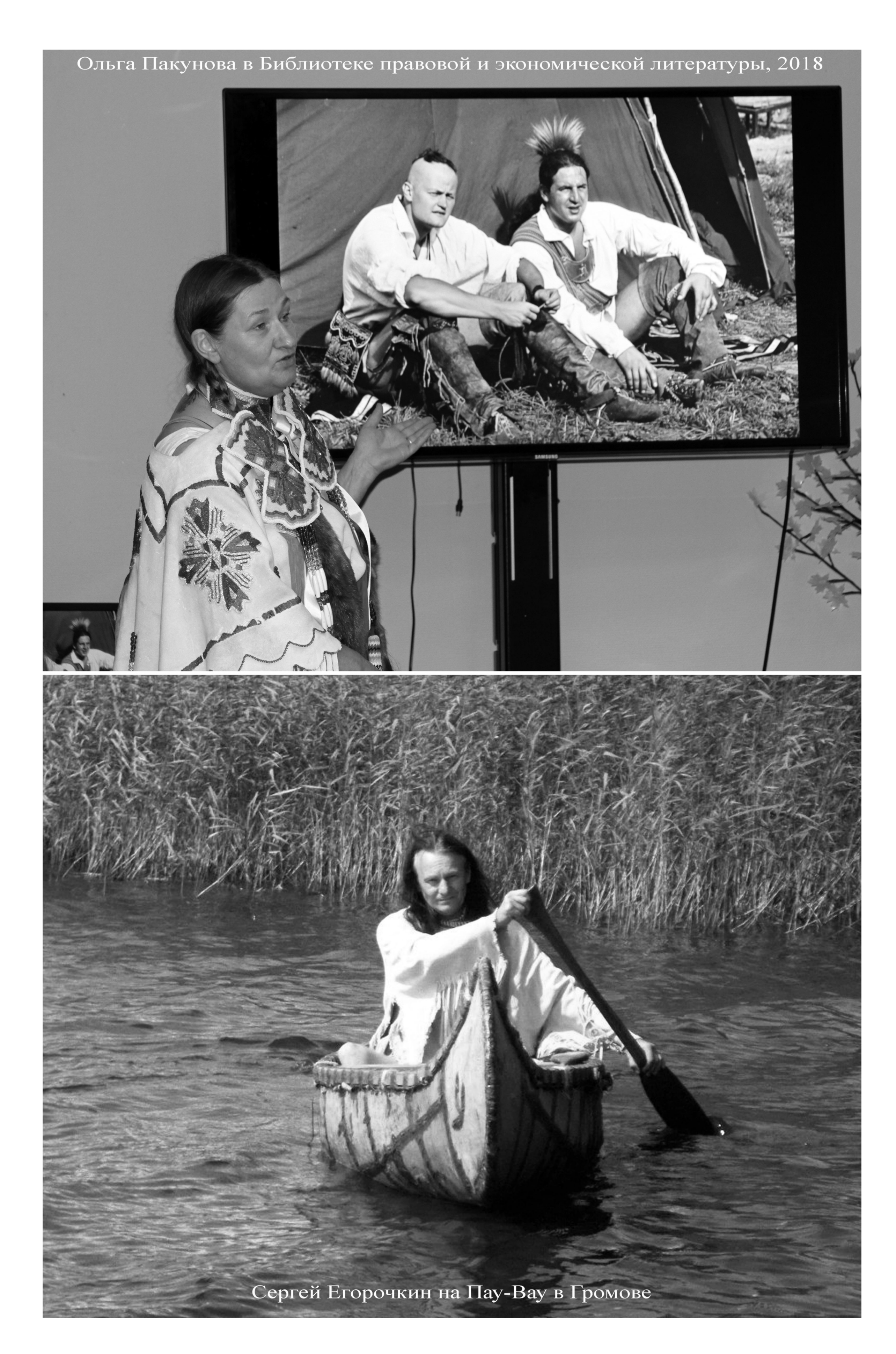
Новый ритуал, что же это может быть, спросил я себя. Что ещё принесёт мне этот насыщенный день?

И вот Тимофей уже сидит лицом к лицу с Великим Ходоком. Он сидит, скрестив ноги, его руки покоятся на его коленях. На груди висит свисток из орлиного крыла, на котором колышется на ветру орлиный пух. И он и все остальные наблюдаем за действиями распорядителя, который раскрыл свой священный свёрток и выкладывает на нём свои принадлежности для ритуала. Вот он произносит молитву, окуривая себя и принадлежности свитграсом. Закончив эти манипуляции, Ходок берёт в руки свои инструменты, это шило и нож. Тимофей протягивает к нему свою руку и действие начинается. Ходок вонзает шило в кожу руки выше запястья и, оттянув её на нужное расстояние, срезает кусочек своим ножом. Мы все замерли в торжественном молчании, и лишь свисток из крыла орла, в который дует Тимофей, нарушает тишину.

Вот кусок плоти срезан, размером он со спичечную головку, и Ходок, взяв его, преподносит небу и солнцу и кладёт его на насыпь алтаря. Срезается следующий кусок плоти и кладётся на алтарь. Ещё один, и ещё, и ещё… Тимофей дует в свисток, устремив глаза к небу, и в этом простом и незатейливом действии мы ощущаем незримую связь с Матерью-Землёй, Небом и всем сущим…

Всё уже закончилось. Священные узлы упакованы, вещи собраны, и люди один за другим уходят в лагерь. Поляна пустеет, и я, подняв с алтаря бизоний череп, тоже ухожу. Я иду по тропе в лагерь, один, прижимая к груди большой череп. Иду и думаю о том, что произошло, о том, что родился новый я. Да, теперь я Маленький Лис. Слышите, вы слышите, я, Маленький Лис!!! Теперь я, земля, небо, лес, озеро, мы все породнились, мы стали одним целым, так как завещано со времён изначальной искры. Пусть будет добрым мой путь, Ахо!!!

Mitakuye oyas’in

Ольга Пакунова в Библиотеке правовой и экономической литературы, 2018

Сергей Егорочкин на Пау-Вау в Громове

Пелтиер

Андрей Нефёдов

Про Леонарда Пелтиера я читал, но ни разу не участвовал ни в каких акциях по сбору подписей в его поддержку. Мне кажется, я даже не слышал о тех акциях. В то время в газетах я читал только телевизионную программу, всё остальное меня не интересовало. Всё моё внимание было сосредоточено на съёмках моих фильмов. У меня не было друзей, интересовавшихся индейцами, поэтому никто рядом не сотрясал воздух речами о том, чтобы пойти на митинг в защиту Пелтиера или поставить подпись под петицией, которую отправят президенту США. Для меня он был таким же политическим узником, как чернокожая активистка Анжела Дэвис. То, что он был индейцем, не делало его в моих глазах особенным. Лишь взявшись за эту книгу, я узнал, что в Советском Союзе существовало движение в поддержку Леонарда Пелтиера, но мне трудно судить, насколько оно было масштабным.

Про детали одной из таких акций протеста я узнал, расспрашивая о фотографии, на которой ребята запечатлены на фоне портретов Пелтиера, кто-то в пышном уборе из перьев, кто-то с барабаном… Акция протеста была проведена перед посольтвом США в Москве в 1989 году. Организаторами выступили новосибирские индеанисты совместно с хакасами. Ольга Пакунова и Великий Рысёнок жили тогда в Кукуе и присоединились к акции по приглашению Мато и Блэка. В поезде ехал хакасский народный ансамбль и, как вспоминает Ольга: «Хакасы всю дорогу доказывали нам, что они родственники индейцев, показывали свои жилища, наскальные рисунки и т.д.» В Абакане располагался местный центр «Свободу Пелтиеру», и туда, говорят, приезжала жена Леонарда. На всём пути до Москвы индеанисты проводили акции во время остановок. В Москве индеанисты собрались на Садовом кольце напротив американского посольства, хакасы поставили юрту, а индеанисты — типи. *Шесты для типи привезли из Новосибирска в пассажирском вагоне!* Глеб Борисов рассказал, что типи стояло на углу дома: «Там такой проулок во двор, а за проулком высилась школа за небольшим открытым забором, и за ним было много зелени. Место не изменилось по сей день. Там был ещё Сашка Блэк, Марго, Четан (Малахов из Ленинграда), Чиф из Красноярска, местные — Лось и я…» Там же, на улице, ребята развели небольшой костёр, чтобы прогреть бубен; на тот костёр поставили и чайник, вскипятили воду. Ольга Пакунова добавила любопытную деталь: когда у посольских детей закончились занятия в школе, они все радостно полезли к индеанистам в типи… Параллельно акция протеста проводилась в Ленинграде. Марианна Фурих написала об этом: «Мы в Питере на Аничковом мосту стояли. Меня там одна американка чуть не побила, мол, что вы делаете, он же преступник!!! Даже на русском языке смогла орать»…

Президенту США
Господину Рональду Рейгану

Мы, представители Севетских индеанистов, обращаемся к Вам, Господин Рейган, и требуем пересмотра сфабрикованного дела и немедленного освобождения Индейского активиста Леонарда Пелтиера.

Мы знаем, что Пелтиер осужден незаконно, об этом знает все прогрессивное человечество.

Мы требуем, чтобы Вы приняли личное участие в пересмотре этого судебного дела.

Мы хотим видеть Леонарда свободным, мы требуем, чтобы ему была предоставлена возможность приехать в Сосетский Союз.

Мы выражаем солидарность со справедливой борьбой Индейцев за свои права. Истребление Индейцев - позорное пятно в истории США. Существующий геноцид по отношению к коренному населению, убийство активоистов ДАИ, захват ~~вемель-~~ индейских земель, невыполнение договоров, заключенных правительством с Индейскими племенами - это все происходит в самой "свободной" стране как Ваша, г-н Рейган!

Мы , как и все население СССР, требуем освобождения Пелтиера, прекращение уничтожения коренного населения США!

Свободу всем Индейским узникам США!

Свободу Леонарду Пелтиеру!

Обращение к Рейгану, которое наши отправили через Лен. комитет защиты Л. Пелтиера в США.

Напротив американского посольства

Алексей Кучменёв (Рысян)

Была развёрнута большая кампания по защите Пелтиера, собирались подписи и устраивались митинги у консульства США. Всем заведовал Малахов Женя (Четан), он и Овасес бегали по редакциям газет, собирали подписи у прохожих на улицах, будили в массах дух антиколониализма… Много собрали, количество подписей освещалось в прессе. У меня сохранилось несколько вырезок из газет о том событии.

То был период, когда Четан двигал политику, но меня больше интересовали материальная культура и традиции…

…

Валерий Горчаков

Малахов, друг индейцев[1]

Каждое утро почтальон, обслуживающий улицу Севастьянова в Ленинграде, приносит в одну из квартир огромную пачку газет и журналов. (Мы с женой стараемся выписывать всё, — с гордостью сказал мне Женя Малахов, — только иностранную прессу приходится каждый день покупать в киоске — трудно сразу выложить столько денег».

Доходы, впрочем, невелики: работает только Женя, он инженер-программист

[1] Статья из газеты «Комсомольская правда»

в одном астрономическом институте, Люда пока студентка, будущий историк. Даже когда у Жени возникает необходимость ещё уменьшить семейный бюджет ради общего увлечения (Малаховы изучают жизнь американских индейцев), Люде и в голову не придёт проявлять неудовольствие. А такие затраты часты — дело в том, что Женя возглавляет Ленинградский комитет поддержки Леонарда Пелтиера.

...На первый взгляд они кажутся немного странными — эти молодые люди, из которых многим уже за 30, — их увлечение индейцами не осталось, как у многих, в детстве; вслед за романам Фенимора Купера они прочли другие, более серьёзные книги об индейцах, желание изучить одну из древнейших и интереснейших культур мира окрепло и превратилось в страсть

Комитет поддержки Леонарда Пелтиера официально «прописан» под крышей Ленинградского областного комитета защиты мира. Но в этом качестве он существует не так давно.

...Жене Малахову хорошо было известно о трагических событиях 1975 года в штате Южная Дакота, где во время перестрелки в индейской резервации были убиты два агента ФБР и один индеец, и о том, что вину за происшедшее спецслужбы США возложили на лидера Движения американских индейцев Леонарда Пелтиера. Несмотря на явную сфабрикованность обвинений, суд города Фарго (штат Северная Дакота) вынес Пелтиеру чудовищный приговор: два пожизненных заключения. Когда шли следствие и суд, массового движения индеанистов в нашей стране ещё не существовало. Зато события начала восьмидесятых годов, когда выяснились новые обстоятельства дела Пелтиера, доказывающие его невиновность, горячо обсуждались на первых слётах индеанистов. Газета американских коммунистов «Пиплз дейли уорлд» призвала к кампании солидарности с Пелтиером, вот тогда-то и образовался Ленинградский комитет поддержки Леонарда Пелтиера. Было в рождении комитета и кое-что необычное: он возник не по «указке сверху», не при помощи райкома комсомола или общества дружбы с народами зарубежных стран, а сам по себе. Просто собрались ребята и сказали: неужели мы ничего не сможем сделать для людей, жизнь которых мы изучаем? И сделали.

В те времена казалось, что обстоятельства «дела» Пелтиера гораздо хуже известны в самой Америке, чем за её пределами. Этим и объясняется тогдашняя тактика комитета: собрать как можно больше информации и своими призывами, сбором подписей обратить внимание суда на явные противоречия в деле Пелтиера. Но чем больше обнаружилось таких противоречий, чем больше старались адвокаты Пелтиера, тем становилось яснее: американские власти ни при каких обстоятельствах не собираются освобождать лидера индейцев. Их не тронуло даже резкое ухудшении здоровья Пелтиера — ему грозит полная слепота. Жирную точку в октябре 1987 года поставил верховный суд США — он отклонил апелляцию адвокатов Пелтиера о новом судебном разбирательстве по делу. Теперь, когда адвокаты использовали своё последнее средство — обращение в верховный суд, — последней надеждой Пелтиера осталась международная солидарность.

Отныне собранные подписи в защиту Леонарда Пелтиера ребята стали направлять в ООН, в комиссию по правам человека.

Какой-либо официальной организации, может быть, всё это не сложно. Но Ленинградский комитет поддержки Леонарда Пелтиера — целиком самостоятельное объединение, и все организационные трудности ребятам приходилось брать на себя. Как ни странно, но подчас трудности были не только организационного характера — Жене Малахову, например, в своё время пришлось уйти с работы — его прежнему начальству показалось странным такое хобби молодого человека. «Анализируя сейчас те события, — говорит Женя Малахов, — я понял, что наша деятельность — это проявление политической самостоятельности, а в застойные времена в ней не нуждались».

Времена, к счастью, меняются. Когда в январе этого года член Ленинградского комитета поддержки Леонарда Пелтиера — конюх из города Приозёрска Рамиль Азнаев пришёл сначала в горком комсомола, а затем в редакцию городской газеты с предложением провести акцию в поддержку Л. Пелтиера, это не вызвало удивления. Напротив, акция удалась — при помощи газеты было собрано более 4000 подписей. Их направили в Женеву, и вскоре оттуда пришел ответ: Комиссия ООН по правам человека выражала благодарность мэру Приозерска за поддержку Л. Пелтиера. Этот ответ сейчас хранится в городском музее.

Ребята не упускают возможности познакомиться с настоящими индейцами. В Америке никто из них не был, но, когда в 1986 году в Советском Союзе побывала жена Леонарда Стефани Пелтиер, они постарались попасть на встречу с ней. В июне этого года такая встреча состоялась и с индейцами, приехавшими в Москву с надеждой получить в связи с делом Леонарда Пелтиера аудиенцию у президента США Р. Рейгана, находившегося у нас в стране с официальным визитом.

...В понедельник я позвонил Малахову домой. «Он в Москве, — ответила Люда. — Сегодня — день рождения Леонарда, комитет участвует в акции солидарности у американского посольства».

Анатолий Сидоров

Сейчас не помню по каким каналам я получил цветные огромные (как газета «Комсомольская Правда») плакаты с Пелтиером, который держится за решётку в виде американского флага.

Я изготовил стенгазету с фотографиями Пелтиера из газет и журналов. Согласовал в фабкоме (я тогда работал машинистом котельного оборудования, на фабрике нетканых материалов). Потом разместил в холле, где были всякого рода объявления, приглашения, поздравления, соболезнования и т. д. Потом получил обращение на английском языке и адреса, куда надо выслать эти обращения в Штатах: Конгресс США, Прокуратура, Президент и т. д. Лично ходил по цехам и собирал подписи под этими обращениями, дескать, пересмотрите приговор, человек не виновен, освободите из соображений гуманности и т. д. Все обращения были отправлены в США.

Отчёт по собранным подписям отправили в «Комсомолку», т.к. там под-

МЫ С ТОБО
ЛЕОНАР
FREE L.PELTIER
FREE PELTIER

считывали, сколько подписей собрали советские граждане за освобождение Пелтиера. Если не изменяет память, было собрано что-то около 43 миллионов подписей. Но Пелтиера так и не отпустили. У нас матёрые бандеровцы по 25 лет получали за зверства на оккупированных территориях СССР в годы войны. А здесь за пару убитых сотрудников ФБР — пожизненный срок. Все считали перебором. Но Пелтиер до сих пор сидит. Больной, слепой, но не сломленный.

Юрий Котенко (Злой Глаз)

Мы собрали подписи, я даже листовку специальную сделал — отправили в посольство — как рекомендовали в газете «Московский комсомолец», хотя комсомольцем я не был, как и Макс Огурцов. Её подписали ещё несколько друзей. Вот и вся наша политика. Даже тогда мы предпочитали более исторические или культурные варианты индейской темы.

Красный Волк (Евгений Курбатов)

(из дневника)

16 декабря 1985. Сейчас идёт кампания по сбору подписей к заявлению за освобождение Леонарда Пелтиера. Этим индеанисты-любители и Каучи в том числе занимались ещё в 1983 году, но наша деятельность исходила от инициативы КГУ (Казанский государственный университет) и не имела успеха, и тогда один из нас получил резкое замечание на партсобрании. Вот почему я осторожно и можно сказать с недоверием воспринял эту кампанию, организованную «Комсомольской правдой». На сегодня дела обстоят иначе, после выступления немецкой индеанистки и слов самого Пелтиера мы увидели и услышали истину и теперь уже работаем в деле сбора подписей и проведения бесед, вечера самодеятельности.

21 декабря 1985. в лесотехникуме под руководством Мустанга его группа провела вечер солидарности в борьбе за освобождение Леонарда Пелтиера. На вечере собралось много учащихся, весь актовый зал. Мустанг рассказал об истории индейской борьбы, о Пелтиере. Всё прошло хорошо. Собирали подписи.

10 февраля 1986. Получил письмо из Москвы от Инесс Рёдер. Она бурно критикует выступление в индейских костюмах, подражание индейской жизни в лесных лагерях, считает, что наиболее правильный путь ведения серьёзной работы в поддержку индейцев — то, чем занимается её клуб в ГДР, название клуба «Индейцы сегодня». Пропаганда индейской культуры и истории в этом клубе осуществляется с помощью стендов, журнала, лекций и диафильмов. Изготовлением и тем более ношением индейской одежды члены клуба не занимаются.

21 февраля 1986. Мустанг ездил в Москву, где встретился с Инесс Рёдер.

27 февраля 1986. День Вундед-Ни. Левая Рука получил письмо из Ленинграда от Вэбон Анонг. В письме она сообщает о встрече ленинградцев с женой Пелтиера, спрашивает о пятнадцатилетии Каучи, также сообщает о том, что 8-го марта в Ленинград приедет Инесс Рёдер.

ОПЫТ ДРУЗЕЙ

ВМЕСТЕ МЫ ПОБЕДИМ!

В редакцию пришло письмо: «Дорогая «Комсомолка»!

Меня зовут Инес Рёдер. Я приехала из ГДР, сейчас учусь в Москве, являюсь членом общественного молодежного клуба «Индейцы — сегодня» (Берлин, ГДР), который фактически стал комитетом в защиту Леонарда Пелтиера! Регулярно читаю «Комсомолку», а на днях с интересом смотрела сюжет в программе «Время», посвященный почтовой акции ваших читателей. Все это произвело на меня огромное впечатление.

Вначале расскажу о том, кто мы, что мы делаем и почему. Члены нашего клуба (рабочие и школьники, студенты и служащие) занимаются этнографией. В форме семинаров, дискуссий мы знакомимся с жизнью, культурой, историей, современными проблемами североамериканских индейцев. Мы сами организуем выставки, читаем доклады, показываем диафильмы в школах и организациях ССНМ. Так, например, мы тоже собрали тысячи подписей, чтобы освободить Леонарда Пелтиера. Для поддержки этой и других акций мы сами печатаем плакаты и наклейки. Мы работаем, например, по поручению комитета солидарности ГДР, общества Урания, Центрального Совета ССНМ. Каждый год в феврале принимаем участие в берлинском фестивале политической песни. В числе руководителей нашего комитета доктор Петер Нойманн — заведующий этнографическим музеем в Дрездене.

Я уверена, мы можем и должны действовать совместно в борьбе за освобождение Леонарда Пелтиера. Руку, друг!

Инес Рёдер».

И вот Инес — гостья оперативного редакционного штаба по проведению почтовой акции. С огромным интересом она просматривает телеграммы, читает письма, пришедшие в газету.

— Думаю, что наш долг — умножить свои усилия в борьбе за освобождение этого мужественного человека,— сказала Инес.— Наверно, вам будет интересно узнать о том, что клуб «Индейцы — сегодня» существует с 1979 года.

Сейчас наш клуб переписывается с комитетом в защиту Л. Пелтиера, созданным в США, мы регулярно сообщаем им о нашей деятельности, а они в своих письмах информируют нас о ходе «дела» Леонарда.

— Инес, в нашей почте много писем, авторы которых рассказывают о том, что они всерьез занимаются проблемами североамериканских индейцев, внимательно следят за публикациями и литературой по этой теме.

— Мы были бы очень благодарны «Комсомолке», если бы благодаря газете нам удалось завязать дружбу с такими людьми, кружками, КИДами — со всеми теми, кто, выйдя за рамки восприятия индейцев только как героев книг Майн Рида, фильмов, увлекся этнографией и современностью этих интереснейших и храбрых людей. Как много нового дал бы нам этот обмен мнениями и знаниями!

Итак, для всех тех, кого заинтересует предложение наших друзей из ГДР, сообщаем: ждем ваших писем с пометкой на конверте «Для Инес Рёдер».

Е. ОВЧАРЕНКО.

На снимке: Инес знакомится с редакционной почтой.

Александр Буслаев (Овасес)

(вопросы и ответы в письмах)

Овасес: В старые времена мы боялись болтаться без регистрации больше трёх дней. Чтобы поехать на Пау-Вау, приходилось увольняться с работы, затем бегом на другую работу. Больше всех настрадались новосибирцы, начиная с Большого Совета в 1980 году. Я окончил художественное училище и рванул на первый Пау; с Пау — преподавать в Выборг в нашу художку; уволился — и опять на Пау, в Холмах — свадьба; оттуда — в Лодейное поле художником; уволился — с ребёнком на Пау в Саблино (1984 год). Я с ребёнком в типи, танцевальный вечер с местными цыганами. На то Пау приехал Знаменский — учёный-индеанист, он дал Четану наводку на Sacred Run с Деннисом Бэнксом. Я в то время уже жил в Выборге и двигал свою программу: база на природе — «Индейский центр» (с Алтая я уже вернулся, выдержал 10 дней). Мне пришлось оставить наш кооператив и рвануть на съёмку фильма «История Аляски» (я с ребёнком, Галина в художественном училище). Администрация фильма — гады конченные. «Вы про кого фильм-то снимаете?!» — кричал я… Тут приезжает Четан (Малахов) и приглашает ехать в Америку (его новая жена была на последнем месяце). Мы с ним сделали в моём кооперативе продукцию, оплатили проезд и ту-ту… Нам нужно было в Монреаль, но билеты достали в Штаты,

индейцы отправили нас на Хорс Рейд, но вначале мы прибыли в Лоренс, в штаб-квартиру за Пелтиера. Однажды мне сунули в руки телефонную трубку и сказали: «Поговори с Пелтиером». Я спел ему песню, которую сам написал.

Андрей Ветер: Что это за Horse Raid и что за разговор с Пелтиером?

Овасес: На Совете Мато рассказал о Знаменском (Четан тоже мог о нём знать), мол, это наш учёный-книжник-этнограф и т. д. Я предположил, что когда-нибудь он приедет к нам, а Мато закатил глаза (типа — кто он, а кто мы такие!) ... Я оказался прав, Знаменский приехал на Пау в Саблино (1984). В 1990 *Священный Бег* шёл по маршруту Лондон-Москва. Знаменский дал Четану наводку — нужен организатор от СССР через комсомол, и Четан взялся за дело. Я работал в кино и кооперативе. В Выборге наш кооператив и секция карате встречали пробег на границе с Финляндией, а далее они двигались на Питер. Четан призвал индеанистов: Дакотов с Мато и Бобром, а также Ябебири-Соббикашу и Рысяна (Оджибва). Четан довёл пробег до Москвы и получил от них приглашение на следующий Бег, а Четан, в свою очередь, пригласил меня.

Летом 1991мы вдвоём на самолёте отправились в Нью-Йорк. Я поначалу был как балласт — ни языка, ни адресов. Четан нашёл адвоката Пелтиера (адрес дали девочки из комитете по Пелтиеру — Юлька Железняк и другие), адвокат связался с Лоренсом (комитет за Пелтиера), а они отправили (довезли) нас на Хорс Рейд. Это всё отдельные рассказы.

Антиядерный марш

Олег Жилинский (Танто)

Это было в 1989 году. Не знаю, кто этот марш затеял, но судя по всему, европейцы. Начался он в Киеве. Мне кто-то сообщил, что состоится некая тусовка в Киеве против ядерной энергии. Там должны быть индеанисты из Европы. Это было интересно и ново на то время. На «базе» собрались наши из Украины, Новосибирска, Питера, Краснодара, ну и я. И тут мы узнаём, что никаких индеанистов, кроме нас не будет, а будет марш на Чернобыль. Информации в головах было не много в то время, но достаточно, чтобы настроение испортилось. Но мозгов хватило лишь на то, чтобы согласиться на эту авантюру, вместо того, что бы послать всех организаторов и спокойно разъехаться по домам. Не помню, чтобы нам даже билеты оплачивали. Погоревали ночку и пошли. А что, компания хорошая! Уж сколько мы туда добирались, как и где ночевали — не помню. Вроде, помнится, типи ставили. С нами в караване шёл грузовик с нашими вещами и набором шестов на 2 типи. Часть пути ехали, а через населённые пункты шли пешком. Европейцы устраивали всякие перфоменсы. Кто-то шёл спиной вперёд, кто-то на роликовых коньках так же. А мы шагали под ритм бубна, что-то кричали, ну и «хея-хея», конечно. Когда дошли до 30-км зоны, стало совсем невесело. Нашли большую поляну на берегу какой-то речушки, и устроили большой палаточный лагерь, где были и два наших типи. Перед этим, правда, по поляне покатался грузовик с цистерной, как поливалка на улицах, и побрызгал слегка водичкой. Лучше бы так не делали. т.к. вид всего этого добавил серьёзности нашей авантюре. Ну а что, теперь уж делать было не чего. Группа иностранцев пошла в зону. Ушли в каких-то белых комбинезонах со знаком радиации, а когда вернулись, молча проходили вокруг большого костра, снимали с себя одежду и бросали в костёр. Мужиков в этой компании не помню, а девчонки были топлес и разрисованы. Тогда я узнал, что такое боди-арт. Ну ладно, — подумал я, — хоть так... Раньше-то, в СССР, такого было не увидеть. А ещё кто-то пробовал установить большой ветряк, как альтернативу ядерной энергии. Собрать-то собрали, а запустить не получилось. То ли что-то не сработало, то ли банально ветра не было. Ночью сидели в типи у костра, веселили себя как могли. Пьяненькие иностранцы болтались по лагерю и спрашивали алкоголь у нас, а у нас — ни капли. Как-то справлялись тогда без алкоголя. Вот как-то так всё было. Самое, бестолковое, мягко говоря, приключение в моей жизни. А с другой стороны, вспоминаю — было всё-таки весело, и мы были молоды!

Михаил Иващенко

Воспоминания Мёртвого Бизона[1]

Вот наконец-то собрался написать, времени свободного почти нет, т.к. дембелей уволили, и в части мало народу, наряды приходится тащить через сутки. Сейчас стою дежурным по дивизиону, вся ночь впереди, постараюсь использовать её, чтоб рассказать о походе к Чернобылю.

Было это осенью 1989 года, в конце сентября или начале октября, точно не помню уже. До армии мне тогда оставалось два месяца, и учёбой я себя особенно не утруждал — всё равно заберут, и курс придётся начинать сначала. Поэтому на парах появлялся редко-редко, в основном болтался по Киеву. И когда Наталья (Путеводная Звезда) сказала, что назревает небольшая заварушка — экологический марш Киев-Чернобылъ в рамках программы НЕКСТ-СТОП, на который пригласили и индеанистов, очень обрадовался, ещё бы, пожить как на Пау-Вау несколько дней перед двумя или тремя годами службы. Своё типи мы с Ветром к этому времени уже сшили, и представлялась неплохая возможность его испытать, Ещё должны были взять свои тили ленинградцы и новосибирцы — две большие палатки на 8—10 человек. Большое киевское типи (мухомором его звали на Пау-Вау-89) так и осталось лежать дома, некому его было тащить.

Не буду описывать те два дня, которые мы провели в Киеве перед маршем, когда по очереди приехали все друзья. Конечно, дни эти были радостными, все уже успели друг по другу соскучиться. Весь вечер мы просидели у офиса Некст-Стоп. Тава играла на гитаре и пела песни, я ей подыгрывал то на флейте, то на губной гармошке, Каменное Сердце трещал своей трещоткой из черепашьих панцирей, которую он сделал уже после Пау-Вау, а Ветер стучал в барабан новосибирцев. По-моему, у нас выходило неплохо!

И вот на следующий день мы выехали к месту первого лагеря. Чёрт, не помню название деревни, возле которой он стоял, а спросить не у кого. Рядом разлилось «Киевское море». Лагерь уже стоял, среди низеньких палаток сразу бросалась в глаза здоровенная типуха новосибирцев — несколько индеанистов выехали в лагерь раньше и успели её поставить. Потом мы с Ветром стали ставить своё маленькое типи, а Каменное Сердце и Птица — типи ленинградцев. Кое-как нарубили жердей, к вечеру управились. Теперь это был уже лагерь индеанистов, и мы чувствовали себя в центре внимания. Те, у кого были длинные волосы — я имею в виду воинов — заплели их в косички, тут-то я пожалел, что расстался летом со своей гривой. Оделись все тоже соответственно.

По обычаю решили выкурить Трубку. Каменное Сердце сделал новую трубку, чубук которой вышил бисером, но это не была священная трубка, поэтому ритуал особой строгостью не отличался. На нём даже присутствовал один «белый» из Гомеля, который попросил разрешения присутствовать на церемонии. Потом выяснилось, что он не совсем «белый», т.к. был на Пау-Вау в 1987 году, знает Красного Волка и сам интересует-

[1] Материалы для журнала «Томагавк», 1992

ся Латинской Америкой, но в большей степени его интересует интердвижение.

Остальных любопытных корректно останавливали, и больше посторонних не было.

Теперь я наконец напишу, кто же из индеанистов участвовал в походе. Из украинцев были Каменное Сердце, Против Ветра, Одинокая Птица и Мёртвый Бизон, т.е. я. Путеводную Звезду не отпустили с работы, и она появлялась периодически (от Киева к палаточному лагерю на всём протяжении марша ходил автобус, и она с Чёрным Вороном из ленинградской области приезжала на вторую и четвёртую стоянки). Из новосибирцев приехали Тава, Летний Дождь, Лёшка Дакот и два Волчонка, один из которых получил имя Маленький Большой Старик. Ленинградцев было больше всех: Поющая Лисица, Громкий Голос, Рысь, Белая Пума, Исчезающая Внезапно, Ворон и Ваня (индейского имени не помню). Позднее к нам присоединился ещё Мато Сапа с женой. Из Минска приехал Железный Глаз (Танто).

Недалеко от нашего маленького лагеря мы выбрали небольшую полянку, где развели костёр. Когда он разгорелся, там собралась все индеаиисты, кроме Мато Сапы, который ещё не приехал, Звезды и Ворона,.которые остались в Киеве, и Тавы, которая осталась почему-то в лагере.

Я приготовил небольшую речь, в точности её, конечно, не помню, но примерно она звучала так: «От имени всех украинских индеанистов мы приветствуем всех наших друзей, которые откликнулись на наш зов и приехали к нам в гости. Наша Украина сейчас переживает не лучшие времена, виной этому авария на Чернобыльской АЭС. От Красного Волка и от каучей я слышал слова, которые были написаны ещё много веков назад святым Иоаном: „Третий ангел вострубил, и пала на землю звезда, горящая подобно светильнику, и имя сей звезде — Полынь. И пала она на треть суши и на источники вод, и много людей умерло от того, что эти воды сделались горьки...“ Ещё там говорилось о саранче, которая вышла и стала попирать всё вокруг. Всё это похоже на аварию Чернобыльской АЭС, тем более, что Чернобыль в переводе с украинского значит Полынь».

Потом я взял вышитую бисером розетку с изображением Птицы Грома и обратил внимание всех, что оно похоже на эмблему радиоактивности, которую здесь часто можно было увидеть на табличках и указателях. Поэтому я предложил назвать нашу первую стоянку «Птица Грома». Всего на марше было 4 стоянки и каждой мы давали свои имена.

Затем Каленное Сердце зажёг от костра соломинку и раскурил трубку. Трубка пошла по кругу, но, не дойдя до конца, погасла — плохой знак, говорящий о том, что в кругу не было единства. Пришлось раскуривать её опять и передавать дальше. Когда Трубка опять оказалась у Каменного Сердца, он завернул её вместе с кисетом в одеяло и унес к себе в типи.

Я предложил собравшимся прийти через некоторое время на это место, чтобы попеть индейские и индеанистские песни. Пришли новосибирцы, украинцы и девчонки из Ленинграда. Правда, индейских песен надолго не хватило, а вокруг уже собрались слушатели, и Тава продолжала концерт одна, играя на гитаре под стук барабана

Антиядерний марш Київ—Чорнобиль, у якому брали участь скандінавські й радянські юнаки та дівчата і про який уже повідомляла наша газета, — завершився.

Уже совсем стемнело, когда мы разошлись, а в палаточном лагере участники марша развели два своих больших костра. Вокруг них собрались и шведы, и датчане, и наши. Многие здорово играли на гитарах, особенно один швед и Поющая Лисица из Ленинграда. Танцующий Лис затянул ковбойские песни, потом играл одновременно на гитаре и губной гармошке. От Громкого Голоса

все тоже были в восторге. На марше его все называли Смок — и шведы, и наши.

Не знаю, как долго продолжался этот концерт под открытым небом, я долго не высидел и завалился спать в свою типуху.

Утром встали, позавтракали, загрузили жерди и типи в военные КАМАЗы, на: которых нам подвозили также и дрова, потому что в лесу они были радиоактивными, и оставили на поляне только потухшие костры.

Шли пешком по трассе 5—10 км, шведы предложили интересный способ передвижения — задом наперёд, что означало, что ядерная энергетика не прогресс, а движение вспять, обратно. Долго, конечно, так никто идти не мог, но потом стало получаться, и когда дошли до какой-то деревни (опять не помню название), многие повернулись и стали передвигаться задом наперёд. Со стороны смотрелось, чёрт побери!

Конечно, марш не обошёлся без лозунгов и транспарантов экологического содержания. «Нет АЭС на Украине» усилиями наших украинских индеанистов стали кричать «Ні АЭС на Україні», т.е. по-украински. Потом я подкинул ещё один лозунг, который видел как-то в Киеве на РУХовской листовке — «Доки (до каких пор) будуть бюрократи екологію жувати (портить)». Скандинавы запомнили эти несколько слов и повторяли вместе с нами. Пройдя всю деревню, мы загрузились в автобусы и на них поехали ко второму лагерю, на реке Таль.

«Маленькая лесная речка Таль с прозрачной водой, когда-то чистой без цезия, настоящая лесная красавица», — так кто-то из корреспондентов написал о ней в газете. Пить эту прозрачную воду никто не стал, но все умылись и побродили по дну — речка была неглубокая, курице по колено.

Таль вытекала из леса и как змея пересекала большой луг, на котором когда-то пасли коров, а теперь паслись две-три хорз, как их называли шведы, а но нашему — кобылы. Возле них шатался какой-то мужичок, и мы вопросили у него покататься на какой-нибудь. Он пообещал, но потом вдруг вспомнил, что лошади иногда брыкаются и могут понести, и т. д. и т.п., в общем, через полчаса нам стало понятно, что поиграть в индейцев сегодня не удастся. Правда, одну шведку, её звали Пила, он всё-таки прокатил, но шагом и сам держал лошадь за повод.

На лугу уже поставили палатки, а мы всё не могли дождаться КАМАЗов с шестами и типи. Говорили, что один КАМАЗ застрял где-то, и его будут вытаскивать тракторами. Приехали они к вечеру, до наступления темноты мы еле-еле успели поставить типи и натаскать радиоактивных дров. Типи установили треугольником, в середине которого я вкопал высокий столб с рогатым конским черепом — «мощнейшая защита», как выразился Танцующий Лис.

Для танцев место было идеальным, и мы, т.е. украинцы думали, что будем вечером танцевать, но ленинградцы нас не поддержали и на бой барабана никто из их типи не вышел. К ним пришли шведы, и весь вечер они провели там.

Я, Ветер и Тава пошли спать в наше типи, но не успели мы заснуть, как к нам пришла Нила — та самая шведка, которая каталась на лошади. Ей было лет 28. Она ещё в первом лагере подходила и расспрашивала про наши типи и говорила, что ей очень понравились эти жилица, а сейчас она пришла и попросилась к нам

на ночлег. Конечно, мы с радостью согласились. Спать, правда, никто не собирался, мы «разговаривали» (если только этот язык жестов можно назвать разговором). Нила знала английский, немецкий и чуть-чуть французский. Тава немножко болтала по-немецки, я понял, что шведка французского не знает, и создал видимость, что знаю его лучше, чем она, с трудом припомнив то, что когда-то учил в школе, чтоб поднять «авторитет индеанистского движения» за рубежом. Ветер хоть когда-то и учил английский, но ни черта не мог вспомнить, и мы общались на какой-то дикой смеси трех языков и жестов, наверное, как индейцы с белыми при первых встречах.

Чуть позже к нам пришли ещё двое шведов с переводчицей и корреспондент партии зелёных, как он себя назвал. Шведы сказали, что у них нет ничего подобного нашему индеанизму, и им очень интересно про всё это от нас узнать.

Тут уж я дал волю своему языку, рассказывал долго-долго, переводчица еле успевала переводить. Тава даже обиделась потом, что я им почти ничего не дал сказать. Рассказал я и о наших Пау-Вау, и о Леонарде Пелтиере (не помню уже, почему разговор о нём зашёл) и о Сидящем Бизоне что-то, и наконец мы показали им свои вещи. У Тавы были целиком расшитые — бисером мокасины, розетка, у меня боевая куртка черноногих, сумка для трубки и убор с рогами, у Ветра розетка с черепахой. Конечно, всё это им понравилось! Ведь во все эти вещи вложено столько труда, не одну ночь просидишь, бывало за вышиванием. Года четыре назад ни за что бы не подумал, что буду когда-нибудь вышивать, да ещё и ночами.

И в конце разговора шведы предложили сходить за водкой — у них где-то была, и вместе вмазать. На это я никак не мог согласится. Индейцев, сказал я им, могут убить три вещи — водка, пули и белый человек. На первом месте — водка. Это враг номер один. Это я вспомнил то, что на закрытии Пау-Вау-89 говорил Бредущий Лось, правильно в общем-то говорил. Так что с «огненной водой» никто из индеанистов дела не имел — эту лапшу мы навешали им на уши, и они с ней так и ушли. Как жаль, что это неправда, и что даже на Пау-Вау. индеанисты не могут без этого обойтись! Даже предлагают разбить лагерь на две половины — с одной те, кто за «огненную воду», с другой — против. Я думаю, что когда наконец-то украинцы подготовятся как следует к тому, чтобы провести своё собственное Пау-Вау, то там даже вопроса такого не возникнет, как только акациты найдут у кого-нибудь спиртное, так сразу же он будет изгнан из лагеря.

Но я отвлёкся от темы.

Наступило утро и по лагерю пронеслось страшное известие — утонул один участник марша. В той речке, в которой все ещё вчера умывались после марша. Уже потом нам сказали, что он болел эпилепсией, и, скорее всего, когда ночью умывался, с ним случился припадок.

Он лежал недалеко от нашего лагеря, над ним сидела буддистка и камлала в бубен, который несла с собой на марше. Труп погрузили в скорую помощь и увезли. Организаторы марша предложили сброситься деньгами, кто сколько сможет на похороны. Так и сделали

Ту стоянку мы позвали «Там-Где-Утонул-Белый».

Лагерь стал сниматься с места, мы должны были проходить через г. Васильков, поэтому я предложил всем облачиться в индейскую одежду. Танцующий Лис, Мато Сапа и я надели султаны, я надел куртку, ленинградцы тоже приоделись, словом все вместе мы выглядели как настоящие индейцы на марше «Тропой нарушенных договоров», особенно, когда выстраивались в одну шеренгу. Я нёс барабан, Каменное Сердце — трещотку.

Прошли по улицам, видно было, что к встрече подготовились: люди выходили на улицу и приветствовали участников марша. Каменному Сердцу кто- то сунул в руку несколько гвоздик, и он с гордостью нацепил одну себе на жилетку.

Мы с Ветром нашли в колонне Нилу, и дальше шли с ней, рассказывали ей как могли и о чём могли, как кого из наших зовут, что вокруг за дома, почему надо держаться подальше от обочины дороги и т. п.

За Васильковом нас ждали автобусы, которые повезли участников дальше, к 30-километровой зоне. На пути какая-то деревня, и указатель «До Чернобыля 48 км». Проезжаем деревню, я рассказываю Ниле, пользуясь ручкой и блокнотом, что происходило в зоне после аварии, о том, что домашние собаки, которых хозяева бросили здесь, стали собираться в стаи и сначала сожрали всех котов, а когда стали сгрызаться на людей, те создали специальные отряды охотников, которые их отстреляли.

За деревней на лугу остановились, чтобы разбить третий лагерь.

Опять поставили типи треугольником, вкопали столб с конской головой — защиту, хотя какие духи смогут защитить от радиации?! Уровень её превышал допустимую дозу в 3 раза. Когда об этом узнали в лагере, чуть ли не паника поднялась. А ведь в двухстах метрах деревня, где живут люди, мы видели маленьких детей. Они живут там постоянно, нормально за пределами 50-километровой зоны, но на заражённой территории, где жить нельзя, однако их никто не эвакуировал, никто не объяснил, какой опасности они подвергаются.

В типи я не стал делать алтаря, т.к. от радиации он защитить не мог, но костёр всё-таки разожгли, хоть это и был в данном случае маленький реактор Ночь была холодная, а мерзнуть ох как не хотелось. Пришли в типи гости. На этот раз их собралось ещё больше: Нила, Наталья и Сана, Каменное Сердце, Тава, Птица, Валентина из Ленинграда. На этот раз пробовали рассказывать анекдоты, правда, смеялись в основном не от содержания, а от (содержания) того, как мы их пытались шведам объяснить.

Ночью я загорелся. Придвинулся близко к костру и поджарился малость. Спальник на спине (вернее, чуть пониже) прогорел полностью, и на свитере осталось тёмное пятно. Думаю, это потому, что не было алтаря. Ветер проснулся, увидел, что я горю и стал тушить меня Тавиным капуццо, я, ничего не соображая, отодвинулся от костра и опять заснул, а капуццо сгорело. Утром было над чем посмеяться.

Вообще этот лагерь оставил после себя жутковатые воспоминания. Хотя радиации, конечно, никто не чувствовал, но все её боялись, неуютно сидеть у ко-

Сентябрь 1989 год. Next Stop

стра, когда знаешь, что это маленький реактор.

Утром луг покрыл густой туман, который развеялся только к полудню в лагерь приехало какое-то телевидение, и попросило индеанистов дать интервью. У типи новосибирцев расстегнули покрышку и откинули края так, чтобы кинокамерой можно было снять внутренность типи. «Чифы» сели у костра и стали отвечать на вопросы: что такое индеанизм, образ жизни, почему мы сюда приехали?

Отвечал в основном Танцующий Лис, он говорил, что индеанизм — это скорее образ мысли и что быть индейцем — это не процент крови, а путь жизни, а приехали мы сюда потому, что когда нас позвали, мы просто не могли не приехать. Интервью закончилось, мы сняли покровы с типи и загрузили их вместе с шестами и рюкзаками в машины, потом ещё некоторое время ждали автобусов, и наконец поехали к четвёртой стоянке, уже в 30-километровоё зоне, в Зелёный Мыс. Так назывался посёлок, где жили люди, работающие в зоне станции.

Типи поставили быстро, тоже треугольником, также вкопали столб с черепом лошади. Над типи новосибирцев, где жили «чифы» — Танцующий Лис, Мато Сапа, Танто и Громкий Голос, развевался шведский флаг — прямоугольный красныё кусочек материи с белым крестом — подарок шведских друзей.

Его повесили на самую длинную жердь ещё в лагере «Где-Утонул-Белый», когда я на него смотрел, то мне хотелось и на своё типи повесить флажок жовто-блакитный, т.е. украинский, но у меня его не было с собой.

Для украинских индеанистов использование национальной символики — это не способ выделиться, хотя я слышал, что на последнем Пау-Вау наши с этим «перегнули». Мы стараемся не забывать традиции и символы своего народа и называем себя не индейцами, а украинцами. Нельзя изучать культуру и историю другого народа, не зная своей собственной и не любя землю своих предков.

Скандинавы, прибыв на последнюю стоянку, стали готовиться к завершению своей акции — установили ветровую электростанцию, которая должна была показать, что кроме ядерной энергии у нас ещё куча всяких резервов, и можно вполне без неё обходиться. И наконец, чего от них совсем никто не ожидал, разделись и стали покрывать свои обнажённые тела разными узорами, их можно было сравнить с раскраской обрядовых «клоунов» племени Хопи, во всяком случае, очень похоже. Художников на марше хватало. Фантазия у них была богатая, посмотреть было на что. Вообще, они начали раскрашиваться ещё на третьей стоянке, но на четвёртой это приобрело буквально поголовный характер. Кажется, кто-то из наших последовал их примеру.

Затем группа, которая собиралась поехать в Чернобыль, к реактору, села в автобус и уехала, а в лагере оставшиеся стали готовиться к их встрече и заключительной части марша. Из нас никто не поехал в Чернобыль. Кажется, кто-то из ленинградцев собирался туда поехать, было предложение ехать всем вместе, оставив в лагере только двух молодых Волчат, но потом решили, что не поедет никто. Я с самого начала был против, потому что не видел смысла хватать дополнительную дозу радиации. Украине и украинцам и так досталось достаточно. Помню один дождик второго мая, после которого всё лето выпадали волосы...

Мы сидели около типи своим «украинским бэндом», в который впрочем, входили ещё и новосибирцы (ещё с Пау-Вау-1989 мы всегда жили вместе и наши типи стояли рядом), как вдруг увидели, как из большого типи вышли Танцующий Лис, Танто, Мато Сапа, Волчата и Громкий Голос. Они были одеты в танцевальные костюмы, раскрашены. Мато Сапа надел свой бастл из перьев и пуха, в котором он танцевал на Пау-Вау-89. Ничего не сказав нам, они приготовились сами встречать чернобыльцев. Конечно, у нас к тому времени ещё не было танцевальных костюмов, и танцевать мы так не умели, это мы и сами прекрасно знали, но «чифы» всё сделали так, как будто кроме них тут вообще не было индеанистов, как будто мы не могли ни петь ни играть на барабанах. У нас были ещё и флейты и трещотка, но они обошлись одним барабаном новосибирцев.

К этому мы совсем не были готовы и не знали, куда себя девать. Потом все-таки решили, что мы пришли сюда не для того, чтобы в конце пути от обиды попрятаться в типи, и облачились в праздничную индейскую одежду. Ветру я дал свой султан, сам надел бутафорский убор с рогами и горностаем, в котором не видно, что у меня короткие волосы — это меня постоянно смущало, никак не мог привыкнуть к тому,

что нет большой гривы. Тава надела новое замшевое платье, расшитое бисером. Вообще-то, конечно, мы не взяли всей своей одежды, которую берём на Пау-Вау, но вид всё равно получился приличный.

Ленинградцы собирались провести акцию поддержки Леонарда Пелтиера, приготовили кучу значков. Перед маршем я им подкинул ещё штук пятьдесят моего собственного производства, и они неплохо выручали, когда кому-нибудь нужно было подарить что-нибудь на память. О продаже, конечно, и речи быть не могло, хотя сперва хотели устроить ярмарку солидарности.

Наконец, приехал автобус из Чернобыля. Из него вышли одетые в чёрные глухие костюмы участники марша. Буддистка монотонно стучала в бубен, они шли цепочкой, изображая биороботов, как нам потом объяснили.

Навстречу им шли раскрашенные «кошаре», я их про себя так называл. Громкий Голос тоже стал бить в барабан и петь, «чифы» пошли навстречу, отбивая степ. Кинооператор только и успевал поворачивать камеру в разные стороны. Мы стояли в общем кругу и все спрашивали, отчего не улыбаемся. Я и Ветер сделали рожи Чингачгуков — каменные.

Когда обе толпы встретились, «биороботы» сбросили с себя глухую чёрную одежду, под которой были такие же, как у остальных раскрашенные всеми цветами жизни тела (как писала местная газета). Те и другие стали обниматься, целоваться, бросаться друг другу на шею, в общем, выражать радость. Не знаю, может, у них, шведов в их Швеции это было в порядке вещей, но наш народ всего этого стриптиза так и не понял, — говорил потом кто-то из наших.

Поход закончился. Предстояло переночевать и утром отправляться в Киев. Участники марша расселись вокруг костров, разошлись по палаткам и типи. Индеанпсты, как всегда, раскололись на две группировки — одна в типи новосибирцев, другая в нашей с Ветром маленькой типухе. Почему-то собирались всегда в нашем типи, рассчитанном человека на четыре, хотя было ещё типи Рыси, гораздо большее.

Утром лагерь снялся без каких-либо церемоний, только ненадолго все участники собрались в круг и подвели итоги. Выступил Танцующий Лис. Он сказал, что теперь всегда на его типи будет висеть шведский флаг, который ему подарили его друзья, и ещё что-то, не помню уже.

На месте стоянки остались стоять шесты, на которые мы повесили красные ленточки, а в алтари опустили по горсточке табаку. Конскую голову я увёз с собой. Она оправдала себя, как надежная защита, и теперь её место — на алтаре в моём типи.

До Киева доехали без приключений, там проводили шведских друзей до вокзала, они ехали дальше, в Москву, где было официальное завершение похода Некст-Стоп, с какими-то рок-концертами. Нам это было уже не нужно.

В Киеве я с удивлением узнал, что часть скандинавов осталась в Киеве и не поехала в Чернобыль. Ясно было, зачем они приехали в Союз. Немало ещё всякой сволочи я перевидал за время марша — от наших, которые приехали «фарцануть» до шведов, которые вроде бы и были за экологию, но за собой оставляли такой бардак, как советские туристы в лесу.

Вони сиділи навколо вогнища, склавши ноги. Їхні обличчя були ніби знайомі. Пригадалися ілюстрації до книжок Фенімора Купера, незабутні стрічки про індіанців. І ось, здається, їх персонажі матеріалізувалися.

ВИ ХТО, НЕФОРМАЛИ?

Михайло Іванченко з племені чорноногих

Раптом у тиші почулося: «Хлопче, ти що, не вмієш швидко заходити? Дивись, скільки диму в тіпі». Так і познайомився я з вітчизняними «індіанцями». Сталося це під час походу радянської та скандінавської молоді до Чорнобиля.

В акції руху «Некст стоп» взяли участь індіаністи з Бердська, Новосибірська, Ленінграда, Волині, Конотопа, Києва. Наймолодшому з них було 13, найстаршому — 30 років. Але це не межа. Адже індіаністика — не вікова мода. Це погляд на життя. Це захоплення починається майже завжди однаково — з «індіанських» ігор, книжок, фільмів, снів... У більшості воно минає, як минає з підлітковим віком бажання складати вірші. Але з тисячі хлопчиків виростає один справжній поет, з десяти тисяч — один дорослий індіаніст. Вони опановують мову, ремесла, культуру племен, до яких прилучають себе. А дехто обирає індіаністику професією. Інші, і таких стає дедалі більше, відмовляються од метушні міст та сумнівних благ цивілізації, стають на «індіанську стежку життя».

Існують та чудово почуваються дві общини індіаністів на Алтаї, одна на Псковщині. Колишні «індустріальні діти» вирощують там худобу, хутрових тварин, займаються полюванням. Таким шляхом рятують вони себе від суспільних хвороб — злості, заздрості, користливості... Індіаністи кажуть: «Всі люди народжуються з чистою душею. Але тільки індіанці зберігають її такою на все життя». Наша цивілізація схильна до всіляких вад тому, що, за словами індіанців, у сучасної людини «немає центру».

Але, звичайно, не кожен наважиться розірвати пуповину, що зв'язує сучасну людину із цивілізацією з першого дня життя. Та, мабуть, це й не потрібно. Індіаністи вважають, що кожен повинен йти власною стежкою. Бути «індіанцем» — не обов'язково виводити десь у степу коней. Головне — мати особливий, «індіанський» погляд на життя. Індіанці стверджують: усе живе та рослинне має знання, які людина повинна перейняти. Так, рослина вміє зціляти та рости. У кожному живому створінні вони бачать брата, не молодшого — рівного собі. Ніяка вона не «вінець світотворення» — людина. Тому, на відміну од блідолицих, не вб'ють заради розваги тварину, не виріжуть на дереві «Толя+Оля».

У індіанців немає бога, якому б усе підкорялося. Вони визнають лише Сонце-батька та Землю-матір. Тому, до речі, індіанець ніколи не встромить без потреби в землю ножа.

Нові знайомі продовжували знайомити мене з дивовижним світом індіаністики, а мене це дратувало: чому ці українці й росіяни обрали собі кумирів з далекого зарубіжжя? Хіба ті ж скіфи, сармати в часи юності людства з меншою чуйністю ставилися до природи? Хіба досвід слов'янських пращурів не може служити прикладом мирного співіснування з навколишнім середовищем? Живе в Красноярському краї нечисленний народ — кети, який, за існуючою гіпотезою, бере свій початок від північноамериканських індіанців. Чому б не розвивати в нас «кетистику»?

Один із співрозмовників Кам'яне серце — Ігор Томашев, посміхається:

— До прізвиськ зрадників та агентів ми звикли. А ви не замислювались, чому діти всього світу граються саме в індіанців, не в ескімосів або африканців? Можливо, тут хтось вбачатиме прорахунки патріотичного виховання. Але мені здається, що секрет у привабливості «індіанської теми». Недаремно ж рух індіаністів крокує по всьому світові. До речі, в Росії клуби індіаністики існували ще до 1917 року. Згоден, слов'янські народи не менш цікаві за індіанців. Але що нам відомо із своєї історії? Вона ж уся перекручена і вже не можна відрізнити правду від брехні. А ось історія і культура індіанців збережена добре, є багато літератури. На жаль, у більшості — іноземної, доводиться вивчати мови. До речі, заняття індіаністикою дуже цікаве. Адже індіанці — талановитий народ, що подарував людству картоплю, соняшник, помідори, бавовну, какаобоби. Досі славляться індіанські майстри плетіння, ткацтва, вишивання. А чого варті древні індіанські міста, їхні зниклі цивілізації...

Що ж до патріотизму, я, наприклад, не збираюся зраджувати рідну землю. Нині вчуся в Шацькому лісовому технікумі, по закінченні збираюся завести десь у херсонських степах ранчо та зайнятись тваринництвом. Можливо, хтось вирішить приєднатися до мене... Ось і з'явиться перше українське поселення «індіанців».

— А я, — каже Мертвий Бізон — Михайло Іванченко,— не наважуюся кидати місто. Коли закінчу художньо-промисловий технікум, вступлю до медичного інституту. Збираюся зайнятись індіанським лікуванням.

З часом я вже по-домашньому почував себе в тіпі, яке відрізнялося від справжнього, індіанського, лише тим, що замість бізонячих шкур використовувався брезент — складно зараз із бізонами... Але мені все ще не вірилося, що все почуте і побачене — це не театральне дійство і не розиграш. Адже про вітчизняних індіаністів досі чути не доводилось. А між іншим, їх стає все більше. Так, на останньому Пау-Вау, святі сонцестояння — головного збору індіаністів стояло 43 тіпі, в яких налічувалось більше 200 чоловік — школярів, робітників, кандидатів наук, цілих «індіанських» сімей і навіть міліціонерів. Втім, досі вітчизняна індіаністика перебуває у напівлегальному становищі. В країні існує лише три офіційних «індіанських» клуби (для порівняння: лише в НДР таких клубів близько сорока). І жодного на Україні. Але, як запевняли мене співрозмовники, клуб такий, безперечно, потрібен. Адже «індіанців», напевно, більше, ніж ми вважаємо. Ось тільки не здогадуються вони про існування один одного. Тому і попросили мене записати адресу «координатора українських індіанців», Наталії Лучиної: Київ-97, вул. Никільсько-Слобідська, 6, корпус, 2, квартира 275, телефон: 517-63-93.

Через неї «індіанці» можуть познайомитись, обмінятись інформацією, літературою, домовитися про зустрічі. Сподіваємось, комусь із наших читачів ця адреса стане в пригоді.

Олег ЄЛЬЦОВ.

Фото автора.

После похода Наталья Путеводная Звезда сказала, что их с Вороном приглашают в Швецию. Я ей ответил, что лучше пойду в армию. В шутку сказал, конечно (служившие в армии знают это «лучше»).

Приблизительно в начале ноября 1989 года состоялся Большой Совет СИУ (Союза Индеанистов Украины), на котором решили, что участники похода достойны носить орлиные перья. У нас своё отношение к ним — мы против того, что Священные Орлиные Перья может носить любой, их надо заслужить. Другие же перья можно носить сколько угодно.

В октябре 1990 года я ездил домой в краткосрочный отпуск. Видел наших — Ветра и Каменное Сердце. Они мне рассказали о Пау-Вау-90. С Ветром мы разговаривали всю ночь. Он рассказывал, что на Танцующего Лиса «наехали» из-за их «отделения» на Некст-Стоп, и он сказал, что Ветра с Бизоном не позвали потому, что они подрались из-за султана. Ветер сказал, что ему наплевать на то, что говорит Танцующий Лис, и он никому ничего по этому поводу объяснять не надо будет дома, те знают, что это не так, и я с ним согласен: «Нехай так і буде».

Вот всё, что я вспомнил об этом марше. Может быть, это интересно будет прочитать кому-либо из индеанистов, но на Пау-Вау они могли услышать про этот поход и от других участников. Хау.

Издательская деятельность

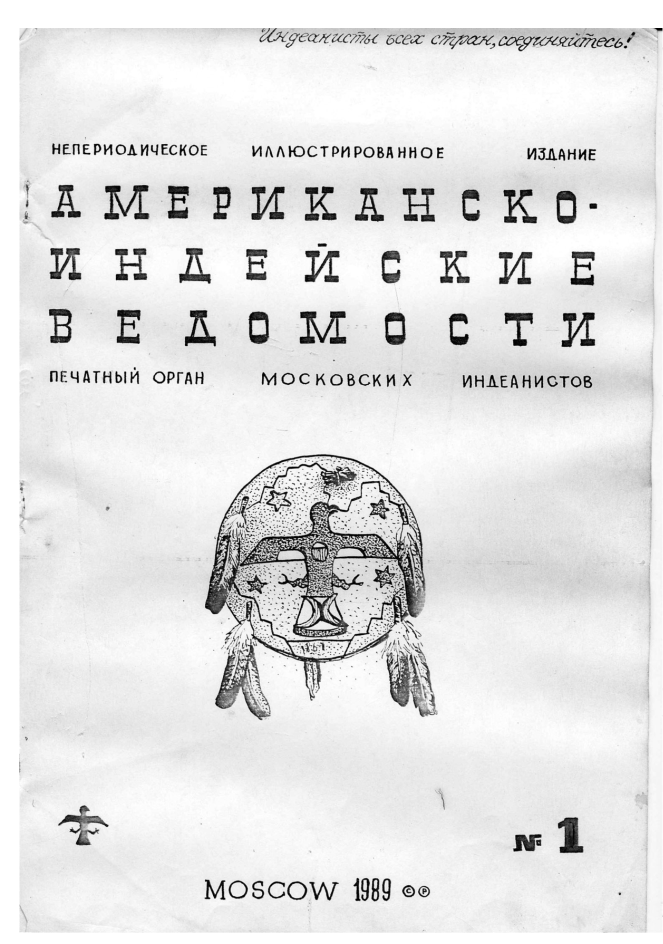
Андрей Нефёдов

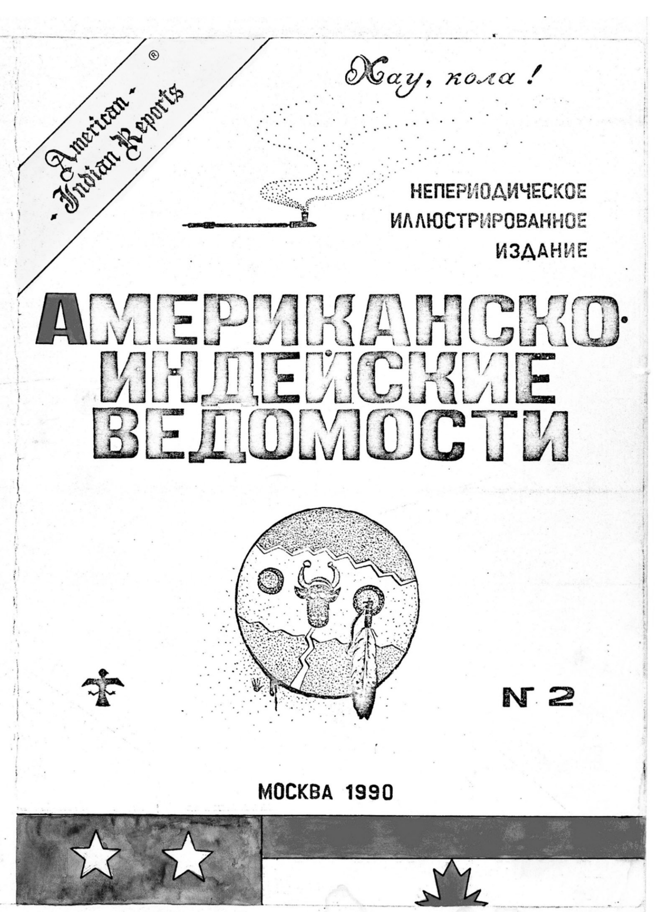
Об издательской работе индеанистов можно рассказать, наверное, много, потому что попыток запечатлеть на бумаге историю Движения и поделиться информацией об истории и этнографии американских индейцев предпринималось много. Но в памяти большинства сохранились в основном те издания, которые имели более или менее профессиональный вид. А начиналось всё с обыкновенных альбомов, обильно сдобренных фотографиями и текстом, написанным от руки печатными буквами. Среди самых первых «журналов» и «боевых листков» можно назвать «Эхо Вундед-Ни», который Овасес «посылал по кругу» (в те годы тиражировать бумажные издания было невозможно, ксерокс появился позже, но в организациях, где он имелся, осуществлялся строжайший контроль за числом копий с любого документа). Альбомы Красных Стрел и других групп трудно назвать самиздатом советских лет, ибо они существовали в единственном экземпляре, но тем ценнее они были в те времена. Их в прямом смысле слова пускали «по кругу», пересылая из города в город, передавая из рук в руки на первых Пау-Вау, они не теряли своей значимости из года в год. Затем появились журналы, исполненные на печатной машинке под копирку. Их число тоже не было велико. В конце 1980-х годов настало, наконец, время, когда появилась возможность «публиковать» под заказ журналы, напечатанные на пишущей машинке. Вот они-то и стали называться самиздатом, они-то и стали известны как первые журналы индеанистов.

Юрий Котенко (Злой Глаз)
(вопросы и ответы в письмах)

Андрей Ветер: Как появился «Американо-индейский вестник»?

Юрий Котенко: Я предложил эту идею Глебу и Соколу — они сразу согласились. И тут же начали на энтузиазме готовить номер. Деньжат подкидывал иногда Саня Тереник — он тогда пытался стать бизнесменом, и с каких-то доходов мог спонсючить. Иногда ещё кто-то, кто имел такую возможность. Все близкие знали о нашем проекте и помогали, кто мог. Всем нравилась идея. Причём добровольно, я никого не просил. Распространял я его по почте — тираж был 30 — 50 штук. Половина оставалась в Москве, остальное высылалось как только желающий делал почтовый перевод. Сумму не помню, наверно, рубля 3. Это покрывало почтовые расходы, если что-то оставалось с продажи — шло на печать — это было единственным расходом, т.е. куда шли живые деньги — принтерная печать на каких-то Эрах, Ксероксах или что там было тогда из множительной техники. В основном нелегально у меня на работе. Услуг по размножению самиздата тогда не было. Поэтому и самиздат.

Андрей Ветер: Много выпустили номеров? Когда вышел первый номер и долго ли жил этот журнал?

Юрий Котенко: Пять номеров и два приложения — поэтическое и ещё какое-то забыл. У меня ничего не сохранилось. Годы жизни 1989—1992

Андрей Ветер: Других журналов ты не выпускал?

Юрий Котенко: Самостоятельно других не выпускал, нет. Участвовал в разных проектах. И выходило приложение «Семь стрел».

Андрей Ветер: Скажи, пожалуйста, а что такое «Семь стрел»? Что за журнал?

Юрий Котенко: Это мой проект на 1-м канале телевидения. Это в рамках какой-то их газеты или журнала выходила моя вкладка. Это всё называлось то ли «111», то ли «777»... Что-то в этом роде. Вышло всего номера три в течение года и амба, как часто бывало в 1990-е.

Елена Шелест
«Томагавк» поднят[1]

Кто из нас в детстве не играл в индейцев! Не сбегал с уроков на захватывающие фильмы «Текумзе» и «Золото Апачей»! Не забывал обо всем на свете, переживая за героев книг Фенимора Купера и Майн Рида! Наверное, нет таких. Или ничтожно мало. С годами, однако,

[1] Из газеты «Вечерний Сыктывкар», 1992

число увлечённых и не очень меняется местами. Большинство уже к 17-ти переходит в разряд «остепенившихся», в меньшинстве остаются те, кто играет до старости.

Когда семь лет назад я впервые увидела Анатолия, признаюсь, ничего такого о нём не могла и подумать. С виду, казалось бы, самый что ни на есть обыкновенный парень. Профессия, опять же, ничего о склонности к «играм» не говорящая — оператор котельного оборудования на фабрике нетканых материалов. Но вот узнала его поближе — и оказалось, что Толик — личность незаурядная, а плюс к этому ещё и (как сказали бы немного раньше) всесоюзно известная. Правда, знаком он своим многочисленным друзьям больше не под именем Анатолия Сидорова, а под придуманным псевдонимом Дикий Кот. И всё потому, что Толик — индеанист.

Движение индеанистов, то есть людей, изучающих историю, археологию, этнографию, духовную и материальную культуру северо-американских индейцев, зародилось у нас ещё в прошлом веке, после визита в Россию знаменитого индейца Монтигомо Ястребиный Коготь, бурно расцветало до революции и, как многое, полностью пришло в упадок. Возрождение любительского движения началось лишь к годам 1980-м, но до сих пор особо не рекламировалось, прежде всего по просьбе самих индеанистов, опасающихся чрезмерного внимания к себе сотрудников КГБ. Именно это стало главной причиной и нежелания сегодняшних индеанистов присылать свои раскрытые адреса и имена Анатолию, когда он, искренне решив помочь всем «советским индеанистам» узнать друг друга, приступил к составлению адресника. Все согласились: идея хорошая, но слишком опасная в случае, если адресник попадёт в «чужие» руки. И всё же Дикий Кот не бросил эту затею. Более того, нашел единомышленников и помимо адресника стал выпускать ещё «Томагавк» — историко-литературный альманах российской индеанистики. Что это такое, он расскажет сам.

— Наш «Томагавк» издаётся с 1990 года и от номера к номеру набирает «вес» и солидность. Поскольку индеанистов в Сыктывкаре совсем немного, 4—5 человек, основная ставка, конечно, на поддержку единомышленников. Так, например, некогда мы отослали американскому профессору Эдвину Грабе пачку фото с Пау-Вау-91 (если дословно, это Большой Совет «индейцев», собирающийся каждым летом под Петербургом) и получили очень лестный ответ из Аризоны: «...Очень благодарен за присланные интереснейшие материалы... Эти фото я показал своей супруге, а она в свою очередь показала их в Индейском музее (г. Тампа), где часто дежурит на добровольных началах, археологам и ученым, которые там работают. Все без исключения были удивлены этим делом. Мы совершенно не подозревали, что в Советском Союзе существуют индеанисты».

— Что ещё интересного можно найти в вашем журнале?

— Например, рубрика «Индейская территория» полностью посвящена публикациям о самих индейцах, «Литературный вигвам» — отдана тем, кто умеет держать в руках не столько томагавк, сколько перо.

— Хорошо, с журналом ясно, а чем же всё-таки, если не секрет, занимаются сами индеанисты?

— Любительская индеанистика очень обширна в своих направлениях. Политика — борьба индейцев за свои права, земли, их положение в резервациях и т. п.; научная деятельность — переводы из разных зарубежных изданий, работа над историческим и этнографическим материалом; чистый хоббизм и практическая этнография — то есть изготовление индейской утвари, воспроизводство индейских ритуалов, церемоний, спортивных игр, порой обычное подражание, а порой серьёзное намерение принять — По характеру деятельности индеанистов можно условно, конечно, разделить на три группы. Это «традиционисты» — те, кто интересуются культурой и историей, стараются подражать образу жизни, ездят в лес. «Теоретики» — те, кто интересуются больше на бумаге, и «политики», цель которых — сборы подписей, пропаганда, борьба за освобождение Леонарда Пелтиера. Я скорее теоретик. Увлёкся где-то в 14 лет — классическим образом через книги и кино, где главным индейцем был немец Гойко Митич. Потом перешел от интереса к изучению. Сегодня у меня, считаю, неплохая библиотека, где-то около 80 книг и 15 научных микрофильмов. Несколько десятков друзей по всему СНГ и восемь постоянных корреспондентов за рубежом. Один в Австрии, один в Германии, остальные в Америке. Кстати, двое — профессоры, один в университете штата Аризона, другой в штате Орегон.

— Интересно, а как же ты на них вышел и на каком языке вы переписываетесь?

— В своё время я серьёзно изучал международный язык эсперанто, поэтому искал единомышленников среди эсперантистов. Это мне здорово помогло. На американцев, в частности, вышел через журнал «Эсперанто для Северной Америки», там опубликовали моё объявление. Этот язык позволяет «пролезть» туда, где без знания английского — никак...

— Скажи, пожалуйста, а почему ты выбрал имя Дикий Кот? Ты хочешь сказать, что живёшь сам по себе, ни от кого не зависим?

— В общем — да. Большинство индеанистов принято делить по территориально-«племенному» признаку — это различные группы и клубы, как, например, «Ассинибойны» в Москве, «Дакота» в Тюмени и Петрозаводске, «Оджибва» в Санкт-Петербурге, «Каучи» в Великих Луках и т. п. Но есть и одиночки, которые не входят ни в какие «племена». Не всегда рядом есть единомышленники, а многие и не ищут активных контактов, для них «индейцы» — уход в себя, отдых от проблем.

— Интересно, ты был на Пау-Вау-90. Много «индейского» народу прибыло на этот Совет? Участвуют ли в нём женщины?

— Всего было более ста человек, среди них не так уж мало женщин. Длился слёт почти неделю. Люди знакомились, обменивались адресами, шили украшения из бисера, занимались спортом, индейскими ремеслами... Между прочим, в Германии, где индеанистика очень распространена, есть целые предприятия, специализирующиеся на производстве индейской утвари: от томагавков до палаток-типи. У нас же всё приходится делать своими руками. Поэтому, кстати, на страницах нашего журнала мы рассказываем, как изготовить каноэ, вигвам, амулеты. Мы были бы благодарны, если кто-нибудь посоветовал, где бы

ТОМАГАВК
альманах 2
индеанистов

можно достать бисер для наших поделок. Конечно, и у нас не без проблем.

Есть тернии на издательской тропе. Редакции «Томагавка» нужен художник. Не помешали бы и спонсоры…

— Надо полагать, что наш с тобой разговор окончен! Ну что ж, удачи вам. А как по-индейски «пока»?

— Хау.

Анатолий Сидоров (Дикий Кот)

К сожалению, у меня не сохранилось ни одного номера данного журнала. Когда я в 2004 году уезжал из Сыктывкара в Питер, то все номера подарил коллекционеру и хранителю самиздатовской периодики. Издавать же журнал, ориентированный на индеанистов СССР, меня надоумил Михаил Таскаев по прозвищу Билл Лейзи. Дело в том, что он до этого продвинулся в издании фантастики в виде журналов самиздата.

Собственно, сама идея издавать что-то для индеанистов уже была не нова. У меня имелись четыре номера журнала «Wampum», выпускавшегося индеанистами ГДР. Юрий Котенко в Москве издавал «Американо-индейские ведомости» с уклоном на Ассинибойнов и прерийников.

С предложением Билла Лейзи я согласился, тем более, что можно было публиковать журнал легально, не опасаясь преследований и цензуры. В годы перестройки самиздат расцвёл пышным цветом. Зелёный свет был дан, и мы взялись воплощать идею.

Билл Лейзи собственно взял на себя техническую часть, а за мной осталась редакторская и переписка с индеанистами. Для начала нужен был адресник всех индеанистов СССР. А чтобы получить или составить этот адресник нужно было самому сдружиться с кем-либо из старых и опытных индеанистов. У меня на примете был адрес индеанистов Новосибирского Академгородка. Незадолго до этого о них вышла небольшая заметка в «Комсомолке» под названием «„Содействие“ собирает друзей» (или как-то так). Через редакцию удалось получить адрес Нины Овсюковой. Она была председателем клуба индеанистов. Я списался с ней, завязалась переписка. Она пригласила меня в гости с тем, чтобы познакомиться. У меня как раз выпал отпуск и я, купив билет до Новосибирска, рванул в Сибирь. По пути выяснилось, что надо было обновить фотографию на паспорте, т.к. мне уже было за 25 лет. Меня дважды штрафанули за одно и то же: в Свердловске при пересадке и в Новосибирске при вылете. Но это пустяки. Самым трудным было как раз снабжение. Дело в том, что в 1989 году уже ввели талоны на продукты. И самое поганое, что талоны для Сыктывкара не подходили к Новосибирску.

По приезде в Академгородок я познакомился с Ниной Овсюковой и с другими индеанистами из «Содействия». Нина была ДЦП-ешницей, передвигалась на коляске. Мы обменялись примитивными индеанистскими подарками. Но самое главное было в том, что у Нины имелось несколько блокнотов с адресами и именами индеанистов. Мы с ней долго разговаривали до позднего вечера. А ночью мне пришлось все адреса переписывать в свою тетрадь. Вот с этой тетрадью я вернулся в Сыктывкар. Я на-

чал с того, что на открытке открытого типа просто от руки написал суть своей затеи, а именно издание журнала для индеанистов и внизу 5—6 строчек, чтобы указали свой адрес, год рождения, в каком году увлёкся индейцами, индейское имя и имя «в миру», каким племенем увлекается, пожелания по журналу и адреса друзей-индеанистов с тем, чтобы как можно полнее иметь данные. От этих данных зависел тираж журнала.

При анкетировании запомнилось два эпизода. Одно письмо пришло из Москвы от матёрого индеаниста всего с одним вопросом: «На КГБ работаешь?» Не буду упоминать автора, чтобы не делать ему ненужной рекламы. И второй эпизод меня поразил сильнее, чем вопрос из Москвы. Одна девушка-индеанистка разразилась бурным негодованием за то, что я без её спроса обратился к ней с анкетой, которую я рассылал по всем имеющимся у меня адресам. Во второй половине письма девушка уже забыла, что минуту назад негодовала, и сама вывалила мне два десятка адресов, имён и явок индеанистов, с которыми она поддерживала почтовую связь. А под конец в письме указала свои пожелания по будущему журналу. Дескать, журнал должен быть на хорошей мелованной бумаге, с цветными иллюстрациями и должен быть посвящён Лакотам, Дакотам и т. д. Барышня явно не понимала, что такой журнал стоил бы не шесть рублей, а все двадцать пять. А ей это по карману? К слову сказать, «Томагавк» был в чёрно-белом исполнении, чуть ли не на обёрточной бумаге. Кое-какие фотографии в типографском переложении вообще были не узнаваемы: какие-то шары, круги, с трудом узнать кто изображён мужик или баба.

Билл Лейзи вбил в мою голову самую главную вещь: журнал должен приносить прибыль один к двум. То есть если журнал в типографии сделали за 3 рубля, то я должен его продавать за 6—7 рублей. Так как сюда входили расходные материалы: бумага, лента для печатной машинки, конверты, пересылка по почте, подарочные и авторские экземпляры, оплата работ переводчиков и т. д.

Техническая сторона лежала на плечах Билла Лейзи. Я ему приносил материалы по индейцам, переводы с немецкого, испанского, английского и эсперанто языков. Он эти материалы комплектовал по рубрикам: вести от индеанистов, переписка, переводные статьи, ксерокопии газетных и журнальных статей, новости, желающие переписываться, объявления разного рода (куплю, продам, обменяю и т.д.). В год успевали выпустить 2 номера. Тираж был небольшой 300 экземпляров. Подписчики были со всего СССР: Прибалтика, Украина, Белоруссия, Алтай, Сибирь, Дальний Восток, Карелия. Несколько экземпляров уходило в армию, в тюрьму и за границу. Дело наладилось, но всё это продолжалось до 1991 года, когда рубль резко потерял в цене. При очередном выкупе уже отпечатанного номера мне в типографии отказались выдать тираж. Сказали, что стоимость услуг подорожала вдвое. То есть за экземпляр мне надо было заплатить не 3 рубля, а 6 рублей. Я с трудом уговорил конторских в типографии, дескать, выдайте мне весь тираж, я его разошлю и всем объясню, что номер стоит не 7 рублей, а 15 Люди должны понимать, что от меня мало что зависит. К счастью, все мои опасения в нечестности индеанистов не под-

твердились. Лишь единицы отказались выкупать по новой цене, то есть люди журнал получили, но доплату не сделали. Деньги я собрал и пришёл в контору. Сижу, жду у всех на виду. Потом ко мне подходят конторские и спрашивают: «Как дела, Анатолий?». А я им: «Да вот, плохо стал спать». Что такое? Почему? «Да вот, говорю, плохо сплю, так как задолжал вашей типографии. Вот денежки вам принёс». Они очень удивились. «Вы первый человек, который пришёл и погасил долг». А до меня грузины «кинули» эту типографию. Заказали учебник для грузинских детей. Тираж 300 000 экз. отправили в Грузию, а от них ни копейки. Вот это кидалово!

И тут неожиданно на меня обрушились две новости. Одна хорошая, а вторая плохая. Хорошая состояла в том, что работники типографии, а она находилась в подвальном помещении, меня убедили сделать ход конём. А именно мне посоветовали поступить так: «В конторе (куда сдавался оригинал-макет) укажи, что тираж нужен не 300 экз., а всего 150. В контору платишь за 150 экз., а мы тебе делаем 300, и нам, т.е. непосредственно работягам, платишь за оставшиеся 150 экз. По деньгам ты ничего не теряешь, зато мы свои деньги получим, минуя паразитов с первого этажа». Я так и поступал. Если сейчас в каком-либо из последних номеров указано, что тираж 150 экз., то в действительности было отпечатано 300 экз. Вторая новость была самая плохая. И как всегда это бывает, она пришла оттуда, откуда не ожидаешь. Дело в том, что часть тиража я рассылал бесплатно. Это авторские экземпляры, подарочные экземпляры с тем, чтобы заиметь или заинтересовать потенциального автора или подписчика. Ещё несколько экземпляров уходило за границу: индеанистам Болгарии, ГДР, моему другу-профессору из Аризоны, с которым я переписывался на эсперанто. Он взамен мне присылал свои брошюрки, выходившие на эсперанто «Arizona Suno» (Аризонское солнце). В этих брошюрках я всегда находил и переводил на русский статьи по индейским темам: жилища индейцев, языковый кризис в индейских резервациях Аризоны и т. д.

Как-то в беседе с Биллом Лейзи я, хвастаясь, проговорился, что отправляю наш журнал в США и Канаду. Билл Лейзи как-то насторожился и своими вкрадчивыми вопросами уточнил этот эпизод. Сколько экземпляров я отсылаю? «Может, ты за эти номера получаешь долларами?» Я по наивности подвоха не заметил и шутливо отчитался, что какая разница получаю я что-то бесплатно или за доллары? Доллары я в глаза не видел, так как всё держалось на взаимовыгодном обмене. Но Билл Лейзи сделал свои выводы. Он посчитал, что я на постоянной основе получаю доллары, а с ним не делюсь, то есть на лицо недоверие. И однажды Билл Лейзи звонит мне на работу и сообщает, что надо срочно оригинал-макет из типографии забрать, так как срочно надо внести серьёзные изменения. А номер уже две недели назад был сдан в типографию. Уже были изготовлены формы на оцинкованных листах. Подошла наша очередь. И тут на́ тебе — надо срочно забрать! А была пятница. Работники типографии меня умоляли: «Анатолий, не трогайте номер. В понедельник тираж будет отпечатан». Я их

не послушал. Забрал номер, сказав, что в понедельник принесу и что подожду в очереди. Приношу оригинал-макет Биллу Лейзи. Он начинает дербанить весь номер: «Это мой материал» и рвёт его на части, «Это — твой» и бросает мне под ноги. Половину номера зарезал. Я ничего не сказал, но понял, что это конец. Пришёл домой и попытался за два дня переделать номер заново. Конечно ничего не успел. За неделю номер подготовил и сдал в типографию. Через 2 недели мне его отпечатали. Это был последний номер. Сейчас даже не помню 6-й или 7-й. Период издания «Томагавка» с 1990 по 1993 г.

В феврале 1997 года ко мне обратился Блуждающий Дух (Олег Ясененко) с просьбой сдать ему адресник подписчиков «Томагавка». Дух как раз начал издавать «Первых американцев». Без сомнений мой адресник расширял сферу сбыта. Я прикинул, что если не передам адресник, то со временем Дух соберёт базу данных уже без моего адресника, а меня пошлёт подальше. Поэтому я просто сдал ему всю базу данных. Этот адресник у меня имеется до сих пор. Я его набрал на компьютере. Кое-кого уже нет в живых, кто-то отошёл от индеанистики, кто-то просто устал. Как компенсация моё имя появилось в редколлегии «Первых американцев» наряду с другими именитыми индеанистами. В общем, выиграли все: Блуждающий Дух, я, бывшие подписчики «Томагавка» в виде нового журнала и читатели «Первых американцев».

Помимо собственно журнала «Томагавк» я в дополнение издавал в виде принтерных распечаток по 25 или по 50 экз. переводы книг по индейцам.

Вот неполный перечень:

Патти Франк. «Индейская битва на Литтл-Биг-Хорн». Берлин, 1957 г. (перевод с немецкого); Ульрих ван дер Хайден. «Борьба за прерию». Берлин, 1988 г. (пер. с немецкого);

Джордж Кетлин. «Среди дикарей». Часть 1-я. У американских индейцев, Спб, 1876 г.;

Сборник статей профессора США Эдвина Гробе (перевод с эсперанто):

А) Жилища праиндейцев доисторической Аризоны;

Б) Падре Кино: миссионер у индейцев южной Аризоны;

В) Трагедия у реки Хила. Пятилетнее пребывание в плену белой девушки у индейцев мохаве (1851—1856);

Г) Навахские радисты-шифровальщики из Аризоны;

Д) Заметки о современной музыке индейцев США;

Е) Не хватает медиков-Навахов.

Гойко Митич

Андрей Нефёдов (Ветер)

Федерико Феллини сказал: «Моё поколение выросло на идеализированном представлении о чудесной жизни в Америке, какой её воплощало американское кино. Герой вестерна, частный детектив, словом, личность была в нём всем на свете. Отождествить себя с такой личностью было нетрудно. Отождествить себя с такой личностью хотелось. Личность была победителем, исполненным благородства героем».

Примерно то же самое можно сказать про Гойко Митича — «главного индейца СССР». Он сыграл важную роль в становлении советских индеанистов. Не уверен, что Гойко Митич был единственным виновником нашей детской увлечённости индейцами, но нет ни малейшего сомнения в том, что он добавил масла в огонь. Фильмы с его участием были предельно просты: вот чёрное, вот белое, вот зло, вот добро. Персонажи Гойко Митича олицетворяли собой добро и честность, а все, кто ему противостоял, были носителями абсолютного зла. Неудивительно, что мы, дети, попали под обаяние индейских образов, созданных Митичем. Когда индеанисты новейших времён, воспитанные в условиях неограниченных возможностей общества потребления, где не составляет труда за несколько секунд найти в интернете любой фильм и заказать любую книгу, часто говорят, что Гойко Митич не интересует их, что в нём нет ничего особенного и что сегодня есть актёры куда более выразительные, я понимаю, о чём они говорят. И я понимаю, что они никогда не смогут оценить, чем был для нас Гойко Митич. Сегодня кинематограф стал циничнее, многие персонажи, отстаивающие добро, ведут себя так же, как персонажи, служащие злу. Фильмы приблизили действующих лиц к неоднозначности и противоречивости действительности, что, конечно, изменило их качество. Родись Гойко Митич лет на тридцать позже, он бы не смог уже сыграть те роли, за которые мы полюбили его. Сегодня Гойко Митича просто не было бы. Новые времена, новые ценности, новые герои…

Будучи на стажировке в киношколе при киностудии «DEFA», я заглянул в музей кино в Потсдаме. И что же я увидел там? Огромные фотографии Гойко Митича в образе Чингачгука и Зоркого Сокола встречали посетителей. Югославскому актёру было отведено более половины музея кино ГДР!

Андрей Голенков (Вороний Танец)

2012 год. Осень. Типифест в «Этномире».

Мы работали как обычно, а к рассказам о том, что приедет Митич относились с открытым недоверием. Но он приехал. Оказался очень приятным мужиком, добродушным, открытым, ми-

лым и очень терпеливым, т.к. одни и те же вопросы разной степени тупорылости ему задавали постоянно. Он отвечал и улыбался. Пришёл к нам на площадку, покрутил револьвер, пообщался с нами. Вечером нас пригласили в ресторан для более кулуарного общения. Были мы (индеанисты), Митич, руководство «Этномира». Стол ломился, беседа была непрерывной. Четыре часа пролетели незаметно совершенно. У меня была цель — попросить Митича расписаться на его фотографии, которую давно нашёл в одном заброшенном доме в деревне. Такие выпускали в 1970-е массово, на стол ставить, с ножкой. Выбрал время, подошёл к нему. Он умилился от такого антиквариата, расписался, а потом достал из внутреннего кармана свою фотографию и подарил и её с автографом. После ресторана он уезжал в аэропорт. Мы вышли на улицу проводить его, было темно, сыро, но головы у нас просто шли кругом. Он к каждому подошёл, обнял и поблагодарил.

После этого ещё два раза он приезжал на Типифест, и каждый раз это было очень приятное общение. Мы задавали свои узкоспециальные вопросы, а он на них по мере сил отвечал. Однажды поздно вечером я столкнулся с ним на улице, что-то спросил, и мы простояли в темноте посреди тротуара почти час, разговаривая о его фильмах.

Но из всех эмоций два момента для меня оказались самыми мощными.

1. Вечер. Мы сидим на площадке у костра, Между нами Митич с переводчиком. Вокруг толпа зрителей, задающих вопросы одновременно и нам и Митичу. Мы отбиваемся по мере сил. И вдруг встаёт одна женщина и спрашивает у Митича: «А всё же есть у индейцев шанс возродить свою культуру или хотя бы не до конца её потерять?» И как-то затихли все, а он вдруг в нашу сторону показывает и говорит: «А это вот от этих парней теперь зависит». Всё, точка. Что ещё?

2. Типифест следующий после того, как мы встретились с Митичем. Он не приехал, середина дня, нам выходить на танцевальную площадку и отрабатывать программу. Мы уже стоим в боевом порядке, через пару минут на сцену. Психуем, зал полон, звук хреновый, настраиваемся на танец. И вдруг меня кто-то дёргает за рукав. Вырываю руку, отмахиваюсь. Не мешайте. Снова дёргают. Поворачиваюсь бешеный — стоит Гойко и улыбается. Он меня запомнил с прошлого года. Обнял, поздоровался и говорит: «Давай, удачно вам выступить». Надо ли говорить какими чертями мы вылетели на площадку и как отработали этот сет?

Михаил Виноградов

Когда я смотрел впервые фильмы с Гойко Митичем, мне было лет пять, а то и меньше. На тот момент мне это нравилось, но какого-то осознанного влияния я не ощутил. Просто в силу возраста. А вот чуть позже, в школе, когда мне было лет десять-двенадцать и в голове уже что-то более-менее стройное организовалось, фильмы с ним реально сыграли свою роль.

Однозначно Митич для меня — одна из основополагающих фигур, способствовавших моему «обращению» в индеанизм. А пишут о его якобы незначи-

тельности кто? Люди, родившиеся после 1980-х… Митич и все фильмы к тому временем уже прошли, и их популярность сохранилась только среди тех, кто успел их посмотреть, когда ни чего иного не было. Он ценен для поколения «непуганого» интернетом и «Танцами с волками».

Первая моя встреча с Гойко Митичем — у входа в «Этномир». Митич очень спокойный, со всеми здоровается за руку, успевает парой фраз перекинуться… Ему реально интересно всё происходящее. Он совершенно спокойно реагирует, когда разного рода дятлы задают один и тот же вопрос по десять раз подряд. Старается отвечать без повторений. Говорит при личной беседе по-русски, с залом всё же сложнее — тут с переводчиком на немецком.

Первые два его приезда в «Этномир» — настоящий фурор. Люди его действительно помнят и любят, куча фанатов на пресс конференции, очереди за фото и автографами.

На третий год ажиотаж спал — видимо, каждый год приезжают в основном одни и те же. Митич бродил по «Этномиру» спокойно, без толпы зевак.

В первый его приезд нас пригласили на ужин с ним. Он был реально рад, много рассказывал и про себя и про индеанистов в Европе. Общение за столом самое неформальное — просто сидят друзья, общаются. В какие-то моменты думалось: как же ему, наверное, это всё надоело. Но он постоянно улыбается, шутит, выдержка действительно индейская.

К сожалению, у нас там была работа и не получалось просто отойти поболтать. Довольствовались редкими моментами, когда совпадали с Митичем, как, например, на том вечернем костре, про который Арапах написал.

Было крайне удивительно, что при такой массивной рекламе перед его первым приездом на Типифест не приехал НИ ОДИН индеанист, кроме тех, кто выступал. А это человек пять от силы (сейчас точно не помню, но по фото можно восстановить). Это уже, разумеется, отдельная песня.

Павел Фирсов (Гач)

Впервые я увидел Гойко Митича на «Карл Май Шоу», это был большой праздник в Радебойле, туда съехалось много всякого народу. Были и представители нескольких племён из США. Мы с женой поехали к Делаварам, нас общий друг пригласил. Мы были с ними, когда привезли Митича и Пьера Бриса. Ну, походили они туда-сюда, дали несколько классических интервью, поотвечали на дурацкие вопросы, сфоткакались с фанами и детьми и т. п.

Второй раз его привезли на немецкое Пау-Вау в Грима. Это было, наверное, через год, хотя могу ошибаться. Он прошёл с индеанистами круг почёта, звучала песня Открытия. Он — давний друг организатора Пау-Вау в Гриме, частенько там появляется.

Что сказать? Обычный человек, актёр. Общие ощущения были такими же, как после Новогодней Ёлки, в детском саду, когда я случайно забрёл в комнату, где начал переодеваться Дед Мороз!!! Я был в таком шоке, что потерял дар речи! Мой детский мирок рухнул в одночасье!!! Деда Мороза — не существует!!! Так же и с Митичем! Он не Зоркий Со-

кол! Он Не Индеец!!! Он Обычный Человек! Мой Мирок рухнул ещё раз.

Наверное, не следовало на него смотреть. Пусть бы он остался таким, как в фильмах — Самым Настоящим Индейцем Советского Союза!

Жестокое разочарование произошло также, когда с американскими индейцами тусили.

Гойко Митич
(из интервью 2015 года)

Газета.Ru: Как вы стали главным индейцем ГДР и СССР?

Гойко Митич: Это была случайность. Я тогда учился в институте и подрабатывал в кино, играл маленькие эпизодические роли. И однажды мне позвонила секретарша из «Югославия-фильма» и рассказала, что приехала съёмочная группа из Германии, они увидели мою фотографию и хотят со мной встретиться — обязательно, сразу! Я собирался кататься на лыжах, но согласился на встречу. Меня спросили на немецком, могу ли я ездить на лошади, я ответил, что смогу удержаться в седле. Они удивились: вы говорите по-немецки? А я изучал в школе немецкий и русский. И режиссёр сказал: вот наш Токей Ито, это он! Я мог бы не взять трубку и поехать на лыжах, тогда моя жизнь прошла бы по-другому. Но я взял — и получил шанс, который уже не упустил.

Газета.Ru: Вы сразу разглядели этот шанс?

Гойко Митич: Я думал, что будет всего один фильм, но всё сложилось иначе. Из 17 млн жителей ГДР «Сыновей Большой Медведицы» посмотрело 10 млн, и с тех пор было ещё 11 картин, в которых я играл индейцев. Я всё делал без дублеров, и для моих героев это было хорошо — зрители им верили... Фильмы, в которых я играл, — с исторической точки зрения хорошие фильмы о том, что случилось с этим народом. В одном из интервью, когда США бомбили Ирак, я сказал: они это делают, потому что ещё не все «индейцы» в мире попали в резервации. Американцы просто продолжают свою политику. Ведь посмотрите, как это случилось. На территории Америки, где жили индейцы, шла европейская война, а индейцы просто хотели сохранить свою землю. Они считали её матерью и были правы. Земля — мать для нас всех, её нужно сохранить, оставить тем поколениям, которые ещё не родились.

Газета.Ru: Говорят, что из-за одного из фильмов с вашим участием индейцы подняли восстание в Вундед-Ни в 1973 году.

Гойко Митич: Думаю, это преувеличение. Вряд ли такое возможно.

Газета.Ru: А вы со своими героями встречались?

Гойко Митич: Да, я был у индейцев два раза. Они меня так прекрасно принимали! Пригласили на Пау-Вау, где они встречаются, обмениваются подарками, ведут переговоры. Один из индейцев, которые берегут традиции своего народа, спросил меня, какое у меня имя в животном мире. А у меня нет этого имени — я только играл индейцев в кино. И он предложил мне найти его. Я закрыл глаза, увидел волка, и он мне сказал: ты Волк. Ещё до того, как произнёс хоть слово! Не знаю, как это произошло, возможно, случайно. Знаю только, что я сейчас Волк.

Кино

Андрей Нефёдов (Ветер)

Индеанисты, начиная с 1970-х годов и заканчивая сегодняшним днём, пытались делать своё кино. Они не создавали фильмы в нынешнем понимании этого слова, они просто наряжались в свои индейские одежды и «позировали в движении» перед кинокамерой: бегали, пускали стрелы из луков, метали томагавки. Их фильмы напоминали первые киноленты братьев Люмьеров: прибытие поезда, поцелуй, поливка цветов из шланга и т. д. О сюжете никто из мальчишек не беспокоился, потому что они просто забавлялись, отдаваясь своей любимой игре в индейцев. Сам я снял мой первый «вестерн», когда мне было лет тринадцать, правда, фильм был не про индейцев, а про ковбоев, которых изображали два моих закадычных друга — один на год, другой на два года моложе меня. Нетрудно представить, что это были за ковбои...

Взрослея, некоторые люди не желают расставаться со своими увлечениями и мало-помалу превращают увлечение в серьёзное дело. В тридцать лет, получив третье образование, я стал кинорежиссёром. Правда, эта профессия не дала мне возможности снять ни одного вестерна. Все мои вестерны были сделаны в пространстве «любительского» кино. Это было минусом, это было и плюсом: отсутствовали средства для создания более или менее масштабных картин, что заставляло меня искать принципиально новые решения и вырабатывать мой собственный стиль в кино, где ставка делалась не столько на актёрскую игру, сколько на изображения и размышления, положенные на закадровый текст.

Не стану рассказывать здесь о жизни нашей киностудии, поскольку написал об этом целую книгу «Кино без правил», где моим вестернам, снятым на 8-мм киноплёнку, уделено много внимания (и о том, как я мастерил из бумаги пышные головные уборы, и о том, какими средствами мы добивались «настоящих» выстрелов в кадре, и о том, как шили костюмы). Упомяну лишь о фильме «Yuhaha», так как в нём приняли участие индеанисты. Познакомившись с ними, я не переставал думать о том, что их роскошные наряды надо использовать в кино. Я выпустил цикл телевизионных программ «Голоса» (по ряду причин этот цикл вышел в эфир под названием «Голоса и крылья»), но мне было мало документального материала, я хотел снять игровой фильм с необычным сюжетом. В 1997 году я приступил к съёмкам, ещё не будучи уверенным в том, что хоть кто-нибудь из индеанистов поддержит меня. Но меня поддержал Юра Котенко. Именно он вызывал ребят на съёмки... Насколько я помню, никто не мог понять, о чём будет «Юхаха», ведь все привыкли, что вестерн — это всегда простая, однолинейная история, а я предложил рассказ, напоминающий паутину, историю о том, как шаман совершил ошибку, в результате которой непоправимо переплелись и изменились судьбы многих

людей. Это привело к тому, что я перестал объяснять, о чём будет история, и просто говорил, что конкретно мы снимаем в данный момент: торговля, драка, перестрелка и т. д. «Ты встаёшь со стула и шагаешь сюда… Ты прыгаешь и бьёшь топором сюда, не промахнись… Ты ведёшь лошадь под уздцы до этого места, а здесь садишься на корточки и вглядываешься в следы на земле…» Из-за того, что съёмки зашли в тупик (по техническим причинам), первоначальный сценарий пришлось урезать вдвое, убрав несколько сюжетных линий. Фильм получился совсем не таким, каким я видел его в начале пути. Так или иначе, это был интересный опыт.

***

После моего знакомства с индеанистами в 1991 году я много слышал о том, что они снимали вестерны, но посмотреть удалось только «Дезертир» и «Я убийца».

Про фильм Димы Сергеева «Дезертир» нельзя говорить как о произведении искусства, но он — и в этом нет сомнения — уникален, как уникально многое в творчестве индеанистов. Танцующий Лис снял «Дезертир» на чистом энтузиазме, без какой-либо материальной поддержки с чьей-либо стороны. А ведь это игровой фильм с сюжетом, где задействовано множество лошадей и звучит прекрасная музыка! Главная особенность «Дезертира» — в том, что Танцующий Лис наполнил его духом романтики. Фильм дышит романтикой.

Танцующий Лис привлекал к съёмкам всех своих друзей, но, к моему сожалению, никто не смог (или не захотел) рассказать мне ничего об увлекательной и дружной работе над «Дезертиром».

Когда я интервьюировал Диму для телевизионной программы «Голоса», то не мог обойти стороной тему кино. Танцующий Лис сказал замечательные слова: «Кино я стал снимать с моими лучшими друзьями, когда мне стало не хватать кино, которое я смотрел. Я ходил в кинотеатры, смотрел, и мне этого было мало. И потом… я смотрел, и мне хотелось быть *там*. Ну почему они — актёры — бегают там, играют, но не понимают, что даже от одного этого можно быть счастливыми. Испытать на себе, сесть на лошадь, окунуться в эти события, увидеть всех твоих друзей в этих событиях, а природа вокруг не поддельная… Что мешает? А кино это великое изобретение, настоящее чудо. Оно даёт возможность настолько глубоко запомнить, запечатлеть всё, что это можно показать другим, поделиться…»

Я подумал, что участники тех съёмок и тех счастливых дней с удовольствием поделятся своими воспоминаниями. К моему огорчению, мало кто что вспомнил. Оператор «Дезертира» Владимир Зверев написал мне: «Мы снимали кино на 8-мм плёнку ещё со школы. У нас была своя команда. Конечно, приглашали знакомых участвовать. А потом перешли на Любительскую киностудию „ЛОМО“, и всё сначала начали». Этим его воспоминания исчерпались.

Про фильм «Я убийца», снятый совершенно в ином стиле и на принципиально иной материальной базе, мне тоже не удалось добыть никакой информации. Главным мотором этого кинофильма, как я понимаю, был Андрей Воронов (взявший через несколько лет писательский псевдоним Воронов-Оренбургский). Фильм непритязательный, но масштабный (учитывая его

«самодеятельную» природу). Об этом опусе я тоже пытался расспрашивать, но мне ответил только Юрий Горчаков: «На воспоминания, как, вероятно и у многих, времени особо нет, с текущими заботами дай бог управиться. По съёмкам уральской (не путайте с Алтаем) эпопеи постараюсь дать что-то типа релиза с фото, которые смогу отсканировать (и найти). Писатель Воронов вряд ли тоже пригодится, поскольку он либо ваяет очередную эпопею, либо отдыхает от трудов, и один вид ручки и бумаги вызывает в нём непреодолимое отвращение». К сожалению, дальше этих слов «релиз» от Юрия Горчакова не пошёл.

Алексей Кучменёв (Рысян)

Мы с Лисом познакомились в 1985-ом, он тогда пришёл в клуб «Этнос» на станции метро «Звёздная», после телевизионной передачи «У вас 5 мин». Потом, как это обычно и происходит между нашими, начался обмен информацией, квартирники, движуха попёрла. Тогда много людей через клуб пришло, между ними возникли общие интересы, ну и задружились. А Лис тогда играл в рок-группе, картины писал и снимал «Дезертир». Ему нужна была массовка индейская, где по линии сюжета главный герой встречается с группой индейцев, вот он нас и попросил поучаствовать. Поехали зимой в посёлок Токсово, холодно было. Напялили парики, завернулись кто во что, у него имелась пара ружей (муляжи). Лис объяснил нам где/куда/ идти/лежать/ стоять. Ну, быстренько всё это отсняли и поехали в тепло. У меня тогда был вопрос (не к нему, а в пустоту): почему про какого-то дезертира бледнолицего? почему не про индейцев? Ну, отсняли и отсняли. Потом много подобных съёмок случилось. Конечно, «Дезертир» и «Я убийца» (Андрей Воронов и Юрий Соболев) — это две огромные разницы. Лис на одном энтузиазме пёр, много сцен переделывал, затягивал... Похоже, картину он так и не закончил...

Вадим Сыркин

В 1985 году я вернулся из Армии. Дима Сергеев с Вовой Гусевым ждали меня на музыкальной базе в подвале «Политеха». У нас была группа «Лабиринт», мы играли хард-рок. Я играл на бас-гитаре, Дима стучал на барабанах. По образованию я электронщик, поэтому притащил, что смог из электроники и доделал всё необходимое, чтобы мы могли играть. Там, на этой музыкальной точке в подвале «Политеха», мы записывали альбомы на бобинники. Первый наш альбом назывался «Цербер», очень мрачный рок. Мы даже выступали. Как ни странно, нам позволили дать концерт в одном из кинотеатров, на улице по периметру стояло оцепление милиции, в зале тоже милиция. Это было для нас большое событие.

А киношная история началась вот с чего. Вернувшись из Армии, я пошёл работать на ЛОМО (Ленинградское оптико-механическое объединение), а при ЛОМО имелся Дворец Культуры «Прогресс», там находилась прогрессивная киностудия, которой руководил Олег Базилевич. Вот на эту киностудию я прита-

Съёмочная группа фильма "Дезертир"

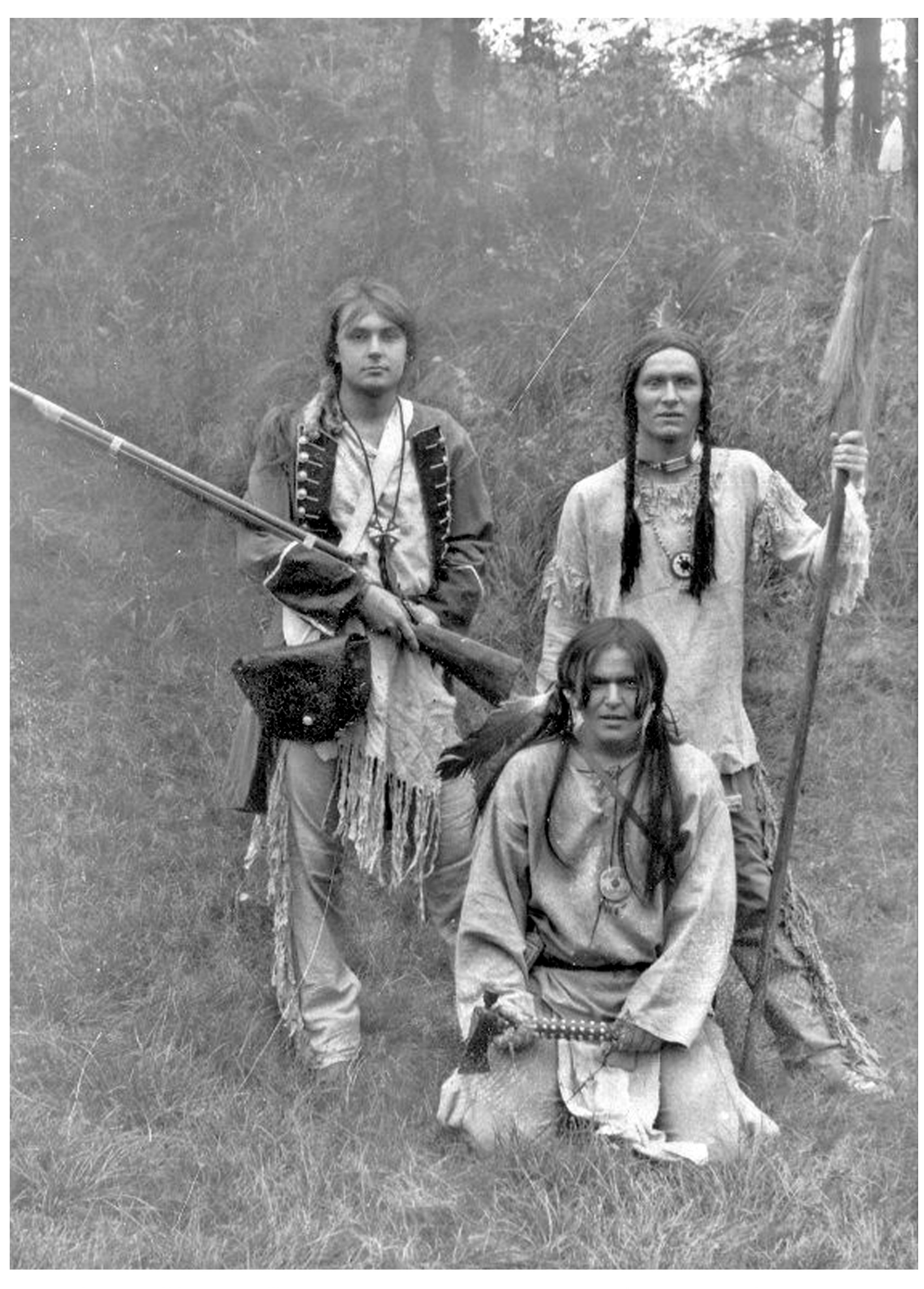
щил Димыча. Когда Базилевич ушёл на пенсию, Дима какое-то время был там директором студии.

На ту студию многие приходили со своими проектами. Неформалы там работали время от времени, так называемые режиссёры «параллельного кино». Иногда мы озвучивали им фильмы. Бывало, они приносили какую-то «шизовку», мы запускали проектор, садились с инструментами под экран и импровизировали, глядя на изображение. Это не была музыка в прямом смысле слова, но мы создавали музыкально-шумовое сопровождение.

В том ДК мы записали музыку для фильма «Дезертир». Мы собрали большую музыкальную тусовку для той записи, целый оркестр. Среди музыкантов был Дима Кроу, его привёл Лис, поскольку они знакомы по индейской тусовке. А Кроу играл на валторне.

Оркестр мы записывали в зале, чуть ли не в актовом зале. Никакой тонстудии не было. А шумовые эффекты (бряканье уздечками, хруст сухого леса, треск костра) записывали у меня дома. У меня был неплохой микрофон, и мы с Димычем записывали всё это вдвоём. Сидели и шуршали сеном, ломали тонкие веточки, изображая костёр. Звук сбруи делали старой кадетской портупеей с множеством цепочек и крючочков на ней. Что было под рукой, тем и звенели. Шум океана в конце фильма — это мы тупо в микрофон дули.

Не могу сказать точно, как долго Танцующий Лис снимал свой фильм. Я подключился к «Дезертиру», когда уже был снят какой-то объём. Димка всё время

Леонид Шардин: "Интересный парик у меня: он был сделан (порезан ножницами и заплетён в косы из ТРЯПКИ (!) чёрного цвета за несколько часов до съёмки!!!, а Вовэну нарастили волосы из конского хвоста (!). Вот такое было творчество!!!!"

испытывал нехватку людей на съёмках, поэтому участвовали все. Мы ездили за Сосново, на конюшню.

Я тоже «засветился» в том фильме, изображал солдата, которого Дима заколол шпагой. Я подпрыгнул, он нагнулся, ткнул меня острием, я упал, и на том моя роль закончилась.

Валерий Булатов

Мы уже не первый год снимаем вестерны в Забайкалье, но их своеобразие состоит в том, что действие происходит не в Америке, а на нашей родной земле. Сюжет нашего очередного фильма тоже разворачивается в Сибири, в неопределённом апокалиптическом будущем. Но в этот раз мы решили ввести в нашу историю североамериканских индейцев, которые давно стали почти обязательными персонажами вестернов. Чтобы показать масштаб произошедшей на планете катастрофы (мы не указываем в фильме какой, природной или техногенной), мы задумали «переселить» коренных жителей Америки в Сибирь, на их прародину. Эта идея показалась нам очень интересной — свести в одном кинематографическом пространстве совершенно разных героев. Так у нас бок о бок с коренными жителями Юго-Востока Сибири — бурятами, эвенками, монголами — существуют арабы, казахи, самураи, басмачи, китайцы, а теперь ещё и индейцы. «Смешались народы, культуры, религии», — так было написано в начальных титрах нашего фильма.

Знакомый «индеец» у меня был — Тим Уланов, известный индеанист, по индейскому имени Вапаха, авторитетный человек в этом движении. Я много лет состоял с ним в интернет-переписке и благодаря ему я впервые попал на Пау-Вау, где царила удивительная атмосфера, поразившая меня до глубины души. Лучшего кандидата на роль Вождя нельзя было и представить. И я начал переговоры с ним по интернету о его потенциальном участии в нашем проекте. Тим не возражал. Он уже посмотрел «Угэдэчи», и наш Сибирский вестерн ему понравился.

Сложность состояла в том, что Тим проживал в Санкт-Петербурге, а съёмки намечались в Забайкалье. Как вариант мы рассматривали и командировку в Питер. У меня там были знакомые операторы, которые могли помочь. В Питере, если бы мы поехали туда, предполагалось снять всего три сцены с участием Тима. Но основной материал всё равно — в Забайкалье, и эти удалённые друг от друга места съёмок нужно было смонтировать так, чтобы изображение было единым. Я начал переговоры с питерскими операторами. Им предстояло найти нужную локацию и снять разговор с Вождём таким образом, чтоб я мог вмонтировать туда нашего главного забайкальского персонажа по имени Малгай. Всё это было сложно, иногда казалось, что ничего не получится. И всё же я верил, что случай предоставит нам возможность ввести Тима в наш фильм. И такая возможность представилась.

Тим приехал навестить родственников в Улан-Удэ. По нашим Сибирским меркам, это недалеко, всего два дня на поезде до нас. Пришла идея снять нужные эпизоды там. Я попросил Вадима Стародумова (друг, проживающий в Улан-Удэ) подыскать в окрестностях города подходящие локации для съёмок

Тимофей Уланов, Валерий Булатов, Синильга Ванчугова

этого эпизода. Место должно быть достаточно интересное и похоже на наши локации, где мы уже снимали фильм. Саму съёмку должен был осуществить Анатолий Пляскин, наш оператор, снимавший «Угэдэчи, Тайник Красных камней». К тому времени он переехал на постоянное место жительство в Улан-Удэ и работал там на местном ТВ.

Тим намеревался пробыть в Бурятии пару недель. Теоретически мы могли успеть снять всё необходимое. Вадим ездил по известным ему местам, высылал мне фото с описанием этого места, объяснял, как туда добираться. Я внимательно изучал снимки, что-то отвергал, что-то принимал.

По моему плану, после утверждения локации в хороший день Вадим увезёт туда Анатолия и Тима и поможет со съёмками. Я подробно разъяснил оператору, что мы должны получить в результате. Мы стали ждать возможности реализовать задуманное. Но что-то у нас по организации опять не клеилось, а время неумолимо убегало. Тогда мы решили пригласить Тима к нам. Я уже писал, что по Сибирским понятиям Улан-Удэ не далеко от нас. Ночь ехать до Читы, из Читы ещё ночь ехать до Краснокаменска. Я уговорил Тима на этот вариант. Обещал уложиться

по съёмкам в три дня. Сразу купил ему билет от Улан-Удэ до Краснокаменска и обратно. Пока Тим ехал, я очень волновался, во-первых, я впервые должен был увидеть его, как говорится, во плоти, ведь до этого мы общались только по инету. Во-вторых, у меня должно было быть всё так хорошо организовано, чтобы мы уложились в обозначенные сроки. А объём работы был огромный: во-первых, две встречи Малгая с Вождём, во-вторых, несколько мелких эпизодов для сериальной версии «Мудрость индейцев», в-третьих, всевозможные проходы Вождя, раскуривание трубки и т. д. Если повезёт, то добавить эпизоды, связанные с лошадьми. За несколько дней до приезда Тима я объездил все наши кинематографические окрестности в поисках локации. Главное условие — это место не должно быть далеко от города, чтобы не тратить время на долгие переезды. И я нашёл шикарное место, которое стало прямо-таки визитной карточкой нашей студии, — живописная скала, прям-таки вестерновская. Мы потом очень часто снимали её или на её фоне.

Самой ненадёжной стороной нашего плана была погода. Стояла уже середина октября. Холодно, но терпимо. Когда светило забайкальское солнышко, всё выглядело очень даже приемлемо. По изображению нельзя было с уверенностью сказать, какое время года. Главное — чтоб внезапно не повалил снег. А такое у нас запросто.

И вот я встречаю Тима на вокзале. Мы обнимаемся, как старые друзья.

График у нас достаточно жёсткий. Мы отправились домой. Съёмки планировались на завтрашний день, команда была наготове.

Тим привёз индейскую одежду и атрибутику. Мы стали работать над диалогом. Что-то у нас не складывалось. Тиму категорически не нравился текст, написанный нашим сценаристом. «Не стал бы так вождь говорить. Всё это как-то неестественно», — сетовал Тим. Мы со сценаристом Евгением Булатовым хотели выстроить этот эпизод немного в комедийном ключе. Наш вождь был с хитрецой и пытался немного «нагреть» жулика и проходимца Малгая. Отказываясь расплатиться за найденный для его племени артефакт, он предлагает Малгаю «расплатится» историей о «Тайнике» и как его найти.

Мы несколько раз пробовали проговорить текст вождя и так и эдак, но что-то не получалось. И тут пришла идея, что бы вождь говорил на индейском языке, который Тим немного знает. Мы решили, что будет забавно, если каждый говорит на своём языке, Малагай — на своём, но оба понимают друг друга. Тем более, что в закадровом переводе с шайенского мы сможем вложить нужные интонации, чтобы было смешно. Тим начал переводить слова вождя на шайенский, и эта работа продолжалась до глубокой ночи. Прогноз погоды обещал солнце, вот только световой день был уже по-осеннему короткий.

С утра за нами заехала наша съёмочная машина, вместительная «Газель», и мы с Тимом отправились на локацию, где ждала команда. Присутствовал один из операторов, фотограф, а группа поддержки уже начала разводить костёр для плова. Валера Кошелев, исполнитель Малгая, ждал нас в наряде своего персонажа. Он, как всегда, был в форме, знал эпизод, знал текст. Я заранее всем разъяснил, какая нам выпала удача, что мы

заполучили Тима, но никто ещё видел его. Он переодевался в «Газели».

Наши ребята с нетерпением поглядывали на «Газель» в ожидании появления Вождя. Я стоял спиной к «Газели», но сразу понял, что Тим вышел, потому что все разом замолчали. Я повернулся и увидел незабываемую картину… К нам величественно шёл настоящий индейский вождь из нашего детства, из книг и кино. Осенний ветерок слегка шевелил орлиные перья на пышном уборе, бахрома мягко колыхалась, слегка позвякивали металлические украшения. Походка была лёгкая, осанка прямая. Если сказать, что мы обалдели, то это не передаст наших чувств в тот момент. Мы пришли в восторг. Нас переполнял настоящий ураган эмоций. Хотя, как и положено героям вестерна, мы старались сдерживать себя. Я предложил Тиму накинуть теплый узбекский халат, который частенько спасал нас от холода на съёмках.

Пока оператор готовился к съёмке, Тим предложил провести ритуал, раскурить участникам священную трубку. Он привёз её с собой, бережно упакованную в специальный чехол. Тим предупредил, что в ритуале раскуривания могут участвовать только мужчины и что человек употребивший даже немного алкоголя не может быть допущен. Наши костровики, готовившие плов и уже успевшие «разогнаться» пивом, уныло покинули площадку. Ритуал должен был способствовать удачному проведению этих съёмок. Удача нам была необходима, и мы раскурили трубку. Было в этом что-то очень торжественное и мистическое. У Тима все движения были неторопливыми, выверенными. Я достаточно серьёзно отношусь к подобным ритуалам. Вернее сказать, я им верю.

В самом начале съёмочного периода мы провели обряд «открытие пути для проекта» в Буддистском Дацане в Цуголе, где Лама сделал подношения духам местности, чтобы у нас всё получилось. Вот и сейчас мы отнеслись к этому достаточно серьёзно. Снимать священную трубку было нельзя, поэтому фотографий ритуала нет. Для дальнейших съёмок мы использовали трубку из запасников нашей студии. Приглашённый фотограф Владимир Гаврилов сделал великолепную фотосессию перед началом нашей работы. Каждый человек из съёмочной группы, конечно же, хотел сфотографироваться с Вождём. И это заняло какое-то время.

Я ещё успел снять несколько величественных проходов Вождя на фоне скалы и совместные кадры с Саяной и Малгаем. Мне хотелось сделать побольше кадров впрок, подозревая, что это может пригодится для будущих фильмов. Пришлось прервать многочисленные селфи, ибо осеннее солнце неумолимо двигалось к закату. Мы выбрали максимально красивую точку съёмки и начали работать. Диалог складывался хорошо. Делали дубль за дублем. Тим говорил на Шайенском, Малгай на русском, но выглядело это всё диалогом. Тим смотрелся очень органично в кадре.

Снимали до захода солнца. Конечно же, не все планы успели набрать, но сделали много. Едва солнце закатилось за сопки, сразу стемнело, но мы смогли поснимать ещё и в сумерках, а затем отправились к костру, где нас ждала уже вполне тёплая компания и плов. Тима усадили в походное кресло поближе к костру. Я видел, что он уже изрядно замёрз. Октябрь в Забайкалье —

не шутка. Ему тут же положили тарелку плова и налили стакан хорошего китайского бренди. Я произнёс короткую, но вдохновляющую речь. Что говорить, первый съёмочный день порадовал. Я знал, что люди, впервые оказавшись перед камерой (я имею ввиду съемки кино), бывают сильно скованы и не могут войти в нужное русло. У всех это бывает по-разному. Но у Тима получилось очень хорошо. Домой мы возвращались уже в абсолютной темноте. На следующий день планировалось отснять эпизоды с лошадьми и провести съёмки в павильоне на хромакее.

У нас уже была договорённость с «коneклубом», что мы снимем эпизод с их лошадьми. Мы отправились в условленное время на ферму, где они базировались. На этот раз с нами не было Валеры Кошелева (он был занят на работе). Его дублировал наш неизменный конный каскадёр Бахыт Изсбасканов, исполнивший в фильме роль Саида. Он же был водителем нашего киносъёмочного транспорта.

На ферме мы выбрали спокойного коня с грозным именем Буян, и начали из него делать «индейского» коня. Тим нанёс на него боевую раскраску, как это принято у индейцев, вместо седла накинули одеяло. Буян покорно снёс все эти «надругательства» над собой. По его глазам было видно, что он если не в шоке, то в полном в недоумении. Вывели коня в степь. Тим облачился в свой индейский наряд, точнее, разделся до пояса, не обращая внимания на холод. Мы быстро отсняли нужные планы: Малгай на скакуне покидает индейское становище (этот эпизод мы потом до сняли в Питере), Вождь поднимает руку с винчестером прощаясь с ним, Малгай на секунду оборачивается и тоже машет рукой.

Я забрался на крышу «Газели», и у меня был великолепный ракурс. Индейский воин на раскрашенном коне в прерии на закатном солнце — зрелище потрясающей красоты и величия. Я тогда подумал, что очень хотел бы снять настоящий вестерн с участием Тима.

В этот же вечер у нас состоялись съёмки в павильоне, на хромакее (на синем фоне для дальнейшей компьютерной обработки). Снимали финальную встречу Вождя и Малгая. На натуре такой эпизод снять не удалось, так как Валера Кошелев работал. Мы рассчитывали, что сможем аккуратно подставить на фон ту самую скалу, где первоначально и разворачивались события. Мы натянули зелёный фон, выставили свет и спокойно отсняли запланированное. На эти съёмки пришёл мой брат-сценарист, также подходили участники съёмочной группы, чтобы по приветствовать Тима. В этом эпизоде Малгай опять говорил на русском, а вождь на шайенском. Позже мы смогли хорошо поработать с хромакеем, и никто не заметил, что эта сцена сделана в павильоне, а не на природе.

День прошёл очень плодотворно. Вечером следующего дня Тим должен был уже уезжать, а с утра мы собирались сделать небольшую досъёмку у той же скалы. Не хватало несколько планов. В первый день мы не успели осуществить всё задуманное, так как солнце село.

С погодой нам очень везло. Всё время, пока Тим был у нас в городе, светило солнце, что для съёмок этих эпизодов было крайне важно. Мы, как говорится, успели запрыгнуть в последний вагон уходящего поезда. Для завтрашних съё-

мок я попросил сделать Тима индейское копьё. Выдал ему наконечник от копья из оружия ушу, и Тим за вечер смастерил из подручных вполне добротное индейское оружие. Вот что значит мастер.

Утром мы вновь были у подножия нашей скалы. И вновь Малгая дублирует Бахыт. Мне уже показалось, что он совершенно точно скопировал походку Валеры, и манеру держатся. Я отснял недостающий план и даже успел сделать несколько планов с проходом Тима среди живописных камней. Эти кадры тоже попали в сериальную версию фильма.

За два с половиной дня мы выполнили всё запланированное. Это была редкая удача. Повторюсь, что в этом проекте мне необыкновенно везло. Я был очень благодарен Тиму за то, что он приехал и принял участие в нашем фильме. Ещё я благодарен ему за интересные беседы по индеанистике, которые состоялись в небольших перерывах между съёмками. Тим — очень душевный и интересный человек, глубоко знающий тему. Я многое от него почерпнул. И ещё раз поймал себя на мысли, что хотел бы с ним снять «индейское» кино.

Настало время Тиму уезжать. Я провожал его до Читы. До поезда в Улан-Удэ у нас оставалось полдня, и мы с друзьями организовали Тиму прощальный обед в хорошем монгольском ресторане. Эта было то малое, что мы могли предложить Тиму в качестве благодарности за участие в нашем проекте. Мы расстались хорошими друзьями.

Через год мне предстояла ещё встреча с Тимом, теперь уже в Питере, где я предполагал делать черновой монтаж фильма и доснимать эпизод с индейцами. В Питере произойдут новые встречи. И Тим опять очень поможет мне с организацией этих съёмок. Но это уже другая история...

Юрий Котенко (Злой Глаз)
(статья из газеты «Семь стрел»)

Впервые я увидел его по телевизору. Это было лет десять назад. Транслировали концерт из Гамбурга. На сцену вышел известный чернокожий певец Гарри Белафонте, а затем к нему присоединился человек с волосами, заплетёнными в две косы, и гитарой в руках. Имя Флойд Уэстерман мне ничего не говорило.

Спустя пару лет я услышал его песни снова. Оказалось, что Флойд — известный индейский певец, исполняющий песни в стиле кантри-рок. В 1990 году Флойд снялся в фильме «Танцы с волками», что принесло ему известность как актеру, хотя и до, и после этой нашумевшей картины Флойд Красная Ворона Уэстерман (таково его полное имя) появлялся в нескольких неплохих фильмах. Более того, он — весьма известный человек в мире индейской культуры.

Представьте моё удивление, когда я узнал, что Флойд будет участвовать в фильме «Джонатан — друг Медведей», куда я был приглашен в качестве консультанта. Это фильм совместного производства Италии и России с участием США, ЮАР, Великобритании и Монголии. Сьёмки проходили на территории России. Режиссер фильма — Энцо Кастеллари, в главных ролях снимались Франко Неро («Джанго», «Возвращение Джанго») Мелоди Робертсон, Найфуинг Сигура (Апач из Нью-Мексико) и Флойд

Уэстерман. Действие фильма происходит в Северной Дакоте.

Я знал лишь, что Флойд, индеец из племени Санти-Сиу, приблизительно шестидесяти лет. Мне, естественно, захотелось познакомиться с ним. Когда я вошёл в гримёрную, Флойд сидел спиной ко мне, и его длинные седые волосы спускались до лопаток. Он был в гриме и в костюме героя фильма — старого вождя и шамана Таванки. Решив сделать приятное знаменитому и индейцу, я поздоровался с ним на языке Сиу:

— Хау, кола!

Он оглянулся, кивнул мне и махнул, приветствуя рукой. Я решил продолжить:

— Апету ваштэ, Кэнги Ша! (Добрый день, Красная Ворона!)

— Канги Дута, — поправил Фпойд. — Ваштело!

Я немного оплошал с именем, но дело в том, что все оттенки красного цвета, имеющиеся в языке Сиу, переводятся обычно на английский словом «red» (Floyd Red Crow Westerman), которому у Сиу более всего подходит слово «ша», а слово «дута» обозначает более яркий цвет, скорее алый (scarlet). Дальше мы общались на английском языке. Поговорить в спокойной обстановке удалось позже. После съёмки нескольких дублей Флойд отдыхал на складном стульчике, в стороне от людского шума.

Когда я попросил Флойда оставить автограф на моей кассете с записями его песен, он удивился:

— Откуда это у тебя?

— Из Штатов. Я жил там в прошлом году.

— О! А где именно?

— Во многих местах от Нью-Йорка до Лос-Анжелеса, в том числе в сорока резервациях Мы бежали через всю Америку.

— Это бег Денниса Бэнкса?

— Нет. Этот забег раз в четыре года проводит организация «Красные Нации». Руководитель — Келли Лукинхорс.

— Келли? Я знаю его.

— Мир тесен.

— Так как твоё имя? — Флойд взял ручку и приготовился надписать мою кассету.

— Ишта Шича, — ответил я на языке Сиу. Флойд, конечно, понял и спросил.

— Кто дал тебе это имя?

— Келли.

— О'кей, — и он сделал на кассете историческую надпись, которой я очень горжусь: «Злому Глазу от Флойда Красной Вороны».

Флойд с интересом рассматривал два небольших фотоальбома, которые я захватил с собой. На одном из фото были изображены несколько наших ребят, каждый из которых держал в руках расшитую бисером сумку для хранения священной трубки.

— Как? Вы имеете трубки? — удивился Флойд. — Это неправильно. Белые люди не должны иметь трубки. Трубки — вещь только индейская.

— Почему? У меня, например, есть трубка, которую мне подарили индейцы. Я считаю, что имею право владеть ею.

— Кто подарил?

— Белая Шапка, Сиу из Роузбада, Южная Дакота. Он живёт рядом с Вороньим Псом.

— Я знаю Вороньего Пса. Он настоящий хранитель трубки. Только он и ещё три человека Сиу имеют право хранить трубки.

Может быть, Флойд и прав, но мне кажется, что он имел в виду трубки, яв-

ляющиеся как бы достоянием племени. Таких трубок действительно немного.

Фпойд продолжал:

— Трубки, которые имеют белые люди, должны быть возвращены индейцам. Так же как и перья. Перья орла могут носить только индейцы.

— Почему? Например, своё перо я, считаю, честно заслужил. Мне его вручили на Пау-Вау в резервации Уорм-Спрингс. Это признание моих заслуг как участника индейского бега.

— Что ж, — согласился Флойд, — в данном случае, пожалуй ты прав. А в общем, всё это должно принадлежать индейцам.

Тут наша беседа была прервана. Флойду предстояло принять участие в очередном съёмочном эпизоде. Я подарил ему орлиное перо и поблагодарил за беседу со мной. Он в свою очередь сказал:

— О! Настоящее орлиное перо. Пиламайя, спасибо! Я буду сниматься с ним.

Надо сказать, что перья орла даже сейчас высоко ценятся индейцами и далеко не все их имеют. Флойд, приехав на съёмки, взял с собой два пера, справедливо полагая, что, если в роли ему придётся носить перья, то, скорее всего, это будут перекрашенные гусиные, а не орлиные. Так что мой подарок пришёлся весьма кстати.

Через несколько минут Флойд уже был на съёмочной площадке Эпизод, за ним другой, третий. Он играл и зрелые годы героя, и закат жизни, и смерть — в разных костюмах, в разном гриме. Было истинным удовольствием смотреть на индейского актёра во всех его перевоплощениях.

А в один из съёмочных дней Флойд устроил для всей группы импровизированный концерт.

Вполне естественно, что его, как актёра, мало кто знал в нашей стране, и тем более, никто не подозревал о другой стороне его творческой деятельности — музыкальной. Слушатели были заворожены его пением под гитару. Неудивительно, что Флойд был всеобщим любимцем на съёмках.

Никто даже не возражал, когда он лишил нашу группу части дорогостоящего реквизита. А произошло это так.

Несмотря на проливной дождь, шли съёмки в «индейской деревне». И хотя Флойд должен был участвовать в них, его нигде не было видно. Разыскивая индейца, я оказался на другом конце деревни, примыкавшей к лесу. Подойдя поближе, я увидел среди деревьев Флойда, его жену, Апача Найфа и нескольких рабочих «Мосфильма». Все стояли вокруг свежевырытой ямы. Я заглянул в неё — там ничего. Флойд что-то говорил на языке Сиу. В это время появился рабочий с большой картонной коробкой в руках. В ней лежало около десяти человеческих черепов.

Выглядели черепа жутковато — над ними поработали художники студии. Это были настоящие черепа, привезённые из прозектуры. Несколько дней назад их использовали при съёмках «индейского кладбища», а теперь они хранились среди реквизита.

Флойд обратился ко всем: «Друзья, это очень плохо, что человеческие останки не похоронены. Их надо похоронить, чтобы души обрели покой. Они не могут служить реквизитом. Когда-то это были люди. Я буду молиться за них. Спасибо всем, кто сейчас рядом. Спасибо тем, кто помог мне».

Коробку с черепами опустили в яму и общими усилиями закопали. Флойд

поставил на свежую могилу плошку с водой и начал молитву. Он молился на языке Сиу, обращаясь по очереди к четырём сторонам света, солнцу, земле, просил прощения у мёртвых, с останками которых обошлись столь жестоко. Это был уже не актёр и не музыкант. Это был просто индеец, настоящий сын краснокожей Америки. По его длинным волосам стекали капли дождя, а в руке он держал перо орла.

***

Андрей Ветер: Как ты попал на картину «Джонатан — друг медведей»?

Юрий Котенко: На фильме кроме меня ещё работал по реквизиту и Макс Огурцов. Мы были в базе данных Мосфильма (хотя перед этим делали вещи для Студии Горького — фильм «Следопыт» по Куперу) как специалисты по индейскому реквизиту. Деньги вкладывал какой-то наш бизнесмен по фамилии Шкодо из Сочи вроде и Франко Неро. А съёмки проходили в Подмосковье — Голицыно (территория Кантемировской дивизии — там построили город фронтира и индейскую деревню — всю из кожаных типи, и ещё соорудили индейское кладбище), в Люберцах на песчаных карьерах и в лесах под Нахабино. А также эпизоды в Сочи. В массовке участвовали 120 сотрудников монгольского посольства. Художники и главный художник (Гаухман-Свердлов, снимал Начальника Чукотки) — питерские. Кроме наших стрел были стрелы из Земли Санникова — с наконечниками, вырезанными из клизм…

Священный Бег

Олег Жилинский (Танто)

Была зима 1990 года, я уже второй месяц жил в Питере. Собирался строить новую жизнь на новом месте рядом с новыми друзьями. Ничего не получилось, и я уже решил возвращаться домой, в Минск. Но тут пришло известие о том, что в Питер прибывает Деннис Бэнкс с индейцами и что-то ещё про какой-то Бег (пробег). Сначала никто не поверил: где Бэнкс и индейцы, и где мы?! Чего ему тут делать? Все мы знали его как лидера ДАИ (Движение Американских Индейцев), известного своими акциями сопротивления и протеста. Самая громкая — вооружённый протест в Вундед-Ни в 1973 году. И вот он рядом. Невозможно было поверить, но всё же...

На следующий день мы собрались и отправились к зданию мэрии, кажется, где он должен был появиться (там у него намечалась пресс-конференция). Добрались мы туда поздновато. Мероприятие уже заканчивалось. В мэрию нас, конечно, не пустили, но у входа мы встретили высокого индейца. Сразу было понятно, что индеец: длинная чёрная коса, смуглая кожа, типичные черты... Все ломанулись к нему и давай знакомиться. Главным переговорщиком была Ольга Пакунова (Поющая Лань). На каком-то английском она объяснила, кто мы такие. Для подтверждения, передали ему чёрно-белые фотокарточки, которые случайно оказались у меня с собой. Он спокойно так полистал фото и вернул. «Нет, нет, — сказала Ольга, — это вам». Он поблагодарил. Позже стало известно, что это был Скай Хок. Впоследствии он стал близким другом Ольги и некоторых индеанистов, а также Лидером пробега по нашей территории. Тут вышли из здания остальные участники пробега, среди которых были индейцы, японцы (айна) и несколько европейцев. Они грузились в автобусы. Не помню как, но мы выяснили, что они отправляются дальше в Москву. И уж не помню от кого, но Мато Сапа (тогда он тоже жил в Питере) получил приглашение в совместную поездку. Весь вечер он упаковывал вещи, а утром отправился к месту сбора, прихватив с собой свои танцевальные регалии. Было завидно. Правда, через несколько часов он вернулся на квартиру, где мы тогда проживали и с грустью сообщил, что опоздал. Уехали без него.

Долго мы не горевали. Быстро собрались и в компании с питерцами рванули на железнодорожный вокзал. Взяли билеты до Москвы и уже через пару часов довольные сидели в вагоне. В нашей компании были я, Мато Сапа, Ольга Пакунова, Рысёнок и их маленькая дочь Маша, которую тогда ещё носили на руках. Добирались мы не без приключений. Ночью, когда все спали, наш поезд столкнулся с последним вагоном-цистерной шедшего перед нами поезда. Тот грузовой состав выворачивал на какую-то боковую ветку, пропуская наш состав, но что-то не сработало в сигнализации, и хвост последнего вагона остался на нашем пути. Его-то мы и за-

цепили. Наш локомотив сошёл с рельс и утянул с собой пять вагонов. Мы были в 12-ом. Кстати, если бы мы не пропустили в очереди перед нами группу молодых ребят, мы бы получили бы места в пятом вагоне. Наш вагон остался на рельсах, но от резкого торможения, все проснулись. А я вместе с матрасом и постелью проснулся на нижней полке (а спал на верхней) по диагонали. В тот момент было смешно, а потом, когда увидели в окно идущих из первых вагонов полураздетых людей, стало не по себе.

Ну, в общем, для нас всё кончилось благополучно. Первые вагоны отцепили, пассажиров расселили по уцелевшим вагонам, подцепили нас к другому локомотиву и по другой ветке дотянули до Москвы. Кстати, в наш вагон попали как раз те ребята, что брали билеты перед нами. Они-то как раз и ехали в пятом, который сошёл с рельс. Сами они не пострадали, но рассказывали жуткие вещи: как среди ночи ощутили удар, их вагон сложился прямо на их купе. Они в тот момент не спали, «бухали» и были на ногах. Вот так вот. А мы не «бухали».

Ну, вот как-то так мы добрались до Москвы и сразу двинули на Красную Площадь, где, как нам было известно, финиширует промежуточный этап Бега. На месте нас уже ждали наши московские друзья-индеанисты. Мы обрадовались встрече. Все вместе пошли к знакомым автобусам и группе с барабаном. И очень вовремя, т.к. зазвучал барабан и к нам, на площадь подбежал участник пробега с индейским жезлом в руках. Песня, крики! Всё было как в кино. Мы увидели уже знакомые нам лица. Участники Бега тоже узнали нас и очень удивились, как мы их обогнали. Как, как? На поезде, на последние деньги!..

Деталей не помню, но кто-то из участников предложил: «Мы — в Тверь (тут надо уточнить, могу ошибаться, тогда мне было как-то всё равно, да и 28 лет позади). Давайте с нами на своих машинах. Там будет церемония». Какие машины? Это же 1990-е! Ну, мы объяснили ситуацию и нам было предложено поехать вместе с ними на их автобусе. Ну и поехали. Не помню, кто и как добирался (с нами вместе или ещё как), помню только, что ехал на каком-то допотопном автобусе, стоя всю дорогу, держась за поручни. Рядом стоял Мато Сапа.

В день прибытия в Тверь состоялось выступление индейских танцоров на сцене местного дома культуры. В зале набилось много наших ребят. Наконец-то я увидел живых индейских танцоров. Это было чудесно. Особо запомнился один танцор в стиле Фэнси. Мы с Мато сразу сообразили, что нужно во что бы то ни стало с ним поговорить. После программы мы его выловили и договорились о встрече, объяснив, что мы бы хотели поближе рассмотреть некоторые его танцевальные регалии. Он любезно согласился. Кто-то договорился с Бэнксом о пресс-конференции с индеанистами. Там был небольшой зал, где мы все и собрались. На эту же встречу пришёл наш новый знакомый. Тогда же я впервые разглядел Бэнкса и был немного разочарован. До этого, на фото и в кино видел его совсем другим. А тут он был похож на Дерсу Узала. Нет, Дерсу тоже нормальный и интересный, но перед нами стоял другой, не похожий на того Бэнкса, каким он был в фильмах и на фотографиях. Длинный, чёрный волос, собранный в хвост, и с небольшой

чёрной бородой. Вот это-то и напрягло тогда. Сейчас — нормально. Что-то спрашивали, что-то слушали. В общем, ничего особенного. Главное — это был сам Бэнкс.

Но в те минуты для меня главным уже было другое. С Мато мы сидели на последнем ряду и вертели в руках те вещи, которые принёс для нас наш новый знакомый танцор. Впервые я держал в руках настоящий роуч, рассматривал, как устроен бастл. Это было здорово!. В разговоре мы познакомились и узнали, что это не индеец вовсе, хоть и с похожей на индейскую внешность. В первую очередь чёрный длинный волос придавал ему сходство. Его звали Пит (Питер), он являлся заведующим отделом индейцев Северной Америки при лондонском музее. А в пробеге он — правая рука Бенкса. Но зато его жена (не помню имени) была из племени Лакота (Брюле). типичная представительница и очень милая женщина. Пит много времени проводил в Роузбаде, на родине жены. Он оказался очень общительным человеком и помог нам впоследствии с информацией по танцам. Словом, нам с ним повезло. От него же мы и получили приглашение на церемонию, в которой его дочки были основными персонажами. Суть церемонии я объяснить не могу. Тогда я только смотрел и наслаждался.

Конференция закончилась. Бэнкс вёл себя весьма сдержано. Отвечал на вопросы. В конце Большой Бобёр (Александр Козлов) предложил ему выкурить трубку, но тот отказался. Многих это задело, но меня как-то, не очень. Наверное, у него были на то причины. В тот момент для меня это было не главное.

Церемония проходила в том же зале, что и выступление, только убрали стулья. Все были чем-то заняты, кто-то сооружал алтарь, готовили барабан, строились в ряд девочки, среди которых были две дочки Пита. Мы примостились возле барабана. Когда запели первую песню-молитву на лакотском языке, мы с Мато переглянулись. Мы же её знаем! И мы в полголоса стали подпевать. Кто-то из певцов повернулся. Было заметно его удивление. Он улыбнулся и кивнул, что было воспринято нами как одобрение, и мы пропели всю молитву в полный голос. Я старался. Возбуждение было нереальным. К девочкам подходил мужчина индеец, поднимал им рукава футболки и протыкал насквозь через кожу плеча длинную, тонкую иглу. На игле висела красная тряпочка. Потом девочки поворачивались на 360 градусов, но не сходили с места. И так все по очереди. Когда дело доходило до дочек Пита, его жена, глядя на нас делала нам знаки, и мы пели ещё громче, подбадривая девочек песней. Уж не знаю, как там было им, но я себя чувствовал на небесах!

Ну, вот как бы и всё из основного события.

Позже я уехал домой, в Минск, а некоторым друзьям моим как-то удалось договориться с Бэнксом об участии в Беге по России, намеченным на следующий год. Я там не был и ничего рассказать не могу.

Игорь Гуров (Мато Сапа)

В сентябре 1990 года, после самого большого и, на мой взгляд, самого удачного Пау-Вау под Лугой, появилась идея создать танцевальную группу, которая могла бы стать профессиональным шоу.

Алёна Космынина: "Фото сделано возле ДК Связи,
в начале октября 1990 года.. После выступления индейцев в зале
все вывалили на улицу, и я помню, как народ резко столпился возле Дэнниса.
И кто то щелкнул фотиком..Начались приколы типа фото "Ленини и дети".
Очень такая жизнерадостная позитивная атмосфера была.
Для меня это очень сильное фото энергетически."

К этому моменту нечто подобное уже было в Питере — группа «Хранители». Конечно, на мой взгляд, идея и азарт ребят были велики, но знаний и внешнего антуража не хватало, а также маловат был исполнительский состав. Для такого дела требовались люди, фанатично желающие танцевать, во что бы то ни стало. И такие нашлись: Танцующий Лис, Лёня, Танто и я. Для меня это было делом жизни: я считал, что танец — именно то, в чём я могу и хочу себя реализовать. К этому моменту уже восемь лет я «копал» эту тему. Таким образом, оставив семью, дом, свой город, я отправился в Питер в надежде стать «профи» и найти своё дело. Но, в конечном итоге, вся идея лопнула, как мыльный пузырь. Затея оказалась преждевременной...

Вот в этот самый период моего пребывания в Питере (тогда ещё Ленинграде) и случилось то, во что поначалу мало верилось. Из неизвестных источников пошёл слух, что Движение Американских Индейцев и его лидер Деннис Бэнкс проводят акцию «Священный Бег» и оный прибудет в Питер со дня на день. Как стало понятно позднее, это был пробег Лондон-Москва. Но этот факт держался в строжайшей тайне и был, по-видимому, законсервирован в КГБ. Должен с горечью признать, что среди индеанистов оказалось несколько человек, которые не только знали об этой акции, способствовали ей, но и скрыли её от всех остальных. И это те люди, с кем я курил трубку и кого называл братьями. Конечно, по прошествии времени я могу взглянуть на это по-другому. Всё же КГБ тогда имел и силу и влияние на личность. И коль уж он дал добро кому-то одному, он и требовал определённых обязательств. Хуже только то, что в последствии, разговаривая с участниками пробега, индейцами и неиндейцами, я узнал, что «наш человек» говорил им (участникам) о том, что не следует им общаться с нами (то есть с индеанистами), если мы появимся. И мы появились, и поначалу бегуны были довольно замкнуты и отчуждены... Но пусть это остается на совести этого человека, живущего ныне, кстати, в Соединенных Штатах.

Первый наш контакт произошёл в горисполкоме на Дворцовой площади напротив Исакиевского собора. Мы туда пробрались, заплетя волосы в косы и разговаривая друг с другом на искажённом английском,. Чиновники в те времена не понимали даже такого английского, поэтому нам это сошло с рук. К нам тут же прикрепили переводчицу, которая отвела нас к месту сбора всей делегации.

Первым, кто нам попался «на растерзание», был рослый индеец, сидевший в стороне от основной группы во главе с Бэнксом и официальными чиновниками. Мы «атаковали» его. Танто тут же всучил ему пачку фотографий с наших Пау-Вау, а Поющая Лань начала пояснять что-то на английском. Реакция его была нулевой, но нас это не обескуражило. Сам факт нахождения рядом с романтической легендой пьянил нас. Это был Скай Хок. Впоследствии мы стали приятелями.

Дальше — больше. После того, как участники Бега покинули это здание, они отправились на ужин и ночёвку в Репино. Мы, не удовлетворившись увиденным, набрались наглости и залезли в их автобус, дабы продлить удовольствие того вечера. Кстати, в этом же автобусе я встретил, к своему удивлению,

одну женщину-буддистку, с которой познакомился годом ранее на акции «Next Stop Soviet» Киев-Чернобыль.

Могу себе представить, что думали участники пробега о нас, в свете «предупреждений» нашего друга. Но внешне они не показывали ничего. Японцы записывали свои впечатления на карманные компьютеры, подсвечивая себе неоновыми карманными фонариками. Европейцы жевали свои индивидуальные припасы. Дети индейцев дурачились и дразнили друг друга и окружающих. Нас просто не замечали…

Оказавшись, в конце концов, в Репино, все отправились в ресторан, где на каждого участника было рассчитано меню, уже стоявшее на столах. Когда все прибывшие разместились и приступили к поглощению угощений, несколько мест оказались не занятыми. Нас было человек пять-шесть, и с любезного приглашения жестом одним из индейцев, мы тоже приложились к еде, нам не предназначенной, что сразу же было замечено работниками общепита. Нам было указано на неправомерность наших действий (дескать, все блюда посчитаны на участников), но было уже поздно. Общеизвестный принцип «в большой семье не щёлкай клювом» мы воплотили на практике.

Сытые и довольные собой и сообществом, мы стояли на улице, удовлетворённо покуривая. Не знаю почему, но к нам подошёл молодой индеец невысокого роста и спросил, сыты ли мы. Вопрос был понят не сразу, но ответ последовал утвердительный. Разговорились. Оказалось, что это был Баффало Игл Бэнкс, сын Денниса Бэнкса. Обычный, спокойный и улыбчивый. Впоследствии я разговаривал с ним ещё, показывая некоторые свои вещи, но его реакция тоже была спокойной. Его, по-видимому, не очень интересовала кожно-бисерная сторона общения. А что его интересовало, я со своим слабым знанием английского так и не узнал. Но при дальнейших встречах мы с ним вежливо улыбались и кивали друг другу.

Под конец дня толпа индеанистов, разными путями добравшихся до этого места, выжала из Денниса Бэнкса и его сестры Мэри-Джейн обещание встретиться завтра, здесь же, в зале одного из корпусов пансионата в Репино для более плодотворного общения. К вечеру следующего дня в пансионате собралось человек 30 индеанистов и несколько участников пробега: Деннис Бэнкс, Мэри-Джейн (сестра Бэнкса), Тачина (дочь Бэнкса), англичанин Питер Гиббс с женой Кэтти из племени Лакота и тремя дочерьми. Ещё несколько участников пробега индифферентно сидели в другом конце зала и не принимали активного участия в «саммите». Было задано много вопросов и получены ответы. Но самым знаменательным и наиболее запомнившимся мне, да и другим тоже, было то, что наши ребята принесли с собой трубки и предложили их выкурить Бэнксу и остальным. Бэнкс отказался, сославшись на отсутствие настроения и неподходящую ситуацию. (У них в тот день обворовали автобус, унесли кино- и фотоаппаратуру, и этим делом занимались следственные органы в лице подвыпивших оперов, что естественно повлияло на общий настрой бегунов).

Но я в тот момент был занят общением с помощником Бэнкса, Питером Гиббсом, который, судя по всему, был ещё и танцором. Это меня интересовало

больше всего. Поэтому я не сразу понял, что произошло, когда поднялся Одинокий Волк и сказал примерно следующее: «Да плевать я хотел на то, что они с нами не желают курить. Я вырос с трубкой, и я больше индеец, чем они». Возможно, я передал фразу Волка не дословно, но смысл был именно такой. И это была чёткая и гордая позиция человека, знающего себе цену. Справедливость и правоту его слов я позже понял, столкнувшись с такой же ситуацией на пробеге со Скай Хоком. Он тоже отказался от трубки и беседы с нами, когда возникла сложная ситуация. В такие моменты мы обламываемся на образе «романтического индейца», сталкиваемся с реальностью и именно тогда осознаем, кто мы есть. Я точно знаю, кто я, и что для меня значит священная трубка, а вот они (индейцы) не сразу это просекают. Хотя понять их тоже можно, зная всю их предыдущую, да и настоящую историю общения с белым человеком.

Мы с Танто насели на Питера, предварительно помогли раздобыть горячей воды для чая или кофе, что было непросто, учитывая специфику нашего общепита. В ответ он любезно притащил из номера свои танцевальные регалии, бастлы, передник, роучи и т.п., а мы усиленно вникали в его слегка картавую английскую речь. Общением остались довольны обоюдно.

Под конец беседы, когда Бэнкс немного освободился от навязчивых молодых людей, Питер подвёл меня к нему, что-то сказав. Не помню что, но я тоже стал что-то говорить Бэнксу и, в конце концов, изрёк стереотипную фразу: «Я белый, но сердце и кровь у меня красные, и это мой путь жизни». Тогда впервые Бэнкс взглянул мне прямо в глаза, сказав: «Если это идёт от твоего сердца, следуй этому пути». После этого он пожал мою руку «индейским рукопожатием» (это как позиция рук в армрестлинге) и далее сказал, что если я хочу, то могу участвовать в их пробеге от Ленинграда до Москвы, так как в автобусе есть свободное место для одного человека. А во время остановок в других городах я мог бы участвовать в культурной программе и танцевать с Гиббсом и Эмметом Истменом, «традиционными» танцорами. Я был окрылён.

Надо сказать, что этим утром у индейцев было выступление в ДК связи, где бегуны общались с ленинградской публикой и, конечно, с индеанистами, но со сцены. Это и была их культурная программа, с песнями и плясками. Мы тоже не преминули поучаствовать в коллективном танце, но выглядело это довольно убого. В частности, у меня свернулся вниз мой единственный бастл, да и вообще… Поэтому я намеревался наверстать упущенное во время предстоящего отрезка пробега. Но моим мечтам не суждено было сбыться.

Встреча с бегунами была назначена на Дворцовой площади в 8 часов утра, я прибыл туда со своими сумками заранее. Туда же приехал и Рысёнок, тоже решивший во что бы то ни стало бежать до Москвы. Мы околачивались на этом месте до 14 часов, а потом решили, что ждать больше нечего, и отправились по домам. Бег всё же прибыл на это место часом позже. Задержка была из-за тех самых следственных органов, которые искали фотоаппаратуру, но так и не нашли…

Однако в Москву мы всё же попали — поездом…

На Манежной площади я встретился с Питером и Баффало Игл Бэнксом, словно со старыми знакомыми. Они сразу же стали расспрашивать, как так получилось, что я не попал к ним в компанию, и посочувствовали такому невезению…

Но пробег был уже завершён, и все участники отправлялись на заключительную церемонию и место отдыха в Тверь. Таким образом, теперь уже с москвичами и несколькими питерцами, на следующий день я приехал в Тверь. Заключительная церемония проводилась в клубе, находившемся поблизости от гостиницы. В центре актового зала была освобождена от стульев площадка, на которой расположились участники. Церемония состояла из нескольких этапов. Поскольку пробег был интернациональным, то и этапы были соответствующими. Сначала свою церемонию проводили коренные жители Хоккайдо — айны. Они устроили импровизированный костёр на листе железа и исполнили национальные молитвы и песнопения. Затем, моя знакомая-буддистка, в компании с японцами и немками-буддистками выполнили свои ритуалы. Европейцы устроили что-то вроде средневековой мистерии, но выглядело это достаточно примитивно и неестественно. Наступил черёд индейцев…

Ранее, этим утром, мы встретились с Бэнксом, его сестрой и Деннисом Фрэнчем (бородатым флейтистом из племени Хупа) и несколькими другими участниками. Теперь беседа проходила в совершенно ином ключе. Мы показывали им слайды, фотографии, просто шутили. Они на этот раз действительно внимательно относились ко всему, что видели и слышали. Затем Бэнкс сказал нам, что ему нужна помощь в подготовке церемонии закрытия. Он попросил Питера Гиббса и его жену заняться с нами этой работой. Заключалась же она в следующем. Надо было найти и нарезать ивовых ветвей для символических «беговых жезлов». Срезая ветки, мы приносили в жертву щепотки табака. Бэнкс и Мэри-Джейн показали, как украсить эти жезлы лентами, перьями орла и шалфеем. Было сделано шесть таких жезлов. Они предназначались для особенно отличившихся участников и должны были быть вручены во время обряда священной трубки…

К моменту обряда трубки мы находились «за кулисами» и наблюдали за приготовлениями Питера. Всё выглядело обыденно: он сидел на одном стуле, а трубка и принадлежности лежали на другом. Подошёл Бэнкс, что-то сказал Питеру, и тот, с несколько удивлённым лицом всё свернул и убрал в сумку… Обряда трубки не будет… Как оказалось, Бэнкс просил всех остальных оставить помещение для проведения обряда трубки, но никто не сдвинулся с места… Тем не менее, церемония продолжалась, только с некоторыми изменениями. Был зажжён шалфей и все присутствующие были окурены из раковины ароматным дымом этого растения. Каждый должен был очиститься перед обрядом. Участники и зрители стояли по четырём сторонам от центра. Площадка в центре зала была ограничена по углам четырьмя банками с землёй, в которые были воткнуты тонкие ивовые прутья с привязанными к их верхним концам цветными полосками ткани — чёрной, белой, красной и жёлтой. Одну сторону квадрата занимали индейские флаги — традиционные кривые жезлы с перьями орла.

Слева от них располагалась группа певцов у большого барабана, на котором был нарисован символ Священного Бега — знак Хопи для вселенной и всего сущего (крест в окружности и более мелкие круги в каждом из четырёх секторов). Слева от барабана стояли несколько индейских женщин и девочек. Деннис Бэнкс был ведущим. Певцы затянули песню Пляски Солнца, во время которой Бэнкс подошёл к женщинам, проткнул на руке каждой из них кожу и застегнул булавку с лоскутком красной ткани. Таким образом, это была небольшая Пляска Солнца. Затем Бэнкс брал в руки один из беговых жезлов и, вызывая кого-то из участников, вручал ему этот «знак отличия». К общему удивлению последний символический жезл он передал нам. Нет, не тому человеку от КГБ, который, казалось, готов был выйти и получить его, а нам, тем, от кого его, Бэнкса, остерегали. Меня вытолкнули для получения этого символа, символа признания нас как таковых!

На этом церемония была завершена, но трубка так и не была выкурена. Бэнкс тоже остался верен себе. И всё же мне кажется, что он курил; он будет курить трубку вместе с нами, когда тому придёт срок. Те из нас, кто были с ним и с другими индейцами на последующих пробегах, подтвердят справедливость моих слов. Да ведь и мы, «традиционалисты-старики», тоже не перед каждым, кто говорит «я — индеец» открываем свои трубочные сумки.

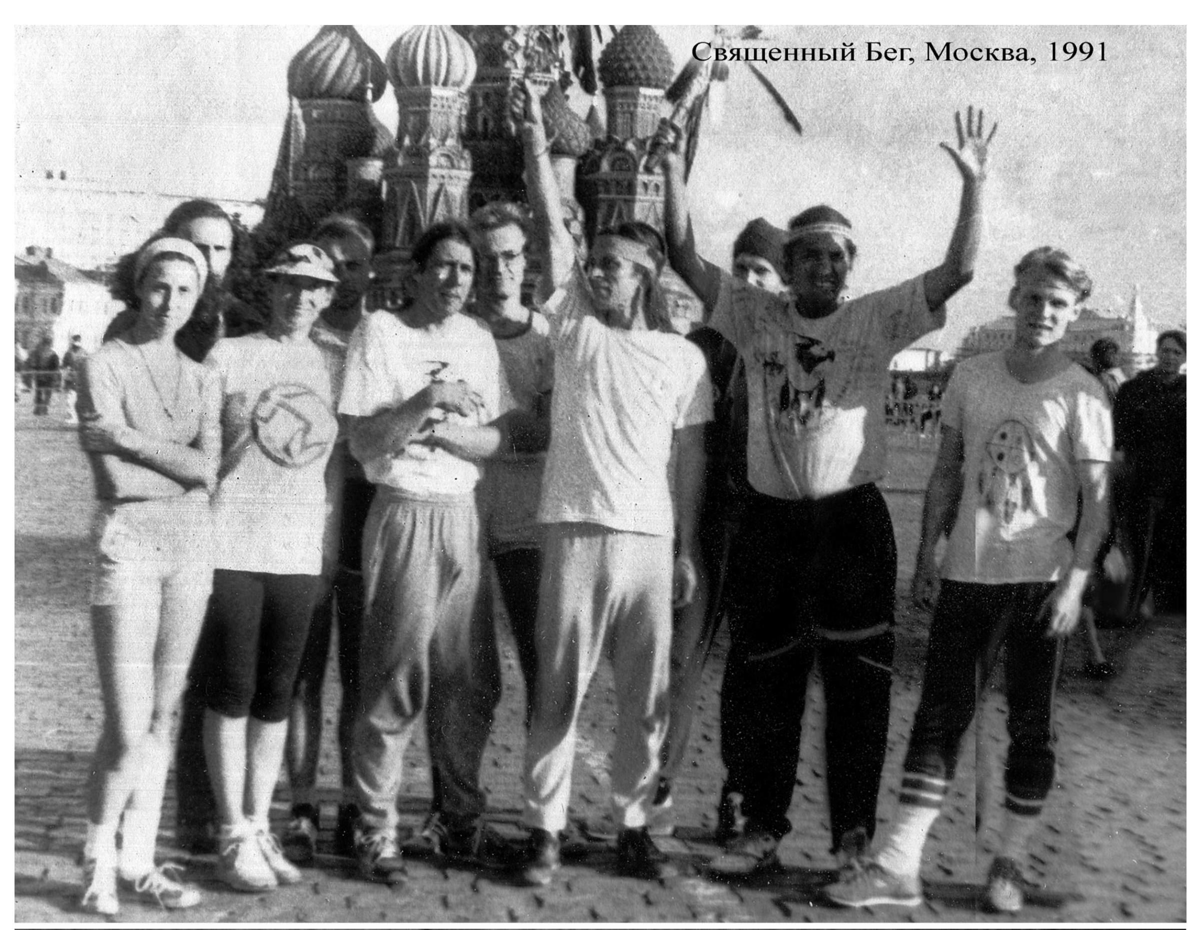
Наверное, что-то мы всё же задели в душе индейцев, если Бэнкс посчитал нужным отметить нас. Я хранил этот жезл как до, так и во время следующего пробега «Бег за землю и жизнь» (1991—92 гг.). Сейчас он находится у Орлиного Пера на Алтае.

Кстати, с жезлом Бэнкса связана ещё одна история. На обратном пути из Москвы в Питер наш поезд попал в железнодорожную катастрофу, но целая цепь случайностей (или закономерностей) сложилась так, что жертв практически не было. Погиб машинист и проводница, разлились две цистерны с бензином, сошли с рельсов локомотив и пять вагонов, все опрокинулись и повредились. Но нас уберёг жезл… или Вакан Танка?

Были у меня и после этого встречи с бегунами и пробег со Скай Хоком, но это всё отдельные истории. Все они сбивали романтический флёр с индейцев и открывали реальных живых людей, с которыми можно было общаться, на которых хотелось или не хотелось походить. Но главное, что я для себя выяснил, что я тоже Человек и достоин того, чтобы они, индейцы, хотели общаться со мной.

Юрий Котенко (Злой Глаз)

Про бег в России сказали по радио и телевизору — Индейский бег Лондон-Москва, руководит лидер ДАИ — Деннис Бэнкс. На Красную площадь прибудут в такое-то время и т. п. Мы в это время туда и подтянулись. До этого времени с ними уже встречались питерцы. После бега остановились они в Твери — куда мы все и подтянулись и добились аудиенции, нашли им место для проведения финальной церемонии (местный клуб) и поучаствовали в этой церемонии. Тот бег под названием «Sacred Run» — имел филиалы и пред-

Священный Бег, Москва, 1991

Священный Бег, Рига, 1991

ставителей по всей планете. Устраивались разные пробеги по всему миру. Помимо индейцев, присоединились к бегу разные европейцы, японцы, айны и т. п. На следующий год бег по Европе и Азии продолжили индеанисты из России, Литвы, Польши, Франции, Германии под руководством Ричарда Скай Хока. Потом Глеб принимал участие в эпизодах этого бега с Деннисом Бэнксом в Америке. Я участвовал в этом беге в России. Но в Америке участвовал совершенно в другом беге, альтернативном этому, не международном и не под эгидой ДАИ и Бэнкса, а как бы в пику им. Он назывался RED NATIONS SURVIVAL RUN и состоял не из этапов и участков, а был трансконтинентальным Нью-Йорк — Лос-Анджелес, и пролегал зигзагами по резервациям. Но если б я не имел отношения в бегу Бэнкса — наверно на этот бег меня не взяли бы. Т. е. моё участие в том беге — более известном во всём мире сослужило мне типа зачёта.

Ольга Пакунова (Поющая Лань)

Мой друг Скай Хок

Когда я говорю о ком-то «друг», это необязательно означает, что мы часто видимся, интересно проводим вместе время и поздравляем друг друга с днём рождения. В первую очередь это означает, что мы вполне узнали и смогли простить своему другу ошибки и недостатки. Это означает, что мы можем себе позволить сказать ему в лицо неприятные вещи, но не выносим, когда о нём говорит это кто-то другой. Не задумываясь, прав он или нет, мы всегда встанем на его сторону, а разбираться будем потом, с глазу на глаз. И разбираясь, мы будем пить, ругаться, даже драться, плакать и расставаться навсегда, но не вынесем этого и пяти минут. Мне повезло, что у меня есть такие друзья, среди них мистер Ричард Скай Хок — Небесный Ястреб.

Биография Скай Хока туманна, и надо сказать, он сам для этого очень постарался. Доподлинно известно только, что вырос он в резервации Blackfeet в Монтане среди родственников отца, его мать из Umatila, среди более дальних предков были французы и ещё бог весть кто. Мне всегда казалась трогательной его классическая внешность — высокий, толстогубый, с тонкими запястьями и пальцами, длинными стройными ногами, над которыми угадывался уже в молодости, а со временем совершенно оформился круглый гровантрский живот.

В юности Скай Хок уехал в Нью-Йорк изучать живопись и получил степень бакалавра искусств, в резервацию не вернулся, писал картины, где-то преподавал, водил дружбу с прогрессивной молодёжью, и в итоге оказался участником Sacred Run — священного бега индейцев против добычи урана и за бережное отношение к Матери Земле.

В то утро 1990 года я, как обычно, пила свой кофе, за окном была осень, как вдруг радиоточка на стене прохрипела что-то невероятное: через три дня в Петербурге остановятся участники международного пробега по Европе, и их лидер, американский индеец Деннис Бэнкс, вручит нашему мэру какую-то петицию. Новость быстро облетела индеанистов Петербурга. Телефон звонил весь

день, предупредили друзей из других городов, и в назначенный срок на Исаакиевской площади собрались все, для кого имя Деннис Бэнкс звучало как символ борьбы индейцев за свои права. Волосы, заплетённые в косы, перья, кости и бисер поверх курток и пальто поливал обычный петербургский дождь. У меня на груди висела любимая фотография Денниса Бэнкса и Рассела Минса на фоне Капитолия, заботливо обёрнутая пластиковым пакетом.

И вот на площади действительно остановился автобус, из него действительно вышли индейцы и преспокойно направились к Дому правительства. На дверях стояла охрана, переводчик начал отсчитывать — «уан, ту, фри....», и, пока мы, открыв рот, зачарованно смотрели на предметы нашего благоговения, предметов в поле зрения становилось всё меньше. Надо было срочно что-то предпринять, и мы решительно двинулись за ними. Встав на месте переводчика, я дрожащим от волнения голосом продолжила: «твенти, твенти уан, твэнти ту...» И вот мы уже поднимаемся по роскошной лестнице на второй этаж, где в парадном зале для приёмов новый молодой мэр Анатолий Собчак, удивляясь всему не меньше нашего, с интересом рассматривал своих необычных посетителей. Зал отделял от лестницы небольшой холл со столом посередине, там сидел один индеец, не проявлявший к происходящему никакого интереса. На него мы и обрушились. На ломаном английском мы пытались объяснить ему, что эта встреча для нас значит, показывали фотографии Пау-Вау, бисерные розетки и сумки, индеец нам кивал, но было очевидно, что он напуган и ничего не понимает. Мы и сами осознавали тщетность своих попыток, но что делать — у нас было мало времени. Мы трясли его руку и называли свои имена. «Ричард Скай Хок», — успел представиться наш новый знакомый, и нас вывели из здания.

Индейцы медленно шли по площади обратно к своим автобусам, и тут Деннис Бэнкс оглянулся на нас, мы стояли на почтительном расстоянии и грустно махали им вслед. Он немного подумал, потом приглашающим жестом показал на автобусы, и вот мы вместе едем по ночному Петербургу, и потом по трассе за город в гостиницу для участников пробега, пытаясь осознать невероятность такого приключения. Уже почти ночью мы сидели в зале гостиницы и слушали рассказ Денниса Бэнкса о пробеге, передавая по кругу зажжённый им сэйдж, за стеной отчётливо были слышны звуки дискотеки. Но нам не мешала дискотека, мы хотели немедленно стать с ним братьями, и Большой Бобёр предложил раскурить трубку. Деннис Бэнкс отказался, объяснив, что трубку он курит только с очень близкими людьми.

Дружбы с индейцами у нас в тот раз не получилось. Не все это пережили стойко, и я впервые слышала тогда от своих товарищей нелепейшее, на мой взгляд, предположение, что они и сами ещё больше индейцы, что они выросли с трубкой и молятся с ней у себя на балконе. А индейцы-то эти так себе. Позже я поняла, что это было первым болезненным приступом разочарования индеаниста, который, наконец, увидел живых индейцев и удивился, что они не такие, как написано у Сат-Ока и Шульца, что это вполне обычные люди, и теперь непонятно, за что же их

так сильно любить. Многие из нас таких индейцев любить не захотели, как не захотели знать и принимать их современную культуру и одежду, понять неизбежный алкоголизм одних и относиться всерьёз к образованности других, предпочитая утопическую привязанность к книжным персонажам.

Мы были приглашены Деннисом Бенксом на церемонию Закрытия Бега, которая состоялась в Твери, в каком-то спортивном зале, и те из нас, кто не обиделся на индейцев окончательно, там были. На церемонии я впервые услышала индейские песни и барабанную группу, что называется живой звук. Я поняла тогда, что это никакое не пение в нашем понимании жанра. Так орать могут только раненые звери и перелётные птицы. Это было бурей в прериях, топотом стада бизонов, и это было прекрасно. Я видела Скай Хока — и как он входил в круг молящихся, и как оставлял на полу щепотку табака. Потом мы простились, Денис Бэнкс пожал всем руки и подписал мне мою любимую фотографию, которая так и болталась у меня на шее — «To Olga with love from AIM». Конечно, я храню её.

Несколько месяцев мы прожили воспоминаниями об этом событии. Однажды утром я, как обычно, пила свой кофе, за окном была зима. Вдруг раздался телефонный звонок, звонила моя подруга, которая сообщила, что она сейчас в гостях, и там же находится индеец, которого понять невозможно, так что требуется переводчик. Мы бросились туда, нас приняли и провели в гостиную, где, хлопая глазами, в кресле сидел не кто иной, как мистер Ричард Скай Хок. Вероятно, он всегда оказывался крайним. Выяснилось, что хозяева квартиры интересуются японской культурой, а на пробеге с Деннисом Бэнксом были японцы, и не только мы дежурили на Исаакиевской площади. Японоведы оказались не столь застенчивыми поклонниками, как индеанисты, они весьма близко познакомились с японскими участниками бега и уже согласились быть русскими организаторами его продолжения по странам Прибалтики. У Денниса Бэнкса были другие планы, тогда и нашли Скай Хока, который не вернулся в Америку, а остался в Германии у новой немецкой подруги Гизелы. Ему предложили стать лидером следующего пробега. Теперь можно только удивляться, как странно всё тогда совпало. Моя подруга Маша не была индеанисткой, и даже японская культура её ни мало не интересовала, она просто пошла в гости.

Мы объяснились с японоведами, объяснили всё Скай Хоку и предложили свою помощь. Скай Хок понял, приободрился и попросился к нам. Так в нашем доме завёлся свой индеец. Теперь мы пили кофе вместе, гуляли по городу, смотрели телевизор, и, краснея, объясняли, что это не передача про цирк и клоунов, а выступление народной артистки Маши Распутиной. Однажды показывали русский фильм про индейцев по роману Фенимора Купера, где люди в нелепых париках передвигались исключительно кувырками. Я попыталась незаметно переключить канал, но Скай Хок попросил оставить. Ему было любопытно.

Можно ли сказать, что мы стали друзьями? Нет, он был моим кумиром. Когда мы оставались наедине, я жаждала его откровений об индейских церемониях и традициях, но вместо этого Скай Хок довольно откровенно рассказывал

SIA '92 SACRED RUN
92 БЕГ ЕВРОАЗИЯ
AC-M 2154

мне о том, какие девушки ему нравятся, что русских девушек он называет «бьютифул булошка», и этому русскому слову его научили японоведы. Что он любит баскетбол, что его тошнит от курицы, но он обожает бельгийский картофель фри. В глубине души я чувствовала неприятное сомнение в том, что мне всё это интересно и в том, что Шульц и Саток меня не надули. Тогда я этого никому не рассказала.

У нас часто бывали гости, много гостей. Скай Хок вёл себя на людях молодцом, смотрел как вождь и про русские булочки пока не заикался. Девушки-индеанистки не сводили с него глаз, и вскоре у нашего окна на первом этаже было организовано настоящее дежурство. Пить кофе по утрам, глядя в окно, уже не получалось, задёргивать занавеску казалось невежливым. Мы стали ходить в кафе в целях конспирации, но нас всегда находили, садились за соседним столиком и продолжали непонятное наблюдение. Однажды мы предложили девушкам просто пригласить Скай Хока к себе в гости, наша квартира и так давно превратилась в проходной двор. Девушки изумились такому простому решению, и Скай Хок начал выходить в люди.

Надо сказать, это всегда заканчивалось приключениями, и почти всегда неприятными. Однажды его не было всю ночь, и наутро во двор въехала милицейская машина. На Скай Хока напали в тёмном подъезде и отобрали куртку и кепку, кто-то вызвал милицию, у него не было с собой документов, и ночь Скай Хок провёл в отделении в ожидании переводчика. В другой раз на съёмках интервью для петербургских новостей, где его попросили переодеться в мокасины, пропали его кроссовки невероятного размера, и домой он вернулся в калошах. Скай Хок будто притягивал неприятности. Нас не слушал, ничего не понимал и ничего не боялся. Как-то он привёл в дом двух вертлявых типов, которые объяснили, что Скай Хок теперь их друг, но должен им 200 долларов за то, что неправильно подавал им сигналы, когда они парковали свою машину. В результате, машина нуждается в ремонте. Я перевела Скай Хоку, тогда он молча полез к себе в сумку и неожиданно извлёк оттуда большой охотничий нож. На этот раз сигнал был подан правильно, типы сразу вспомнили, что у них дела.

Россия, девяностые… Индейцев в Петербурге не так много, со Скай Хоком все хотели познакомиться. Мы бывали в гостях у моих друзей, и однажды нас пригласили к себе знакомые художники. Хозяйка квартиры начала распространяться о том, что разделяет индейский взгляд на белое общество, погрязшее в любви к вещам, и тогда Скай Хок преспокойно выкинул в окно дорогой китайский сервиз, предмет за предметом, чтобы полюбоваться, как за секунду её взгляды изменятся в обратную сторону.

Потом он вернулся в Европу, а летом мы бежали по Прибалтике. Там мы подружились с польскими индеанистами, немцами, бельгийцами и французами, пополнили знания школьной программы английского языка и научились сленгу. Это было приятным путешествием, мы ночевали в гостиницах, для нас было организовано вкусное трёхразовое питание, и мы, не задумываясь, согласились продолжить бег в следующем году из Пензы до границы с Монголией.

Но это оказалось уже совсем другое кино — Sacred Ran 1992 года через Россию, Казахстан, Урал и Алтай, больше двух тысяч километров. Сейчас мне иногда не верится, что это происходило со мной, про это надо писать отдельный рассказ. Надо вспомнить и то, как нас провожали пензенские цыгане, и то, как мы задыхались после первого километра, а потом бежали десять, двадцать и больше. И то, как всю ночь держали шесты нашего типи в казахстанской степи во время урагана и смотрели на зарешёченные окна мрачного здания в Семипалатинске, где содержатся облучённые больные. Стоит сказать только, что это было очень трудное путешествие, которое продолжалось два месяца, и было хорошей проверкой для всех, кто в нём участвовал.

Проблемы начались не сразу, сначала было только трудно бежать. Среди нас не было профессиональных спортсменов, а преодолеть предстояло огромное расстояние. Бег проходил через города, пытавшиеся приспособиться к новому времени, через заброшенные деревни, где нельзя было добыть никакой еды, потому что её там не было.

В каждом городе Скай Хок старался посетить центральную площадь, и долго смотрел на памятник Ленину, чей разрез глаз заметно менялся по мере нашего приближения к границе с Азией. Он слышал, что этот человек был вождём, и считал необходимым почтить его память, невзирая на наши саркастические усмешки. Чем дольше мы бежали, тем естественнее для нас становилась такая жизнь. Ноги существовали отдельно от туловища, мы несли над головой жезл с перьями и лентами, боясь его уронить, и думали о том, чему учил нас Скай Хок — как было бы хорошо, чтобы жизнь этих городов, деревень и их жителей стала легче. Можно было молиться также о близких, и я просила, чтобы дочь Маша не заболела, чтобы мама нашла себе бойфренда, и мне хватило сил добежать до нашего автобуса.

Только однажды я осознала всю необычайность происходящего. Мы уже бежали по Алтаю, впереди был Семинский перевал, навстречу мне по пустой трассе ехал автомобиль, внутри сидели парни в солнечных очках. Поравнявшись со мной, автомобиль развернулся и медленно поехал рядом. Вокруг горы, наш автобус в десяти километрах впереди, я в трусах, над головой палка с перьями, и тишина... Не упасть духом мне помогла именно эта «палка», которая, как мне кажется, и объяснила им мою причастность к чему-то очень важному. Через некоторое время машина опять развернулась и умчалась за горизонт.

Но главным испытанием оказалась не физическая усталость и отсутствие комфорта. Наша компания была международной, и, в конце концов, мы начали ощущать пресловутую разницу менталитетов. Иностранцев раздражали русские, а русские удивлялись «тупости» иностранцев. Можно с уверенностью утверждать, что именно индеанисты сделали всю эту безумную затею с пробегом осуществившейся. Наши парни бежали, когда остальные уже не могли подняться с места, когда шли проливные дожди, и вечно мокрая одежда болталась в автобусе на верёвках сутками и хлестала всех по лицу, что не поднимало настроения. Каждый вечер они ставили типи для ночлега, так как больше этого делать никто не умел. Они помогали Скай Хоку строить палатки для светлоджа, готови-

ли на костре ужин, а наутро снова бежали больше всех. Когда у Чифа из Красноярска совсем порвались кроссовки, он бежал по асфальту босиком. В магазине он покупал и по-хохляцки ныкал печенье, чтобы раздать его, когда в автобусе заканчивалась еда.

Но и все мы, кто считался друзьями уже много лет, не выдерживали общего напряжения. В какой-то момент Влад из Таллина начал разговаривать со мной только через Рысёнка. Галя, подбоченясь, как казачки в кинофильмах, грозно пошла на меня, ругаясь за то, что мы уехали в город звонить, и Мато Сапа один ставил типи, хотя у него болели спина и колени. Юра из Пензы, который всегда молчал, вдруг решительно преградил выход из автобуса и, бледнея, сообщил, что не даст Ленке выкопать чужую картошку, хоть бы магазинов не было ещё неделю. Единственный человек на пробеге, который чувствовал себя абсолютно довольным, был бельгиец Жак, не понимавший ни слова по-русски или по-английски. Он с удовольствием отхлёбывал кофе из чужой чашки, решив, что это старая русская традиция и не обращал внимания, если на него за это орали.

Получается, что настоящими друзьями все мы стали именно после пробега. И если я не увижу этих людей много лет, это ничего не изменит. Они для меня всегда правы, я всегда на их стороне, и мы сами во всём разберёмся.

Когда до границы с Монголией оставалось три дня, к нам присоединился Орлиное Перо, основатель знаменитой алтайской общины Голубая Скала, который много лет теперь живёт один в маленькой деревушке. День был тяжёлый, Скай Хок сидел в автобусе мрачный с безучастным видом, который для всех уже стал привычным. Мы не успели сменить тех, кто бежал до перевала, и они были вынуждены подниматься вверх, автобус не мог остановиться на наклонной плоскости. Бегущие люди качались от усталости, на них было больно смотреть. Ситуация как-то особенно накалилась, и, казалось, что-то должно было случиться.

И случилось. Ссора произошла между мной и Скай Хоком. Он заорал на меня, я — на него, он замолотил кулаками по автобусу, я бросила в него ложкой, и мы разошлись по разным холмам. Мне было ясно, что пробег для меня окончен. Но я тогда не знала, что наши парни возьмут трубку и пойдут к вождю говорить. Вождь ответит им «fuck off», и они спокойно начнут собирать свои вещи. Наутро Скай Хок побежит первым, автобус догонит его через час, и, войдя в него, Скай Хок поймёт, что никто не шутил.

Иногда я жалею об этом. Я много раз слышала, что когда идёшь в разведку, командир должен быть один, и его приказы не обсуждаются. Но с другой стороны, именно этот случай расставил всё по своим местам. Поводов для ссоры тогда было много, но причина одна — мы хотели сказать Скай Хоку, что он больше не является для нас кумиром только потому, что он индеец, и отныне мы намерены оценивать его как личность. Мы вместе выполняли трудную работу и считали себя вправе обсуждать проблемы на равных. Потом стало ясно, что Скай Хок это хорошо понял. Так что и Мато Сапа, и Рысёнок, и Влад, и Глеб, у которого это был не последний пробег, и он может написать целую книгу под названием «Мой друг Деннис Бэнкс»,

Обряд инипи, Верх-Кукуя, 1992

и Чиф, и Галя, и Алиса с Леной, и Юра могут сказать про Скай Хока то же самое — мой друг.

Итак, наш автобус ушёл, а мы остались и поехали в деревню к Орлиному Перу. Скай Хок нашёл нас на обратном пути, просто вошёл в дом и пожал всем руки. Всем, кроме меня.

Мы снова встретились на вокзале у поезда на Москву. Наша компания больше не принадлежала к пробегу, денег почти ни у кого не было, и Глеб купил всем билеты, куда было надо, не рассчитывая получить свои деньги назад. Я сама подошла к Скай Хоку и протянула руку. «Of couse I do», — сказал мне Скай Хок и тут же попросился к нам. Дома в Петербурге он уселся на кухне в кресло и объявил: «This is my reservation». Он прожил у нас всю осень, болел, лечить его приходил Вапити. Потом он уехал в Европу.

После двух пробегов мы получили возможность зарабатывать себе на жизнь на частных стройках и ремонтах в Германии и Бельгии по приглашению знакомых иностранцев. Я помню, как стоя на высоченной лестнице, прислонённой к стене старой фермы, с удивлением наблюдала лом в своих неловких девичьих руках. Там мы опять часто встречались со Скай Хоком, он тоже работал в Европе — писа́л и продавал картины, устраивал платные выступления для интересующейся необычными народами публики, развлекал детей в школах.

Несколько раз я была на таких выступлениях, они всегда оставляли неприятный осадок. Скай Хок красил лицо красной краской, сверху наносил белые точки, никогда не знал, чем начнёт и чем закончит, хотя упорно настаивал на существовании какого-то сценария. Однажды я сидела у него в гримёрке и слушала, как он в зале несёт чепуху, чтобы отработать деньги за входные билеты. Вдруг он громко объявил, что сегодня с ним пришла русская подруга, и сейчас он вместе с ней исполнит танец Пау-Вау. Я просто подошла к двери, взялась за ручку и упёрлась об стену ногой. После нескольких попыток открыть дверь, Скай Хок станцевал этот чудесный танец самостоятельно. Однажды он отдал мне половину заработанных денег, просто потому, что знал, что у меня их нет.

Когда мы встречались заграницей, Скай Хок всегда просился к нам. Но мы сами были в гостях, а русских там считали едва ли не такими же странными. Мы боялись принять душ, поставить чайник на чужой кухне и выйти покурить, но в итоге всегда брали Скай Хока с собой. Наши покровители сначала соглашались из любопытства, даже приносили по его просьбе ещё пива из подвала, даже танцевали с ним танец Пау-Вау, но наутро им было неприятно об этом вспоминать, и они просили нас больше не приглашать индейцев. Однажды Скай Хок заупрямился, ему не хотелось возвращаться к очередной подруге, и мы повезли его к своим старым знакомым неформалам, легенде Аахена, как они сами себя называли. Братья Файкеры имели семейный бизнес в городе — красили, штукатурили и часто помогали нам с работой. Скай Хок остался у них. Через три дня мы приехали навестить братьев и, войдя в квартиру, остолбенели — всё было разрисовано, на стенах портреты вождей, на дверях змеи и ящерицы. Средний брат Анжело танцевал тот самый танец Пау-Вау, а на голове его красовалась юбка его подруги. Вместо приветствия Анжело сказал нам «I see buffalo», то же самое он ответил своей маме по телефону, и вообще отказывался говорить что-либо ещё. Скай Хок снова потребовал пиво, братья и Рысёнок ушли в магазин. Когда мы остались одни, я принялась ругать Скай Хока, говорила, что он сопьётся, и что он всем уже осточертел. Скай Хок никогда не сдавался быстро, он напомнил мне, что я ему не папа и не мама, и что-то ещё типа «молчи, женщина». Тогда я ответила, что я его друг, и могу говорить ему всё, что думаю, иначе другом быть отказываюсь. И тогда случилось невероятное — Скай Хок заплакал. Он был пьян, отлично умел строить из себя шута, и я не знала, как отнестись к происходящему, но на всякий случай испугалась. Я уже готова была сама бежать ему за пивом, но тут вернулись остальные, и остаток вечера прошёл спокойно. А наутро, когда все проснулись, Скай Хока уже не было, на столе лежало письмо. Скай Хок писал, что ему очень одиноко, что кроме нас с Рысёнком у него никого тут нет, и что он приглашает нас в Бельгию на светлодж.

Иногда Скай Хок проводил светлодж на земле, которую арендовал тот самый бельгиец Жак из нашего автобуса, делал он это бесплатно для всех, кто хотел.

Светлодж для Скай Хока всегда было особой темой, он мог приготовить церемонию один, в любую погоду, долго вычёрпывая воду из ямы для камней своим

огромным ботинком. И проводил её так, что по окончании все действительно начинали любить друг друга, а не просто потели. Ещё на пробеге во время такой церемонии Скай Хок дал мне индейское имя — Turquoise Dreamcatcher, не знаю, как лучше перевести — то ли Ловец Снов с бирюзой, то ли бирюзовый. До сих пор об этом знали только те, кто там был. Мне всегда казалось, что, ритуал, который он при этом изобразил, он придумал сам, и что это имя он давно забыл, но мне совершенно не важно, я ему благодарна.

Как-то раз мы с Рысёнком, Скай Хоком и Томасом, нашим товарищем по пробегу, шли по Аахену и увидели объявление о том, что там-то выступает индейский вождь из Южной Дакоты, входной билет 15 марок. Мы купили билеты, и когда вошли в зал, оба этих индейца обменялись особым взглядом, я до сих пор не могу его себе объяснить. Этот человек был Сиу, старше Скай Хока, он тоже делал свою работу — рассказывал публике об индейском пути, и в общем ни о чём. Я слушала и в очередной раз убеждалась, что они ничего не скажут за деньги, а может, и вообще не скажут. Рядом с ним стоял дипломат, он ни разу не открыл его, но, рассказывая о своей бабушке или о своих детях, он почему-то всегда на него смотрел, будто там и была его бабушка. После выступления мы подошли, Томас пригласил всех на ужин. Весь вечер Скай Хок вёл себя странно, много смеялся, и если Сиу говорил о вреде алкоголя, громко кричал мне: «Ольга, давай выпьем». Но когда этот человек собрался уходить, лицо Скай Хока изменилось, он подал знак Рысёнку и передал ему под столом пачку табака, показывая глазами на гостя. Рысёнок отдал табак, и тут этот индеец, который уже стоял в дверях, вернулся, отозвал Рысёнка в сторону и открыл перед ним свой загадочный дипломат. Потом сразу ушёл. «Что там было?», — спросила я. «Трубка», — ответил Рысёнок.

Мне надо было возвращаться в Россию, Скай Хок позвонил и предложил встретиться в привокзальном кафе. В то время он много путешествовал, картины его продавались, он только что вернулся из Франции, где приобрёл привычку целоваться, говорить «сельвопле» и вместо пива пить вино. Его стол был заставлен пустыми бокалами, он заказывал снова, рассказывал мне о своей новой любви и собирался ехать к ней в Швейцарию. Надо сказать, у Скай Хока в Европе всегда было много поклонниц. Они любили его за то, что он притворялся, что любит их, и за то, что он индеец. За всё остальное любить его было сложно, а ему надо было где-то жить. Когда пришло время прощаться, он протянул мне коробочку с серьгами и сказал, что давно искал для меня именно такие. Серьги были в виде дримкетчера, в центре бирюза, он ничего не забыл.

В Петербурге я получила от Скай Хока письмо, в котором он сообщал, что в Швейцарии у него родился сын. С фотографии, которая была в конверте, смотрела счастливая женщина с младенцем на руках и удивлённый Скай Хок. Он писал, что Швейцария очень красивая страна, и там хорошо проводить светлодж. Мы обрадовались за него, в то время Скай Хоку было уже за пятьдесят, и мы надеялись, что он, наконец, обрёл свой дом. Но через несколько месяцев пришло ещё одно письмо, в котором Скай Хок писал, что ему надоели кошки и родственники его подруги и что

в Швейцарии, кроме светлодж, делать нечего. Он также надеялся, что его сын вырастет настоящим воином, потому что с такой кровью в этом мире ему придётся нелегко. И поскольку его отец — индеец, и не простой, а кочевой, то это со временем объяснит мальчику, почему ему пришлось уехать из Швейцарии.

Итак, Скай Хок продолжил свои скитания по Европе. Домов, где его принимали, и поклонников его таланта, которые устраивали ему выставки и выступления, становилось всё меньше. Иногда он звонил мне и долго что-то рассказывал, но было трудно понять, его голос заглушал привокзальный шум и объявления о движении поездов то по-английски, то по-французски, то по-немецки.

И вот однажды Скай Хок позвонил и сообщил, что умер его отец, и он возвращается в Америку. Из Америки сначала тоже приходили письма с вырезками из газет и статьями, в которых Скай Хок рассказывал о своей жизни в Европе, о выставках и о пробеге. Я думаю, он хотел показать, что у него всё хорошо, и он продолжает заниматься творчеством. Но в Америке к индейцам нет большого интереса, там не нужны его портреты вождей, змеи и ящерицы, а в американскую школу подвыпившего парня с выкрашенным красной краской лицом просто не пустят. По фотографиям было видно, что он очень постарел, его длинные волосы стали совсем седыми.

Несколько лет от него не было никаких вестей. В прошлом году Мато Сапа пытался разыскать его по известным американским адресам, но безуспешно. А потом мы узнали, что Скай Хок лежит в больнице в тяжёлом состоянии. И я не могу ему помочь, и не знаю, увижу ли я его когда-нибудь снова.

Когда в юности Скай Хок уехал из резервации, он ещё не знал, что не сможет убежать достаточно далеко и в итоге вполне разделит трагедию своего народа, которая продолжается по сей день.

Однажды я услышала о нём такую фразу: «Да алкоголик этот Скай Хок». Сказал это индеанист из Петербурга, который участвовал в пробеге по Прибалтике, и, конечно, он хорошо знает, что соврал. Скай Хок наивен, он уважает своих и чужих вождей, он мастер церемонии светлодж, он одинаково искренне может молиться за благополучие чьих-то деревень и просить духов послать ему новые кроссовки — и в этом он настоящий индеец. Он прямодушен, помнит добро, умеет прощать ошибки, радуется при встрече, как ребёнок и всегда поделится тем, что у него есть — и в этом он настоящий друг.

Послесловие

«Olga! Olga! My Olga» — так кричал Дастин Хофман в кинофильме «Маленький Большой Человек» в след своей здоровенной шведской жене, когда её увозили похитители.

Итак, Скай Хок нашёлся. На сайте, не подававшем три года признаков его присутствия, стало что-то происходить. В разделе для писем я оставила несколько слов, всё ещё сомневаясь, что это он. И вдруг: «Olga, Olga, My Olga!» — так всегда дразнил меня Скай Хок. Вот его письмо:

«Skyman here — I am in Pendleton, Oregon (home of my mother). I have spent the past 3 years here under the doctor's care. Will be seeing doctor for another few months then I will be free to travel for as long as I wish after that. I went through many tough times and now, the worst

I believe is over. Say a big hello to everyone and I hope on my next tour to Switzerland I can begin a trip to Russia again. It will take some time, but let us hope it is not too long. Money is always the issue for travel matters. a way will be made as always. I was in danger of losing my life on two occasions.

The Great Creator made a coyote and decided to keep me in this world a bit

longer. I keep making my art and success will come and with it monies to travel again. I don't know what goes on anymore with folks in Belgium or Germany. I have no news from Bartec. igor sends me word. if you hear from either I will be glad to send them news about me. I work to get stronger and run again. My legs are not young anymore, but my spirit is pushing me to finish the Run to Tibet. If we all keep this dream alive it will happen. And one day I want to come to your Russian Powwow. It has been too long I don't fight with the Indian moquitoes. I would like to paint a tipi with everyone and sit by your campfire and tell about our stories of eating de-lic-ous ice cream everywhere… My love to all my friends, SkyHawk».

Валентин Бусько (Великий Рысёнок)

(стенограмма разговора, июнь 2019)

Великий Рысёнок: В 1990 году состоялся Sacred Run Денниса Бэнкса, а «Евразия» 1991 года — это уже другое мероприятие, другой бег.

Мато Сапа: В 1991 году бег начался где-то в Европе, но не знаю, в каком именно городе.

Великий Рысёнок: Нет, бег начался в Вильнюсе.

Мато Сапа: Это *мы* начали бежать в Вильнюсе, мы к ним присоединились там. Они до этого через Польшу пробежали!

Великий Рысёнок: Через Польшу они пробежали ещё с Деннисом Бэнксом.

Мато Сапа: Ты что! Они примчались всей толпой, а мы к ним в Вильнюсе подключились. Были французы, поляки, немцы. С Деннисом Бэнксом не было никаких поляков. В 1991 году они бежали через Польшу, из Германии откуда-то.

Великий Рысёнок: Надо уточнить… Вообще мысль пробежать через Прибалтику возникла из-за того, что участники бега Денниса Бэнкса в 1990 году просто проехали на автобусе через Прибалтику, так как там была напряжённая обстановка. И организаторы со стороны европейцев — швейцарцы, немцы — сильно спорили с Бэнксом, это даже в документальном фильме есть, мол, дискриминация белых, мол, индейцы вперёд, а белых куда-то задвинули. Какие-то напряги были там…

Мато Сапа: Есть фотографии 1991 года, где участники бега в польских лагерях тусуются. А потому уже оттуда, из Польши, они бежали в Прибалтику.

Великий Рысёнок: Ладно, неважно. Суть в том, что Прибалтика возникла потому, что по ней не бежали в 1990 году, и теперь надо было по ней пробежать. Организаторы договорились с какимито местными структурами, с какими-то радикалами, и они нам помогали. Мы ехали и жировали, автобус был забит едой.

Мато Сапа: Кругом нас встречали, приветствовали, угощали, праздновали. В Литве мы проезжали какие-то места с древними языческими капищами, там устраивали игрища. Всё было на очень хорошем уровне. Чуть ли не государственная поддержка была. Потом мы ехали по Латвии, там нас тоже очень хорошо принимали. А когда мы прибежали в Эстонию, там был организован лагерь. Экотопия — такая экологически «заточенная» молодёжь. Мы в этом лагере пе-

реночевали, а наутро к нам прибежали возбуждённые иностранцы и стали кричать, что у нас в стране совершён государственный переворот — ГКЧП. И вот мы въезжаем в Таллин и видим, что по городу идут танки! Нам твердят, что в Москве военный переворот, правительство смещено. А мы понять ничего не можем... Бежим дальше. Прибежали мы в Комарово, там поставили лагерь, сделали инипи.

Андрей Ветер: Там у вас сменился автобус?

Великий Рысёнок: Нет, но многие участники бежали только до Ленинграда, они изначально не собирались бежать дальше. Но Скай Хок сказал: «Если у нас есть силы, то почему не бежать дальше?» У него была цель добежать до Тибета. И мы побежали дальше. У одного немца, у Томаса, был микроавтобус, мы туда забились и продолжили путь до Пензы.

Мато Сапа: Проехали через Москву. Там потусили с московскими индеанистами, некоторые подключились. Глеб присоединился, бежал до Пензы.

Великий Рысёнок: Да, в 1991 году они добежали до Пензы. Скай Хок уехал, а среди зимы объявился и сказал, что в 1992 году бег продолжится с Пензы, мол, зовите друзей, кто побежит. Летом Скай Хок приехал на Пау в Толмачёво, может быть, день или два он там жил. Провёл инипи. Там мы взяли шесты для двух типух и отправились в путь. Мы понимали, что не будет такой организации бега, как это было в Прибалтике. Никто не будет ехать впереди, не будет договариваться о тёплом приёме. Никаких предварительных договорённостей. Условия совершенно другие.

Мато Сапа: У нас денег не было.

Великий Рысёнок: Это было время, когда на триста дойч-марок можно было кормить всю нашу группу целую неделю. И весь наш путь был «устлан» вопросами, есть ли магазины на нашем пути в Казахстане и есть ли в магазине что-то съестное. Мы понятия не имели, что нас ждёт впереди... Правда, мы списались заранее с людьми из Семипалатинска, решив, что можно некоторым образом увязать этот город с вопросами экологии. Там находился ядерный полигон. По телевизору постоянно шли репортажи о необходимости закрыть полигон, и мы списались с ними. Так, собственно, и возник Семипалатинск на нашем пути, нам обещали организовать там ночлег. Не будь этой договорённости, мы бежали бы другим маршрутом. Точно так возник Целиноград: у нас в Питере жил друг, у которого папа был какой-то шишкой, он-то и договорился, чтобы нас приняли в Целинограде. Всё остальное было, как говорится, по обстоятельствам. Если мы знали, что у нас на пути нет населённых пунктов, то мы высылали автобус вперёд, примерно прикинув, какое расстояние мы пробежим и где автобус должен ждать нас. Ребята в автобусе начинали готовить стоянку для нас, ставили типи. Мы прибегали туда, нас ждала горячая еда. Если была вода, то мылись. Ещё вариант ночлега — школы, которые не работали в это время, или деревенские клубы. Договаривались частным образом с директором: на улице непогода, у нас спальники и т. д. Утром опять в путь. Автобус шёл с нами от Пензы. Но однажды водитель взвыл: «Меня огород ждёт, хозяйство, картошка». Он же не знал, как долго продлится наш бег. Мы его наняли на неопределённое время. И где-то око-

ло Барнаула мы сменили автобус. У Влада были там знакомые, которые помогли найти водителя с машиной. В то время с работой было туго, все готовы были ехать куда угодно, лишь бы за это платили.

Андрей Ветер: Кукуя была намечена заранее?

Мато Сапа: У нас других вариантов не было.

Великий Рысёнок: Пробег лежал мимо. Кукуя не была на маршруте. Мы закончили пробег и поехали в Кукую. Там, кажется, никто уже не жил.

Мато Сапа: Перо жил.

Великий Рысёнок: Да, был Перо. Там ещё инипи проводили. Романтическая история была… Скай Хок направил Перо на гору, чтобы он там искал видение. Не помню, на сколько он послал его туда, на сутки или на ночь. Короче, мы ждали, пока он спустится, а потом провели инипи.

Андрей Ветер: Это было уже после ссоры?

Великий Рысёнок: Да, конечно… Мы поругались, когда до конца пробега осталось около сотни километров, и мы поехали тогда домой, в Кукую… Только как это всё получилось? Перо жил в это время в Чистом Лугу… Всё смешалось… Вспомнил! Возвращаюсь к началу… После пробега 1991 года, который закончился в Пензе, участники вернулись в Москву. А мы поехали на Алтай. Просто так поехали. Сели на поезд и поехали. Ольга, я, Томас, Скай Хок, Мелинда и ещё кто-то. Мы заехали в Кукую, где жил Перо. А поскольку Скай Хок всюду проводил инипи, устраивал парилку, то все захотели принять участие. Новосибирцы подъехали туда, прознав про Скай Хока. Ещё кто-то приехал. И вот тогда Перо спросил о чём-то Скай Хока, какой-то совет ему был нужен. А Скай Хок говорит: «Что ты меня спрашиваешь? Себя спроси. Самый простой индейский способ — гора. Иди на гору». Мы до этого показали ему нашу гору, куда мы водили всех приезжих. Мы взбирались туда, на скалу, курили там трубку. Это место силы. Сине-зелёные камни. Мы полагали, что из-за этого цвета так и называлось место — Голубая Скала. Туда Скай Хок и отправил Перо — сходи, посиди, получишь ответ на свой вопрос… или не получишь. А мы пока подготовим инипи. Не помню, сколько Перо пробыл там — день или два.

А во время пробега 1992 года мы поругались со Скай Хоком. У Ольги характер не простой, она не может жить в тисках. Мы с ней из-за этого не остались в Голубой Скале… А пробег был суровым, все в напряжении, на взводе… Оля устроила военные действия, мы поддержали её. Но потом мы пошли курить со Скай Хоком трубку, а он нам — идите в пень, курить с вами не стану. Он позже объяснил это так: когда человек находится в состоянии нервного срыва, он курить трубку не должен и не может. Но это он позже объяснил… А когда мы разругались, мы поехали к Перу, но он жил уже не в Кукуе, а в другом месте, в Камлаке, на Чистом Лугу. И мы, отщепенцы, приехали к нему, а Скай Хок после пробега поехал в Кукую, куда мы возили его в 1991.

Мато Сапа: Да, они поехали в Кукую. Кто-то там жил. Не Вэша ли там жил?

Великий Рысёнок: Мы же тоже туда поехали. По собственной инициативе поехали. Просто посмотреть поехали.

Это же наше место было. И увидели, что там инипи.

Мато Сапа: Нет, мы приехали, когда sweat-lodge там закончился.

Великий Рысёнок: А Перо там уже не жил. Он перебрался в другое место и не хотел больше никаких общин. Он обжёгся. А Вэша хотел всех помирить, всех пытался туда стянуть. Возможно, семья Орлиного Пера ещё оставалась в Кукуе... Словом, мы съездили, посмотрели, но наше воссоединение произошло позже, на автовокзале. Когда мы уезжали из Горно-Алтайска, рейсовый автобус сломался, взамен прислали другой, но он был меньше, и мы решили ехать следующим рейсом. А к следующему рейсу спустился с гор Скай Хок с оставшейся группой. И мы поехали все вместе. И в поезде уже ехали и обнимались-целовались, и всё было хорошо... Вообще-то мы уехать оттуда не могли сами, потому что кончились деньги. Шаром покати в кармане. Нас спас Глеб, он был богатенький: у него было двести долларов. Он нас вывез оттуда. Если бы не Глеб, мы бы там ещё невесть сколько проторчали.

Мато Сапа: Денег вообще не было. Мы с Галей отделились от всех чуть раньше, потому что нам надо было домой возвращаться. Какие-то копейки у нас оставались, какую-то сумму мы взяли из общей кассы. И ещё двое суток мы сидели в аэропорту, потому что самолёты до Краснодара не летали, не было керосина. А на Сочи самолёты почему-то летали. Мы сдали билеты, купили до Сочи, а оттуда автобусом домой.

Великий Рысёнок: Со Скай Хоком мы дальше в Питере оставались. У нас были нормальные отношения. А во время бега произошёл, наверное, нервный срыв. Сколько мы в пути были и в достаточно жёстких условиях. Все устали. Непогода, тряска в автобусе по разбитым дорогам.

Мато Сапа: Мы предполагали, что если с вечера у нас возникло какое-то недопонимание, то утром, как обычно, собираемся, один бег побежал, другие решают насущные вопросы, проводят внутреннюю церемонию, окуривание и всё такое... А тут мы утром глянь, а Скай Хок уже убежал! И конфликт остался надутым пузырём.

Великий Рысёнок: Он проснулся и побежал.

Мато Сапа: Забрал автобус и убежал. И мы решили, что раз он так, то и мы так...

Великий Рысёнок: Мы от того места не могли доехать напрямую до Кукуи. Где-то подсели на проезжавший автобус, заночевали в деревне. Мне там мужик подарил деревянную ложку... Давно это было...

Влад Гурин

Влад Гурин: В 1991-м году я приехал на Пау-Вау, и Ольга сказала, что скоро состоится Бег, спросила, не желаю ли я присоединиться. Мы приехали в Вильнюс и оттуда бежали до Питера. Потом я уехал, а они бежали ещё до Пензы. А в 1992 году мы собрались на Пау и оттуда поехали в Пензу, из Пензы бежали до Алтая.

Андрей Ветер: Какой бег был труднее?

Влад Гурин: Когда мы бежали через Прибалтику, нас всюду встречали, предоставляли ночлег. Беги себе и беги. В России всё было по-другому: никто

нигде не встречал, не ждал, никому мы были не нужны. Кое-где были стихийные встречи, нас кормили, иногда приглашали переночевать, помогали чем могли, но всё это не было организовано. Выбегая утром, мы не знали, что нас ждёт вечером: что мы будем есть, где будем спать. Никакой программы. Периодически мы ставили типи. У нас было два типи и два комплекта шестов. С нами был немец Томас, у него был грузовичок, на который он вместо кузова приспособил жилую будку. Из Пензы ехал с нами ещё автобус, почти до Барнаула. В Барнауле нашли новый автобус. Это был наш караван. И нас всего — человек двадцать. Наших — большинство, иностранцев — Жак, Томас, Франк, Скай Хок и Мелинда. В начале бега были ещё три литовца.

Андрей Ветер: Ольга рассказала, что где-то в конце пути она поругалась со Скай Хоком, и он дальше бежал один. Но потом он всё-таки нашёл ребят.

Влад Гурин: Насколько я помню, когда мы поругались, до границы оставалось километров сто, даже меньше. После того, как мы расстались, они бежали ещё дня два. Мы вернулись в Камлак, там жил Перо. А Скай Хок уехал в Кукую. Но я не помню, откуда мы узнали, что он с Мелиндой уехал в Кукую… Мда, сложно говорить об этом… Меня не устраивала та ситуация. Она вообще никого не устраивала, всем было неприятно… Перо решил устроить баню (инипи) в Камлаке, а я решил поехать в Кукую (30—35 км). Но Перо сказал, что если я не вернусь к началу его инипи, то он обидится. Я приехал в Кукую и увидел, что там тоже баня. Мы со Скай Хоком поговорили спокойно, ведь лично между нами не было ссоры, мы — конкретно он и я — не ругались… Та ссора в дороге — это был момент недопонимания. Один момент, но все взорвались, о чём все очень сожалели… И вот так получилось, что я в Кукуе прошёл два раунда парилки, вернулся в Камлак, чтобы успеть пройти очищение с Орлиным Пером. Для меня это было важно. Я успел. Было уже темно, шёл третий раунд инипи. Они стояли у костра. Я быстренько разделся, вместе с ними нырнул в палатку и там услышал голос Пера: «Ну что, успел?» Мне кажется, что вся эта ситуация сказалась на всех: два инипи, два параллельных обряда очищения, все чувствовали, что это важно… Не хочу, чтобы это выглядело, будто я тяну одеяло на себя, наверняка делались ещё какие-то шаги, чтобы примириться, но мне кажется, что первый шаг сделал всё-таки я, потому что был там и там, в Кукуе и Камлаке. В моей памяти это осталось так… Так или иначе, через какое-то время мы все снова объединились. Мы вместе доехали до Барнаула на автобусе и там сели на поезд. На Алтае остались ещё на какое-то время только Томас и Алиса.

Андрей Кирьянов (Безумный Волк)

Произошло всё при мне в Камлаке. В Кукуе тогда жили Чак Понимающий Мустанга (Чикунов), Гордый Орёл с семьёй, Верка (жена Орлиного Пера), Ольга Собака из Ебурга и Витя Голубая Скала.

Когда пробег добрался до Усть-Семы, мы его встретили на турбазе «Иволга». Турбаза «Иволга» находится за селом Усть-Сема на реке Катунь, километров

примерно 8—13. Всю зиму пешком ходил туда и обратно на работу. Когда-то её строили старые общинники, а позже «пригрели» рабочие места, которые передавались по наследству. Мне от Глешки досталось место сторожа, но остальные дни я подрабатывал у директора Филлимоныча, чтобы вкусно есть и не тратить деньги.

Мы знали, что они прибегут. Но не помню, откуда узнали. Может, ветер принёс, шумя в пышных кронах сосен. Может, позвонили в сельсовет или на базу, может, телеграмму получили. А может, кто опередил и раньше приехал, наверное, так. Старею, не помню.

Встречающих было двое: я и Орлиное Перо. И был Рысёнок, он помогал типи ставить. Откуда он взялся, не могу сказать. Возможно, выехал вперёд на автобусе. Он, как бывший общинник, тосковал по Алтаю. Или не Рысёнок? Не могу утверждать, но кто-то раньше заехал. Не помню нюансов... Ближе к вечеру прикатила вся эта орава международная.

Там был обряд трубки. Мы с Орлиным Пером поставили два типи, и вечером заехали все участники. Переночевали, покурили на живописном берегу Катуни и айда на Чистый Луг, где мы тогда с Пером жили. Там-то олдовые индеанисты Мато Сапа, Рысёнок, Перо, Глеб, Влад с Таллина и порешили бежать ночью, но только своей группой, с чем и пришли к Скай Хоку. На что мудрый организатор веско заметил, что это пробег не какой-то кучки индеанистов из советского пространства, а мистический обряд для Земли и Мира. И если бежать ночью (гуд-хорошо), то бежать всем. На что Сапа и Перо бзикнули с высоты своего авторитета. И я отмечу, что они сами его бросили вместе с его подругой. Одного и в недоумении. Остался с ним я и Юра Артюшкин из Новосибирска (Ишнала Вича) как переводчик. Вот нас-то Скай Хок и пригласил на обряд инипи. Мы без особых раздумий сели в его легендарный автобус и в ночь уехали в Кукую.

То, что он позже приехал мириться и провёл обряд инипи — это уже индеанисткая легенда. Сказка, отбеливающая проказы прошлого. Было так, как описал, готов поклясться на Священной Книге.

Скай Хок поднял нас с первыми лучами Солнца, и мы стали готовить инипи. Вдвоём. И мы сильно выдохлись. А потом уже на готовое потянулись все участники, которые приехали с пробегом из Камлака. Ну, у индейцев не принято отказывать в обряде очищения никому, даже врагу. Скай Хоку ничего не оставалось. Это и было так называемое примирение. По мне, это пример нашего рассейского жлобства. Указывать организатору пробега и его духовному лидеру, что делать, потом обидеться и бросить гостя из зарубежья в чужой ему стране. Осадок у меня до сих пор остался.

Всё остальное — росказни. Кстати, лично во мне с того момента появился червь сомнения, относительно «индейского братства» и идеи Красной Силы. Это тот червь, который и изгрыз мою Мечту.

Там, кстати, помимо наших индеанистов, было много иностранцев, очень интересных людей. Томас из ФРГ, Франц из ГДР (или наоборот), Жак из Бельгии (15 лет в типи уже тогда жил, когда доктора ему поставили диагноз туберкулез. Он всё продал, купил участок и жил там в типи (на зло меди-

цине) исцелился и просветлел. Он особенно интересный был. Когда все наши пафосные индеанисты и прочие тусовщики после обряда Трубки стали расходится по своим делам вещи паковать, он прошёл по всему берегу и месту лагеря и весь мусор собрал!!! Настолько он был природным человеком, индейцем своего пути, что нашим книжно-бисерным парням это было непонятно и странно.

Мы — народ!

Декларация Движения индеанистов России

Братья и сёстры! Друзья! Проводя наши обряды, мы говорим: «Все мы родичи!»

Мы возносим слова благодарности Создателю и всей окружающей Природе за то, что мы здравствуем на этой Земле, объединённые родственной связью со всеми живыми существами.

Мы — люди, выросшие на индейских культурных ценностях, которые в течение многих лет храним в наших сердцах.

Мы создали и создаём свои собственные жизненные ценности и традиции, которые помогают нам выживать в течение всех лет существования нашего Движения.

Мы получили свой жизненный опыт и обрели определённое знание Великой Красной Дороги, которое направляем на благо нашему народу, нашим детям и потомкам.

Мы обрели это Знание в дар от Создателя и должны бережно его хранить и передавать людям.

Мы платим за верность ему дорогой ценой — здоровьем, положением в обществе, болью утрат и разочарований, всей своей жизнью.

Мы честно и бескорыстно трудились и продолжаем трудиться, и теперь за нами следуют другие люди и наши дети.

Мы прошли тернистый путь сближения, клубов, общин, организаций, у нас сложилась духовная общность.

Мы проводим священные обряды трубки и инипи ради очищения и единения, ради наших детей и всех наших сородичей из мира Природы.

Мы стали отцами и матерями, дети растут в нашем кругу и нуждаются в нашей заботе, а мы — в их уважении.

Мы создали то, что стало для многих опорой в жизни, то, что направляет нас по Красной Дороге и является нашей надеждой, верой и чаянием — наш праздник Пау-Вау.

Мы взываем ко всем, кто считает себя частицей нашего народа, мы взываем ради благого воспитания наших детей и продолжения Красной Дороги.

Мы стали свидетелями всевозможных искажений, спекуляций и осквернения алкоголем наших духовных ценностей, нашего Знания, выстраданного нами и нашими братьями и сестрами в нелегких испытаниях.

Мы долгое время были свидетелями того, как это осквернение разлагающе отражается на наших людях, подобно усиливающемуся хаосу во всем Мире.

Мы осознаём, что будущее Пау-Вау находится в опасности, и потому не желаем искажать наш праздник бесцельным проведением времени.

Мы знаем, что наше движение стоит перед лицом кризиса, выйти из которого мы сможем, лишь объединив усилия с теми, в ком звучит дух единства нашего народа.

Мы осознаем, что настало время защитить наши духовные ценности и положить конец осквернению наших святынь, ибо от этого зависит наше выживание.

Мы призываем наших братьев и сестёр открыть глаза и уши, воспринять наши слова всей сутью, чтобы обновить свою силу и мужество перед лицом зла — нетерпимости, пошлости, невежества, пьянства...

Мы взываем к сердцам наших близких, ибо принятие единого решения зависит от каждого из нас.

Мы знаем, что это выстраданный выбор, и мы объединяем помыслы наши и принимаем эту декларацию в соответствии с избранной нами Красной Дорогой.

Со всей ответственностью мы заявляем следующее:

Мы — народ, несущий знание Красной Дороги, основанное на индейских культурных ценностях.

Мы считаем лагерь Пау-Вау нашим Храмом, в который мы входим ради очищения и единения друг с другом.

Мы находимся в этом Храме ради приобщения к Создателю, чтобы вместе следовать Великой Красной Дорогой, сколь бы мало нас ни оставалось.

Мы принимаем ценности Красной Дороги, чтобы жить в Добре, Красоте и Уважении со всеми живыми существами, в Единой Гармонии Бытия.

Мы идём Красной Дорогой ради наших отцов и матерей, братьев и сестёр, детей и стариков, предков и потомков, чтобы Знание это скрепило воедино опыт многих поколений во благо нашего народа, нашей Матери-Земли и всего человечества.

Мы открыты для общения со всеми ищущими людьми, кому будут нужны наши жизненные ценности, наш опыт и наше Знание, всё, что было обретено нами на благо нашего народа.

Мы считаем недопустимым осквернение алкоголем, наркотиками и бранью наших типи, трубок, инипи и любых других святынь нашего народа, ибо такое осквернение не служит на благо нам и нашим детям.

Мы считаем недопустимым осквернение подобными пороками территории нашего лагеря, наших молитв и обрядов, наших песен и танцев, нашей Матери-Земли, потому что всё это священно.

Мы намерены сохранять дух наших обрядов и проводить их в чистоте, чтобы дети наши воспринимали их сердцем и учились у высших сил любви и уважению ко всему живому.

Мы выступаем против любого проявления спекуляции, коммерческой эксплуатации и искажения нашей деятельности средствами массовой информации.

Мы готовы оказывать поддержку людям, нуждающимся в исцелении от пороков современного общества, стремящимся к обретению знания Красной Дороги.

Мы призываем наших братьев и сестёр поддержать нас не на словах, а на деле, и объединить усилия, чтобы не свернуть с Красной Дороги.

Мы осознаём свое предназначение и хотим, чтобы ценности Красной Дороги несли наши дети, ради них мы связываем себя этими обязательствами.

Мы объединяем помыслы наши ради будущего наших детей, всего нашего народа, в ответе перед всеми живыми существами, чтобы они и далее продолжали здравствовать по воле Создателя в согласии со Священными Законами Мироздания.

Все мы родичи!

Чёрный Ворон (В. Козлов, Тверская обл.)

Орлиное Перо (В. Кошелев, Алтай)

Медвежья Лапа (В. Бледнов, г. Санкт-Петербург)

Трубочный Камень (М. Конкин, Волгоградская обл.)

Красный Волк (Е. Курбатов, г. Великие Луки)

Неистовая Рысь (А. Кучменев, г. Санкт-Петербург)

Вапити (С. Иванов, г. Санкт-Петербург)

Военный Головной Убор (Т. Уланов, г. С.-Петербург)

Семь Лосей (А. Чикунов, Новосибирская обл.)

Маленький Ястреб (Ю. Марченко, Ростовская обл.)

Левая Рука (А. Осипов, Нижегородская обл.)

Бродячий Койот (С. Корнишев, Нижегородская обл.)

Синий Орёл (Н. Щетинин, Нижегородская обл.)

Зовущий Лось (Д. Зорин, г. Москва)

Великий Рысенок (В. Бусько, г. Санкт-Петербург)

Оскенотох (П. Васильев, г. Харьков)

Бегущий Орёл (И. Суров, г. Москва)

Дикий Кот (А. Сидоров, г. Сыктывкар)

Орлиный Свисток (Э. Гузуева, г. Санкт-Петербург)

Поющая Лань (О. Пакунова, г. Санкт-Петербург)

Быстрый Ручей (А. Андреев, г. Санкт-Петербург)

Звёздная Роса (Е. Крайнева, г. Санкт-Петербург)

Танцующий Лис (Д. Сергеев, г. Санкт-Петербург)

Мато Сапа (И. Гуров, г. Краснодар)

Блуждающий Дух (О. Ясененко, г. Санкт-Петербург)

Холодный Огонь (А. Берков, г. Санкт-Петербург)

Пятнистый Бизон (М. Иванченко, Украина)

Безумный Волк (А. Кирьянов, г. Ростов-на-Дону)

Гвоздика (Л. Павлова, г. Санкт-Петербург)

Женщина-Луна (О. Горшкова, г. Санкт-Петербург)

Белая Волчица (И. Агафонова, г. Самара)

Нож (В. Конев, Ленинградская обл.)

Странствующий Ворон (С. Вахраков, Камчатка)

Чёрный Бизон (С. Шевалдин, г. Тюмень)

Ловец Заката (А. Шалыт, г. Санкт-Петербург)

Белый Конь (Д. Елкин, г. Санкт-Петербург)

Тихий Гром (С. Максимец, г. Санкт-Петербург)

Чёрный Медвежий Лось (А. Леонтьев, г. Кострома)

Сова с Раскрытыми Крыльями (А. Григоренко, Киевская обл.)

Красный Волк мл. (И. Курбатов, г. Великие Луки)

и многие другие

В создании этой книги приняли участие

Азанов Александр
Артюшкин Юрий
Белостоцкая Елена
Булатов Валерий
Буслаев Александр
Бусько Валентин
Власов Василий
Виноградов Михаил
Воробьёв Денис
Голенков Андрей
Гуров Игорь
Егорочкин Сергей
Жилинский Олег
Иванченко Михаил
Космынина Алёна
Котенко Юрий
Кошелев Владимир
Кривой Юрий
Кучменёв Алексей
Лобанов Вадим
Мартыненко Юрий
Нефёдов Андрей
Никонов Антон
Осипов Альберт
Пакунова Ольга
Подкопаева Ирина
Попшой Раду
Прокопович Сергей
Сидоров Анатолий
Скляров Владимир
Собокарь Александр
Тереник Александр
Уланов Тимофей
Фирсов Павел
Шардин Леонид
Яковлев Евгений
Ясененко Олег

В книге использованы фотографии из личного архива
Алексея Кучменёва,
Виктора Морева,
Сергея Егорочкина,
Леонида Шардина,
Владимира Кошелева,
Юрия Мартыненко
Юрия Артюшкина
и фотографии, взятые из открытого доступа в интернете

Оглавление

Голоса
Книга первая

Составитель Андрей Ветер

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero